КРИСТОФЕР ХИББЕРТ

БИТВЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ИСТОРИЮ

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

1854 1855

БАЛАКЛАВСКАЯ БИТВА,
ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ,
ШТУРМ МАЛАХОВА КУРГАНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – история Крымской войны 1854 – 1855 годов. В ней достоверно и ярко описаны главные события: осада Севастополя, Балаклавская битва, штурм Малахова кургана. В центре повествования – трагическая фигура командующего английской армией лорда Раглана, человека, обладающего несомненными дипломатическими способностями, умного и храброго. Он не был великим полководцем, но был честным человеком и тяжело переживал последствия своих ошибок в ведении войны. Автор цитирует подлинные документы, письма и воспоминания очевидцев.

Перевод: Л. Игоревский

- Хибберт Кристофер
  - Предисловие

Хибберт Кристофер
Крымская кампания 1854 – 1855 гг.
Трагедия лорда Раглана

Если море бурлит, для желудка
каждого кита найдется свой Иона.

Лорд
Страдфорд-
Редклифф

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

После смерти лорда Раглана в окрестностях Севастополя, который к тому времени так и не удалось захватить, на имя его сестры графини Уэстморлендской, супруги посла Великобритании в Вене, пришло письмо от князя Меттерниха. Выражая соболезнования и симпатии родственнице покойного, Меттерних писал: «Время до сих пор хранит свои секреты, поэтому в интересах истории необходимо рассказать правду о лорде Раглане, его характере и поступках».

До настоящего времени не публиковалась официальная биография этого человека. Более ста лет его личные документы хранятся в архиве. Здесь же хранятся также и многочисленные письма его родственников, друзей и подчиненных, и различные документы, отправленные после смерти лорда Раглана его супруге.

Великий внук лорда Раглана любезно предоставил мне доступ к этому архиву и разрешил пользоваться личными бумагами покойного без всяких ограничений. Кроме того, я получил разрешение пользоваться военными документами фельдмаршала, которые хранятся в государственном архиве.

Эти два собрания документов включают в себя большую часть переписки лорда Раглана. К сожалению, некоторая часть бумаг хранилась в других архивах. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить признательность ее величеству королеве за разрешение пользоваться материалами Королевского архива Дома Виндзоров. Я чрезвычайно благодарен герцогу Норфолку за предоставление мне доступа в его личный архив, равно как и герцогу Веллингтону, графу Галифаксу и мисс Лонсдейл за оказанную мне аналогичную услугу.

Я признателен за помощь в работе с документами библиотекарям и сотрудникам архивов.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали родственники участников Крымской войны, любезно предоставившие дневники, письма и даже рисунки очевидцев событий. В работе с русскими и немецкими источниками мне помогали мисс Филлис Оути и фрейлейн Ханналоре Прейвиш. Миссис Ричард Оуэн изучила множество материалов на французском языке, обеспечив меня целым рядом выполненных ею лично переводов.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то что центральной фигурой моего повествования является лорд Раглан, целью написания этой книги было рассказать историю Крымской

войны так, как ее видели многочисленные участники. Ни один из приведенных здесь документов не написан в наши времена. Все они относятся к XIX веку. Кроме того, у меня есть еще один источник, который не может игнорировать ни один из авторов, рассказывающих о той войне. Кинглейк, автор книги о Крымской кампании, работал над своим трудом более тридцати лет. Проделанная им огромная работа сделала его произведение чрезвычайно интересным, несмотря на то что ко многим событиям Кинглейк подходит предвзято, а некоторые из его оценок спорны или даже неверны. И все же его книга, безусловно, является произведением искусства. С моей точки зрения, это величайшее военно-историческое произведение, написанное на английском языке. Никакой другой труд на эту тему, и конечно же моя книга тоже, не может затмить его. И все же, достоинством своей книги я считаю то, что читатель найдет здесь множество документов, к которым Кинглейк не имел доступа. Поэтому он не использовал их в своей работе. Кроме того, немаловажным преимуществом является ее относительная компактность.

Кристофер Хибберт

Глава 1 ЛОРД ФИТЦРОЙ СОМЕРСЕТ

Он всегда был очень мне необходим.

Герцог
Веллингтон

I

В начале жаркого июля 1808 года британский военный корабль «Донегол» вышел из бухты Корка и взял курс на Ла-Корунью. На борту корабля находились генерал-лейтенант сэр Артур Уэлсли и некий драгунский лейтенант девятнадцати лет. Сходство между двоими мужчинами настолько бросалось в глаза, что все принимали их за отца и сына, что было вполне простительной ошибкой.

И тот и другой обладали пронзительным взглядом, подтянутой фигурой. Даже нос у обоих имел характерную горбинку. И тот и другой обладали особой аристократической привлекательностью. В то же время выражение лица генерала было надменное и несколько отстраненное. Молодой лейтенант казался более любезным и менее самоуверенным. Несмотря на то что их разделяла двадцатилетняя разница в возрасте, мужчины покидали корабль в порту назначения уже настоящими друзьями. Эту дружбу они хранили всю жизнь.

Молодой человек, его звали Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет, был младшим из одиннадцати детей герцога Бьюфорта. Пятнадцатилетним выпускником школы в Вестминстере он получил назначение корнетом в 4-й легкий драгунский полк, где проявил себя энергичным многообещающим офицером. В рождественские дни 1810 года молодой человек сменил полковника Батерста на посту военного секретаря генерала Уэлсли.

Полковник Батерст был вынужден отказаться от этой завидной должности и уйти в отставку после того, как тяжелый характер генерала довел его до нервного срыва. Капитану лорду Фитцрою Сомерсету удалось избежать судьбы предшественника, поскольку он обладал удивительной способностью в самом начале пресекать знаменитые вспышки раздражения начальника. Будучи человеком огромного трудолюбия и истинного такта, он обладал всеми задатками для работы в качестве военного секретаря. Генерал был очень доволен новым помощником.

До этого он уже успел проявить себя как храбрый офицер. Через месяц после прибытия на Иберийский полуостров Фитцрой Сомерсет подал рапорт о переводе в 42-й пехотный полк и участвовал в боевых действиях в районе Ролиса, Вимиеро и Талавера. В бою при Букасо он был легко ранен. В любом столкновении с неприятелем он демонстрировал то полнейшее пренебрежение к опасности, которое спустя сорок пять лет стало примером для подражания каждого солдата его армии.

Обязанности секретаря оказались более беспокойными, чем можно было ожидать от этой должности. Когда, например, первая попытка прорыва через Бадахос была отбита с большими потерями, Фитцрой Сомерсет возглавил один из штурмовых отрядов, захвативших бастион Сан-Висенте и вынудивший крепость сдаться. Это открыло победоносной британской армии дорогу через Испанию во Францию, к тому времени ослабленную после отступления армии Наполеона из Москвы.

В тот год двадцатитрехлетний лорд Фитцрой был подполковником вновь созданного по инициативе лорда Веллингтона 1-го гвардейского пехотного полка. Его будущая карьера, казалось бы, обеспечена. Он попал в круг приближенных лорда Веллингтона и быстро продвигался по служебной лестнице.

В 1814 году, после окончания войны с Наполеоном, лорд Фитцрой женился на очаровательной племяннице своего начальника и друга [1] . Молодые люди познакомились за год до свадьбы и буквально через несколько дней после первой встречи полюбили друг друга. В качестве помощника Фитцрой сопровождал герцога в поездке с дипломатической миссией. Его будущая супруга Эмили Уэлсли-Пол также участвовала в этой поездке. Позже ее сестра писала: «Она была поражена, насколько высоко ценил ее дядя своего молодого помощника и как хорошо относился к нему. Поэтому, когда после возвращения в Англию молодой человек попросил у отца руки Эмили, тот без колебаний дал свое согласие на этот брак, несмотря на то что, по мнению некоторых его знакомых, брак с младшим отпрыском семьи, не имевшим значительного годового дохода, не был подходящей партией для столь блестящей молодой леди, пользовавшейся всеобщей любовью и уважением. Помню, как отец однажды заявил, что предпочел бы своего зятя любому отпрыску даже самой богатой аристократической фамилии, настолько он был восхищен его манерами и поведением. Кроме того, он считал, что талант, трудолюбие и упорный характер со временем сделают молодого Фитцроя выдающейся личностью».

То время было безусловно счастливейшим периодом его жизни. Когда Веллингтон получил должность посла в Париже, лорд Фитцрой остался его помощником. Во время отсутствия патрона (тот участвовал в работе Венского конгресса) он выполнял все обязанности посла. Лорд Фитцрой бегло говорил по-французски, хотя и с сильным английским акцентом. Молодая супружеская пара пользовалась всеобщей симпатией и уважением. Однако вскоре тот счастливый период их жизни неожиданно закончился.

В феврале 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба. В

следующем месяце он с триумфом вступил в Париж, и война началась снова.

Лорд Фитцрой отвез беременную жену в Брюссель и 18 июня уже находился в штабе герцога Веллингтона в Ватерлоо, куда они вместе выехали из Брюсселя утром 16 июня. В течение следующих трех дней он вновь выполнял обязанности главного адъютанта герцога. На исходе третьего дня шальная пуля раздробила ему локоть правой руки. Он сам пришел в здание, где размещался полевой госпиталь, и обратился к дежурному хирургу. Хирург попросил его лечь на стол и ампутировал руку выше локтя. Лорд Фитцрой не издал ни единого стона. Лежащий в той же маленькой комнате раненый герцог Орангский не подозревал, что его соседу делали операцию, до тех пор, пока тот не обратился к хирургу со словами: «Эй, принесите-ка мою руку назад. Там на пальце кольцо, которое надела мне жена».

На следующий день Веллингтон написал герцогу Бьюфорту:

...

«Мне очень жаль, но я вынужден сообщить, что Ваш брат Фитцрой тяжело ранен и потерял правую руку. Я только что навестил его. Он чувствует себя настолько хорошо, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Признаков заражения нет. Вы знаете, насколько он всегда был мне необходим и как мне теперь будет не хватать его помощи, а также с каким искренним уважением я всегда к нему относился. Поверьте мне, я очень за него волнуюсь… Надеюсь, что скоро он снова сможет присоединиться ко мне».

Лорд Фитцрой не заставил себя долго ждать. Как только выздоровел, он вновь вернулся в Париж к своим обязанностям секретаря посольства. Герцог Веллингтон теперь командовал оккупационными силами. Фитцрой сопровождал герцога в командировках в Вену и Верону. В 1818 году, когда оккупационные войска были выведены из Парижа и лорд Веллингтон получил назначение в Лондоне на должность

командующего артиллерией, Фитцрой продолжал службу в качестве помощника своего знаменитого начальника. В 1827 году умер герцог Йоркский, и лорд Веллингтон получил его должность главнокомандующего вооруженными силами страны. Фитцрой и тогда не оставил своего патрона.

В тридцать девять лет он был уже генерал-майором, кавалером ордена Бани, австрийского ордена Марии-Терезии, русского ордена Святого Георгия, баварского ордена Максимилиана-Иосифа, португальского ордена Башни и Меча. Он был адъютантом короля Георга IV, почетным гражданином города Глочестера, членом парламента. По поручению правительства выполнял важную дипломатическую миссию в Мадриде и вскоре вместе с герцогом Веллингтоном собирался отправиться в поездку в Санкт-Петербург. Он снискал себе огромную любовь и уважение. Сопровождая Веллингтона в Оксфорд, где тот получил звание канцлера, Фитцрой, в свою очередь, получил почетную ученую степень. Вспоминая об этом событии, его брат писал, что «вид пустого рукава Фитцроя подействовал на присутствовавших подобно электрическому разряду. Последовал такой шквал аплодисментов, какого аудитория этого здания наверняка никогда ранее не слышала».

Личная жизнь тоже складывалась вполне удачно и счастливо. Он обожал жену и четверых детей [2] . Он не был богат для аристократа, но мог позволить себе тратить от трех до четырех тысяч фунтов стерлингов в год. И ему нравилось тратить деньги. У него был прекрасный дом и много друзей по всей стране. Вместе с братом, унаследовавшим титул герцога Бьюфорта, Фитцрой любил гостить в Бадминтоне, с герцогом Ричмондом и Гордоном часто посещал Гудвуд, вместе с Веллингтоном отправлялся в Стратфилд, где специально для него всегда были зарезервированы комнаты. Молодой генерал увлекался стрельбой и охотой, любил хорошую еду, общество красивых женщин и прочие удовольствия жизни. Как и многие другие члены высшего общества, он очень мало думал о том, как изменить жизнь за пределами этого общества. Наука и техника, которые все больше изменяли окружающий мир, значили для него очень мало. Также равнодушно Фитцрой относился к живописи, музыке и книгам. Во всей своей огромной переписке он всего лишь один раз сослался на пример из книги. Этим произведением был «Граф Монте-Кристо». «Все, что я понял из этой книги, – признался он, – это то, что ее автор нудный и язвительный человек».

Даже политикой он интересовался лишь в той мере, в какой она касалась военных дел. В течение шести лет своего членства в парламенте от партии консерваторов Фитцрой ни разу не

выступал на заседаниях. Однако в частных беседах всегда ратовал за соблюдение прав и интересов армии, осуждая тех, кто, как позднее заметила Флоренс Найтингейл, тайно или явно стремился к сокращению численности армии и ее влияния. Однако, следуя заветам Веллингтона, он никогда не касался военных вопросов в кругу политиков, которые, как считал герцог, только и мечтают сократить ее численно и урезать в правах. Фитцрой стремился всегда быть в курсе всего происходящего в военной области. Продолжительное время прослужив в генеральном штабе, он очень хорошо знал свое дело. Выступал против любых изменений в армейской жизни и не стеснялся этого. Сам он не был генератором новых идей, но делал все, что мог, для того, чтобы защитить интересы армии. В то же время он ясно представлял себе, что никто во всей Англии, которая так стремилась к миру и где привыкли беречь государственные средства, где общество, с одной стороны, несколько ревниво относилось к армии из-за прав и привилегий военных, а с другой стороны, боялось ее мощи, не сможет преодолеть тенденции к ее повсеместному ослаблению. Даже лорду Веллингтону это не удалось. А если не смог Веллингтон, значит, не сможет и никто другой.

Однажды в штаб кавалерии прибыл сэр Френсис Хед. Он показал лорду Фитцрою меморандум, в котором расхваливалась прусская система военной подготовки, а затем поинтересовался, почему бы не перенять эту методику в Великобритании. В своих воспоминаниях он пишет, что «на несколько секунд лорд Фитцрой, казалось, потерял дар речи. Затем пожал плечами и спокойно произнес всего два слова: «Джозеф Хьюм».

Как он впоследствии признался старшей дочери, иногда его настолько раздражала и унижала система жесткой экономии, которую навязывали военным, что он уже начал подумывать об отставке. Но позже понял, что не сможет жить без армии, не сможет бросить Веллингтона. В 1845 году лорду Фитцрою предложили пост генерал-губернатора Канады. Веллингтон, конечно, знал об этом предложении, однако отказался дать совет, стоит принимать этот пост или нет. Когда родственница Фитцроя графиня Уэстморлендская на следующий день посетила Веллингтона в его доме в Эсли, генерал сразу же воскликнул: «Он отказался!» При этом его лицо сияло от удовольствия. «Я была уверена, что он не оставит вас», – ответила леди Уэстморленд. И герцог снова произнес, что просто не знает, что стал бы делать без лорда Фитцроя.

Когда графиня Уэстморлендская передала Фитцрою слова Веллингтона, она заметила у него на глазах слезы.

Герцог с возрастом стал слабеть и становился рассеянным. Большую часть его работы приходилось выполнять Фитцрою. Старый воин мог заснуть посреди беседы. Тогда посетители на цыпочках выходили из его кабинета и шли за решением к военному секретарю. В 1852 году старый герцог умер, сидя в кресле у окна в своем кабинете. Лорд Фитцрой прослужил с ним вместе более сорока лет. В течение всей жизни он с гордостью вспоминал об этом.

II

Лорд Фитцрой надеялся сменить герцога Веллингтона на посту главнокомандующего, однако это назначение получил лорд Хардиндж, а самому Фитцрою был предоставлен пост командующего артиллерией. Такое назначение было обидным и унизительным, поскольку лорд Хардиндж, хотя и старший по возрасту, был младше по званию. По словам Чарльза Гревилля, «Фитцрой Сомерсет был гораздо более популярен среди военных, однако я не сомневался в назначении на пост командующего армией Хардинджа, который пользовался особым покровительством при королевском дворе». Как бы в качестве компенсации в октябре того же года лорду Фитцрою был предложен титул пэра. Он долго колебался, прежде чем принять его, так как не был уверен, что этот титул действительно ему нужен. Однако королева проявила настойчивость. По этому поводу принц-консорт писал премьер-министру:

...

> *«Будет очень жаль, если лорду Фитцрою придется отказаться от пэрства по финансовым соображениям. В то же время представляется затруднительным освободить его от выплаты соответствующих взносов. При данных обстоятельствах, когда для общества так важно плодотворное сотрудничество Фитцроя с лордом Хардинджем, королева считает недопустимым оставить его без награды, тем самым еще более усугубив его обиды. Поэтому она готова взять на себя бремя финансовых обязательств лорда Фитцроя как пэра».*

Так в октябре 1852 года лорд Фитцрой Сомерсет стал первым лордом Рагланом.

Все опасения, что уязвленное самолюбие осложнит его отношения с лордом Хардинджем, оказались напрасными. Он

приступил к выполнению новых обязанностей с обычным для него энтузиазмом и энергией. Как позже он признался сыну, «новая работа и новые люди настолько увлекали, что вряд ли я чувствовал бы себя счастливее, окажись даже в кресле главнокомандующего».

Трудолюбие лорда Раглана было его счастьем, так как работа требовала всех сил. Обычно по вечерам ему приходилось разбирать дома накопившиеся документы. Сейчас уже трудно сказать точно, в чем заключался круг его обязанностей. За организационные вопросы в армии, которые, по признанию принца Альберта, сводились к стремлению максимально ее сократить, отвечали семь более или менее самостоятельных ведомств. Это вносило неизбежную путаницу, приводило к дублированию обязанностей, взаимному недоверию чиновников и затрудняло контроль за выполнением мероприятий.

Должность главнокомандующего, резиденция которого располагалась в здании на Хорс-Гардс, была чем-то вроде должности начальника генерального штаба империи. Однако, командуя войсками на территории Британии, он не имел права распоряжаться войсками в колониях. Полномочия главнокомандующего исходили от короля или королевы, а не от парламента страны.

Командующий артиллерией отвечал за вооружение, фортификационные сооружения и размещение военнослужащих. Это был огромный объем работы. Кроме того, ему подчинялись артиллерийские и инженерные войска – он отвечал за все финансовые и организационные вопросы.

Группа генералов отвечала за снабжение обмундированием.

Так называемый Комиссариат, гражданский орган власти, совместно с министерством финансов отвечал за все военные поставки и транспорт. Но их фактическая деятельность была крайне неэффективна, поскольку в реальности они не располагали значительным количеством транспортных средств. Даже знаменитый товарный поезд Веллингтона времен войны в Испании был расформирован из соображений экономии.

Медицинское управление стояло в стороне от других военных ведомств, за исключением военного секретариата, осуществлявшего его финансирование. Из того же источника финансировался и департамент снабжения при Комиссариате, частично, но не полностью удовлетворявший запросы последнего.

Военный секретарь, ведавший вопросами финансирования армии, за исключением артиллерийских и инженерных войск, а также отвечавший за выполнение договоров с гражданскими подрядчиками, никак не мог повлиять на военное строительство,

в частности на размеры армии и затраты на ее содержание. Эти вопросы находились в ведении государственного министра по делам колоний.

Для большинства людей было немыслимо просто понять, что на самом деле творится в этих ведомственных джунглях.

Сложности вызывала и четко прослеживаемая тенденция со стороны некоторых старших офицеров, которые привыкли считать свои части как бы личной собственностью, и всячески пытались проигнорировать указания Уайтхолла. Такое отношение было, конечно, понятным. В то время существовал вполне официальный прейскурант на командные должности в армии. Например, чин подполковника в пехотном полку стоил 4500 фунтов стерлингов, в кавалерийском – 6175, в гвардейском кавалерийском – 7250, в гвардейском пехотном – 9 тысяч. В то же время все офицеры прекрасно знали, что реальная стоимость командных должностей намного превышала официальную. Ходили слухи о том, что некоторые полки переходили из рук в руки за 40 тысяч фунтов стерлингов, а однажды эта цифра составила даже 57 тысяч фунтов. И конечно же, заплатив огромную сумму за право командовать полком, офицер совсем не был расположен к тому, чтобы кто-то докучал ему, вмешиваясь в командование. В конце концов, сама королева, официально подтвердив его полномочия, развязала ему руки.

Многие командиры пытались уклониться от участия в маневрах, которые к тому же проводились весьма редко. Они умели муштровать своих солдат, умели построить их для парада. А если они чего-то не знали, то что ж… на это есть подчиненные, которые обязаны знать все. Ну а если случится война, то их парни самые смелые, а страна до сих пор войн не проигрывала.

Вскоре после того, как лорд Раглан приступил к новым обязанностям, в районе Чобхэма был открыт полигон на 8 тысяч человек. Маневры там производили тягостное впечатление. Солдаты были прекрасно обмундированы, но ими командовали офицеры, не имевшие ни малейшего представления о тактике. Штабы часто теряли собственные подразделения, организовывали решительные атаки на собственные позиции. Командиры, заявив, что «все эти проклятые маневры – пустая трата времени», могли внезапно забрать солдат. «Это не армия, а сброд», – заметил как-то раздраженно один из артиллерийских офицеров.

А через несколько месяцев под восторженные крики полной надежд на скорую победу публики эта армия отправилась на войну.

Глава 2 ЛУЧШАЯ АРМИЯ В МИРЕ

Нас отправляли воевать за неправое дело.

Сержант Тимоти Гоуинг, королевские стрелки

I

Не многие в армии могли бы с уверенностью сказать, почему началась та война. Ходили разговоры о защите турок, которым угрожали русские, но для солдат, конечно, причины не были главным.

Вспоминая свой марш в направлении портсмутских доков, под приветственный вой восторженной толпы, Тимоти Гоуинг выразил общее мнение: «Нас отправили воевать за неправое дело, защищать народ, презираемый любым христианином. Но, будучи солдатами, мы ничего не смыслили в политике».

Однако даже политикам не было дано понять всех тонкостей авантюры, из-за которой страна пережила великую трагедию. Они знали кое-что о независимых взглядах и антирусских настроениях посла в Турции лорда Стрэдфорда-Редклиффа, его изощренном уме и влиянии при дворе. Им были известны неосторожные заявления русского царя о Турции как о слабой империи с огромной территорией, протянувшейся от Адриатического моря до Персидского залива, от Черного моря через Сирию и Палестину к Аравийскому полуострову. И, как считал русский монарх, такую страну конечно же следовало завоевать и поделить. Политики понимали, что войны не хотели ни премьер-министр Эбердин, ни министр иностранных дел Кларендон. В то же время гораздо более могущественная фигура – министр внутренних дел Пальмерстон был известен русофобскими настроениями. Именно он в числе многих прочих британцев тремя годами ранее приветствовал венгерского патриота Кошута, жертву царского империализма. Кроме того, едва ли более популярный среди англичан, чем царь Николай I, новый французский монарх Наполеон III всеми силами стремился к военному союзу с Великобританией, который должен был придать ему большую респектабельность. Англия же, морскому могуществу которой угрожали притязания русских на Стамбул, не могла отвергнуть этот союз. Существовали, конечно, и другие, менее значительные причины, но они не могли повлиять на обстановку сколь-нибудь значительно.

Ходили устрашающие слухи о растущей мощи Черноморского флота и о сильной морской базе в Севастополе, всего в 250 милях к северу от Босфора. Поэтому рано или поздно сражение за Босфор и Мраморное море должно было состояться.

Первыми ударами будущие противники обменялись в ходе ожесточенного спора католической и православной церквей за права на святыни в Палестине. В течение многих лет и та и

другая стороны громко заявляли о своих правах на расположенный там храм Рождества Христова (православные, за которыми стояла Россия) или храм Гроба Господня (католики, которых поддерживала Франция). В июне 1853 года в Вифлееме произошло столкновение между католическими и православными монахами. Католические монахи, у которых находились ключи от главных ворот храма Рождества Христова, установили над яслями церкви свою серебряную звезду. Православные священники пытались им помешать. Во время схватки между ними было убито несколько православных монахов. Турецкая полиция встала на сторону католиков. Протесты царя проигнорировали. Через несколько дней русская армия уже двинулась маршем в сторону Дуная с целью защитить святые места от мусульман.

Марш проходил через княжества Молдавия и Валахия, в то время находившиеся под общим протекторатом Турции и России. Войны все еще можно было избежать. Царь надеялся, что Британия не станет вмешиваться в конфликт. Меморандумы, ноты, депеши угрожающего содержания летели из Санкт-Петербурга в Париж, из Константинополь через Вену в Лондон по ненадежному в те времена электрическому телеграфу. Но с течением дней оставалось все меньше сомневающихся в том, что война не за горами.

В октябре началась война Турции с Россией. Англия все еще сохраняла нейтралитет. Однако 30 ноября Черноморский флот под командованием адмирала Нахимова обнаружил в бухте Синопа и полностью уничтожил корабли турецкой флотилии. Погибли около 4 тысяч турецких моряков. Пресса подогрела

британское общественное мнение, и многие из тех, кто раньше призывал сохранять спокойствие и сдержанность, теперь в один голос требовали уничтожить Севастополь. Никто не хотел больше слышать о злодеяниях турок. Эбердин был вынужден уступить мнению сторонников Пальмерстона. Газета «Таймс», выступавшая ранее на стороне Эбердина, теперь склонялась к тому, что война должна начаться немедленно. И даже сама королева, всего несколько недель назад сомневавшаяся в том, что Англия «должна выступить на защиту так называемой независимости Турции», теперь была уверена в том, что страна просто обязана это сделать.

6 марта министр казначейства Гладстон объявил о повышении налога на прибыль. Как он заявил в палате общин, «военные расходы являются тем моральным испытанием, возлагаемым всемогущим Господом на некоторые нации, которым присущи амбиции и жажда завоеваний».

27 марта 1854 года Англия объявила войну России. Франция сделала то же самое днем раньше.

И вскоре в Плимуте уже маршировали отправляющиеся на войну солдаты. Войска уходили под бравурные марши оркестров, под восторженные крики толпы. Они смотрели на королеву с принцем и их детьми, солнечным утром провожавших солдат на войну с балкона Букингемского дворца, улыбавшихся и грациозно кланявшихся, желавших скорой победы своей армии.

II

Казалось, отправлявшимся на фронт войскам нет конца. На самом деле армия была небольшой. На войну в Турцию отправилось менее 30 тысяч солдат. Армия была даже меньше французской. Англия имела большие колониальные контингенты в Индии и в Африке, а также в Западном полушарии. Но для всей огромной империи оказалось проблематичным собрать достаточно солдат в Европе. Еще в первый год пребывания лорда Раглана в новой должности был принят закон о призыве 80 тысяч человек в состав так называемой милиции. Эти люди должны были ежегодно проходить трехнедельную военную подготовку, однако их можно было отправить на службу вне метрополии только на добровольной основе. Вот и теперь правительство смогло отправить на новый европейский театр военных действий не более 10 пехотных и 2 кавалерийских бригад, усиленных артиллерией и инженерными войсками. Каждая из пехотных бригад состояла из 3 полков. Две бригады составляли дивизию.

Еще большей проблемой было укомплектовать сформированные дивизии грамотными, обладавшими соответствующим опытом командирами. Как оказалось, только два из пяти командиров дивизий имели опыт боевых действий против регулярных войск в составе более батальона, и только один из них был моложе шестидесяти лет. Последний, однако, не имел опыта участия в боевых действиях. Им был тридцатипятилетний герцог Кембриджский. Внук короля Георга III и кузен королевы, полковник ганноверского гвардейского полка в девять лет и генерал-майор в двадцать шесть, он сразу же был назначен командиром 1-й дивизии, в состав которой входили три пехотных полка и горно-стрелковая бригада. Он был энергичным, обладал прекрасным характером, пользовался всеобщей любовью. Значило ли это, что он сможет повести за собой людей в бой, еще предстояло выяснить.

Командиром 2-й дивизии был назначен, почти вдвое старше герцога Кембриджского по возрасту, сэр Лэси Ивэнс. Он был самым опытным и, судя по дальнейшим откликам французского главнокомандующего, самым лучшим командиром дивизии. Генерал родился в Ирландии в 1787 году. В 1806 году он добровольцем вступил в армию. Сражался в Индии, Америке, затем некоторое время успешно командовал Британским легионом в Испании, за что в 1837 году получил рыцарское звание. После этого посвятил себя политике. Представлял интересы партии аграриев и вестминстерской группы. Отличался

крайне радикальными взглядами. Лэси Ивэнс был очень своеобразным человеком. Умный, несколько старомодный и бесцеремонный, с вьющимися волосами и темными глазами – обладал обликом одновременно артиста и судьи.

Командир 3-й дивизии сэр Ричард Ингленд также был ирландцем. Он родился в Канаде в 1793 году в семье генерала колониальных войск. За участие в ряде колониальных войн в 1843 году получил рыцарский титул, а еще через восемь лет звание генерал-майора. Это был, несомненно, талантливый командир с безупречной репутацией.

Командовать 4-й дивизией был назначен известный в военных кругах шестидесятилетний генерал Джордж Кэткарт. В возрасте пятнадцати лет он получил чин корнета от отца, генерала Эола Кэткарта, в то время посла в Санкт-Петербурге. С 1826 года командовал 7-м гусарским полком. С тех пор ничем себя не проявил. Необразованный, грубый и прямолинейный, он, как это было впоследствии признано, оказался скверной кандидатурой для такого назначения. Однако еще более неподходящей кандидатурой для командования дивизией был генерал Джордж Браун.

Джордж Браун был, наверное, самым непопулярным пехотным командиром в армии. Как выразился один из молодых офицеров, «старого негодяя ненавидела, наверное, вся армия». «Он ругает, измывается и проклинает все, что возвышается на высоте более одного дюйма», – заявил другой офицер. Третий подчиненный генерала, выражая общее мнение, назвал его «старым грубым идиотом». Это был свирепый служака, сражавшийся под командованием Мура в Ла-Корунье и получивший знак отличия за 43-й форт. И его подчиненные не должны были ни на минуту забывать об этом. Он свято верил в силу дубинки и упрямо отвергал даже малейшие реформы в военном деле. Лорд Панмор отозвался о нем как о человеке, «искренне ненавидевшем любые перемены». Такая рьяная борьба с военными реформами еще год назад привела бы его к отставке. Он отзывался о принце как о молодом штатском, которому не следовало бы так активно вмешиваться в военные дела. Но, несмотря на всеобщую неприязнь, генерал пользовался репутацией храброго человека и лихого рубаки. Это и послужило главной причиной его назначения командиром легкой дивизии.

Кавалерийскую дивизию возглавил пятидесятичетырехлетний генерал Лекэн, настоящий военный маньяк. Как и Джордж Кэткарт, он путем различных махинаций оказался во главе полка, не имея ни опыта, ни заслуг для такой должности. В том же году, когда Кэткарт купил себе командование 7-м гусарским полком,

Лекэн за 25 тысяч фунтов стерлингов приобрел патент командира 17-го уланского полка. Его солдаты были прекрасно обмундированы, но командование превратилось у него в навязчивую идею. Лекэн, храбрый офицер, который работал день и ночь, был крайне непопулярен за свое упрямство, узколобость, ущербность и мстительность.

Легкой бригадой в дивизии Лекэна командовал его шурин граф Кардиган. Этому человеку были присущи все недостатки и не свойственно ни одно достоинство его командира. Он был еще менее популярен среди подчиненных. Кроме того, генералы искренне и взаимно ненавидели друг друга.

Командование тяжелой бригадой было поручено Джеймсу Скарлетту, являвшему собой полную противоположность двум вышеназванным офицерам. Этот искренний и приятный в общении человек вызывал всеобщее восхищение. Считалось, что его здравый смысл позволит дивизии сохранить сплоченность рядов.

Грамотные штабные офицеры были не меньшей проблемой, чем командиры. Лорд де Рос, назначенный генерал-квартирмейстером армии, а значит, взваливший на себя огромное множество разнообразных обязанностей, был, по общему мнению, «любопытным малым». Эксцентричность его манер и одежды вызывала изумление. Трудно было найти более неподходящего офицера на роль начальника штаба и генерал-квартирмейстера одновременно. Он не только не обладал необходимым для этого опытом, но и не стремился приобрести нужные знания, поскольку был слишком ленив.

Получивший должность генерал-адъютанта бригадный генерал Джеймс Бакнел Эсткорт был более энергичен. Но и он не имел военного опыта. Он никогда не участвовал в боевых действиях и больше интересовался вопросами географии. Ранее он участвовал в экспедиции, занимавшейся поисками путей из района Персидского залива в Индию. Один из подчиненных отозвался о нем как о человеке чрезвычайной доброты и такта. Однако это не были главные качества, необходимые генерал-адъютанту, отвечающему за вопросы дисциплины в армии. Генерал Эсткорт был слишком добрым и мягким. В то же время следует признать, что он выполнял свои обязанности гораздо более профессионально, чем многие другие генералы и офицеры, получившие назначения в штабы армии и дивизий.

Самой большой проблемой, как позже признал военный министр, было «полное отсутствие кадров для создания полноценных штабов». Несмотря на то что в военном колледже уже долгое время готовили офицеров штабных специальностей,

они были крайне непопулярны в среде молодых офицеров. Считалось, что служить в штабе хорошо для француза или немца, но не для настоящего джентльмена.

И в действительности самые непопулярные в армии управления были отданы на откуп гражданским ведомствам. И никому не приходило в голову усомниться в мудрости решения о передаче военного тыла и транспорта в ведение министерства финансов. Никто не подумал о том, что сверх меры обюрокраченным и педантичным чиновникам Комиссариата не под силу справиться с задачами снабжения армии численностью 30 тысяч человек. Лорд Раглан и прежде нередко получал жалобы на скудные возможности этого ведомства и на нераспорядительность его чиновников. Руководил ведомством отозванный из отставки шестидесятилетний Джеймс Филдер.

Считалось, что на должность командующего армией могли претендовать четыре генерала. Однако впоследствии выяснилось, что один только лорд Раглан еще не переступил семидесятилетнего рубежа. К тому же вся страна помнила, что его учителем был великий герцог, а это само по себе рассматривалось как залог победы. Поэтому оказалось, что отдавший армии почти полвека и популярный в военных кругах Раглан остался единственной реальной кандидатурой. Кроме всего прочего, он обладал отменным здоровьем, считался умным дипломатом и прекрасно говорил по-французски, что было немаловажно для общения с союзниками. Находились, правда, и те, кто сомневался, что человек, который никогда не командовал подразделением крупнее батальона и последние сорок лет провел за чтением бумаг, способен успешно командовать армией. Однако, как выяснилось, и они не могли назвать достойную кандидатуру. Таким образом, менее чем через три недели после начала войны генерал Раглан отправился на конференцию в Париж, а оттуда – в Турцию, чтобы возглавить то, что газета «Таймс» гордо назвала «лучшей армией, когда-либо покидавшей берега Англии».

Глава 3 СКУТАРИ

Заманив нас сюда, русские сделали из нас дураков. Скверно!

Капитан Найджел Кингскот, шотландские стрелки

I

Войска высадились у берегов Дарданелл и оказались в совершенно ином мире. Галлиполи был «комом грязи на краю света» и очень напоминал трущобы ирландских городов с их невзрачными глиняными домиками. По провонявшим отбросами узким улицам носились сотни чумазых ребятишек и стаи одичавших собак. Здесь можно было встретить армян и евреев, греков в фесках и широких шароварах и турок с ножами и пистолетами за поясом. Все спешили по своим неведомым делам. Иногда мимо проходило существо женского пола – пара кожаной обуви, увенчанная ворохом всевозможных пестрых одеяний. При этом было невозможно определить, была ли женщина молода и привлекательна или наоборот. По обочинам дорог на деревянных возвышениях сидели старые турки в свободных одеждах и зеленых тюрбанах. Эти потомки пророка молча курили, пуская клубы дыма через свои казавшиеся не очень чистыми бороды. Они с молчаливым подозрением смотрели на красные мундиры английских солдат, на оживленно переговаривавшихся французов. Моментальный интерес вызывали осторожно проходившие мимо европейские женщины, независимо от того, была ли это английская леди, жена солдата или хорошенькая искательница приключений.

После стольких лет вражды англичане и французы относились друг к другу лучше, чем можно было ожидать. Как вспоминал один из ветеранов 7-го полка, «мы очень сдружились с французами, особенно с зуавами, которые оказались очень веселыми парнями». Языковой барьер никак не служил помехой дружеской беседе. То здесь, то там можно было наблюдать, как группа французов, с неимоверной скоростью выстреливая слова, пытается что-то объяснить английским солдатам; при этом те, в свою очередь, отвечают не менее оживленно. Не важно, что ни одна из сторон не понимает, что говорит другая.

Случались, конечно, и трения. Так, первые партии прибывающих английских войск очень злились на своих французских союзников за то, что те, прибыв в Галлиполи первыми, заняли лучшую часть города с ее конторами, магазинами и ресторанами. В свою очередь, французов раздражала наивная манера англичан постоянно переплачивать местному населению при покупках. Каждый был согласен с тем, что «турки грязный, ленивый и неблагодарный народ», а «греки еще хуже», поскольку являются «самыми большими обманщиками». И все же из-за англичан цены на рынках сразу

подскочили, поскольку те платили слишком щедро, подчас не торгуясь отдавали за еду, напитки, лошадей и т. д. столько, сколько с них запрашивали местные жители. Вино, которое еще несколько дней назад стоило 4 или 5 пенсов за бутылку, теперь стоило 2 шиллинга, голландские сыры продавались за 8 шиллингов, ветчина стоила 1 фунт стерлингов, дрянное местное пиво выдавалось за английский эль, и за него запрашивали полтора шиллинга за бутылку. Вскоре французы потеряли терпение и стали устанавливать твердые тарифы на отдельные виды товаров. Кроме того, они стали своего рода посредниками в покупках англичан: например, если английский офицер покупал лошадь, француз вынуждал торговца-грека продать ее по гораздо более низкой цене, чем тот сначала предлагал.

Предметом зависти англичан был гораздо более высокий уровень оснащения французской армии. Вид французских домиков на колесах, санитарных повозок, ящиков с лекарствами и медицинским оборудованием, палаток и досок для строительства бараков, аккуратными рядами сложенных в порту, заставлял английских офицеров безнадежно мечтать о том, чтобы французы пришли и завоевали их страну. Ведь британской армии приходилось довольствоваться малым, и многим даже в голову не пришло бы, как много существует полезных для войны вещей. Единственное, в чем англичане не уступали французам, – великолепные винтовки Минье, которыми была вооружена почти вся английская армия, за исключением 4-й дивизии [3] .

Отношение англичан к войне напоминало энтузиазм неопытных новичков. Было похоже, что многие рассматривали войну на Востоке как некую разновидность кровавого спорта. Как отмечал командир 1-й французской дивизии, английская армия как будто вернулась на сто лет назад. Английские офицеры были перегружены багажом [4] . Они везли с собой костюмы, слуг, некоторые приезжали с женами. Многие солдаты тоже везли с собой женщин: статистика говорит, что в среднем на 100 мужчин приходилось 6 женщин. Предполагалось, что эти женщины в дальнейшем станут работать в солдатских столовых и госпиталях, однако ни по подготовке, ни по дисциплине они не могли сравниться с наемными работницами, выполнявшими эти обязанности во французской армии.

Огромную пропасть в отношении французов и англичан к своей армии проиллюстрировал случай с прибытием в начале мая в Галлиполи командира 3-й французской дивизии. Это был кузен императора Наполеона III по прозвищу Плон-Плон. Высокий, тучный и шумный, с прической, копировавшей прическу великого Бонапарта, постоянно бряцающий саблей, в наряде, обильно

украшенном золотыми галунами и перьями, он походил скорее на актера, чем на солдата. И все же, когда он впервые ступил на причал, его приветствовал почетный караул и салют пушек пяти французских боевых кораблей, стоявших на рейде.

Лорд Раглан прибыл в город несколькими днями раньше. Как обычно, он был одет в длинный синий сюртук. Раглана никто не встречал. Его сопровождала госпожа Эсткорт, супруга генерал-адъютанта, а также четыре помощника, все его племянники. Генерал напоминал туриста, сошедшего на восточный берег в окружении нескольких молодых друзей.

Еще через неделю прибыл герцог Кембриджский, невозмутимый джентльмен в твидовом пиджаке.

II

Вечером того же дня, когда прибыл в Галлиполи, лорд Раглан отправился морем через Босфор в Константинополь (Стамбул).

Как заметил один из его офицеров, вид города с моря «поражал изысканной красотой». Поросшие кипарисами склоны, минареты, куполообразные крыши мечетей, поблескивающие в лучах солнца, сад дворца султана, окруженный морем цветов и экзотических растений, спускающихся к самой кромке воды и, как казалось, поднимающихся прямо в голубое небо. Аисты, молчаливо и грациозно парящие в небе среди мачт кораблей. Дельфины, с шумным плеском выныривающие из воды; хрупкие суденышки, украшенные причудливой резьбой, беспорядочно, но грациозно передвигавшиеся в разные стороны. Глядя на эти суда сверху вниз, офицеры с удовольствием обнаружили, что лежавшие на матрасах на палубах женщины не столь тщательно скрывали от чужих глаз свои прелести, как это было в Галлиполи. Турчанки постарше курили; те, что помоложе, ели сладости или потягивали лимонад и, улыбаясь и мигая крашенными хной веками, смотрелись в маленькие зеркальца или поглаживали белые шелковые одежды тонкими пальчиками с ногтями, покрытыми красным лаком.

Однако сам город, как с сожалением написал в своих воспоминаниях Хью Эннсли, офицер шотландской гвардии, всех разочаровал. По узким грязным улицам невозможно было ходить, не уставившись глазами в дорогу. Иначе каждый рисковал упасть, споткнувшись об один из разбросанных повсюду камней.

Носильщики с огромными тюками на головах, раскидывая во все стороны острые осколки камней, прижимали людей к стенам. Если вы не наступили на мертвую собаку, то обязательно наступите на мертвую крысу. «Вряд ли вы где-нибудь еще встречались с подобным зловонием», – заметил капитан Клиффорд. «Редко встретишь симпатичную турчанку», – жаловался другой офицер. Турецкие женщины оставляли открытыми для мужских взглядов только лодыжки, которые не радовали изяществом форм. Солдаты вскоре обнаружили в узких улочках грязными подворотнями множество сомнительных кофеен и борделей, где вино и женщины стоили очень дешево и где молодые армянки «проделывали невероятные вещи». За шесть пенсов там можно было напиться, а за шиллинг – приобрести сифилис. Врач 55-го полка докладывал, что венерические заболевания стали его основной проблемой. А ведь эта часть считалась одной из наиболее дисциплинированных в армии.

По словам одного из адъютантов лорда Раглана, другим бичом английских войск стало пьянство, приобретшее ужасающие масштабы. Согласно докладу полковника Стерлинга, в одну из ночей было задержано около 2400 пьяных английских солдат. «Армия спивается, – горько заметил он, – нам не к чему придраться в поведении наших людей, когда они трезвы. Когда же они напиваются, устраивают избиения турок. Нам пришлось высечь одного из солдат для примера остальным».

Лорд Раглан решил, что чем скорее он поведет армию на север, тем будет лучше. Штаб английской армии располагался на улице Скутари в небольшом деревянном домике, выкрашенном в красный цвет. В маленьком дворике было тесно, там располагались лошади многочисленных штабистов и посетителей. Здесь же гнездились воробьи и ласточки. Командующий дни и ночи проводил за работой в кабинете, через все одиннадцать окон которого было видно море, кучи ила и мусора на берегу. Там среди мертвых птиц и гниющих отбросов бродили стаи собак. Недалеко от здания находился лесистый холм, на котором располагалось кладбище с белеющими посреди зелени надгробиями. Мимо фонтана медленно проходили водоносы, а также группы турок, армян и греков, попыхивающих трубками и о чем-то монотонно беседующих между собой.

За зданием располагался лагерь охраны, затем – турецкие бараки, в которых впоследствии находился знаменитый военный госпиталь. Еще далее, за бараками, был разбит лагерь легкой дивизии. По всей территории, занятой англичанами, бродили, позвякивая кожаными кошельками, евреи-менялы. Они выкрикивали на ломаном английском: «Джонни, менять деньги! Джонни, менять деньги!» Здесь же были и греки из расположенных неподалеку грязных дощатых хижин. Торговцы лошадьми пытались выгодно сбыть своих костлявых кляч, которых, для того чтобы придать им свежий упитанный вид, надували с помощью соломинки. Мальчишки торговали сладостями, лимонадом, шербетом и сигарами. Некоторые пытались торговать своими сестрами. Вся эта снующая взад и вперед, галдящая, обменивающаяся подзатыльниками и пинками толпа пыталась заработать.

Так прошел май. Пришла жара. Лорд Раглан, по словам весельчака-грубияна капитана Найджела Кингскота, «слегка осунулся». Он работал за десятерых, и климат очень изматывал его. Своей любимой старшей дочери Шарлотте, или Мопсику, как он ее называл, он писал:

...

«В моем доме невыносимо жарко. Здание построено из дерева, и в каждой комнате бесчисленное количество окон. К тому же то ли ветром, то ли течением сюда несет грязь и вонь со всего Константинополя. Запах стоит настолько ужасный, что последние десять дней я предпочитаю не появляться в своем кабинете и работать в спальне».

Необычная для этого человека депрессия была вызвана не столько жарой и расстройством желудка, от которых страдала почти вся армия, сколько озабоченностью за судьбу солдат и недовольством французским командованием.

III

Первые разногласия с французами возникли по поводу того, как будет использоваться в войне турецкая армия.

Командующий французской армией маршал Сент-Арно решил, что турецкие войска должны подчиняться ему, как старшему по званию среди союзников. Его одолевали амбиции. Джордж Браун отозвался о французском командующем как о «ветреном малом, полагаться на слово которого нельзя ни в коем случае». Еще молодым человеком, вступив в Иностранный легион в Алжире, Сент-Арно решил: «Я должен прославиться или погибнуть». Всю свою последующую жизнь он провел в погоне за славой. Смелый, веселый и находчивый, но непостоянный и необязательный, этот человек в 1851 году помог императору утвердиться на французском престоле. За это ему был пожалован жезл маршала Франции, а теперь было поручено командование французской экспедиционной армией. Однако император решил не оставлять вновь назначенного командующего без присмотра. Постоянным советником маршала Сент-Арно и его спутником стал старший адъютант и доверенное лицо императора полковник Трошу. В английской армии ходили упорные слухи о том, что он и является настоящим командующим у французов.

Тем не менее с помощью лорда Стратфорда Раглану удалось убедить маршала Сент-Арно соблюдать трехстороннее соглашение о том, что каждая из союзных армий будет иметь собственное командование. Изменив тактику, Сент-Арно потребовал, чтобы при совместных действиях французской и английской армии последней инстанцией являлось французское командование. Лорд Раглан вежливо заметил, что не вправе следовать чьим-либо приказам, кроме приказов британского правительства.

В один из вечеров на следующей неделе полковник Трошу неожиданно явился в дом Раглана и потребовал срочной встречи. За несколько дней до этого Сент-Арно, Раглан и турецкий командующий Омер-паша пришли к соглашению, что союзные войска должны пересечь Черное море и высадиться в окрестностях болгарского города Варны, неподалеку от которого русские войска осадили город-крепость Силистрию. Теперь Трошу объявлял, что французы не готовы к немедленному выступлению, и требовал от англичан приостановить погрузку войск на десантные суда и их отправку в Варну. К этому времени легкая дивизия англичан уже отбыла к пункту погрузки.

Лорд Раглан спокойно и вежливо, но твердо высказал свое

несогласие. Он упомянул об обещании, данном султану, которое не считал себя вправе нарушить. Полковник Трошу уехал ни с чем после двух часов бесполезного спора.

На следующий день английского генерала посетил сам маршал Сент-Арно. Он заявил, что разработал для французской армии совершенно новый план. Теперь он намерен отправить в Варну всего одну дивизию. Остальные войска должны занять оборонительные позиции к югу от города Бургаса и быть готовыми в любое время немедленно выступить на северо-восток Балканского полуострова. Французский командующий предложил Раглану согласиться с новым планом. На самом деле французские войска в это время уже находились на марше. И вновь Раглан вежливо, но твердо и аргументированно отклонил предложение союзников. Вслед за этим Сент-Арно повел себя несколько странно. Он попросил лист бумаги и изложил причины изменения плана, который собственноручно утвердил всего несколько дней назад.

Как имел возможность убедиться Сент-Арно, спорить с таким человеком, как Раглан, было очень сложно. Генерал-квартирмейстер британской армии вспоминал, что любой человек, общаясь с ним, попадал под его влияние. И в этом не было ничего общего с манерой подавлять собеседника в споре или с особым даром убеждения, которым в совершенстве владеют, например, адвокаты. Причиной была скорее спокойная уверенность в собственной правоте, а также мгновенно возникающее у собеседника нежелание вызвать огорчение или недовольство этого человека. Самый младший из его адъютантов лейтенант Сомерсет Калторп записал в своем дневнике, что «лорд Раглан, несомненно, обладает огромным влиянием на маршала Сент-Арно и Омер-пашу».

Итак, французский маршал без слов вручил бумагу Раглану и покинул его кабинет. В этом кратком документе, в частности, говорилось, как «важно не вступать в бои с русскими, за исключением случаев, когда имеются все шансы на успех и достижение решительных результатов. Если каждый из союзников будет иметь в районе Варны всего по одной дивизии, никому и в голову не придет упрекать их в нерешительности и нежелании участвовать в боях за Силистрию. Если же союзных войск будет больше, им придется вести бои с русскими, не успев предварительно подготовиться к ведению тяжелых боев».

Конечно, француз был прав в том, что союзники не имели хорошо укрепленной и оборудованной базы для ведения войны. Но лорд Раглан был уверен, и теперь всем прекрасно известно, что он был прав, русские тоже не были готовы вести войну в

Болгарии. Их положение сильно осложнилось после того, как австрийские войска под угрозой союзного флота бежали из района Черного моря. Теперь русские дивизии в районе Силистрии остались один на один с сильной турецкой армией и не смогли бы выдержать решительного удара. Кроме того, высадка английских и французских войск в Болгарии имела большое политическое значение и давала союзникам огромное психологическое преимущество, чего нельзя было сказать о предлагаемом французами варианте с медленным продвижением в глубь Балкан. И наконец, была еще одна причина, которая в понимании Раглана перевешивала все остальные: он дал слово турецкому султану.

На следующее после визита маршала Сент-Арно утро полковник Трошу прибыл в английский штаб, чтобы узнать о решении англичан. Непоколебимый в своей уверенности, лорд Раглан отклонил план французов. Еще через три дня отвечавшего за связь с армией союзников генерала Роуза пригласили в штаб французской армии. Там его поставили в известность о том, что французы готовы идти в Варну.

Найджел Кингскот записал в своих заметках, что у него сразу возникло ощущение каких-то премен.

24 июня он присутствовал на «званом обеде» в палатке герцога Кембриджского. Повар герцога, француз по национальности, как обычно был на высоте. Закуски были так же хороши, как если бы их приготовили в королевском дворце. От турок не было никаких вестей, и ничто не нарушало спокойного веселья приглашенных. На следующий день Раглан пригласил герцога к себе. Его повар-немец, конечно, не блистал талантами своего коллеги. Неожиданно вошел офицер, принесший срочные новости из Силистрии. Гости нетерпеливо смотрели на него. Однако новости оказались хорошими.

Осада была прорвана. Русские отступали вдоль Дуная. Через несколько дней турки, переправившись через Дунай, вплотную приблизились к русским войскам. Русские атаковали турок в районе Георгиева, но были разбиты. К 11 июля князь Горчаков спешно отступил к Бухаресту. Русские оставили Молдавию и Валахию. Таким образом, Турецкая империя была спасена и официальные цели войны достигнуты. «Русские сделали из нас дураков, – писал Найджел Кингскот, – они заманили нас сюда, а сами удрали».

Однако ему не следовало беспокоиться по поводу продолжения войны. Всем было понятно, что Англия и Франция воевали против России, а не отстаивали независимость Турции. В Лондоне и в несколько меньшей степени в Париже царил

милитаристский энтузиазм. Никто не хотел окончания войны. Тех, кто пытался говорить о необходимости завершения боевых действий, освистывали. За миролюбивые высказывания лорд Эбердин удостоился карикатуры в журнале «Панч»: там изобразили, как он чистит сапоги русскому царю. Газета «Таймс» писала: «Великие политические цели войны не будут достигнуты до тех пор, пока существует Севастополь и русский флот». Военная экспедиция в Севастополь называлась «основным условием достижения вечного мира». Член палаты лордов Линдхерст во всеуслышание и при всеобщей поддержке заявил: «Мы должны пойти на заключение мира только в самом крайнем случае» – и добавил: «Было бы самым величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса… удалось закрепиться в самом сердце Европы». В полном согласии с этими высказываниями по улицам маршировали толпы людей со знаменами, выкрикивая патриотические лозунги и горланя воинственные песни. Любой выступавший против войны переставал считаться патриотом. Чарльз Кингсли объявил, что «война немедленно сметет грязное неверие нашего лживого прошлого и женоподобное легкомыслие настоящего, парализующее как мысли, так и дела». В беседе с королем Бельгии королева заметила, что «война стала популярнее веры». Лорд Гладстон был озабочен этим невиданным всплеском эмоций толпы. Он ясно дал понять, что поддержит войну только в том случае, если возникнет угроза безопасности Европы. Однако он занимал пост министра казначейства, а не иностранных дел. Дизраэли настаивал: «Мы собираемся воевать с царем для того, чтобы впредь он не брал на себя защиту христианских ценностей на территории Турции». Однако этот тип говорил и не такие вещи.

Жарким летним вечером 28 июня в Пемброк-Лодж близ Ричмонда герцог Ньюкаслский, бывший министр по делам колоний, занимавший теперь пост военного министра, зачитал послание лорду Раглану, в котором наделял того соответствующими полномочиями для проведения операции по высадке в Крыму. Перед этим было зачитано множество самых пространных и нудных документов, поэтому чтение последнего сообщения не вызвало энтузиазма у членов кабинета. С копией частного письма Раглану, которое прилагалось к посланию, они успели ознакомиться раньше. В зале было душно, голос военного министра звучал монотонно. К его понятному раздражению, большинство слушателей успело заснуть прежде, чем он закончил чтение. Грохот резко отодвигаемого стула разбудил их, но ненадолго. Непреодолимая дрема вновь заставила их закрыть

глаза. Позже, в другом зале, они признали, что содержание документа, с которым они так «внимательно» ознакомились, полностью их удовлетворяет.

Глава 4 ВАРНА

Кажется, никого особенно не волнует, едем мы в Севастополь или в Южную Америку или останемся на месте и не поедем вообще никуда.

Майор Клемент Уокер-Хенедж, 8-й гусарский полк

I

Войска отправились в Варну. Эта часть болгарского побережья, по словам Омер-паши, славилась здоровым климатом.

Варна была, вне всякого сомнения, великолепна. Маленький городок, представлявший собой беспорядочное нагромождение жилых домов, минаретов и пыльных площадей, был окружен белой стеной, ощетинившейся фортами в сторону песчаной бухты. Союзники расположились лагерем на холмистой возвышенности за городом. Местность была абсолютно не тронута деятельностью человека. Цветы и фрукты росли прямо на диких лугах и лесистых склонах холмов. Одному из артиллерийских лейтенантов она напоминала его родной Гламорган. «Здесь выращивают кукурузу, виноград, дыни и огурцы, которые люди без всяких опасений за свое здоровье едят десятками прямо с грядки, а также овес и ячмень. Фактически, при должном трудолюбии здесь можно выращивать все, что угодно». Можно было легко найти дикую землянику, вишню и даже картофель. Повсюду в безоблачном небе летали птицы: соловьи и орлы, дрозды и сойки, голуби, аисты и цапли.

Болгары оказались симпатичным и дружелюбным народом. Только один из них (хотя, возможно, это был грек) настолько ненавидел союзников своих турецких господ, что попытался застрелить офицера, в одиночку возвращавшегося верхом после морского купания. Злоумышленник был выдан турецкому суду, который принял решение отрезать ему уши и нос и назначил 200 палочных ударов по пяткам.

Однако этот случай был скорее неприятным исключением. Большая часть населения с удовольствием предоставляла в распоряжение союзников, испытывавших проблемы с транспортом, своих быков и волов вместе с телегами. За это платили по 3 шиллинга 8 пенсов в день. Возницы в высоких бараньих шапках меланхолично жевали бутерброды с ржаным хлебом, маслом, рисом и чесноком, терпеливо ожидая распоряжений и поглядывая на солдатских жен, стиравших одежду своих мужей, с такой опаской, будто видели нечистую силу. На самом деле в лагере англичан женщин было немного, поскольку лорд Раглан не приветствовал их принятие на военную службу и одновременно советовал офицерам не брать с собой жен и невест. Сэр Джордж Браун приказал немедленно отправить обратно прибывший в Галлиполи с Мальты пароход, на котором находились 97 англичанок. И все же в армии было гораздо больше женщин, чем хотелось бы Раглану. Солдаты настаивали

на своем праве везти с собой жен, а офицеры смотрели сквозь пальцы на случаи провоза их «контрабандой». Удивленные таким числом женщин в британской армии, турки вежливо интересовались, правда ли, что каждый английский генерал возит с собой собственный гарем. Не меньшее удивление союзников вызывали шотландцы, которые носили традиционные национальные юбки. Сопровождавшие французскую армию маркитантки не вызывали такого ажиотажа. Во-первых, их было гораздо меньше, а во-вторых, своими повадками и внешностью они напоминали скорее мужчин, чем женщин. Они носили сапоги со шпорами, а их платье украшали эмблемы соответствующих полков. Как отозвался об этих женщинах капитан Генри Невилль, «они настоящие уродины, тем не менее очень нравятся нашим солдатам».

Между французами и англичанами, а также между командующими трех союзных армий сложились самые дружеские отношения. Маршал Сент-Арно любил проезжать верхом через лагерь англичан под громогласные приветствия солдат, на которые весело отвечал: «Да здравствует Англия». Не менее популярен был и Омер-паша, бледный, вечно озабоченный генерал, говоривший с жутким акцентом на смеси французского, немецкого и итальянского языков [5] .

Как-то раз во время смотра британских войск Омер-паша заявил Раглану: «Всем известно, что русский император сумасшедший. И все же я думаю, что не настолько сумасшедший, чтобы попытаться выступить против таких солдат». Ему настолько понравились англичане, что он в шутку заявил Сомерсету Калторпу, что после войны обязательно приедет в Англию и женится на англичанке. Тот в ответ так же в шутку выразил озабоченность тем, что же в таком случае будет с нынешней супругой генерала [6] .

Несмотря на признание турецкого командующего в том, что ему очень понравились английские солдаты, Раглан не мог вернуть ему комплимент. Он предпочел бы не иметь никаких дел с башибузуками, этой «шайкой головорезов», даже при том, что герцог Ньюкаслский приказал полковнику Битсону, в свое время занимавшемуся обучением индийской кавалерии, подготовить несколько турецких эскадронов для взаимодействия с британскими войсками. Турки вызывали в нем отвращение своей неоправданной жестокостью к болгарскому населению, напоминая ему испанских партизан, так же жестоко издевавшихся над французскими пленными во времена его молодости. Раглан никогда и не помышлял о совместных действиях с такими союзниками. Наверное, такое предубеждение было

простительным. И Омер-паша, благодарный Раглану за дружбу, никогда не просил его о том, чтобы использовать турецких солдат бок о бок с англичанами.

Итак, в те несколько недель раннего лета ничто не омрачало обстановки уважения и взаимопонимания между союзниками. Для английских солдат это были счастливейшие времена. Рацион солонины и галет был вполне достаточным. Некоторые офицеры жаловались на кислый вкус ржаного хлеба, в котором к тому же водилось изрядное количество муравьев. Другие в письмах подробно живописали свои многочисленные лишения. Ведь теперь им приходилось есть из оловянных тарелок, пить из одной-единственной кружки, пользоваться седлом вместо стола и даже – есть лук! Но таких было меньшинство. Большинство же англичан считало, что они неплохо питаются. К их услугам по оптовым ценам были пиво, сахар, чай, рис и сушеный картофель. Болгары предлагали кур за 1 шиллинг 2 пенса, индеек – за 2 шиллинга 6 пенсов, молоко – по 1 пенни за кварту, яйца – по 2 пенса за дюжину. А местное вино, по откликам офицеров, было очень даже неплохим, особенно если добавить в него немного сахара и гвоздики, которая в изобилии росла в окрестностях лагеря.

Много занимались спортом: купались в море, ловили в окрестных озерах огромных карпов, лещей и щук, в лесах охотились на антилоп и кабанов.

Но в окрестностях водились и другие звери: змеи, тысячи лягушек, насекомые длиной по два дюйма, слизняки и пиявки. И чем ближе был конец жаркого солнечного лета, тем больше английские солдаты ненавидели этих обитателей Болгарии.

Первая дивизия расположилась лагерем в районе озера Алладин, в 8 милях от Варны. Днем местность казалась красивой и абсолютно безвредной. Однако к ночи все менялось. Казалось, все вокруг так и сочится влагой и ядовитыми испарениями. Солдаты страдали от расстройств желудка, хронического насморка и депрессии. Бывали случаи холеры. Лагерь перенесли, но случаев заболеваний не убавилось. Целыми днями с запада дул жаркий ветер, принося с собой облака пыли, грязи и мертвых насекомых. И наконец, 19 июля из французского лагеря пришла весть о разразившейся там эпидемии холеры. Через три дня болезнь перекинулась к англичанам. Лагерь снова перенесли, но холера следовала за солдатами по пятам.

Всеми овладела апатия. Люди бродили вялые, злые и бледные, как призраки. Лорд Раглан, несмотря на то что выглядел бледным и утомленным, продолжал много и упорно работать. Генерал-квартирмейстер лорд де Рос стал похож на

«полную развалину». Хирург бригады охраны записал в своем дневнике: «Все выглядели так, будто на них внезапно свалилось по целому десятку лет страданий и лишений». 31 июля он не узнал офицеров своего собственного полка, настолько их лица казались усталыми и истощенными. Мухи, комары и жуки кишмя кишели в лагере. Насекомые заводились в многочисленных кусках мяса, которые люди, слишком измученные, чтобы есть, просто выкидывали. Не соблюдались элементарные правила гигиены. Отхожие места были переполнены, но у солдат не хватало сил отрыть новые. Разлагающиеся трупы лежали прямо на солнце. В огромных бараках развернутого в Варне полевого госпиталя измученные санитары с пугающим спокойствием смотрели на мечущихся в горячке пациентов. Больные страдали от вшей и блох. По грязному полу спокойно перемещались полчища крыс, один вид которых вызывал невольную дрожь.

В начале августа обратно в Европу потянулись перенесшие заболевания солдаты французской армии. Их отъезд наблюдал корреспондент «Таймс» Россель. На него произвела угнетающее впечатление бесконечная вереница повозок с молча сидящими в них, сложив руки, измученными людьми. Тишину нарушали только редкие вскрики и стоны лежащих в повозках тяжелобольных. Заметив, что около 50 повозок шли пустыми, Россель поинтересовался у французского офицера, зачем они нужны. Тот коротко ответил: «Для мертвых».

Ходили слухи, что из госпиталя никто не выходил живым, поэтому солдаты старались как можно дольше скрывать свою болезнь. С характерной для него лаконичностью командир 1-го полка записал в дневнике: «Холера наступает, люди быстро умирают. Все отправленные в госпиталь в Варне оказались в могиле. За две последних ночи умерло 15 человек. Об отправленных возницами на медицинских повозках ветеранах следует забыть. Думаю, всех их похоронят в Варне. Перед отъездом туда они все напились и теперь, наверное, умрут как собаки».

Напивались не только возницы медицинских повозок. Среди солдат бродило поверье, что французы оказались восприимчивы к болезни потому, что предпочитают дрянное красное вино. А вот если пить крепкий бренди, большая бутыль которого стоит 3 шиллинга 6 пенсов, то ни за что не заболеешь. К середине августа вид французского или английского солдата, лежащего мертвым в обнимку с бутылкой и облепленного мухами, уже никого не удивлял.

Несмотря на огромное число новых приказов, ограничивавших вольности в поведении и внешнем виде,

дисциплина стремительно падала. После того как произошел случай мародерства в 88-м полку, в дивизии всячески пытались бороться с этим явлением. Солдат, обнаруженный на удалении более одной мили от лагеря, подлежал аресту. Офицерам было запрещено носить гражданское платье. Тем не менее, некоторые из них бродили в расстегнутых мундирах, в тюрбанах вместо фуражек, без шейных платков, заросшие до такой степени, что из чащи волос на лице торчали одни носы [7] .

7 августа жара спала, и стало холодно. Однако это не принесло солдатам облегчения. Через три дня в Варне разразился жесточайший пожар, причинивший ущерб на многие тысячи фунтов. Сгорели склады, а с ними 16 тысяч пар обуви и более 150 тонн галет. Только в одном из полков от холеры умерли 80 человек [8] .

Полковник Белл иронизировал: «Сейчас наша основная работа состоит в захоронении мертвых». Майор 8-го гусарского полка написал домой: «Вне всякого сомнения, мы скоро отправимся отсюда. Однако апатия настолько овладела всеми нами, что, кажется, никого особенно не волнует, едем ли мы в Севастополь или в Южную Америку или останемся на месте и не поедем вообще никуда».

II

Лорд Раглан уже получил распоряжение отправиться с армией в Севастополь. Это распоряжение поставило его в трудное положение. Оно не оставляло никаких сомнений в том, что британское правительство полно решимости оккупировать Крым. Герцог Ньюкаслский писал:

...

«От имени правительства ее величества довожу до вашего сведения, что вам необходимо принять все необходимые меры для организации осады Севастополя, которую следует осуществить любыми путями, за исключением случая наличия у вас свежей информации, делающей невозможным успешное выполнение такой операции. Доверие, которое ее величество питало к вам, вверив вашему командованию британскую армию в Турции, незыблемо. Поэтому, если вы после зрелых размышлений пришли к выводу, что объединенной мощи двух армий союзников недостаточно для выполнения поставленной перед вами задачи, это не приведет к отстранению вас от порученного вам поста. Тем не менее, правительство ее величества вынуждено указать, что наступление, которое должно повлечь за собой чрезвычайно важные последствия, не терпит дальнейшего промедления.

По мнению правительства ее величества, предполагаемые трудности в осаде Севастополя в дальнейшем будут не уменьшаться, а нарастать. Поскольку перспективы заключения почетного и прочного

мира без разоружения крепости и захвата или уничтожения флота не существует, важными, но не непреодолимыми препятствиями к проведению операции могут считаться намерение или открытая подготовка третьей силы к выступлению против армий союзников либо наличие у русских в Крыму армии, многократно превосходящей наши собственные силы».

В приложенном к официальной депеше личном письме лорда Раглана информировали, что кабинет министров единодушно утвердил операцию, а император Франции выразил свое полное согласие с британским правительством.

Прочитав послание, Раглан вызвал к себе в штаб генерала Джорджа Брауна для его обсуждения. Пока Браун читал депешу, Раглан заканчивал писать ответ на нее.

Закончив чтение, Джордж Браун спросил, что союзникам известно о составе и численности русских войск в Крыму.

Лорд Раглан ответил, что они не знают практически ничего. По данным МИДа, всего у русских под ружьем около миллиона солдат, однако численность войск в Крыму не превышает 45 тысяч человек, 17 тысяч из которых матросы. Русские могут быстро увеличить численность этих войск за счет армии на Кавказе, а также за счет войск, отступающих из Валахии и Молдавии. Ничего существенного к этим данным не мог добавить ни британский, ни французский посол. Ни лорд Стратфорд, ни сам Раглан не были склонны верить информации, поступавшей от шпионов. Оба разделяли антипатию к этой профессии, повсеместную в те времена. Маршал Сент-Арно располагал данными о том, что у русских в Крыму 70 тысяч солдат. Командующий британской эскадрой вице-адмирал Дондас был склонен удвоить эту цифру. Однако герцог Ньюкаслский считал верными данные МИДа и просил лорда Раглана исходить из наличия у противника армии численностью 45 тысяч солдат и матросов.

Когда Раглан объяснил, как мало знает об армии неприятеля в Крыму, Джордж Браун заметил: «И вы, и я при решении важнейших задач привыкли спрашивать себя, как бы на нашем месте поступил великий герцог». Браун считал, что герцог Веллингтон никогда не решился бы на столь грандиозную

операцию, не получив более подробной информации. В то же время Раглану необходимо обратить внимание на тон депеши: если он откажется от выполнения операции или промедлит с ее началом, правительство заменит его кем-нибудь более сговорчивым.

Последний аргумент вовсе не был существенным для Раглана. В то же время существовала еще одна причина поспешить с выполнением решения правительства. Солдаты болели, однако медики уверяли его, что морское путешествие благотворно скажется на их здоровье [9] .

В армии упала дисциплина, но только потому, что солдатам надоело долгое бездействие. Английская армия, насчитывавшая 27 тысяч солдат и офицеров, была сравнительно небольшой. У французов было около 30 тысяч. Омер-паша обещал усилить армии союзников 7 тысячами турецких солдат. И если данные МИДа были верными, 64 тысячи солдат, которыми они располагали, были грозной силой для неприятеля. И лорд Раглан не был намерен давать противнику возможность пополнить войска после того, как высадится в Крыму. Британский военный транспорт действительно производил жалкое впечатление. Тыловые службы были перегружены работой и поэтому действовали неэффективно. Но он уже попросил правительство организовать наземную транспортную службу. Офицеры генерал-квартирмейстера собрали в Болгарии максимально возможное число лошадей, быков и повозок. Он полагал, что этого количества, а также того, что удастся докупить в Крыму, будет достаточно до тех пор, пока не окажутся выполнены его просьбы об усилении транспорта и увеличении численности офицеров тыловых служб. И наконец, то, что он считал наиболее важным. Сам великий герцог, а теперь и он, лорд Раглан, привык считать пожелания правительства командами.

К 19 июля он окончательно утвердился в своем решении и сообщил герцогу Ньюкаслскому, что, полагаясь более на точку зрения британского правительства и совпадающие с ней взгляды императора Луи Наполеона, чем на собственные суждения, он и маршал Сент-Арно готовы выступить против России.

«За вежливым и спокойным тоном вашего послания, – отвечал герцог Ньюкаслский, – я не могу не видеть, что решимость атаковать Севастополь вызвана не только желанием выполнить указание правительства, но также и вашими собственными убеждениями. Да дарует нам Господь победу, которая вознаградит и оправдает нас!.. Я не верю, что существуют такие ситуации, когда британское оружие может потерпеть поражение».

III

К тому времени, когда Раглан получил ответ герцога, войска уже готовились к погрузке на транспортные суда, сосредоточенные в портах Варны. Некоторые полагали, что высадка произойдет в Одессе, однако большинство было уверено, что через несколько недель пути их ждет Севастополь. Лондонские газеты уже успели объявить о том, что армии отправляются в Крым. «Я безмерно огорчен непатриотичным поведением газеты «Таймс», – писал герцог Ньюкаслский лорду Раглану. – Она выдала русскому императору наши планы нападения на Крым… Думаю, что это были не более чем домыслы, однако любое государство привыкло считать «Таймс» официальным рупором нашего правительства».

Однако, даже если речь и шла о простой догадке, не нужно было обладать сверхъестественным даром, чтобы предвидеть нападение на базу российского Черноморского флота. Даже закончившийся полной неудачей отвлекающий маневр силами поредевшей после эпидемии холеры 1-й французской дивизии из Добруджи не ввел русских в заблуждение относительно истинных намерений союзников. «Мы направляемся в Крым, – писал лорд Бэргхерш, – смею надеяться, что у нас достаточно сил для вторжения».

Британская армия к тому времени уже почти оправилась после эпидемии, однако люди все еще страдали желудочными заболеваниями. Некоторые полки представляли собой жалкое зрелище. «Любой из тех, кто видел нас прошлой зимой в Манчестере, – писал один из офицеров Королевского фузилерного полка, – вряд ли смог бы теперь нас узнать. У всех на лице признаки самого крайнего истощения». Солдаты были настолько слабы, что не могли нести собственное снаряжение. Однако и без него вряд ли могли бы пройти маршем более 5 миль в день.

Тем не менее, в армии царило радостное оживление. Наконец-то они отправятся хоть куда-то. «Ура! В Крым! – восклицал с облегчением корнет Фишер. – Завтра мы отправляемся. Неделю или около того на взятие Севастополя, а затем можно будет возвращаться на зимние квартиры!» Капитан Биддульф, не разделяя оптимизма своего молодого сослуживца, услышав новость, «напился сверх меры». Он сомневался в успехе десантной операции. По его мнению, предназначенные для транспортировки артиллерийских орудий большие, широкие лодки были слишком хорошей мишенью для неприятеля. Оставалось надеяться на собственные корабли, которые заставят

замолчать вражеские орудия.

Но не многие разделяли такие опасения. Флот в заливе выглядел внушительно. «Такой грозный вид, – восторженно писал в письме своей сестре один из сержантов, готовясь к погрузке на борт «Соннинга», – какого не видели со времен сотворения мира. Это невозможно описать словами… Я знаю, им с нами не справиться. Неудача просто невозможна».

Гавань представляла собой лес кораблей и судов разных классов. Между ними и берегом сновали юркие катера и десантные лодки, доставляя войска на борт транспортов и возвращаясь за новой партией запыленных солдат. На берегу, на недавно отстроенной каменной набережной терпеливо дожидались своей очереди женщины, заботам которых был доверен весь громоздкий багаж. К вечеру 6 сентября погрузка была почти закончена. На берегу оставалось еще довольно много женщин, которым не удалось тайком пробраться на корабли вслед за своими спутниками. В конце концов транспортные суда забрали и их. Ведь другого способа отправить их домой все равно не было.

На рассвете 7 сентября адмирал Дондас отдал приказ поднять якоря. Стояло ясное осеннее утро, с моря дул легкий бриз. Флаги и боевые знамена величественно колыхались на ветру. Пароходы взяли на буксир парусники, и длинный караван кораблей потянулся в открытое море.

Маршал Сент-Арно находился на борту парусника «Билль де Пари». Он устал дожидаться окончания погрузки англичан с их многочисленной кавалерией. 8 сентября к борту французского парусника подошел пароход «Карадок», на котором находился лорд Раглан. Предполагалось, что на этом пароходе состоится первая встреча на море командующих двух союзных армий. Однако французский маршал чувствовал себя недостаточно здоровым для того, чтобы самому отправиться на английский пароход, поэтому он пригласил англичанина в свою каюту. С другой стороны, Раглану было неловко с помощью единственной руки карабкаться на борт французского трехпалубника, поэтому вместо себя он отправил военного секретаря полковника Стила и командующего английской эскадрой адмирала Дондаса.

Когда полковник вошел в каюту Сент-Арно, тот сидел на своей койке. Французский маршал был настолько болен, что едва мог говорить. Вместо него в разговоре участвовали полковник Трошу и командующий французской эскадрой адмирал Гамлэн. Речь шла о выборе наиболее удобного участка на русском побережье для высадки войск. Было предложено три таких участка на выбор. Едва ворочая языком, Сент-Арно заявил, что

заранее согласен с решением лорда Раглана.

Дискуссию продолжили на борту «Карадока». Французы предложили высадиться на побережье в 100 милях от Севастополя, с тем чтобы избежать прямого столкновения с противником непосредственно в районе десантирования. Раглан, однако, заметил, что не помешает заранее провести разведку крымского побережья с целью найти удобный участок, расположенный ближе к городу. На следующий день в четыре часа утра пароход «Карадок», на борту которого, кроме Раглана, находился заместитель маршала Сент-Арно генерал Канробер, отправился в сторону Севастополя.

Еще издалека можно было увидеть крыши городских зданий и мачты кораблей, находящихся под защитой орудий фортов. Однако слышен был только звон церковных колоколов. По мнению офицеров, фортификационные сооружения выглядели очень грозно. Казалось, что крепость ощетинилась пушками. Пока «Карадок» под российским флагом медленно двигался на север, на берег высыпали сотни людей, чтобы посмотреть невиданный железный корабль. В районе Качинской губы пароход застопорил машины. Именно это место во время прошлой рекогносцировки было выбрано генералами Канробером и Джорджем Брауном для высадки войск. Однако Раглан, которого поддержали морские офицеры, посчитал местность недостаточно удобной. Побережье было довольно узким. Кроме того, об этом районе уже писали газеты как о предполагаемом месте десантирования. Похоже, союзников здесь ждали: между холмами можно было заметить многочисленные палатки. Пароход вновь отправился вдоль побережья. Следующая остановка была сделана в 35 милях севернее Севастополя, в районе Евпатории, на длинном песчаном пляже которой можно было заметить многочисленных купающихся и загорающих мужчин и женщин. Раглан понял, что нашел подходящее место. Он не стал обсуждать этот вопрос с офицерами. Задав несколько вопросов адмиралам, объявил подчиненным свое решение. Через несколько дней войска высадятся на этом участке.

«Карадок» присоединился к остальным кораблям эскадры поздним вечером. Сотни катеров и лодок двигались от одного корабля к другому, как в порту. Когда «Карадок» стал на якорь на свое место за пароходом «Ориноко», толпившиеся там солдаты и матросы, наслаждавшиеся теплым солнечным вечером, разразились приветственными криками, бросая в воздух головные уборы.

Следующие три дня прошли в радостном ожидании. Омрачить радости не мог даже вид трупов французских солдат,

которых, завернув в одеяла, сбрасывали в море. Неделя, проведенная в море, благотворно подействовала на людей. Они снова чувствовали себя свежими и здоровыми.

День 12 сентября выдался солнечным и почти безветренным. Полоса побережья приближалась и росла на глазах. Она была пустынна. В последнюю ночь перед высадкой корабли стояли на якоре. При этом в ночи можно было различить только собственные бесчисленные мерцающие огни. Никто не мог понять, почему же так спокойно на берегу.

Следующим утром береговая линия была так же пустынна. Проезжали крестьяне в повозках, мелькали среди холмов редкие верховые. Казалось, никого не интересовала армада кораблей, расположившаяся поблизости к берегу. После полудня полковники Стил и Трошу отправились к градоначальнику Евпатории с предложением сдаться. Прежде чем взять в руки бумаги, чиновник, следуя правилам гигиены, тщательно обкурил их дымом. Затем вежливо предложил союзным войскам строго соблюдать карантин и высаживаться в специально отведенном районе, так называемом «лазарете».

Глава 5 БУХТА КАЛАМИТА

Мы пытались развести огонь, пользуясь разбитыми лодками и плотами.

Сержант
Тимоти Гоуинг

Утром в безоблачном небе появилось солнце. Солдаты наблюдали с транспортных судов, как волны медленно накатывают на широкий песчаный берег, разбиваясь о низкие прибрежные холмы из глины и песчаника. Все было спокойно. Дальше берег сужался и переходил в узкую полоску гальки, за которой лениво плескалось соленое озеро. Правее располагалось еще одно озеро меньших размеров, а за ним – полуразрушенная крепость с обвалившейся башней. Далее пейзаж выглядел так же безмятежно, как и побережье. В подзорные трубы офицеры видели мирно пасшийся скот, пшеничные поля, стога сена, белые стены крестьянских домиков, луга, густо заросшие дикой лавандой. Картина была идиллической и совершенно безлюдной.

По дороге на Симферополь проехала одинокая почтовая карета, а затем из-за холмов неожиданно показался казачий разъезд. Впервые появился противник. Казаки ехали на тощих лохматых лошадях и из-за необычно высоких седел казались более рослыми. Их грубый наряд, бараньи шапки и сапоги из сыромятной кожи контрастировали с элегантным зеленым, с серебряным кантом мундиром и изящными сапогами для верховой езды, в которые был одет командир. Офицер сидел верхом на гнедом жеребце, делая какие-то записи в блокноте. Казаки были вооружены длинными пятиметровыми пиками и тяжелыми саблями.

Первыми на берег высадились французы. В семь часов утра их небольшие, по сравнению с английскими, пароходы направились к берегу с первой партией десанта. После того как первая лодка уткнулась в прибрежный песок, высадившиеся матросы стали копать яму. В воздух полетели песок и галька. Как писал корреспондент «Таймс», это было очень похоже на рытье могилы. Затем над головами моряков появился флагшток, и в небо взметнулся французский трехцветный флаг. Через час на берегу находились уже несколько французских полков. На расстоянии четырех миль были расставлены форпосты. К полудню целая дивизия заняла полностью оборудованную оборонительную

позицию.

Англичане все еще не могли последовать столь впечатляющему примеру. При высадке возникла небольшая путаница. Дело в том, что напротив старой крепости попытались установить буй, который должен был служить разграничительной линией между районами десантирования союзников. Однако за ночь этот буй по непонятной причине несколько сместился к югу. В путанице обвиняли французов, которые заняли весь предназначенный для высадки район, оставив союзникам небольшой пятачок холмистой местности. В конце концов англичанам пришлось высаживаться несколько южнее, в районе, где снова начиналась ровная песчаная местность. В девять часов орудие корабля «Агамемнон» дало сигнал к высадке с английских транспортов. Через несколько минут с бортов судов были спущены веревочные трапы, по которым с помощью матросов, обращавшихся с солдатами бережно, «как с неразумными детьми», стала высаживаться английская пехота. Тут и там слышались грубоватые морские шутки. Матросы слегка подталкивали солдат в спины, советовали «не бояться воды». В пределах полос шириной в одну милю небольшие десантные лодки направились к берегу. Впереди всех, состязаясь в скорости, двигались катер с Джорджем Брауном и комендантом лагеря капитаном Дейкром и лодка с корабля «Британия» с солдатами полка королевских валлийских стрелков. Десантники криками подбадривали свои экипажи; каждый хотел первым высадиться на крымском берегу. Обе лодки достигли берега почти одновременно. Вскоре, приветствуемый английскими солдатами, высадился и лорд Раглан.

Десантная операция продолжалась все утро. Казавшееся ночью мрачно-черным море к утру ожило и заиграло всеми цветами радуги. Шлюпки неутомимо курсировали между кораблями и берегом, с кораблей бережно передавали в руки улыбающихся матросов тысячи английских солдат. «Вперед, девочки!» – кричали матросы, растопырив руки для объятий, шотландским стрелкам в национальных юбках. Те, в свою очередь, не оставались в долгу – жеманно протягивали руки морякам и гримасничали.

Однако не все разделяли царившее повсеместно веселье и оживление. Лица многих, ступивших на берег и направлявшихся по указательным флажкам в расположения своих подразделений, были бледными от усталости. Все пехотинцы несли на себе тяжелое снаряжение. Кроме ружья с отомкнутым штыком, каждый солдат имел при себе 50 патронов, одеяло и шинель в скатке, в которой были упакованы запасные ботинки, носки, рубашка и

фуражка. В комплект снаряжения также входили фляжка с водой, часть посуды подразделения и трехдневный паек – четыре с половиной фунта мяса и такое же количество галет. Транспорта не было. Не было даже медицинских повозок, которые, как считалось, слишком хрупки для крымских дорог.

Солдаты мужественно боролись с тяжелым грузом. На плечах с ним они едва могли дойти до своего лагеря за прибрежными холмами и упасть там в изнеможении. К полудню, когда солнце скрылось за тучами, подул ветер и пошел мелкий летний дождь, несколько человек пришлось нести назад и хоронить в прибрежном песке. Путь, который они проделали со своей армией в Крыму, оказался очень коротким. Тяжелобольных также отнесли назад и отправили на борт корабля «Кенгуру», оборудованного 250 койками для раненых. Однако больных оказалось вчетверо больше. Получив указание двигаться в Скутари, капитан «Кенгуру» просигналил, что такой маневр «был бы очень опасным». Офицер «Агамемнона», прибыв на корабль, обнаружил, что все его палубы забиты мертвыми и умирающими. Он признался, что в жизни не видел сцены ужаснее. Мертвых было так много, что с трудом удавалось передвигаться по палубам. Лорд Раглан, услышав об этом, сделал всем строгое внушение, однако даже он ничего не мог поделать со сложившейся системой. Он не мог приказывать морским офицерам или отдавать их под суд военного трибунала, так как они подчинялись другому ведомству.

Во второй половине дня дождь все так же шел, а солдаты сидели под открытым небом и смотрели на стоящие в начинающем темнеть море корабли. Некоторые пытались развести огонь. Как вспоминал позже Тимоти Гоуинг, дровами служили разбитые лодки и плоты. Это было все, что солдаты могли найти на берегу. Ночью начался шторм. Одни собирались группками в редких местах, где можно было укрыться от дождя, другие просто лежали под дождем, безуспешно пытаясь заснуть, и ждали наступления утра. Офицеры, как могли, пытались защитить от дождя мундиры. Полковник Белл, жалея свой алый, шитый золотом мундир с эполетами королевских стрелков, который обошелся ему в 20 гиней, предпочел насквозь промокнуть в шотландском плаще и брезентовой накидке. Лейтенант Хью Эннсли из полка шотландской гвардии расположился более комфортно, устроив себе импровизированную подушку из медвежьей шкуры, которую положил на рюкзак с продуктами.

Перед рассветом дождь кончился, и снова показалось солнце. Вся пехота и часть артиллерии уже находились на берегу, но на

кораблях оставалась кавалерия. Оказалось, что труднее переправить на берег одну лошадь, чем сотню пехотинцев. Большинство офицеров с трудом сдерживали эмоции, глядя на то, как испуганных стреноженных животных укладывают в шлюпки, где они дрожат и фыркают от ужаса. Иногда шлюпка переворачивалась, и лошадь оказывалась в море, тщетно пытаясь вытягивать голову, чтобы не наглотаться соленой воды. Наконец, было решено приостановить выгрузку до тех пор, пока море не успокоится.

Тем не менее к концу следующего дня и лошадей, и остальное армейское имущество выгрузили на берег. Теперь главной проблемой стало перевезти горы продовольствия, боеприпасов и других грузов, беспорядочно сваленных грудами по всему побережью. Необходимо было вернуть на корабли палатки, выгруженные после первой штормовой ночи, которые, как оказалось, не на чем было везти. Генерал Эйри, занявший пост генерал-квартирмейстера вместо заболевшего де Роса, понимал, что основной заботой тыловых служб станет нехватка транспорта, поэтому попытался собрать как можно больше повозок и тягловых животных прежде, чем армия двинется в сторону Севастополя. Это был необыкновенно энергичный и талантливый человек. Ему исполнился пятьдесят один год, но выглядел он намного моложе. Несколько лет он вместе с двоюродным братом провел на бескрайних просторах севера Канады, где ему пришлось собственноручно валить деревья для того, чтобы построить дом. Генерал заслужил уважение даже среди военных, которые привыкли быть скупыми в проявлении чувств. К началу войны он служил военным секретарем главнокомандующего лорда Хардинджа. Лорд Раглан лично попросил его занять пост генерал-квартирмейстера. Однако, имея большую склонность к службе в войсках, генерал Эйри вначале занял должность командира бригады в легкой дивизии. Но после отъезда генерала де Роса Раглан настоял на том, чтобы генерал Эйри занял его должность. Сразу же после высадки генерал направил роту валлийских стрелков под командованием майора Лисонса для захвата уходившего в глубь полуострова большого русского обоза, который охраняли казаки. Увидев неприятеля, казаки, подбадривая волов и возниц наконечниками пик, попытались увести обоз. Но сразу же отступили, как только англичане открыли огонь, оставив перепуганных татар с повозками в качестве трофея неприятельским солдатам в красных мундирах. Татары сразу же попадали перед иностранцами на колени в знак повиновения.

Это было только начало: на следующий день по приказу

генерал-квартирмейстера в глубь полуострова были направлены специальные команды, задачей которых было найти и доставить в лагерь повозки и тягловых животных, а также все, что могло быть использовано в качестве транспорта. Экспедиция под командованием лорда Кардигана закончилась полной неудачей. По его словам, «никогда ранее ему не приходилось участвовать в более абсурдном предприятии». Другим повезло больше, и к тому времени, когда армейское имущество было полностью выгружено с кораблей, такие команды сумели найти 350 повозок с возницами, 67 верблюдов и 253 лошади. Кроме того, им удалось заготовить для нужд армии 45 повозок домашней птицы, пшена и муки, а также свыше тысячи голов скота. Цифры выглядят впечатляюще, однако этого было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить транспортом и продуктами армию численностью 27 тысяч солдат и офицеров. Об этом Раглан прямо сказал генералу Эйри.

Французам, армия которых в это время была ненамного больше английской, повезло больше. У них существовала отдельная транспортная служба. Кроме того, они без малейших колебаний отнимали у населения все, что им было нужно. Иногда за это предлагали деньги, однако назвать это торговлей можно было с большой натяжкой. Татар приучили, что они должны быть счастливы, если удается получить от французских солдат хоть какие-то деньги, ведь обычно они не стесняются забирать все бесплатно. Французские офицеры жаловались, что не в силах остановить грабежи. В армии витал настолько «революционный» дух, что, не имея возможности контролировать собственных подчиненных, им оставалось только завидовать дисциплинированности англичан.

Вскоре привычной картиной в расположении французских войск стали верблюды, груженные зерном, и телеги, полные овощей. Кавалеристы пиками подгоняли к лагерю сотни овец и коров, оглашающих окрестности блеянием и мычанием.

Одной из главных забот Раглана стало не допустить, чтобы и его подчиненные, заразившись примером французов, занялись грабежом. 15 сентября он собрал у себя старейшин окрестных деревень. Старики пришли в его палатку с горящими от гнева глазами. Они были одеты в длинные национальные наряды; на головах красовались бараньи шапки. Вежливо поприветствовавший их Раглан был в своем обычном гражданском костюме. Впоследствии Сомерсет Калторп восхищенно писал об этой встрече: «Мне не приходилось знать другого человека, обладавшего таким даром расположить к себе любого собеседника». Раглан объявил, что английская армия

вынуждена конфисковать все телеги и всех домашних животных, за что жителям будет заплачено. В ответ на уважительную речь лорда некоторые старейшины заявили, что, хотя и не желают зла своим северным русским соседям, готовы предоставить повозки и возниц в распоряжение англичан бесплатно на любой срок. Предложение было принято, однако Раглан добавил, что его офицеры получили распоряжение следить за тем, чтобы все закупки пищи, скота и фуража для британской армии оплачивались [10] .

В заключение старейшин заверили, что местным жителям не следует бояться солдат армий союзников, которые обязуются обращаться с ними с должным уважением. Всего через несколько часов Раглану доложили о случае изнасилования татарской женщины французскими зуавами. Позже один из его адъютантов вспоминал, как всегда спокойный, строго контролировавший свои эмоции лорд покраснел от гнева и стыда.

Конечно, нельзя было утверждать, что его собственные солдаты вели себя безукоризненно. Через два дня после встречи со старейшинами, прямо во время церковной службы кто-то пригнал в расположение 3-й дивизии огромную отару овец. Забыв про службу, проходившую прямо под открытым небом, солдаты со штыками набросились на испуганных животных. Голос капеллана потонул в криках, лязганье штыков и предсмертном блеянии овец. Вскоре все вокруг было залито кровью. Однако этот случай был скорее исключением из правил. Французы воспользовались тем, что на два часа опередили англичан при высадке. Помощник хирурга полка шотландской гвардии доктор Робинсон, наблюдая за тем, как зуавы, сгибаясь от тяжести, тащат на себе украденных телят и овец, с сожалением записал в дневнике: «Наши союзники оставляют после себя очень мало имущества».

18 сентября Раглан решил, что дальнейшее ожидание бессмысленно. Люди начинали волноваться. «Какого черта мы ждем? – спрашивали некоторые раздраженно. – Что, русского царя уже свергли?» Армия должна была двигаться, вернув на корабли имущество, которое не сможет унести с собой. Наступление на Севастополь было запланировано на следующий день.

Французская армия, у которой было меньше кавалерии и имелась транспортная служба, уже через два дня была готова к походу. Сент-Арно не скрывал раздражения по отношению к союзникам, в лагере которых, по его мнению, царили лень и неразбериха. По крайней мере дважды он в окружении многочисленной свиты приезжал в штаб Раглана, чтобы напомнить, что французы и турки готовы выступать и ждут того

же от англичан.

В три часа утра 19 сентября прозвучал сигнал подъема, однако войска начали движение только спустя шесть часов. В течение этих шести часов французы нетерпеливо трубили в горны и били в барабаны, в то время как англичане лихорадочно суетились на берегу, стараясь успеть выкопать могилы, перенести носилки с ранеными, погрузить в лодки имущество, которое предполагалось вернуть на корабли [11] .

Они не успели приготовить пищу и решили взять с собой мясо сырым. Некоторым не хватило времени даже на то, чтобы наполнить фляги водой из единственного колодца.

К девяти часам утра армии, наконец, начали движение. День выдался солнечным и жарким. Французы, которые выступили первыми, двигались на правом фланге, между англичанами и морем. Таким образом, их фланги были защищены от внезапного нападения. Англичане, напротив, шли по незнакомой стране, открытые для вражеской атаки с трех сторон. Более опытный генерал, чем лорд Раглан, несомненно, отправил бы в разные стороны кавалерийские дозоры. Его же армия двигалась опасно скученной массой.

В авангарде шли 13-й драгунский и 11-й гусарский полки под командованием лорда Кардигана. На открытом левом фланге находился лорд Лекэн с 8-м гусарским и 17-м уланским полками. Лорд Джордж Пейджет с 4-м драгунским полком прикрывал тыл. Посередине под прикрытием рот стрелковой бригады в походном порядке двигались 5 пехотных дивизий. Поделенные между ними на равные группы, 60 артиллерийских орудий с грохотом катились на правом фланге. За 3-й дивизией гнали скот; волы, верблюды и лошади со скрипом тянули деревенские повозки с припасами, вытаптывая мягкую и ровную, как на газоне, траву.

Простиравшийся на многие километры холмистый пейзаж был прекрасен. Местами земля, как ковром, была покрыта папоротником, лавандой и другими неизвестными растениями. Вытаптываемая тысячами тяжелых башмаков, она издавала удивительный резкий горьковатый запах.

Во главе каждой из дивизий гордо реяли полковые знамена; оркестры играли походные песни. Остряки изощрялись, придумывая к ним собственные версии слов.

Но веселье и задор не могут длиться вечно. Солнце припекало все сильнее, прохладный ветерок с моря, наоборот, становился все слабее. Глотки солдат пересыхали от жажды. Оркестры перестали играть. Пришлось отрядить специальные партии солдат, чтобы вернуть в строй отставших, которые медленно тащились в сотнях метров от своих подразделений.

Несмотря на то что все лишнее было отправлено обратно на корабли, которые, подобно теням, сопровождали войска по морю, даже облегченная солдатская поклажа оказалась многим не по силам. Человек, еще минуту назад оживленно переговаривавшийся с соседом, мог внезапно упасть с почерневшим лицом в приступе рвоты. Холера продолжала косить солдат. Капитан Биддульф позже рассказывал отцу, что холера набрасывалась на людей пугающе внезапно. Например, веселый, здоровый, довольный жизнью человек мог сделать глоток воды из фляги на привале и вскоре внезапно заболевал и через несколько часов умирал.

Чем дальше к югу продвигались войска, тем пустыннее становился пейзаж. Весь скот из окрестных мест угнали казаки. Даже зайцы, которые раньше буквально выпрыгивали из-под ног марширующих солдат, теперь попадались все реже и реже. Над горящими деревнями висели столбы дыма. Когда-то белые стены крестьянских дворов почернели от копоти. Солдаты, надеявшиеся отдохнуть в домах от палящего солнца, обнаружили, что все они опустели. Исчезла даже мебель. Иногда в доме можно было обнаружить лишь пучки засушенных трав, несколько кастрюль и дешевые иконы.

Больше всего изнуряла жажда. Многим не удавалось напиться на протяжении целого дня. Запасов воды на транспортных судах оказалось недостаточно. Еще меньше ее было на берегу. Дождливая погода 17 сентября вскоре сменилась засухой, вода быстро впиталась в почву. Вырытые колодцы давали только солоноватую воду. Вода в попадавшихся на пути источниках оказалась непригодной для питья. Губы солдат потрескались от жажды. К полудню армия уже не могла двигаться без привалов более получаса. Когда солдатам приказывали встать и продолжить движение, они падали на колени и молили о глотке воды. Многие были в полубессознательном состоянии. Из-за нестерпимой жары солдаты бросали шинели и другое имущество, через которые равнодушно переступали идущие следом. Затем наступал момент, когда человек сам падал на землю в изнеможении. Тела и снаряжение беспорядочно лежали в таком изобилии, что идущие сзади полки с трудом могли продолжать марш. Солдаты 3-й дивизии побросали ружья на повозки, а сами шли, цепляясь за их края так отчаянно, как утопающие хватаются за борт шлюпки. Ехавшие верхом на мулах леди Эррол и ее подруга-француженка были едва видны, со всех сторон обвешанные ружьями солдат из полка лорда Эррола.

Армия теперь шла в полном молчании. Слышался только приглушенный травой топот армейских ботинок, грохот колес

артиллерии, скрип повозок, цокот копыт кавалерийских лошадей, сквозь которые редко прорывались сдавленные стоны, крики или проклятия. Все эти звуки заглушали веселое щебетание жаворонков, которые, словно издеваясь над людьми, неутомимо порхали в ярком безоблачном небе.

Лорд Раглан, мрачный и молчаливый, ехал со своим штабом впереди войсковых колонн. Когда один из адьютантов заметил, что Раглан отъехал слишком далеко от марширующих войск, тот неожиданно резко ответил: «Не отвлекайте меня разговорами, я занят». У него были причины для беспокойства. Где-то впереди, в этой спокойной сейчас, неизвестной стране, находился враг, о силах которого он мог только догадываться. Сзади шла армия, пребывавшая в катастрофическом состоянии. Однажды он заметил казачий патруль, наблюдавший за передвижением войск и быстро умчавшийся галопом по холмистой равнине, чтобы доставить сведения своему командиру. Как Раглан успел определить, местность идеально подходила для действий кавалерии. У англичан же кавалерии было явно недостаточно. К тому же командовали ею два офицера, которые никогда прежде не воевали. К тому же с каждым днем эти два офицера все больше ненавидели друг друга.

Проблемы начались с того дня, когда в Варну прибыл лорд Кардиган со своей легкой бригадой. Командир кавалерийской дивизии Лекэн с тяжелой бригадой в то время еще оставался в районе Скутари. Он был зол на Кардигана за то, что тот отдавал приказы всем кавалерийским частям, не посоветовавшись с прямым начальником. Он был зол и на самого Раглана за то, что тот не пресекал этого самоуправства. Конечно, Раглан понимал, что был не прав, когда в Болгарии общался с Кардиганом через голову Лекэна. Это привело к тому, что Лекэн поссорился с целым светом. Однако Раглан понимал и то, что единственный способ добиться хоть какого-то толка от кавалерии – держать ее командиров вдали друг от друга. Когда Лекэн, наконец, прибыл в Варну, он сразу же обрушился на Кардигана. Стычки с тех пор происходили регулярно.

Но еще большей проблемой, чем склоки кавалерийских командиров, было снабжение армии. Единственными имеющимися в его распоряжении транспортными средствами были перегруженные крестьянские телеги, лошади и верблюды, меланхолично вышагивающие вслед за его несчастными солдатами. Несколько недель назад Раглан обратился к правительству с предложением о создании наземной транспортной службы, но до сих пор ничего не было сделано. Таким образом, там не придавали значения его постоянным

жалобам на катастрофическую нехватку транспорта.

В два часа перед армией, подошедшей к краю очередного горного хребта, открылся величественный вид на долину, по которой сверкающей лентой тянулась к морю река Булганак. Солдаты, увидевшие реку, стали неуправляемыми. Забыв о строе, они кидались в ее прохладные воды, окуная в нее измученные зноем тела, и пили, пили, пили.

Правый берег Булганака был более низким, чем левый. Далее рельеф местности вновь уходил вниз, чтобы через некоторое время смениться новым подъемом. Раглан решил, прежде чем отдать приказ армии на переправу, выслать вперед разведку. За ближайшими холмами он видел высокие папахи казачьего эскадрона. Пока пехотинцы продолжали радостно плескаться в реке, он поручил лорду Кардигану разведать обстановку на ее южном берегу.

Кардиган с четырьмя кавалерийскими эскадронами поскакал по направлению к ближайшим холмам. Лорд Лекэн, не доверявший своему родственнику, поскакал за ним, нагнав разведчиков на вершине. Отсюда двум генералам открылся вид на окрестности.

Навстречу им, приминая траву, медленно двигалась крупная русская кавалерийская часть – около 2 тысяч всадников. Это был момент, которого долго ждал Кардиган. Он знал, что и как следует делать. Спокойно, как на параде, он приказал своим людям построиться в боевой порядок. Команда была выполнена с поразительной быстротой. Русские остановились, их стрелки издали открыли огонь из карабинов. Передовой отряд англичан тоже остановился, выжидая.

Однако лорд Раглан, который находился на более высокой вершине, чем офицеры кавалерии, мог видеть дальше, чем видели они. Вслед за русской кавалерией двигалась плотная серая масса, скрытая от передового отряда англичан. Казалось, пространство вокруг этой огромной темной массы наполнено огоньками тысяч вспышек. Это блестели на солнце штыки. 6 тысяч солдат 17-й дивизии русских преградили союзникам путь на юг.

Было слишком поздно разворачивать фланги. Кардигану следовало немедленно отходить, пока враг не обнаружил уязвимость занятых четырьмя эскадронами позиций и не захватил их. К счастью, плотные ряды кавалерии, стоящей в неподвижном строю, неприятель принял ошибочно за крупные силы. Русские не осмеливались напасть первыми. Для того чтобы спастись, Кардигану было нельзя ни атаковать, ни поспешно отступать.

Намереваясь ввести русских в заблуждение, будто они встретились с крупными силами, успевшими построиться в

боевой порядок, Раглан приказал частям 2-й и легкой дивизий переправиться и построиться на южном берегу. 8-й гусарский и 17-й драгунский полки были отправлены с приказом занять позиции за авангардом. Пока солдаты медленно выполняли его приказы, Раглан напряженно наблюдал за противником, ожидая начала его наступления. Однако неприятельские войска оставались на месте.

Как только войска заняли новые позиции, Раглан отправил к генералу Лекэну генерала Эйри с приказом отходить. Эйри застал двух кавалеристов в пылу очередной ссоры. Лекэн криком пытался добиться от Кардигана перестроения его подразделений; тот, презрительно игнорируя бесполезные советы начальника, горячо оспаривал его указания.

Приказ, который привез двум генералам Эйри, был расплывчатым и неконкретным. Одной из трагических сторон манеры командования Раглана являлось то, что такими были все его приказы. Возможно, вежливого, даже просительного тона нельзя было избежать в армии, где все командные должности распределялись в соответствии с родовитостью фамилии, а не действительными военными заслугами. Однако неконкретность объяснялась непониманием роли командующего армией. Перед лицом врага лорд Раглан считал себя скорее советчиком, чем вождем. Он часто поддавался порыву переложить принятие окончательного решения на командиров более низкого ранга, предполагая, что офицер, находящийся «на острие проблемы», лучше понимает, какое именно конкретное решение он должен принять. Такой созерцательный подход мог быть оправданным, если бы подчиненные, которым Раглан доверял вершить судьбы своих солдат, не только обладали умом и широтой кругозора своего командующего, но и владели бы знанием обстановки в целом, то есть были бы способны предвидеть последствия принимаемых ими решений для всей армии. Кредит доверия, с удовольствием предоставляемый Раглаком своим подчиненным, предполагал наличие у них умения быстро понимать, оценивать и прогнозировать сложившуюся обстановку, принимать самые эффективные в данный момент решения. Но такого умения у его людей не было и быть не могло, поэтому подобный подход, несомненно, должен был привести к самым пагубным последствиям.

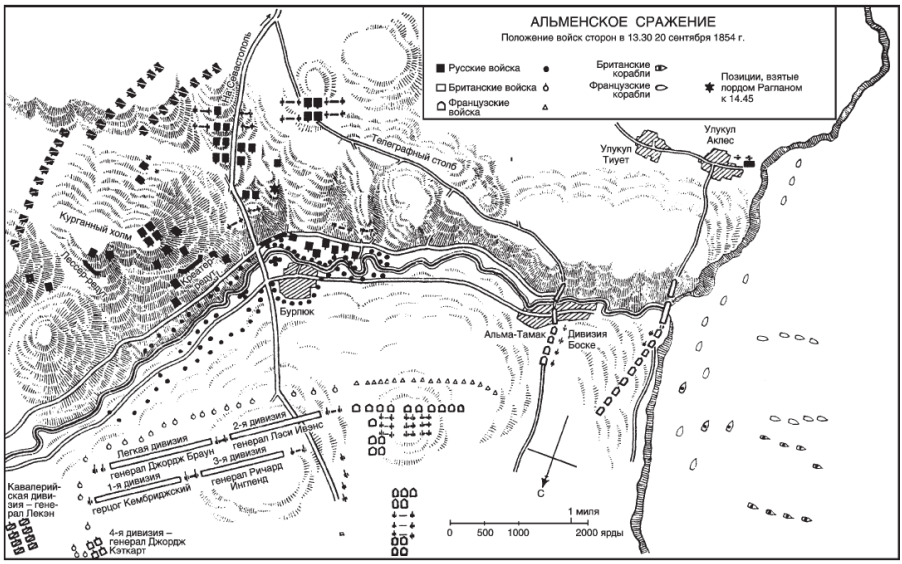
В случае с противостоянием на реке Булганак положение спас генерал Эйри, который переработал приказ командующего и облек его в более категоричную форму. Увидев, что генералы Лекэн и Кардиган полностью отдались выяснению отношений, забыв о своей роли командиров, он от имени лорда Раглана

приказал им отходить.

Не зная о том, что им противостоят значительные силы противника, четыре эскадрона авангарда с мрачной неохотой отходили, провожаемые насмешками русских кавалеристов. Им казалось, что виновник их унижения – генерал Лекэн, запретивший Кардигану вести их вперед, навстречу славной победе. Один из офицеров предложил отныне называть командующего кавалерией лордом Осторожность [12] . Обидное прозвище надолго приклеилось к генералу Лекэну.

Пехотинцы злорадствовали. Они и так были обижены неравноправием родов войск, наблюдая во время тяжелейшего марша за проносящимися мимо кавалеристами. Теперь у них, казалось, появился случай лишний раз убедиться в том, что там, где ожидается настоящее сражение, остается надеяться только на пехотные полки. Один из рядовых 41-го полка с мрачным удовлетворением заявил: «Снова нам придется проливать кровь за этих разряженных павлинов».

Отход войск был проведен быстро и эффективно. Как только отступила кавалерия, две артиллерийские батареи по приказу Раглана открыли заградительный огонь. Русские ответили, но как-то вяло. После того как англичане отвели свою кавалерию, они не видели смысла в ведении на этом участке активных боевых действий. Ведь всего в нескольких километрах позади них оставалась хорошо укрепленная позиция, которую можно было оборонять бесконечно долго. Командующий русской армией князь Меншиков успел заверить царя, что его войска легко удержат этот участок в течение трех недель. За это время оборонительные укрепления Севастополя станут непреодолимыми. Даже его подчиненные, не разделявшие чрезмерного оптимизма командующего, считали, что смогут задержать англичан по крайней мере на неделю. Поэтому русские, в соответствии со своими планами, снова отошли от реки Булганак, на берегу которой английская армия в боевом порядке расположилась на ночь. С наступлением темноты солдатам, многие из которых были настолько измотанны, что не могли даже есть, наконец-то удалось поспать. Те из них, кто не мог уснуть, всю ночь смотрели в сторону реки Альмы, у крутых берегов которой расположились лагерем русские войска. Сражения с русскими на этот раз не произошло. Всю ночь во вражеском лагере горели сотни костров, вероятно разведенных солдатами сторожевого охранения.


АЛЬМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
Положение войск сторон в 13.30 20 сентября 1854 г.
Русские войска
Британские войска
Французские войска
Британские корабли
Французские корабли
Позиции, взятые лордом Рагланом к 14.45
Улукул Аклес
Улукул Тиует
Телеграфный столб
Дорога на Севастополь
Курганный холм
Кокиогат
Буруюк
Альма-Тамак
Дивизия Боске
2-я дивизия
Легкая дивизия
генерал Пэсси Иванс
генерал Джордж Браун
3-я дивизия
1-я дивизия
генерал Ричард Ингленд
герцог Кембриджский
Кавалерийская дивизия – генерал Лекэн
4-я дивизия – генерал Джордж Кэткарт
С
1 миля
0 500 1000 2000 ярды

Глава 6 АЛЬМА

Шаг за шагом во время этой кровавой бойни мы шли вверх по холмам.

Сержант
Тимоти Гоуинг

I

Утром следующего дня Джордж Пейджет подъехал к месту ночевки Раглана и застал его беседующим около дома с генералами Эйри и Эсткортом. Как впоследствии вспоминал Пейджет, Раглан выглядел встревоженным. Генералы были в головных уборах, что подчеркивало официальный характер совещания.

Утро было прекрасным, с моря дул легкий ветерок. Гардемарин Ивлин Вуд с корабля «Королева», стоящего на якоре в устье реки Альмы, думал о том, насколько странно мирным и спокойным выглядел пейзаж с моря. Слева, на стороне, занятой англичанами, берег реки Альмы был настолько пологим, что казалось, вырастал прямо из реки.

Взгляду открывался типично сельский пейзаж: виноградники за низкими каменными оградами, маленькие белые домики с разбитыми возле них садами. С «русской» стороны рельеф местности был совсем другим. Крутой берег переходил в каменистое плато. Здесь практически ничего не росло, всюду лежали мелкие и крупные камни. Подчеркивая мрачную величественность пейзажа, на берегу высилась скала высотой примерно 350 футов, очертаниями напоминавшая гранитную книгу.

Русские позиции выглядели впечатляющими. Примерно в трех милях вглубь от первой скалы, которую назвали Западным утесом, тянулась вверх другая, не меньшей высоты, хотя и была пологая. Впоследствии эту вершину, расположенную в самом центре русских позиций, стали называть Телеграфным столбом. Слева от нее находилась третья высота, несомненно важнейшая в оборонительных позициях русских войск. Несколько дней назад князь Меншиков с гордостью демонстрировал генералу Кирьякову расположенные там артиллерийские батареи. Раглан сразу же определил, что здесь находился ключ к обороне русских. Высота называлась Курганным холмом. На его переднем склоне находилась полоска земли, выступающая в сторону реки. Здесь были построены брустверы, за которыми располагалась батарея из 12 орудий. Эта позиция вскоре стала ареной ожесточенного боя. Англичане назвали ее Большим редутом, хотя на самом деле этот редут представлял собой всего лишь земляную насыпь, предохраняющую орудия от скатывания со склона холма после выстрела. Выше по холму располагался Малый редут, орудия которого прикрывали восточный фланг обороны русских.

Между Курганным холмом и Телеграфным столбом узкой

лентой тянулась вдаль, теряясь за холмами, дорога на Севастополь. По обе стороны дороги, всего в 500 ярдах от расположенной на берегу реки деревни Бурлюк были развернуты еще несколько батарей артиллерии русских. Система их огня была организована таким образом, чтобы каждая прикрывала расположенную ближе к позициям противника батарею. Батареи простреливали буквально каждый метр дороги на Севастополь.

В сентябре глубина реки Альмы невелика: ее можно легко перейти вброд в нескольких местах, даже в районе устья. В связи с этим задача Меншикова не сводилась к одной только обороне мостов через реку у поселков Бурлюк и Альма-Тамак. Русским войскам было необходимо прикрывать районы возможной переправы союзников через Альму и не допустить их прорыва к дороге. Такие места были тщательно пристреляны орудиями с господствующих высот и обозначены на местности ориентирами. Местность в этих районах была ровной и открытой. Даже немногочисленные ивовые деревья были заранее срублены, чтобы союзники не могли использовать их как укрытия. У князя Меншикова были все основания для того, чтобы чувствовать себя уверенно.

Меншикова, излишне самоуверенного по натуре, подчиненные не любили за высокомерие и деспотизм, офицеры были приучены не давать ему советов. Во время предыдущей турецкой кампании выстрел турецкой пушки сделал его несостоятельным как мужчину. С тех пор князь ненавидел турок и всех их союзников патологической ненавистью. Из своей ставки на Курганном холме Меншиков наблюдал за полем битвы, которое, по его мнению, вскоре должно было стать свидетелем невиданного поражения союзных войск. Войсками, расположенными в центре, слева от позиции Меншикова, командовали князь Горчаков и его заместитель генерал Кветцинский. За оборону в районе Телеграфного столба отвечал генерал Кирьяков. Западный склон, практически отвесно спускавшийся к морю, считался неприступным, и его оборонял всего один батальон минского полка.

II

Подъем забывшейся тяжелым сном английской армии был произведен в семь часов утра. Солдат поднимали бесшумно, без барабанов и горнов. Здесь и там можно было наблюдать картину, когда укутанное в шинель или одеяло тело никак не реагировало на пинки сержантов. Когда же шинель или одеяло грубо срывали, взору представали мертвые лица, глядящие в небо невидящими глазами.

С глинистых берегов Булганака вновь потянулась процессия с телами мертвых и умирающих. К восьми часам утра на берегу лежало около 300 солдат. Большинство из них умерло от холеры, еще живые ожидали эвакуации на корабли.

Было довольно жарко, люди устало передвигались по лагерю. Многим полкам, особенно назначенным во фланговое охранение, прежде чем удалось занять места в боевых порядках, пришлось проделать многокилометровый марш. Французам снова пришлось ждать замешкавшихся англичан. К девяти часам дивизия генерала Боске уже четыре часа находилась в боевом порядке. Зуавы пили кофе и поругивали вечно опаздывающих англичан. Спустя еще два с половиной часа английские войска тоже были построены. Можно было наступать.

Теперь, когда, наконец, началось наступление, командующий, казалось, сбросил с плеч груз озабоченности. Он почти весело общался с подчиненными. По словам очевидцев, сидел на лошади с таким невозмутимым видом, будто находился где-то в Роттен-роу в Гайд-парке. Внезапно из-за линии стрелков показался маленький серый пони, который сначала понесся по направлению к офицерам штаба, а затем неожиданно остановился и сбросил с себя седока в гражданском платье. Все дружно разразились смехом. Раглан помог незадачливому всаднику встать, предложил ему выбрать одну из своих лошадей и приказал ординарцу привести в порядок седло пони. Час или два назад пони этого человека привлек к себе внимание Раглана оглушительно громким ржанием. Лорд Раглан тогда воскликнул: «Никогда прежде не слышал, чтобы пони производил так много шума. Кто этот джентльмен на нем?» – «Наверное, это один из репортеров, милорд, – ответил один из офицеров штаба, – отослать его отсюда?» – «Думаю, что в этом случае он напишет о вас в таких красках, что вы об этом пожалеете», – улыбнулся Раглан. Кто-то узнал в упавшем джентльмене знаменитого писателя Кинглейка. «О, это замечательный человек», – заметил лорд Раглан и принялся беседовать с писателем.

Армия медленно двигалась вперед в полосе наступления около 5 миль. Солнце припекало довольно сильно, но легкий морской бриз приятно освежал. Англичане все так же находились на левом фланге, а французы – на правом, ближе к морю. Такой боевой порядок давал французам преимущество с точки зрения безопасности. Во-первых, они находились под прикрытием флота, корабли которого уже вели огонь по позициям русских; во-вторых, на этом направлении практически не было русских войск. В то же время на пути англичан стояла практически вся армия русского императора. В этой чрезвычайно опасной ситуации был отчасти виноват сам Раглан.

Прошлым вечером в дом, где размещался английский командующий, прискакал верхом взволнованный Сент-Арно в сопровождении полковника Трошу. Лорду Бэргхершу бросились в глаза неестественно горящие глаза Сент-Арно, что он отнес к чрезмерному количеству лекарств, которые в последние дни был вынужден принимать французский маршал. Путая французские и английские слова, Сент-Арно предложил, что французские войска атакуют русских на правом фланге, переправятся через реку в районе поселка Альма-Тамак и обойдут русских слева. В то же время англичане будут наступать в центре и на другом фланге. Таким образом, возьмут в клещи русские войска и вынудят отойти. Все очень просто, уверял маршал, достав из кармана карту и развернув ее на столе. Согласно сделанным на карте многочисленным неровным пометкам, русские будут настолько втянуты в бои с французами, что не смогут разгадать и предотвратить маневр англичан. Вид карты вызвал у маршала новый взрыв красноречия. Лорд Раглан сидел и смотрел на Сент-Арно, изобразив на лице напряженное внимание и не перебивая. Многим, кто знал его, казалось, что он изо всех сил пытается сдержать улыбку. Стараясь любой ценой сохранить доброжелательные отношения с союзниками, он не хотел вступать в спор, грозивший перерасти в ссору. Заверив французов, что те могут полностью положиться на союзников, он не вымолвил больше ни слова. Сам он считал, что реальный план наступления можно подготовить только после того, как будет выявлено действительное расположение русских войск. В то же время Сент-Арно полагал, что его план в принципе принят и Раглан только хочет доработать его до мельчайших деталей.

Полковник Трошу, которому было известно негативное отношение англичан к любым риторическим упражнениям, попытался направить поток красноречия своего начальника в более конкретное русло. Перебив Сент-Арно, он попросил его указать районы сосредоточения французских войск для

наступления. Однако тот сердито отмахнулся от подчиненного, отнеся этот вопрос к малосущественным деталям. Он все еще находился в приподнятом настроении. В то же время маршал пока не понимал, что намерены предпринять англичане.

В этом неведении он оставался и в полдень следующего дня, когда наступление уже началось, но это его не особенно беспокоило – он был уверен в победе. Всего несколько минут назад он проскакал верхом перед одним из английских полков, солдаты которого дружно приветствовали его громкими криками. Растроганный, он в ответ сорвал с себя головной убор и громко прокричал: «Да здравствует Англия!» Затем, проезжая перед рейнджерами из Коннахта, обратился к ним: «Надеюсь, вы сегодня будете драться хорошо». Один из солдат на это ответил: «Конечно, ведь мы не умеем по-другому».

Теперь Сент-Арно объезжал ряды собственных солдат, и его штандарт гордо реял поверх голов офицеров эскорта. Когда он приблизился к одному из возвышений в степи, навстречу ему направился Раглан. Затем оба командующих въехали на вершину холма для того, чтобы более внимательно осмотреть позиции русских. Несколько минут они провели там вдвоем. В штатском костюме Раглан мало походил на военачальника и этим сильно проигрывал по сравнению с нарядным французом. Оба смотрели на другой берег через подзорные трубы. Английские солдаты видели, как Раглан протянул свою трубу французу. Она была сделана по его специальному заказу. Достав трубу из кожаного футляра, Раглан мог легко управляться с ней одной рукой.

Пока два военачальника, сидя в седлах, дружески беседовали, армии замерли в ожидании. Многие помнили молчание, царившее в эти минуты в войсках. Казалось, что в мире замерли все звуки. Возникло необъяснимое ощущение остановки времени. Даже легкий шум звучал оглушительно громко. Кашель казался канонадой. Ржание лошади привлекало к себе внимание тысяч людей. Наконец практичный и приземленный командир горской бригады сэр Колин Кемпбелл заявил одному из подчиненных: «Самое время достать патроны». И шум, с которым горцы разрывали коробки с патронами, наконец, вернул всех к реальности.

Командующие все еще были на холме. Никто не слышал, о чем они беседовали. Однако Сент-Арно и теперь не понимал, что намерен предпринять Раглан. Когда к ним подъехал Джордж Браун, он слышал, как француз спросил: «Будете ли вы пытаться обойти их с фланга или атакуете в лоб?» Раглан ответил, что для нанесения флангового удара будет необходимо, чтобы его войска совершили несколько лишних километров марша, чего он не

намерен требовать от своих солдат. Кроме того, у него слишком многочисленная кавалерия, которой трудно управлять при фланговых маневрах, поэтому он не может ничего сказать точно, пока не началась битва. Сент-Арно ускакал, оставив англичанина корректировать действия своих войск по мере дальнейшего развития событий.

В час пополудни был дан сигнал к наступлению, и английская армия снова пошла вперед. Впереди наступающих колонн двигались роты стрелковой бригады под командованием полковника Лоуренса и майора Норкотта. Они первыми вступили в перестрелку с русскими, беспорядочными группами передвигавшимися по зеленой равнине. Вскоре открыли огонь батареи Курганного холма, и передовые дивизии стали вытягиваться в линии для того, чтобы рассредоточиться и уменьшить потери от артиллерийского огня. На левом фланге располагалась легкая дивизия, на правом – 2-я дивизия. Во второй линии вслед за 2-й наступала 3-я дивизия. Легкую дивизию поддерживала 1-я дивизия, 4-я дивизия находилась во втором эшелоне сзади и чуть левее 1-й. Таким образом, все происходило в полном соответствии с учебниками тактики. Однако в данном случае случилось то, что не предусмотрено никакими наставлениями, то, что принято называть человеческим фактором, который способен очень быстро превратить в хаос любые четкие построения.

Первой проблемой была близорукость командира легкой дивизии Джорджа Брауна. Человек с нормальным зрением или, по крайней мере, не пренебрегавший очками гораздо раньше, чем командир легкой дивизии, заметил бы, что его войска недостаточно сместились влево и теперь наступают под тупым углом на своих соседей. При этом солдаты расположенного на правом крыле полка королевских стрелков смешались с левым флангом бригады соседней дивизии. Вскоре фланги дивизий перемешались и, переругиваясь, наступали друг другу на пятки. «Господи, – восклицал Колин Кемпбелл, – эти полки совсем не похожи на англичан!» Никто из штабных офицеров не осмелился доложить Брауну обстановку и предложить, как ее исправить. Все знали, что он не терпит советов и никогда им не следует.

Раглан увидел происходящее и направил полковника Лисонса с приказом Брауну сместиться левее. Однако его приказ не был выполнен. Тогда он поехал к Брауну сам и, не найдя его, отдал приказ командиру 1-й бригады генералу Кодрингтону. Но после разговора с Кодрингтоном Раглан понял, что поступил неправильно. Зная щепетильность Брауна в вопросах субординации, командующий осознал, что не должен был

отдавать приказы подчиненным через голову командира. Поэтому он отменил свое распоряжение. Много раз во время Крымской кампании желание пощадить чувства подчиненных заставляло Раглана совершать подобные ошибки. В данном случае ошибка так и не была исправлена, и две дивизии двигались в сторону реки, все более перемешивая свои ряды.

Герцог Кембриджский, войска которого наступали вслед за легкой дивизией, решил не повторять ошибки Брауна. Когда первая дивизия попыталась рассредоточиться под огнем противника, она настолько растянула свои ряды в обе стороны, что не оставила соседу справа Ричарду Ингленду, командиру 3-й дивизии, места для маневра, поэтому Раглану пришлось отвести 3-ю дивизию в резерв.

Британская армия полностью расстроила боевой порядок, в котором несколько часов назад начинала наступать. Русским, наблюдавшим с противоположного берега за переправой, она казалась неорганизованной толпой. Ближе к морю плотные колонны французов при поддержке компактных боевых порядков турецких батальонов выглядели весьма внушительно. Здесь же сильно растянутые линии солдат в красных мундирах казались слабыми и плохо управляемыми. Русских предупредили, что им придется воевать с моряками. Зная, насколько плохо воевала их собственная морская пехота, они не так уж удивились, увидев тонкие и неровные ряды англичан, совсем не похожие на наступающую армию. Сейчас англичане уже не наступали. Рядами красных точек английская пехота залегала под ураганным артиллерийским огнем.

Британские офицеры и сами понимали, как нелепо улечься под сплошной завесой огня вражеской артиллерии. В то же время они не могли не восхищаться бесстрашием лорда Раглана и офицеров его штаба, которые, не покидая седел, в шляпах с белыми плюмажами появлялись то на одном, то на другом участке, не обращая внимания на русские пушки. Раньше штаб Раглана сопровождала разношерстная толпа штатских – праздных наблюдателей и корреспондентов различных газет. Один из адъютантов даже предложил отослать их всех в тыл, чтобы не мешали лорду. «Пусть остаются, – сказал Раглан, – можете мне поверить, все они разбегутся, как только мы попадем под вражеский огонь». Через две минуты вблизи штабной группы разорвалось первое русское ядро. Оно упало с недолетом и отрикошетило через головы офицеров. В ту же минуту толпа зевак посыпалась во все стороны, подальше от опасности.

Лорд Раглан остался совершенно невозмутимым, как будто присутствовал на представлении в театре [13] .

Повернувшись, чтобы отдать приказ одному из подчиненных, который яростно погонял своего жеребца, спеша покинуть опасный участок, Раглан спокойно сказал ему: «Не торопитесь. Не нужно переходить в галоп». Он всегда заботился о том, чтобы, сохраняя спокойствие в самые трудные моменты боя, вселять уверенность в своих солдат. Кроме того, русские тоже должны видеть, что английские командиры спокойны и уверенны и даже в самые напряженные минуты боя не теряют управление войсками.

Сейчас же у Раглана были все основания для беспокойства. Он слишком далеко выехал вперед. Передовые полки расположенной на правом фланге французской дивизии Боске еще только приближались к реке в районе поселка Альма-Тамак. Пройдет немало времени, прежде чем, форсировав реку, они смогут преодолеть крутой противоположный берег и ударить во фланг русских войск. Пока же английские солдаты продолжали лежать в мягкой траве под выстрелами русской артиллерии, разочарованно наблюдая за тем, как их артиллеристы безуспешно пытаются накрыть огнем вражеские редуты.

Для большинства солдат это был первый бой. Они принимали боевое крещение с тем особым набором чувств, когда сплетаются храбрость и покорность судьбе, мрачный юмор и стойкость. Они научились отличать каждую русскую пушку, называя их Бесси, Мэгги или Энни по именам самых склочных жен сержантов или офицеров. Они выкрикивали ругательства при каждом новом залпе, сметающем на своем пути все живое, давали сидящим на лошадях офицерам советы, в какую сторону лучше уклониться от очередного выстрела. Иногда, как правило совсем неожиданно и слишком поздно, солдат понимал, что вот летит ядро, предназначенное именно ему. Последнее, что он чувствовал, прежде чем расстаться с жизнью, был вой и, наверное, тяжелый удар. Временами можно было наблюдать, как солдаты относят в тыл все еще вздрагивающие тела товарищей и затем снова возвращаются и занимают свое место среди лежащих рядом.

Неожиданно внимание солдат на время отвлеклось от бесчисленных разрывов над головами и рядом. Ниже по течению раздался гораздо более мощный взрыв, и поселок Бурлюк внезапно загорелся, как факел. Покинутые жителями дома под соломенными крышами все разом вспыхнули и окутались клубами дыма. Через несколько минут горел весь поселок и мост через реку. На несколько часов черный дым, подобно покрывалу, укутал местность около поселка.

Огонь и нестерпимый жар сделали поселок недосягаемым. Генерал Лэси Ивэнс, 2-я дивизия которого должна была наступать на этом участке, понял, что ему не удастся развернуть дивизию в

боевой порядок, так как у него не осталось достаточно места для этого, поэтому он решил посылать дивизию в бой бригадами, одну за другой.

В два часа к Раглану подлетел офицер и сообщил: «Милорд, французы вступили в бой». И действительно, ниже по течению раздавались звуки перестрелки. Однако Раглан хорошо знал привычку французских стрелков, наступая, стрелять даже по пустому месту. Так они подбадривали себя и одновременно давали знать командирам о своем местонахождении. Поэтому Раглан пытался расслышать ответные выстрелы. «Так вы говорите, они вступили в бой? – с насмешливой вежливостью обратился он к незадачливому офицеру. – Вы уверены? Лично я не слышу ответных выстрелов».

Неприятельских выстрелов действительно не было. Французская дивизия Боске и приданные ей турецкие батальоны беспрепятственно переправлялись через реку. Огнем артиллерии трех французских кораблей минский полк русских был выбит из поселка Аклес, а артиллерия Кирьякова все еще не стреляла. Князь Меншиков оставался на Курганном холме в полной уверенности, что левый фланг, с которого на него наступали французы, неуязвим. Услышав ошеломляющую новость, он сначала отказывался ей верить. Затем его удалось убедить в том, что это правда. Тогда Меншиков в сопровождении семи пехотных батальонов и четырех гусарских эскадронов поскакал в сторону моря. Он покрыл галопом более 4 миль. В районе Улукула его войска попали под огонь французского флота.

Солдаты дивизии Боске тоже попали под огонь четырех пушек русских, позиции которых располагались в Аклесе. Однако русская артиллерия доставляла французам мало хлопот, так как к этому времени они успели поднять на холм собственные 12 орудий, которые могли вести огонь против пушек русских, что они и делали, постепенно подавляя русскую артиллерию.

Князь Меншиков под артиллерийским огнем с беспокойством ждал прибытия семи пехотных батальонов. Наконец пехота подошла. Но как только это случилось, князь решил, что этим батальонам здесь делать нечего, и не нашел лучшего решения, чем отправить их обратно на Курганный холм. Затем он и сам отправился вслед за пехотой, оставив позиции французам.

Но, несмотря на то что Боске удалось закрепиться на захваченной территории, у него было недостаточно сил и средств для дальнейшего наступления. Не хватало людей, было мало орудий. Французы ждали подкрепления, которое прибывало медленно.

Маршал Сент-Арно, очевидно чувствуя, что теряет

управление войсками, произнес в свое оправдание великолепную фразу. Указывая рукой в направлении реки, он заявил командирам 1-й и 3-й дивизии генералу Канроберу и принцу Наполеону: «С такими командирами, как вы, мне нет необходимости отдавать приказы. Я должен просто показать вам, где находится враг».

Следуя этому напутствию, Канробер отдал своим войскам приказ нанести фронтальный удар по русским позициям, переправившись через реку на одном из самых труднодоступных ее участков. Пехотинцам хоть и с трудом, но удалось выбраться на крутой противоположный берег, однако с артиллерией все обстояло совсем не так гладко. Пришлось сделать остановку, поскольку для тактики французов было аксиомой, что пехота не может наступать на открытой местности без поддержки артиллерии.

Пехота залегла. Передовые подразделения были в какой-то мере защищены склонами холмов, однако двигавшиеся за ними войска оказались под шквальным огнем русских батарей, расположенных на высоте Телеграфный столб. Пока залегшая, как и англичане, французская пехота ожидала артиллерийской поддержки, французские батареи вновь переправили на «свой» берег. Затем они форсировали реку примерно в одной миле ниже по течению, там, где уже переправилась передовая бригада дивизии Боске.

В это время дивизия под командованием принца Наполеона также попала под огонь батарей с высоты Телеграфный столб. Французы залегли в районе виноградников правее горящего поселка Бурлюк. Командир дивизии даже не предпринял попытки переправить на другой берег свою пехоту или артиллерию. Прячась за стенами виноградников, французы жаловались, что напрасно жертвуют жизнями. И без того неблагоприятную обстановку еще более усугубил маршал Сент-Арно, который решил направить через этот участок две бригады находящейся в резерве дивизии генерала Форея в помощь дивизиям Боске и Канробера. Войска резерва скученно и беспорядочно пытались наступать через горящие виноградники на узком, хорошо пристрелянном участке.

В течение полутора часов Раглан получал от взволнованных французских и английских офицеров доклады о том, в каком затруднительном положении оказались союзники. Он выслушивал их с невозмутимой вежливостью. Наконец к нему прибыл адъютант Сент-Арно, который заявил, что, если немедленно не принять меры к ослаблению давления на войска дивизии Боске, французы будут вынуждены «принять

компромиссное решение». Враг любого пустословия, Раглан попросил офицера выразиться яснее. Тогда тот пояснил, что Сент-Арно опасается, как бы не пришлось отойти.

Отпустив офицера, Раглан принял решение. Он заявил Кинглейку, что не может больше смотреть на то, как его солдаты лежат под огнем артиллерии противника. Он долго ждал успешных действий французов, однако теперь стало ясно, что тянуть больше нельзя. Дождавшись отставших от него офицеров штаба, Раглан объявил приказ о возобновлении наступления. Услышав слова командующего, генерал Эйри просиял от счастья. Через минуту капитан Нолэн уже скакал в сторону фронта. Спустя некоторое время полки один за другим поднялись и снова двинулись к переправе.

III

Солнце палило нещадно, как никогда прежде. Измученные болезнями и долгим маршем солдаты теперь страдали еще и от жары и жажды. Первые шаги давались трудно. Сначала земля дрогнула под тяжестью сбрасываемых солдатами ранцев и мешков. Затем шеренги медленно двинулись вперед. То и дело приходилось переступать через распростертые тела погибших. Чем ближе к реке, тем труднее становилось идти. Здесь ровная степная земля была перепахана снарядными разрывами, загромождена обломками стен и заборов, сгоревшими деревьями и кустарником. Артиллерийский огонь становился более интенсивным. Теперь можно было уловить, что к тяжелому гулу, который издавали летящие ядра, примешивается свист пуль, выпускаемых русскими гладкоствольными ружьями. Этот звук невозможно было спутать с пением пули Минье. Глядя за реку, солдаты уже могли различать, как широкие жерла тяжелых пушек на мгновение охватывают красные лепестки пламени. Некоторые, в особенности более впечатлительные новички, почувствовали слабость и тошноту. Такие, хоть их было и немного, не пошли дальше уцелевших окраин поселка. Спасительная темнота открытых дверей и окон манила их, обещая покой и безопасность. Самые трусливые бросались в дома и коровники, забивались в дальние углы, дрожали от страха, мечтая хоть ненадолго избавиться от этого кошмара.

Нарушилось даже слабое подобие боевого порядка. Командиры батальонов давно оставили даже саму мысль добиться от подчиненных тех четких линий построения, которые были отработаны годами долгих тренировок и парадов.

Путь дивизии Лэси Ивэнса преградил горящий поселок. Генералу пришлось отправить два полка под командованием генерала Адамса в обход его справа. Другая часть дивизии должна была выполнить такой же маневр слева под градом пуль и шрапнели. Полуразрушенные стены и отдельные уцелевшие дома мало спасали от огня. У русских артиллеристов на другом берегу реки был хороший обзор, они прекрасно видели, как солдаты группами передвигаются от укрытия к укрытию. Наступление было медленным и кровопролитным. Полки только 2-й бригады потеряли четверть личного состава, прежде чем достигли берега реки Альмы. Многие были погребены под руинами разрушенных пушечным огнем стен и заборов. Расположенная левее легкая дивизия наступала на менее открытой местности и потому продвигалась быстрее. Генералу Буллеру, командовавшему левым

флангом, Джордж Браун отдал короткий приказ: «Построиться в линию. Наступать не останавливаясь, пока не подойдете к реке». Его сосед справа генерал Кодрингтон, командовавший другой бригадой легкой дивизии, был уже почти у реки.

В отличие от сэра Джорджа генерал Кодрингтон, который был также близорук, не имел привычки пренебрегать ношением очков. Он надежно прикрепил их к своей фуражке. Прежде генерал никогда не был на войне, однако все те, кто в тот день мог видеть его в бою, признали в нем настоящего солдата. Он был немногословен, говорил только по делу, а в те моменты, когда молчал, его губы были упрямо сжаты. Оказавшись у реки, генерал без малейших сомнений направил своего низкорослого арабского жеребца серой масти прямо в воду, и солдаты без колебаний последовали за командиром.

Местами река здесь была глубже, чем на расположенном ближе к морю участке, где наступали французы. Часть дивизии Боске переправлялась в самом устье. Там французы прошли по песчаному дну, не намочив ног выше колен. Здесь же течение было более сильным, а дно неровным. Другим повезло, и они переправились по мелководью. Другие попадали в ямы, окунаясь по самые шеи, или, споткнувшись о камни, падали и были вынесены течением ниже по реке. Легко выскочив на коне на противоположный берег, генерал с удивлением обнаружил, как рядом пытается выплыть из глубокой воды кто-то из офицеров.

«Некоторые бедняги утонули, – вспоминал этот эпизод сержант королевских стрелков, – или погибли под артиллерийским огнем. Шрапнель летела, как град. Наши падали все чаще и чаще».

Река на протяжении почти двух миль была запружена переправляющимися солдатами, которые несли над головой оружие и боеприпасы. Солдаты шагом, бегом или вплавь пытались преодолеть быструю реку, сталкиваясь между собой и поднимая тучи брызг. Вода вскипала от ружейных пуль, выпущенных с противоположного берега.

На противоположном берегу, перед круто поднимавшейся вверх возвышенностью, на которой располагались позиции русских, была небольшая полоска ровной земли. Здесь офицеры пытались собрать своих солдат и снова построить их в боевой порядок. Задача была явно непосильной. Наступление под артиллерийским огнем и переправа безнадежно перемешали солдат разных подразделений. Сержанты собирали в группы солдат разных рот и даже полков и, увидев первого попавшегося офицера, предлагали тому принять эти группы под командование. Из низины было невозможно рассмотреть, что же происходит

впереди или на флангах. И все это время русские со своих позиций могли практически безнаказанно вести стрельбу по англичанам, так как стрелки полковника Лоуренса, переправлявшиеся через реку в районе горящего поселка Бурлюк, после переправы сместились значительно левее по реке.

Слева генерал Булл ер, переправившись через реку, принялся поспешно перестраивать боевой порядок, как он позднее объяснял, для отражения возможного флангового удара вражеской кавалерии. Он уже выполнил весьма неопределенный приказ не останавливаться до тех пор, пока не переправится через реку, а других распоряжений не поступало. Он больше не участвовал в наступлении в составе легкой дивизии. Под его командованием к этому времени оставались только 77-й и 88-й полки, поскольку 19-й полк во время переправы смешался с бригадой генерала Кодрингтона.

У самого же Кодрингтона к тому времени не было никаких сомнений относительно того, что делать ему и его подчиненным. Во всю мощь легких он прокричал всем тем, кто находился рядом на пятачке земли перед рекой: «Примкнуть штыки. Подняться на берег и продолжать наступление».

Приказ прозвучал ясно и недвусмысленно. Солдаты охотно ринулись вперед, карабкаясь по холмистому берегу, лишь бы поскорее покинуть эту неудобную и тесную позицию.

В 500 метрах от них по обе стороны от Большого редута стояли в каре тесные ряды русской пехоты. Русские солдаты были одеты в длинные, почти до пят, шинели. На солнце грозно сверкали штыки. Это было незабываемое грозное зрелище. Пушки Большого редута, который ряды пехоты охраняли так, как, казалось, можно охранять только храм, молчали. Единственным движением было отступление русских стрелков, вверх по склону холма.

Но ни у кого не было сомнений в том, что, как только русские стрелки уйдут с линии огня, пушки снова заговорят. Поэтому офицеры и сержанты отчаянно пытались поскорее рассредоточить солдат, построив их в линии. В этом была единственная надежда на спасение. Полковник Лейси Йе, командир полка королевских стрелков, и полковник Брейк, командовавший 33-м полком, охрипшими голосами заставляли солдат перестраиваться из разрозненных скученных групп. «Стройте, стройте же их, ради Господа!» – кричал Йе, в то время как его подчиненные решали новую для них задачу, выдергивая в строй все новых и новых солдат, приговаривая: «Ну давай же, давай, парень, как-нибудь».

И они сумели сделать это. Поняв, наконец, что сейчас они уже не смогут найти своих товарищей, сержантов и офицеров,

солдаты становились плечом к плечу с людьми, которых не знали и никогда прежде не видели.

«Мы шли вверх по холму, – вспоминал сержант Тимоти Гоуинг, – шаг за шагом, в кровавой мясорубке… Было так дымно, что мы едва видели, что творится рядом, а наши товарищи все падали. Проклятый холм. Мой товарищ прокричал мне: «Мы должны пощекотать штыками этих парней, старина!»

Почти сразу же после этого товарищ сержанта был убит – пуля попала ему в рот. Колонна русских, подобно гигантскому монстру, шумно покатилась вниз. Русский наблюдатель позже написал, что она, подобно огромному леднику, готова была погрести под собой тонкие, не больше чем в две шеренги, ряды солдат в красных мундирах. Ему даже показалось, что настоящим мужчинам, обладающим понятиями морали и чести, не пристало атаковать этот слабый, по сравнению с мощными колоннами русских, строй. Однако, как известно, излишняя впечатлительность не относится к чертам характера британского солдата. И русские с удивлением наблюдали, как солдаты в красных мундирах, едва переправившись через реку, открывают по ним ураганный огонь. Они стреляли прямо в гущу врагов, перезаряжали оружие и снова стреляли. Пробираясь через виноградники, многие набрали полные ладони ягод и теперь, не успев их съесть, держали тяжелые грозди в зубах.

Русская колонна не понесла от этого огня серьезных потерь и все же, невольно или повинуясь чьей-то команде, вновь отступила на прежнюю позицию у подножия Большого редута. Казалось, английских солдат мало волновало наступление и отступление русской колонны. Они продолжали невозмутимо наступать наверх. Ряды наступающих крепли по мере того, как к ним присоединялись все новые и новые товарищи.

Сначала их было немного. На левом фланге находились 19-й полк бригады генерала Булл ера, часть стрелковой бригады полковника Лоуренса, которая снова заблудилась, а также большая часть валлийских стрелков бригады Кодрингтона. 33-й полк той же бригады располагался в центре, а несколько рот 95-го полка смешались с частями 2-й дивизии и с королевскими стрелками полковника Лейси Йе. Впереди левого фланга для прикрытия выдвинулись четыре роты стрелковой бригады под командованием майора Норкотта.

Англичане прошли несколько сот метров. При этом пушки Большого редута молчали. При свете солнца было видно, как они дымятся. Пехота по обе стороны редута стояла неподвижно. Подойдя ближе, англичане уже могли разглядеть толстые тяжелые шинели, бледные лица солдат, защитные каски с

поблескивающими на солнце медными орлами.

Затем, видимо получив команду, пушки вновь открыли огонь. На какое-то мгновение ряды атакующих остановились в замешательстве. Однако вскоре они вновь двинулись вперед. К ним присоединялись все новые и новые солдаты, успевшие взобраться на берег, понукаемые командами офицеров, которые стремились во что бы то ни стало навести порядок в рядах наступающих. Некоторые были вновь сметены в реку артиллерийским огнем. Другие спешно перестраивались в боевой порядок. Третьи под командой полковника Йе продолжали упорно двигаться вперед.

Артиллерийские выстрелы расстраивали ряды атакующей пехоты. Солдатам приходилось идти вперед под нарастающий грохот разрывов, визг картечи и осколков, свист пуль. Многие погибли, и в рядах атакующих появились широкие бреши. Но и это не останавливало упрямых британцев. На правом фланге полковник Йе был ранен пулей, попавшей в пряжку его ремня. «Проклятье! – прокричал он другому офицеру, которому пуля попала в ногу. – Почему не продолжаете наступать? У меня пуля в кишках, но я все равно иду вперед!» Вскоре остатки его полка вышли к одной из колонн русской пехоты, стоящей около Большого редута. Начался героический бой, который длился почти столько же, сколько вся битва.

Над редутом блестела веселыми красками икона святого Сергия, которую благословил сам митрополит Московский. Артиллеристы обращались с пушками с мастерством, свидетельствовавшим о долгой практике: заряжали, стреляли, чистили ствол и снова заряжали. Все происходило быстро и без лишней суеты. Однако, как бы хорошо они ни прицеливались, огонь артиллерии не причинял растянутым линиям боевых порядков атакующих существенного вреда.

Внезапно атакующие, находившиеся ближе к пушкам, сквозь грохот стрельбы различили посторонние звуки: команды, отдаваемые расчетам, а затем и скрип колес. Кто-то закричал: «Они отводят свои орудия!» Через мгновение раздался мощный одновременный залп всех пушек батареи, причинивший наступавшим особенно большой урон. Затем стрельба вдруг прекратилась. Русские свято выполняли ставший почти легендарным приказ самого царя, согласно которому ни под каким видом нельзя было оставлять свои орудия врагу. Сейчас, когда создался риск потерять пушки, они предпочли их отвести. Уцелевшие после последнего залпа англичане бросились на штурм валов редута.

Молодой, мальчишеского вида офицер валлийских стрелков

первым водрузил над валами редута знамя своего полка. Едва он это сделал и оглянулся с гордой улыбкой победителя, как был убит ружейным выстрелом в грудь. Знамя покачнулось и упало, укрыв героя, подобно алому савану. Древко тут же подхватил сержант, который уже не выпускал его из рук, несмотря на то что был ранен.

Большой редут тут же заполнили возбужденные и радостные английские солдаты. Одни пытались записать свои имена и номера полков на стволе оставленной русскими гаубицы; другие использовали минуты относительной безопасности для того, чтобы перевести дыхание.

Большой редут был захвачен. Однако, несмотря на то что Кодрингтон и Браун сразу же занялись организацией его обороны, шансов удержать его без подкрепления было немного. И, как бы подтверждая мысль о том, что доставшаяся такой тяжелой ценой победа не была окончательной, с соседних холмов раздался душераздирающий вопль русских солдат, внушающий опасение английским командирам.

IV

На направлениях, с которых войскам, взявшим редут, могла прийти помощь, было пусто. Были видны только раненые, медленно ковылявшие с поля битвы.

Слева генерал Буллер видел успех бригады Кодрингтона. Он понимал, что должен помочь коллеге. Он приказал 77-му полку под командованием полковника Эгертона отправиться на помощь Кодрингтону. Позже он собирался сам присоединиться к Кодрингтону с 88-м полком. К сожалению, полковник Эгертон был невысокого мнения о способностях своего командира. Увидев перед своим фронтом русские батальоны с приданной, как он считал, им кавалерией, полковник решил не выполнять приказ и оставаться на месте.

Генерал Буллер страдал той же болезнью, что и командир бригады генерал Кодрингтон и командир дивизии Джордж Браун. Он был очень близорук и, как все близорукие люди, считал, что люди с нормальным зрением не только лучше видят, но и способны лучше оценить обстановку в целом. Поэтому Буллер не только не рассердился на полковника Эгертона, отказавшегося выполнить его приказ, но, подумав, решил и сам остаться на месте вместе с 88-м полком. Он настолько безоговорочно поверил полковнику, что приказал построить пехоту в каре для отражения атаки русской кавалерии, которой на самом деле там не было и в помине.

Поддержать войска, закрепившиеся в редуте, могли бы и полки 1-й дивизии. Но к тому времени ни бригада шотландских горцев, ни гвардия еще не форсировали реку.

Герцог Кембриджский действовал очень медленно и осторожно. Указания, полученные им от Раглана, не несли в себе конкретной информации. Он получил приказ выступить в поддержку легкой дивизии. Однако этим приказ исчерпывался. Что имел в виду командующий? Герцог никогда не отличался инициативностью. Получи он распоряжения с учетом конкретной обстановки, от этого было бы гораздо больше толку, поскольку никто не мог бы отказать генералу в уме. Однако его постоянно преследовал страх ошибиться, поэтому, как и генерал Буллер, герцог решил оставаться на месте. Он прискакал к Буллеру посоветоваться, как поступить дальше. Буллер воздержался от советов его высочеству под предлогом неясности обстановки.

В это время 1-я дивизия находилась на краю виноградника. Примчавшийся сюда генерал Эйри нашел командира в тяжких размышлениях относительно дальнейших действий. Тоном, не

допускавшим возражений, Эйри заявил его высочеству, что лорд Раглан считает необходимым немедленно направить 1-ю дивизию в поддержку легкой дивизии. После этого 1-я дивизия возобновила наступление. Но, попав в виноградниках под артиллерийский огонь, она снова остановилась. Через несколько минут прискакал посыльный от генерала Лэси Ивэнса и передал приказ продолжать движение. Так наступала первая дивизия, имевшая на левом фланге бригаду шотландских горцев, а на правом – гвардию.

Дивизия двигалась в строгом порядке. Семь офицеров гренадерского полка служили раньше в адъютантах. Они строго следили за тем, чтобы движение осуществлялось в полном соответствии с уставами. В таком же великолепном порядке дивизия вошла в реку. Солдаты шли так, будто просто собирались перейти дорогу. Ни у кого и мысли не возникало, что можно сместиться хотя бы на один ярд правее или левее. Одни легко перешли реку, другие попали на более глубокие участки, третьим пришлось плыть. При этом тяжелые медвежьи шкуры тянули солдат ко дну. При переправе один или два солдата утонули.

Только когда передовые части 1-й дивизии перешли на противоположный берег реки Альмы, командиры поняли, что слишком долго выжидали. Войска, захватившие Большой редут, находились под ураганным огнем русской артиллерии с Курганного холма. Солдаты выпрыгивали с бывшей позиции русской батареи и отказывались идти вперед за Кодрингтоном, который верхом на своей серой лошади пытался вновь поднять их в атаку. Трудно было винить солдат. Вокруг был сущий ад, и самое лучшее, что они могли сделать, – это рассредоточиться и занять круговую оборону. К тому же англичанам теперь грозила новая опасность. Справа на них надвигались плотные массы русской пехоты. Самих пехотинцев, скрытых в низине, еще не было видно, однако хорошо просматривался вздымавшийся над ней лес тускло поблескивающих штыков. Затем появились каски русских, их бледные лица, и, наконец, стал виден первый ряд наступающих в полном молчании русских. Пехота ощетинилась штыками в сторону защитников Большого редута. Вдруг кто-то из англичан закричал: «Это французы! Не стреляйте, ребята! Бога ради, не стреляйте!»

Приказ не открывать огня передавался по цепочке от солдата к солдату, от подразделения к подразделению. И, несмотря на все усилия офицеров, которые пытались объяснить своим подчиненным, что это ошибка и наступавшая колонна не французская, а русская, он был выполнен. Командир 23-го полка полковник Честер поскакал к солдатам с приказом немедленно

открыть огонь по врагу, но не успел спешиться, как был убит двумя выстрелами в грудь. Прибывший следом за ним другой верховой приказал горнисту 19-го полка трубить сигнал «Прекратить огонь». Позже никто не мог вспомнить, из какого полка был этот второй офицер, приказ которого конечно же был выполнен. Позже, возможно, тот же офицер отдал приказ другому горнисту трубить сигнал к отходу. Горнисты соседних подразделений, услышав сигнал, повторили его. Однако к этому времени вокруг позиций англичан уже свистели ружейные пули, поэтому солдаты оставались на месте, не рискуя покидать укрытия.

В обстановке противоречивших друг другу сигналов, криков и отсутствия четких приказов младшие офицеры, в основном 23-го полка, собрались вместе, чтобы решить, что делать дальше. Вместо того чтобы собраться в относительной безопасности за валами редута, они стояли на виду у неприятеля, который не замедлил этим воспользоваться, уничтожив большинство из них ружейным огнем. Уцелевшие решили, что будут удерживать позицию до конца.

Но к этому времени не многие были согласны с таким решением. Один из сержантов, встав, заявил, что следует немедленно выполнять команды сигналом горна. Как и его полковник, он сразу же был убит.

Теперь каждый был предоставлен самому себе. Склоны холмов были усеяны телами убитых и раненых, которых насчитывалось до 900 человек. Уцелевшие понимали, что без подкрепления они не смогут остановить наступавшие массы пехоты противника. Воспользовавшись тем, что вражеский огонь ослабел, англичане бросились обратно к реке, оставляя с таким трудом завоеванные позиции.

Русская пехота медленно подошла к редуту и остановилась, дожидаясь подхода с соседнего склона второй наступающей колонны. Но как только две контратакующие колонны сблизились, князь Горчаков и генерал Кветцинский увидели нечто, заставившее их отказаться от преследования англичан. Беспокоясь за судьбу князя Меншикова, они смотрели в сторону холмов у моря, куда тот отправился и откуда должен был вот-вот вернуться. Но на расположенном рядом с Телеграфным столбом холме они увидели не Меншикова, а группу офицеров, спокойно осматривавших окрестности. Эти офицеры, находившиеся далеко в тылу русских войск, носили головные уборы с белыми перьями, то есть принадлежали к британскому генеральному штабу.

V

Отдав командирам дивизий краткие приказы, лорд Раглан решил проехать вперед, чтобы лучше видеть поле битвы. В сопровождении штабных офицеров он опередил наступавшую армию и переправился через реку ниже по течению пылавшего поселка Бурлюк. Опытный путешественник, Раглан быстро нашел брод и вскоре уже находился в рядах французских стрелков – авангард наступающей на левом фланге дивизии под командованием принца Наполеона.

Французы удивленно смотрели на необычного английского генерала, одетого в синий сюртук, белую рубашку и черный галстук. Он походил на сельского джентльмена, выехавшего прогуляться по своим владениям. Увидев генерала, стрелки переставали заряжать ружья. Шомпола замирали в стволах винтовок. Солдаты недоумевали, зачем этот человек рискует, приближаясь к вражеским позициям.

Ехавший рядом с Рагланом офицер штаба был ранен выстрелом в плечо. Затем был выбит из седла другой офицер. Но оставшиеся продолжали мчаться вверх по склону холма. Раглану едва удалось успокоить возбужденного коня на вершине. Сам он настолько устал, что с трудом мог пользоваться подзорной трубой своей единственной рукой.

Открывшийся перед офицерами вид был прекрасен и величествен. Слева Раглан видел батареи на равнине и на Курганном холме, разрушенные позиции на Большом редуте. Справа и чуть сзади были видны отведенные в резерв колонны русской пехоты. Еще несколько часов назад один из русских батальонов располагался почти рядом с холмом, на котором стоял Раглан. Теперь вблизи совсем не было неприятельских войск, артиллерийские снаряды тоже не долетали до вершины. Здесь было чудесное место для управления войсками. Сразу же оценив преимущества новой позиции, лорд Раглан отправил генерала Эйри с приказом подтянуть сюда бригаду генерала Адамса из 2-й дивизии генерала Лэси Ивэнса. «Уже самим фактом своего присутствия здесь мы создаем русским угрозу. Если бы у нас была хотя бы пара орудий…»

Услышав его слова, прикомандированный к штабу в качестве переводчика полковник Диксон и артиллерийский капитан Ади, не дожидаясь дополнительных распоряжений, повернули коней в сторону реки. Раглан ждал их возвращения с характерным для него спокойствием и выдержкой. Он обсуждал с подчиненными своего коня так, как будто его поведение занимало Раглана

больше, чем битва. Затем внимание командующего привлекли солдаты бригады Кодрингтона, захватившие редут, выбитые оттуда и теперь возвращавшиеся к реке. Раглан понимал, что неудача Кодрингтона вызвана тем, что тот не получил поддержки, однако ничего не мог сделать для солдат, находясь так далеко от них.

Диксон и Ади вернулись быстрее, чем этого можно было ожидать. Вскоре два орудия уже начали обстрел русских батарей, расположенных в низине. Два первых выстрела легли в стороне от русских позиций, третий попал в повозку позади русских пушек, четвертый – точно на позиции русской батареи. Внезапно один из офицеров штаба закричал: «Смотрите! Они убирают свои пушки».

Две 9-фунтовые пушки теперь перенесли огонь на оставленные в резерве пехотные батальоны русских. И снова англичанам понадобилось всего два пристрелочных выстрела, прежде чем они смогли правильно определить дистанцию. Следующие снаряды взрывались прямо в плотных рядах русской пехоты, пробивая в них широкие бреши. Теперь отступала и пехота.

Пушки снова поменяли цель. Хотя они и не могли достать атакующую Большой редут русскую пехоту, генерал Кветцинский решил не рисковать и приказал прекратить преследование разбитой бригады Кодрингтона.

Так несколько выстрелов удачно расположенных 9-фунтовых орудий дали англичанам короткую передышку и обеспечили на некоторое время преимущество над противником.

VI

Дела у французов шли далеко не так блестяще. Изолированные на холмах войска Боске ждали подкреплений. Канробер, переправив через реку, ждал подхода артиллерии. Принц Наполеон оставался на прежних позициях – на виноградниках.

Растеряв более четверти своих войск, Наполеон попал в чрезвычайно затруднительное положение. Его лучший 2-й полк зуавов, решив, что не может больше выжидать, переправился через реку и соединился с 1-м зуавским полком дивизии Канробера. Но это было лишь частью проблемы. Узкий проход перед его войсками был занят резервной бригадой, которую Сент-Арно отправил на помощь Канроберу. Резерв, не оказывая Канроберу никакого содействия, в то же время являлся помехой для войск Наполеона. Канробер понимал, что без артиллерии он не сможет противостоять возможной контратаке русских, даже имея в резерве целую бригаду.

Такая контратака не заставила себя ждать. Возвратившись с Курганного холма, князь Меншиков сначала решил возглавить ее лично, однако передумал, посчитав, что проблема Большого редута более важная для него задача. Он поручил командование генералу Кирьякову, который, по всей видимости, считал, что одной его бригады достаточно для того, чтобы справиться с двумя вражескими дивизиями. Теперь 8 батальонов Кирьякова перестраивались для атаки перед позициями принца Наполеона, точнее, перед скоплением резервной бригады. Канробер, как и ожидалось, отошел.

Вид этих 8 батальонов был настолько угрожающим, что принц Наполеон и сам Сент-Арно, обеспокоившись, отправили адъютанта к англичанам с просьбой о срочной помощи. По мнению французов, англичане до сих пор не сделали ничего для того, чтобы помочь союзникам. Адъютант прискакал к высоте, на которой расположился английский штаб, спешился, решив, что не сможет подняться на холм верхом, и, потеряв шляпу, вскоре предстал перед Рагланом настолько взволнованным и запыхавшимся, что едва мог говорить. Лорд Раглан относился к числу людей, которые, переживая за смутившегося собеседника, начинали волноваться сами, поэтому лицо английского командующего покрылось красными пятнами. Французский офицер сбивчиво передал просьбу Сент-Арно о помощи. Раглан спокойно обещал отправить на помощь французам один из двух полков бригады Адамса. Удивленный невозмутимостью англичан,

адъютант повез новость маршалу Сент-Арно. Но к тому времени, когда он вернулся в свой штаб, генерал Канробер уже отступил, и для того, чтобы помочь французам, британцам пришлось собрать все имевшиеся у них батальоны.

VII

В это время единственным британским батальоном, участвовавшим в битве, был батальон королевских стрелков под командованием полковника Лейси Йе. Ему противостоял почти вдвое превосходивший его по численности полк великого князя Михаила. Батальон терял людей и через некоторое время отступил.

Сам Йе, такой же богохульник и сквернослов, как и большинство его сержантов, в эти минуты с руганью и проклятиями перемещался взад-вперед по позициям, изыскивал последние резервы, собирая отставших, и вновь посылал своих солдат в бой. Похоже, он получал от битвы такое же удовольствие, как в далеком детстве от драки стенка на стенку в родном Итоне.

Ненавидевшие своего командира в мирное время за жестокость, солдаты не могли не восхищаться им сейчас. Полковник постоянно находился на виду у русских стрелков, ближайшие из которых находились менее чем в 50 метрах от него. Пули свистели вокруг него, к счастью не причиняя вреда, за исключением одной, срезавшей у полковника ус. Спасенный одним из капралов, которому удалось подстрелить очередного предполагаемого убийцу Йе, тот, повернувшись к нему в седле, сказал с неожиданной для себя мягкостью: «Спасибо, мой мальчик. Если я переживу все это, к вечеру ты будешь сержантом».

Зараженные безрассудным героизмом командира, солдаты, как одержимые, кидались в самое пекло кипящего боя. «Вперед, восьмая рота!» – прокричал один из офицеров и отчаянно кинулся в самую гущу дерущихся. Он успел зарубить саблей одного русского, сбить с ног ударом кулака второго, пока выстрел третьего не убил его самого.

Среди русских тоже был офицер, который, подобно полковнику Йе, воодушевлял солдат собственным примером. То, что это был офицер, можно было предположить только по его поведению, поскольку все русские пехотинцы были одеты в одинаковые длинные серые шинели. Он был необычно высокого роста; над рядами русских пехотинцев возвышались его голова и плечи. Своим поведением он сумел снискать уважение не только собственных солдат, но и противника. Английские стрелки, казалось, не хотели убивать его. Вражеский офицер был убит только после того, как полковник лично приказал одному из своих людей сделать это. К этому времени русские тоже потеряли

многих офицеров. Князь Горчаков прибыл на этот участок, чтобы лично поднять людей в решительную штыковую атаку. Князь видел, что и англичане находятся на грани катастрофы. Было убито и ранено 12 офицеров и более 200 солдат. Они бы не смогли выдержать штыковой атаки. Но уже через несколько минут князю пришлось отказаться от своих намерений, поскольку ситуация резко изменилась.

Лэси Ивэнсу с двумя полками бригады Пеннифасера и одним полком бригады Адамса наконец удалось переправиться через реку. Как только два орудия по распоряжению Раглана открыли огонь по расположенным в низине русским батареям и вынудили их прекратить огонь и отойти, Лэси Ивэнс воспользовался положением. Генерал Ричард Ингленд, 3-я дивизия которого находилась в резерве, предложил передать ему всю артиллерию. Таким образом, переправу трех батальонов поддерживали огнем несколько орудий.

В распоряжении Ивэнса и Ингленда было 30 орудий. Однако некоторые расчеты не смогли переправить пушки через реку. По меньшей мере два орудия увязли в реке при переправе. Остальные, получив множество самых противоречивых указаний, предпочитали выжидать, ничего не предпринимая. Адъютант 3-й дивизии по артиллерии капитан Биддульф, умнейший офицер, был вне себя от злости на «эту истеричную старуху» генерала Ричарда Ингленда, отдававшего такие нелепые неконкретные приказы. В письме к отцу он сообщал:

...

«Мы оказались в весьма сложном положении. Нам приказывали двигаться туда-то и туда-то, примерно указав направление, но забыв назначить участок на местности, выбранный в качестве позиции. Думаю, что, если бы я не взялся контролировать наши батареи, мы потеряли бы всю нашу артиллерию. Случалось так, что, прибыв на назначенный нам участок, мы не находили в боевых порядках мест, пригодных для развертывания артиллерийских позиций. Или бывало так, что наши войска недостаточно

продвинулись вперед, и со своими 9-фунтовыми орудиями мы не могли открыть огонь против 18– или 24-фунтовых пушек противника. Как-то нас обстреляла вражеская тяжелая артиллерия. Один снаряд, как молния, пролетел под животом моей лошади, второй – прямо перед моим носом, третий снаряд оторвал голову одному из артиллеристов, еще один – пробил насквозь лошадь».

Два орудия с грохотом покатились назад. Было приказано отвести их, поскольку становилось слишком горячо. Биддульф, обратившись к полковнику, заявил, что стыдно и преступно держать батарею под таким огнем, не имея возможности ничего предпринять в ответ.

Когда батарея, казалось, была на грани катастрофы, прибыл 55-й пехотный полк под командованием полковника Уоррена, чтобы поддержать королевских стрелков огнем против левого фланга наступающей русской пехоты. Полк открыл плотный огонь, и наступающая колонна сразу же дрогнула. Офицеры с обнаженными саблями пытались криками, угрозами и даже мольбами заставить солдат идти вперед. Однако было слишком поздно. Пехота стала медленно отходить.

Наконец подошла гвардия. Майор королевских стрелков Томас Троубридж прискакал в расположение стоящих за позициями его батальона гренадеров. Он прокричал, что, хотя русские отступают, его полк не имеет сил их преследовать. Гренадеры согласились сменить на позициях королевских стрелков и преследовать русских.

Однако полк великого князя Михаила уже перестраивался в линию в районе Большого редута. Его поддерживали многочисленные пехотные батальоны. Большинство русских пехотинцев, которых там было около 15 тысяч, еще практически не участвовали в боях. Гвардейская бригада, уверенно двигаясь вверх по склонам Курганного холма, выступила против них.

VIII

Даже под ураганным огнем гренадеры не нарушали того безупречного порядка, в каком недавно переходили реку. Они прошли сквозь позиции королевских стрелков и пропустили через свои ряды отступавших от Большого редута солдат 95-го полка. По словам полковника Худа, гренадеры шли спокойно и уверенно, как в Гайд-парке. Еще немного, и они встретились с основными силами отступавших от Большого редута валлийских стрелков. Их осталось около 300 человек. Кодрингтон пытался вновь построить их под знаменем полка. Посчитав подход гвардейских гренадеров хорошей возможностью для продолжения наступления, Кодрингтон расположил остатки своего полка на левом фланге. Однако, сам будучи гвардейцем и хорошо зная правила протокола, Кодрингтон понимал, что гренадерам может не понравиться соседство слева простого линейного полка. Поэтому он осведомился у гвардейских офицеров, не будут ли те возражать против совместного наступления? Конечно, будут, последовал высокомерный ответ, и гренадеры продолжали наступление в одиночестве.

Однако не все гвардейцы были столь щепетильны. Когда майор Хьюм из 95-го полка попросил для себя и восьми своих подчиненных разрешения участвовать в наступлении гвардейцев, командовавший левым флангом полковник Фредерик Гамильтон согласился. Позже он говорил, что следовало принять и предложение Кодрингтона, поскольку его группа могла бы значительно усилить левое крыло наступавших, где атакующие гвардейские шотландские стрелки встретили ожесточенное сопротивление русских.

Сначала наступление, несмотря на сильный ружейный огонь русских, проходило в идеальном порядке. Но, двигаясь вверх по склону, гвардейцы должны были пройти через позиции валлийских стрелков, которые, сосредоточившись, пытались удержать участок территории близ Большого редута. Шотландские гвардейцы подошли к их позиции как раз в то момент, когда после мощного залпа превосходящих сил русской пехоты валлийские стрелки стали отступать так поспешно, что опрокидывали шотландцев. При этом у одного из шотландцев были сломаны ребра. Четкая линия наступающих стала ломаной и неровной. Хью Эннсли, как и другие его офицеры, кричал: «Вперед, гвардейцы! Вперед, гвардейцы!» – пока ружейная пуля не попала ему в рот, оторвав часть языка и выбив зубы. Роберт Линдси со знаменем полка оказался далеко впереди своих

наступающих товарищей. Линия шотландцев постепенно превратилась в подобие наконечника стрелы, нацеленной в самый центр Большого редута. На острие наконечника шел Линдси.

Под плотным ружейным огнем солдаты падали и падали, но места убитых быстро занимали их товарищи. Гвардейцы подошли к редуту на расстояние около 40 метров, когда неожиданно из-за валов стали выпрыгивать русские пехотинцы, изготовившись встретить врага в штыки. Надеясь, что еще не поздно предотвратить кровавую мясорубку, генерал Бентинк приказал своим солдатам отходить. Капитан Хью Драммонд, прокричав команду «Батальон, отходить!», выстрелил из пистолета и бросился на передний край. Но батальон медлил. Выполнив команду, первые линии батальона рисковали попасть под русские штыки, прежде чем им удастся отойти в более уплотненные боевые порядки сзади. «Батальон, отходить!» – повторил команду капитан Драммонд, а затем в отчаянии прокричал ее в третий раз. Выполняя приказ, шотландцы наконец повернули назад. Но русские подошли уже так близко, что многие шотландцы, не успев спуститься по склону, были заколоты штыками в спину. Они не останавливались до тех пор, пока не вернулись к реке. Там русские прекратили преследование, и гвардия получила возможность перестроиться. Это было очень унизительно. В бою были убиты или ранены 171 человек, в том числе 11 офицеров. На центральном участке гвардейской бригады образовалась огромная брешь.

Князь Горчаков не замедлил воспользоваться сложившимся положением. Он лично повел в штыковую атаку два русских батальона, которые ударили во фланг гренадерам и в стык между гвардейской бригадой и полком «Голдстрим». Полковник Худ повел свой полк навстречу, пытаясь остановить неприятеля. Полк «Голдстрим» находился слишком далеко и не мог прийти на помощь гвардейцам. Полковник собирался отдать своим солдатам последние распоряжения для подготовки к штыковому бою, когда вдруг неизвестно откуда появился таинственный верховой офицер, который выкрикнул ошеломляющий приказ: «Отходить!»

– Отходить! – крикнул полковник Генри Перси, командовавший одной из рот на левом фланге, и недоуменно повторил: – Отходить? Какого дьявола это значит?

Незнакомый офицер поехал в соседние подразделения и не мог ответить на этот вопрос.

– Думаю, – решил полковник Перси, – они хотели сказать «сомкнуть ряды».

В соответствии с такой вольной трактовкой приказа левое крыло батальона подалось назад и образовало прямой угол с

гвардейскими гренадерами. Как только они выполнили этот маневр, гренадеры открыли огонь по наступавшим в направлении бреши русским. Одной из первых же пуль под князем Горчаковым убило лошадь. Сам князь, упав, сильно ударился о землю головой, поэтому оставил за себя командиром генерала Кветцинского и, шатаясь, пошел пешком обратно в сторону холма. Точный огонь на левом фланге послужил примером солдатам в центре и на правом фланге. Эффект был ошеломляющим. Полковник Худ заявил, что «русские на собственном опыте испытали, что такое фланговый огонь и что представляет собой винтовка Минье в умелых руках». Видя то опустошение, которое сеет в плотных рядах врага их оружие, гренадеры стали кричать от радости. Так с криками они стреляли несколько минут, после чего русские остановились в замешательстве. Полковник Худ понял, что у него появился шанс. Он отдал приказ центральным линиям стрелков идти вперед, не прекращая стрельбы. Позже он написал домой о том, «какой эффект дало сочетание огня и маневра линиями против колонн». Худ с гордостью вспоминал «своих ребят, которые так хорошо показали себя в том бою… Русские колонны через пять минут дрогнули, затем повернули и, наконец, побежали».

Под генералом Кветцинским тоже была убита лошадь. Потом он сам получил рану в ногу, затем в другую ногу и в бок. Пока его на носилках несли в тыл, он продолжал руководить отступавшими солдатами, воодушевляя их. На них наступали гренадеры и «Голдстрим», а также сумевшие быстро восстановить строй шотландские стрелки.

Когда герцог Кембриджский вновь занял Большой редут, там не было никого, кроме стонавших и истекавших кровью на вспаханной взрывами земле раненых.

IX

Гвардейцы прорвали оборону русских на правом фланге, но на левом фланге у противника было еще 12 свежих батальонов. А англичане могли противопоставить им только 3 своих полка. Но «Горцы Камерона», 93-й полк горцев и «Черные часовые» были тремя лучшими полками во всей армии. А командир бригады, несомненно, был самым опытным из военачальников, находившихся в тот момент на поле боя. Колин Кемпбелл служил под началом Мура и Веллингтона. Он воевал по всему свету: в Испании, в Америке, в Китае, был четырежды ранен. Он был одновременно смелым и талантливым. Дважды он командовал дивизией в Индии. Но сэр Колин не был богат и не имел связей, поэтому, когда началась война с Россией, он, после сорока четырех лет безупречной службы, был всего лишь полковником. Ни один другой командир бригады не пользовался таким авторитетом и уважением, как полковник Кемпбелл.

Перед тем как повести солдат в бой, он обратился к ним со словами:

– Ребята, сейчас вы пойдете в бой. Запомните: кто бы ни был ранен, независимо от звания, пусть остается на месте и ждет, когда придут оркестранты и позаботятся о нем. Солдаты не должны заниматься эвакуацией раненых. Если кто-либо из солдат будет замечен за таким занятием, пусть пеняет на себя. Не спешите стрелять. Ваши офицеры подскажут, когда придет время открывать огонь. Будьте внимательны. Не шумите и не кричите. Прицеливайтесь тщательно.

Бригада, построившись, двинулась вперед. Впереди справа шел полк «Черные часовые», в середине – 93-й полк, «Горцы Камерона» сместились влево. Как и многие другие офицеры горцев, сэр Колин относился к солдатам и офицерам других полков снисходительно, почти с пренебрежением. Проходя мимо 88-го полка, который до сих пор стоял в каре, готовясь отразить атаку мифической кавалерии, полковник сердито посоветовал солдатам перестроиться в линию.

– Пусть себе шотландцы идут дальше, – цинично заметил один из солдат 88-го полка, – они сделают за нас всю работу.

Когда полковнику рассказали, как гвардия была вынуждена отступить, чтобы не погибнуть под ураганным огнем врага, он повернулся в седле и яростно выкрикнул:

– Каждый солдат гвардии ее величества должен предпочесть лежать мертвым на поле боя, чем показать врагу спину!

Он был уверен, что его солдаты никогда так не поступят. Они

умрут, но не отступят. Шотландцы шли, огибая холм, на котором раньше располагались батареи Большого редута, под плотным ружейным огнем. Падали убитые, но солдаты продолжали держать строй. Сам полковник ехал верхом в боевых порядках «Черных часовых». Он отдал своим людям приказ вести ответный огонь на ходу, что требовало от солдат значительного мастерства. Ведь в отличие от огня с места здесь всегда существует риск попасть в своих. Полк показал себя с лучшей стороны. Наступавший левее и чуть сзади 93-й полк двигался слишком быстро, расстраивая ряды, и полковнику пришлось вернуться, чтобы проконтролировать порядок движения. Он остановил полк, выровнял строй под огнем противника и только после этого дал команду продолжить движение. В это время лошади полковника, уже дважды раненной, пуля попала в сердце и она стала медленно оседать на землю. Пока Кемпбелл пересаживался на лошадь адъютанта, откуда-то со стороны фронта появился его слуга-англичанин. Приложив руку к шляпе жестом, далеким от военного приветствия, он заявил, что, поскольку ружейный огонь русских сильнее с тыла, ближе к передовой у лошади полковника было бы больше шансов уцелеть. Выслушав слугу, полковник сменил лошадь и молча поскакал вперед. За ним двинулся 93-й полк.

Наступление необычно обмундированных рослых молчаливых солдат подействовало на русских ошеломляюще. Взятые в плен ранеными, русские солдаты признавались, что противники показались им какими-то неземными пришельцами. Сопротивление таким воинам виделось просто немыслимым. Линии наступавших шотландцев протянулись по фронту более чем на милю. Казалось, число атакующих огромно. Вряд ли кто-то мог вообразить, что боевой порядок шотландцев составлял всего две линии в глубину.

В полном молчании они в окружении клубов дыма бросались на русские позиции. Слышался только лязг винтовок. Странные солдаты носили темные клетчатые юбки и необычной формы шапочки с длинными перьями. Густой дым делал незнакомцев еще более таинственными. Он полностью скрывал ноги наступавших и давал волю фантазиям оборонявшихся, одни из которых считали, что имеют дело с всадниками, а другие и вовсе были уверены, что на них движутся не люди, а самые настоящие призраки.

Русские еще продолжали стрелять, однако страх все больше овладевал ими. Офицеры снова пытались навести порядок в рядах оборонявшихся. Сверкали на солнце их обнаженные сабли. Там, где появлялись офицеры, более плотным становился огонь

шотландских винтовок.

Вскоре в рядах русских вновь раздался странный вопль, похожий на стон умирающего животного. Однако теперь в нем слышалась уже не угроза, а скорее отчаяние. Звук вскоре замолк, колонны русских расстроились, и оборонявшиеся побежали. Полковник Кемпбелл взметнул вверх шляпу, и горцы, находившиеся вокруг него, закричали во всю мощь своих легких так, что их можно было услышать на две мили вокруг. Кемпбелл решил лично доложить о своем успехе Раглану. Он пошел пешком, поскольку его гнедая лошадь была убита. Когда он нашел Раглана, на его лице были слезы. В знак признания заслуг горцев он попросил Раглана разрешить надеть национальную шотландскую шапочку. Командующий улыбнулся и кивнул в знак согласия.

На поле, где еще совсем недавно шел бой, солдаты поздравляли друг друга. Как вспоминал Сомерсет Калторп, «каждому хотелось пожать кому-нибудь руку; в горле стоял удушающий ком, хотелось плакать от радости». Полковник Лейси Йе рыдал. Напряжение боя прошло, и можно было дать волю эмоциям. «Мы потеряли знамя, – плакал он, как ребенок, заламывая руки, – и где теперь мои бедные стрелки? О боже, боже».

X

Князь Меншиков вернулся как раз тогда, когда войскам грозила катастрофа. Двигаясь по долине в сторону Курганного холма, в том месте, где недавно располагались резервы русских, он встретил князя Горчакова, буквально ошеломленного случившимся. Меншиков обрушил на Горчакова град сердитых вопросов:

– Что случилось? Почему вы пешком? Почему один?

Горчаков устало ответил:

– Лошадь была убита у реки. Я один, потому что все адъютанты и все офицеры штаба были убиты или ранены. В меня самого, – добавил он, демонстрируя изорванную в лохмотья шинель, – попали шесть раз.

Пока генералы разговаривали, два английских орудия, установленных на господствующей над местностью высоте, вели огонь по беспорядочно отступавшей пехоте русских.

Не пытаясь прекратить отступление, превращавшееся в бегство, Меншиков поскакал в сторону ближайшего холма. Минуту или две он и его сопровождающие ехали в молчании. Затем Меншиков зло и отчаянно выкрикнул:

– Для русского солдата отступление – позор!

Ближайший офицер сердито возразил:

– Если бы вы приказали им держаться, они не оставили бы своей земли врагу.

Теперь было слишком поздно. Позади них, на холмах, были видны ровные ряды английских войск, установленные в долине тяжелые орудия методично расстреливали отступавших русских солдат.

Разместив на холмах два батальона Адамса и выдвинув вперед артиллерию, Раглан поскакал в сторону Большого редута на встречу с герцогом Кембриджским. Оттуда он увидел, что граф Лекэн выдвинул артиллерию на правый фланг бригады горцев, откуда она обстреливала отступавшего неприятеля.

Лекэн и Кардиган с нетерпением ждали приказа бросить кавалерию преследовать врага. Но лорд Раглан, обеспокоенный малочисленностью своей кавалерии, решил, по его собственному выражению, «придержать ее про запас», не рискуя ради нескольких пленных или орудий. Поэтому он отправил к Лекэну своего старшего адъютанта с приказом продолжать прикрывать движение артиллерии. Видя неудовольствие на лице Лекэна, генерал Эсткорт добавил от себя лично:

– Кавалерия здесь не для того, чтобы атаковать.

Не получив разрешения преследовать противника, кавалеристы, тем не менее, не могли отказать себе в удовольствии вырваться галопом вперед пушек и захватить нескольких заблудившихся русских солдат. Дважды Раглан снисходительно наблюдал за этими маневрами, а затем вновь отправил к Лекэну адъютанта, который повторил ему приказ вернуться к функциям охраны и прикрытия. В ответ Лекэн разочарованно кивнул и велел отпустить пленных.

Справа генерал Кирьяков отступал под огнем пушек Канробера, которые, наконец, были переправлены через реку. Какое-то время его войска еще держались в районе Телеграфного столба, несмотря на огонь артиллерии союзников. Но его восемь потрепанных в боях батальонов не могли противостоять все возрастающей мощи французской армии. Он присоединился к общему отступлению, и вскоре зуавы уже прокладывали себе путь к вершине Телеграфного столба, безжалостно закалывая штыками немногочисленных русских солдат, оставленных на холме либо по ошибке, либо в качестве жалкого арьергарда. Маршал Сент-Арно, уверенный, что в окрестностях холма только что закончился жестокий бой, лично прибыл поприветствовать своих солдат.

– Спасибо вам. Спасибо вам, мои зуавы!

Маршал был непревзойденным мастером даже самые простые фразы произносить с драматической интонацией. Он был уверен, что битва подошла к концу. Было половина пятого пополудни, а он с самого раннего утра не сходил с седла. Возбуждение дня наполнило умирающее тело нервной энергией, но теперь давала себя знать смертельная усталость. Когда Раглан предложил ему вместе с англичанами преследовать врага, старый маршал отказался. Раглану ответили, что «французы не могут идти дальше». Ранцы солдат остались далеко позади, и теперь нужно было вернуться за ними.

Сначала Раглан хотел сам вместе с 3-й дивизией генерала Ингленда, кавалерией и артиллерией на конной тяге преследовать противника. Но, подумав, решил, что без французов преследование теряет всякий смысл. Поэтому войскам был отдан приказ стать лагерем на ночь.

Разочарованный и опечаленный отказом французского командования от сотрудничества, он через расположение своей армии отправился обратно к реке. Солдаты дружно приветствовали своего командующего. Даже раненые пытались вставать с носилок. Раглан был настолько расстроен, что почти не обращал внимания на приветствия солдат, которые прежде всегда приводили его в волнение. Он направился обратно в Бурлюк, где

в дымящихся обугленных зданиях хирурги спасали жизни раненых. В течение часа он переходил из одного здания в другое, беседуя с лежащими в ряд на полу людьми. Сопровождавший Раглана адъютант позже с ужасом писал домой «о хирургах с руками в крови, о сложенных на соломе только что ампутированных руках и ногах, о полах, скользких от крови». Раненые лежали на склонах холмов перед поселком и на равнине за ним. Они стонали, кричали, жалобно просили воды. Хирурги, в полной униформе и с перекинутыми через плечо сумками с инструментом, при свете угасающего дня передвигались от одного раненого к другому, делая операции прямо на земле или на дверях, оторванных от домов и бань. «Нас слишком мало, – заявил доктор Скелтон, – лично я проводил операции независимо от того, был раненый русским или англичанином». Казалось, раненым нет числа. Раненые и мертвые, англичане и русские лежали вместе. «На одном из таких пятачков лежали 5 офицеров 23-го полка, в том числе 1 полковник, – все мертвые. Их раны были ужасны».

В отличие от англичан русские артиллеристы при стрельбе выдерживали очень низкий прицел. Большинство ранений, полученных при такой стрельбе в живот, в нижнюю часть легких, оказывались тяжелыми и болезненными. Вскоре после шести стемнело, и хирургам пришлось продолжать работать в темноте. В домах не осталось места. В мерцающем свете фонарей фигуры врачей склонялись над телами покалеченных людей. Не хватало фонарей, инструментов, почти не было лекарств. Всю ночь из темноты слышались стоны и крики, мольбы принести воды. Иногда слышались выстрелы русских ружей. Было непонятно, стреляют ли это английские солдаты, которые используют оружие врага для разведения костров, чтобы согреться, или раненые русские в английских солдат, которые по ошибке пытались ползти в их сторону. Русские не делали разницы в выборе целей и стреляли даже во врачей, в солдат, которые всю ночь поили раненых, своих и чужих, водой, в таких же раненых англичан, лежащих около них. «Как-то я стал свидетелем отвратительного случая, – вспоминал Тимоти Гоуинг, – молодой офицер дал русскому раненому немного бренди из своей фляжки, а когда он повернулся, чтобы идти дальше, тот парень спокойно застрелил его». На берегу раненый русский застрелил в спину сержанта в тот момент, когда тот склонился к его товарищу, чтобы напоить водой.

Было еще несколько подобных безобразных случаев. «Русские офицеры вели себя как джентльмены, но их солдаты были настоящими негодяями».

Впрочем, такие чувства были взаимными. «Мы ожидали, что будем воевать с солдатами, – заявил взятый в плен адъютант одного из русских генералов, – а не с дьяволами в красных мундирах. Исчезли надежды, что война будет вестись цивилизованно. Уже сейчас каждая сторона думает о противнике со злобой и горечью. За ранеными пленными почти нет ухода. Иногда под угрозой удара штыком их заставляют повторять оскорбления в адрес царя».

Французы обирали тела убитых и умерших донага. Огрубевшие на войне с дикарями в Алжире, зуавы привыкли к страданиям и смерти. Они могли спокойно веселиться или принимать пищу в окружении раненых и трупов. Французские похоронные команды работали неохотно и демонстрировали ужасающий юмор. Гардемарин Вуд рассказывал, как на его глазах какой-то зуав бросил в могилу чей-то безногий труп, а затем приладил трупу чью-то оторванную ногу.

Каффир, слуга капитана Клиффорда, с жуткой непосредственностью рассказывал, что самое большое удовольствие получает от прогулок по полю боя и вида безруких и безногих трупов вражеских солдат, которые выглядят как «яблоки в саду». Как-то он вернулся, нагруженный русскими саблями и касками, приговаривая: «Как хорошо! Столько убитых. Повсюду руки и ноги. Это все враги господина».

Английские похоронные команды тоже не особенно церемонились, озабоченные лишь тем, чтобы поместить как можно больше трупов в специально выкопанные большие ямы. Выкапывался ров шириной 6 футов и длиной несколько футов. Трупы сначала складывали вдоль рва, а затем 50 – 60 из них рядами плотно, в несколько слоев, укладывали на дно и засыпали землей. По крайней мере, теперь мертвые не становились добычей стервятников. Как бы скверно ни складывались дела на берегу, на кораблях положение было еще более устрашающим. На одних судах-госпиталях в роли единственного медицинского персонала выступали жены солдат. На других хирурги не могли буквально шагу ступить, не споткнувшись о тело раненого или больного. Воздух был пропитан запахом гниения, палубы и одежду мертвых и умирающих покрывали грязь, испражнения и вши. Здесь же роились бесчисленные мухи и жуки, откладывающие личинки в гноящиеся раны людей. Главный хирург, прибыв на борт одного из таких судов, обнаружил там около 400 раненых и больных холерой и дизентерией при полном отсутствии каких-либо средств для их лечения. Команда была занята тем, что принимала на борт новые партии раненых и больных и отправляла в море тела умерших. Когда пароход

направился в Скутари, на его борту было около 430 человек. В пути более четверти из них умерли, так и не добравшись до госпиталя. Так начались ужасы и лишения войны, которые даже сегодня вызывают на глазах слезы сожаления и скорби.

Два дня армия собирала раненых и хоронила мертвых. Команды моряков и морских пехотинцев совершили бесконечное количество рейсов между лагерем и устьем реки, перевозя на импровизированных носилках, сделанных из куска брезента, натянутого между двумя деревянными шестами, больных и искалеченных. На вершинах близлежащих холмов солдаты находили сотни ранцев, чтобы, открыв их, разочарованно обнаружить внутри несколько кусков черного хлеба и раскрошенное печенье. Их более удачливым товарищам посчастливилось находить корзины для пикника, внутри которых могли лежать полдюжины холодных жареных цыплят и пара бутылок шампанского. Здесь же в беспорядке были разбросаны дамские платки, зонтики и «очень милые шляпки». На специально построенной площадке приглашенные князем Меншиковым русские дамы собирались через театральные бинокли смотреть на разгром вторгшегося врага.

Глава 7 ФЛАНГОВЫЙ МАРШ

Ставить на платформы орудия! Но, дорогой лорд Раглан, какого черта они должны здесь разрушить?

Генерал-майор
Джордж Кэткарт

I

Ранним утром на следующий день после битвы адмирал Лайонс нашел лорда Раглана в очень плохом расположении духа. В течение утра Раглан дважды безуспешно пытался убедить маршала Сент-Арно немедленно начать преследование врага и попытаться с ходу овладеть северными фортами Севастополя. Сент-Арно заявил, что французские войска слишком устали для того, чтобы немедленно продолжить наступление. Им нужно время для отдыха и реорганизации. Кроме того, на переправе через реку Качу, очередную водную преграду на пути союзников, ожидается упорное сопротивление русских войск. А на следующей реке, Бельбек, не только сосредоточена огромная русская армия, но и построено бесчисленное количество инженерных сооружений. Союзники не могут позволить себе потерь, с которыми будет сопряжено форсирование этих рек. Раглан был огорчен таким мнением француза, однако не стал настаивать на собственной точке зрения, чтобы не вносить раскол в ряды союзников, за нерушимость которых он чувствовал себя ответственным перед своим правительством [14] .

Теперь Сент-Арно, по мнению Раглана, в очередной раз демонстрировал некомпетентность и безответственность, однако английский генерал был по-прежнему безупречно спокоен, вежлив и предупредителен с французом. И вновь, как и всегда, спокойствие Раглана, его искреннее желание до конца понять точку зрения французов Сент-Арно понял неверно. Он пребывал в искреннем неведении относительно нетерпения Раглана и его нежелания терять драгоценное время. А поскольку Раглан отказывался комментировать свои разногласия с союзниками в официальных письмах правительству, те могли абсолютно спокойно ссылаться на поддержку лорда в вопросе задержки дальнейшего наступления после победы на Альме. Спустя несколько месяцев Раглан признался, что необходимость угождать французам давила на него тяжким грузом и он всегда сожалел о том, что приходилось постоянно соглашаться с их мнением. Однако в тот момент он считал, что согласие в лагере союзников должно ставиться превыше всего. Он понимал, к каким тяжелым политическим последствиям могут привести открытые разногласия с французами. Возможность изоляции означала для него как военную, так и политическую катастрофу. В последней битве он уже потерял убитыми и ранеными более 2 тысяч своих лучших солдат. Хотя русская армия потеряла более 5,5 тысяч, она все еще насчитывала более 40 тысяч солдат и офицеров, к тому

же регулярно получала подкрепления. Со всего юга России в Крым прибывали новые русские полки.

Раглан был уверен, что не должен наступать без французов. И те, кто критиковал его за промедление, не всегда помнил о поставленном британским правительством условии действовать только совместно с союзниками. В инструкции правительства говорилось, что «не предполагается участия в каждой операции равного количества союзных войск. Это не всегда удобно. Однако правительство настаивает на предварительном совместном обсуждении и согласовании каждой операции». Он не мог сделать ни шагу без французов. По словам Сент-Арно, они потеряли в битве 1600 солдат и офицеров. Но Раглан был уверен, что реальные потери французов не превышали 560 человек. Теперь французов было больше, чем англичан. К тому же вряд ли кто-нибудь из них до сих пор участвовал в серьезных боях. Однако, послушав разговоры их офицеров, можно было подумать, что это французы в одиночку выиграли сражение. И действительно, Сент-Арно беззастенчиво приписывал себе львиную долю заслуг. «Победа! Победа! – писал он жене. – Вчера я полностью разбил русских. Я захватил их позиции, которые обороняли 40 тысяч солдат. Они сражались храбро, но ничто не может противостоять боевому духу французов». «Я потерял меньше людей, чем англичане, – писал он в письме брату, – потому что действовал быстрее. Мои солдаты бежали; их – шли пешком».

Тщеславие француза иногда выводило Раглана из себя и заставляло терять терпение. В тот вечер за ужином, услышав громкие звуки трубы, доносившиеся из французского лагеря, он довольно раздраженно заметил: «А вот и они со своим «ту-ту-ту». Это единственное, что они умеют делать!»

За следующий день ничего так и не было решено. Из-за отказа французов немедленно наступать на Севастополь англичане получили возможность переправить своих раненых на корабли флота. В условиях нехватки транспорта это был довольно длительный процесс. Теперь уже Сент-Арно мог с полной уверенностью заявлять, что это англичане, а не он снова задерживают наступление союзников.

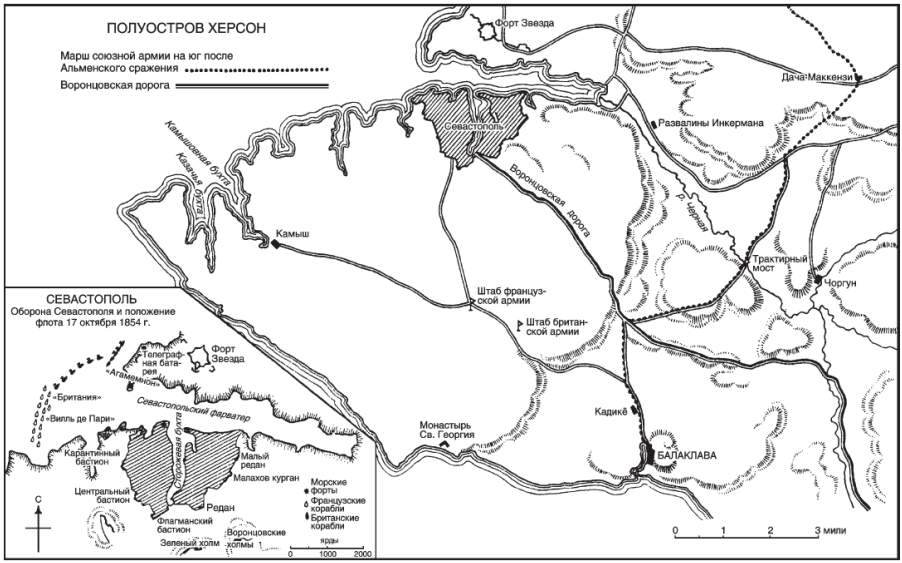
Наконец обе армии были готовы. Теплым солнечным утром 23 сентября 1854 года они выступили от холмистых берегов Альмы в сторону живописной долины реки Качи. Воздух благоухал запахами цветов. По дороге солдаты могли собирать тяжелые гроздья винограда, набивать карманы и ранцы дынями, абрикосами и грушами. Иногда за заборами садов слышалось кудахтанье кур. Услышав его, солдаты немедленно бросались на звук, и вскоре только кучка перьев напоминала о домашней

птице, которая имела несчастье оказаться на пути армии. Домики крестьян были чистыми и аккуратными, а местные жители держались дружелюбно и немного застенчиво. Вскоре солдаты увидели, что в Крыму живут не только крестьяне. Армия прошла мимо нескольких больших загородных домов. «Вы не можете себе представить, – писал своей тете лейтенант Ричард Вильямс, – как много было украдено солдатами из домов русской знати и богатых жителей Севастополя. Дома были великолепно обставлены, в них висели люстры выше человеческого роста, имелся прекрасный фарфор, позолоченные безделушки и т. д.». Дорога была усеяна имуществом, брошенным быстро отступавшей в сторону Севастополя русской армией: повозками, полевыми кухнями, ящиками с боеприпасами, вещевыми мешками, одеялами, котелками. Но сама армия, казалось, растворилась в воздухе. Не были обнаружены и укрепления у Бельбека, о которых так много разглагольствовал Сент-Арно. Данные о наличии в устье реки артиллерийских батарей и кораблей севастопольской эскадры оказались ложными. Никто не препятствовал движению союзников на Севастополь. Русские отступали так поспешно и беспорядочно, что даже не уничтожили мосты и колодцы. Несмотря на несколько случаев заболевания холерой, армии постепенно восстанавливались после эпидемии. И это при наличии огромного количества фруктов, которые все ели немытыми. Моральный дух солдат был как никогда высок. Казалось, война почти выиграна. Ходили упорные слухи о том, что князь Меншиков перерезал себе горло, а ворота Севастополя открыты на милость победителей.

Так, в приподнятом настроении, союзники прошли до конца долины Бельбека и подошли к очередной возвышенности. Оказалось, что здесь их путь закончился. Прямо под ними, тихие и прекрасные в лучах солнца, были видны дома, улицы и купола церквей Севастополя.

Длинная полоса ярко-голубой воды, в которой мирно стояло на якоре множество кораблей, делила город на две части. На противоположной стороне бухты располагались самые важные здания города, казармы моряков, военные склады, здание Адмиралтейства, увенчанное куполом в виде луковицы, библиотека и церкви. В свою очередь, дальнюю часть города с севера на юг разделяла на две части другая широкая бухта, названная Южной. В более близкой северной части располагались склады, морские казармы и еще какие-то здания. Перед ними, недалеко от того места, где остановились войска союзников, высился еще один форт, игравший, несомненно, очень важную роль в обороне города. Его орудия были направлены на север, на

юг и в сторону моря. Другие орудия охраняли вход на рейд севастопольского порта.



Взглянув на город и на крепкие стены форта Звезда, Сент-Арно внезапно почувствовал себя усталым и больным. Он спешился и лег на землю лицом вниз, предоставив англичанам самим обсуждать проблему наступления на город. Раньше он уже высказывал мнение о том, что город следует атаковать с запада. Раглан продолжал настаивать на наступлении с севера при поддержке огнем кораблей флота с юга. Он был склонен согласиться с оценкой капитана английского флота, которому приходилось бывать в бухте Севастополя до войны. Тот считал, что, пока не будет захвачен расположенный в северной части города форт Звезда, атака на город с севера бесполезна. Самый опытный военачальник в Севастополе Тотлебен думал так же, и князь Горчаков был согласен с ним. Поэтому в тот момент северную часть города защищали всего 11 тысяч человек, в основном матросов, вооруженных только пиками и дубинами [15]
.

Успешная атака с этого направления могла бы дать союзным армиям неоспоримые преимущества даже в том случае, если не удастся сразу захватить южную часть города. В этом случае при долговременной осаде города союзники будут контролировать дорогу из Севастополя к Перекопскому перешейку, единственной артерии, связывавшей Крым с другими районами России.

Однако маршал Сент-Арно был не единственным, кто возражал против атаки на Севастополь с севера. Британскую армию сопровождал в качестве советника семидесятидвухлетний

генерал инженерных войск Бэргойн, чей опыт и советы считались бесценными. Он был незаконнорожденным сыном популярной певицы Сьюзен Колфилд и генерала Бэргойна, который в свое время позволил американским повстанцам заманить себя в окружение в районе Саратоги. Советник британской армии до сих пор был практикующим инженером и имел хорошую репутацию. Он высказал ряд логичных доводов в пользу того, что наступление на город с юга было бы предпочтительней. Он настаивал на том, что противник ожидает атаки союзников с севера. Двигаясь с юга, можно не только достичь эффекта неожиданности, но и воспользоваться тем, что ни одно из инженерных сооружений с этой стороны до сих пор не было достроено. К тому же кораблям легче осуществлять прикрытие наступающих с юга, чем с севера. И наконец, при возможной затяжной осаде города лучшим местом базирования союзного флота, без всякого сомнения, будет Балаклавская бухта. Она удобна и расположена на оптимальном расстоянии от лагеря союзных войск. И все же, несмотря на доводы Бэргойна, Раглан предпочел бы немедленную атаку на город с севера, прежде чем русская армия успеет изготовиться к обороне. Он опасался, что, двигаясь по незнакомой лесистой местности, при отсутствии подробных карт, армия может утратить взаимодействие с флотом и лишиться поддержки его артиллерии. В то же время он понимал царившие в штабе французов настроения. Его союзники были бы рады любой отсрочке наступления, поэтому он отправил во французский лагерь генерала Бэргойна, который должен был отстоять точку зрения Раглана. Только при поддержке утомленного бесконечными дискуссиями Сент-Арно старому генералу удалось убедить французский штаб принять в общих чертах план Раглана. На следующий день Раглан, сознавая необходимость скорейшего принятия окончательного решения, сам отправился к французскому командующему. К тому времени уже стало известно, что русские, пытаясь воспрепятствовать входу союзного флота в Севастопольскую бухту, затопили на рейде несколько своих кораблей. Становилось все более очевидным, что время упущено и взять Севастополь с ходу не удастся. А если город все-таки будет захвачен, со всей остротой встанет проблема снабжения армии союзников, которую не удастся решить до тех пор, пока затопленные корабли не будут подняты со дна моря. Раглан понимал, что теперь нечего и думать о наступлении с севера, поэтому спросил Сент-Арно, готовы ли французы принять план генерала Бэргойна? Тот в ответ молча кивнул. Раглану показалось странным равнодушие старого маршала, его безучастная поза со скрещенными на коленях руками. Когда

англичане вышли из палатки Сент-Арно, один из офицеров обратил внимание на необычное поведение французского командующего. В ответ Раглан печально заметил: «Разве вы не видите, что он умирает?»

Через несколько часов у маршала открылась тяжелейшая холера. На следующее утро он был настолько болен, что не смог встретиться с Рагланом. В половине девятого утра начался обходной маневр армии союзников вокруг Севастополя. Впереди под приветственные крики союзников шли англичане.

II

Пехота шла в авангарде, расчищая путь для артиллерии и кавалерии, придерживаясь по компасу направления на юго-юго-восток. Дорога пролегала через дубовый лес. Солдаты шли, выставляя вперед локти, пытаясь заслониться от хлестких ударов пружинящих ветвей деревьев. Люди были утомлены, раздражены и, как всегда, мучились от жажды. Лорд Лекэн с отрядом кавалерии, артиллерийской батареей и приданным стрелковым батальоном двигался в авангарде. Он получил приказ провести разведку группы зданий, среди которых когда-то находился дом шотландского адмирала, руководившего в конце XVIII столетия строительством укреплений Севастополя. По имени этого человека, место называлось необычно, но чрезвычайно приятно для слуха англичан: «дача Маккензи». Здесь заканчивался проселок и начиналась главная дорога из Севастополя в Симферополь. Разведывательный отряд, к которому в качестве проводника был прикомандирован майор Ветеролл из службы генерал-квартирмейстера, должен был скрытно, не показываясь из леса, понаблюдать за дачей и окрестностями, главным образом за ведущей отсюда дорогой. Как оказалось, выбор проводника был неудачен. На одной из лесных развилок майор после минутных колебаний направил кавалерию вправо. Дорога становилась все более крутой и менее заметной, пока, наконец, не исчезла совсем. Ветеролл заблудился.

Артиллерия, естественно, шла медленнее, чем кавалерия. Когда батарея достигла развилки, оставленный здесь гусар показал, по какой дороге поехал лорд Лекэн. Артиллерийские офицеры смотрели на дорогу с изумлением. Было понятно, что пушки нельзя будет везти по такому крутому лесистому маршруту. Здесь явно была какая-то ошибка.

Они так и стояли в замешательстве, думая, как поступить дальше, когда их догнал Раглан с небольшим кавалерийским эскортом. Вначале командующий рассердился на артиллеристов за эту незапланированную остановку. Но, увидев, по какой дороге ушел его авангард, он признал, что артиллеристы были правы. Оставив их на развилке, он повернул налево. Через несколько минут к нему присоединился генерал Эйри. Незадолго до того, как впереди показалась дача Маккензи, генерал Эйри, увидев открытый участок среди деревьев, попросил разрешения проехать вперед и провести разведку. Он поскакал галопом по направлению к дому, затем внезапно остановился и предостерегающе поднял руку. Ни у кого не было сомнений

относительно значения этого жеста. Все замерли. Эйри вовремя остановил лошадь, не дав ей выехать на дорогу. По дороге нескончаемым потоком тянулись повозки, полные русских солдат, которые время от времени соскакивали и шли рядом, чтобы размяться, курили, громко разговаривали или просто смотрели по сторонам. Примерно минуту Эйри, неподвижно сидя на лошади, смотрел на них. Несомненно, это был арьергард находящихся на марше крупных сил противника. Однако, к удивлению Эйри, повозки шли из Севастополя. Дача Маккензи превратилась в обугленные дымящиеся развалины.

Когда Раглан понял, что Эйри обнаружил выход из леса на дорогу, он тихим спокойным голосом приказал двум офицерам узнать, что случилось с кавалерией. Еще один офицер был направлен назад на развилку за оставшейся там артиллерийской батареей. Сам Раглан медленно направился к Эйри. На опушке леса лежали, отдыхая, несколько русских солдат. Внезапно кто-то из них заметил в зелени листвы синий костюм Раглана. Русские так изумились, что несколько секунд молча, не двигаясь с места, смотрели на него. Даже после того, как они убежали и конечно же доложили своим командирам о присутствии в лесу двух вражеских генералов, никто из русских не свернул с дороги и не стал выявлять наличие в нем неприятеля. Раглан молча сидел в седле и наблюдал за врагом с таким выражением лица, будто вот-вот собирался разгромить его.

В это время штабной офицер нашел в лесу артиллерийскую батарею и рассказал артиллеристам о случившемся. «Все подумали, – записал в дневнике капитан Шекспир, – что лорд Раглан сбился с дороги».

Но Раглан и не думал сбиваться с пути. Он находился на своем обычном месте – впереди армии. Он прекрасно владел собой. Даже когда его нагнал в сопровождении командира эскорта капитана Четвуда смущенный и покрасневший от стыда генерал Лекэн, Раглан сумел сдержаться и не дать воли гневу. «Лорд Лекэн, – промолвил он ледяным тоном, – вы опоздали!»

Кавалерия и теперь двигалась медленно. 8-й гусарский полк задерживался настолько, что артиллеристы не стали дожидаться его прибытия и двинулись в путь самостоятельно, стремясь поскорее ударить по врагу. Орудия выкатили на дорогу, и, как вспоминал капитан Шекспир, уже через минуту прогремел первый залп по отступавшему противнику. «Враги убегали, а мы примерно десять минут преследовали их так быстро, как только могли. Дорога неожиданно повернула вправо, и мы с удивлением увидели перед собой построившийся у обочины неприятельский полк. С расстояния около 30 ярдов они с колена выстрелили по

нас. Но по-видимому, враги были настолько ошеломлены нашим появлением, что их выстрелы никому из нас не причинили вреда. Были только слегка задеты две лошади. Вскоре неприятель скрылся в лесу».

Кавалерия галопом пустилась в погоню. Однако Раглан, который берег кавалерию на случай неожиданных осложнений обстановки или для развития успешных действий своих войск, приказал кавалеристам вернуться. Он попытался объяснить причину одному из кавалерийских полковников, однако было видно, что тот не стремится понять своего командующего и выглядит раздосадованным и разочарованным.

Захваченные трофеи были впечатляющими. В телегах обнаружили запасы продовольствия, парики, длинные шубы из овечьей шкуры, отороченное мехом гусарское обмундирование, женское белье, бутылки ужасающе крепкой выпивки. На одной из повозок сидел смертельно пьяный русский артиллерийский офицер. С откупоренной бутылкой шампанского в руке, он весело напевал. Захвативших его в плен англичан он встретил бесконечными выражениями радости, настаивая на том, чтобы те выпили с ним шампанского. Когда предложение было принято, оказалось, что бутылка пуста. Это был единственный офицер, сопровождавший часть русского арьергарда. Его доставили к Раглану, который хотел узнать, почему и в каком количестве войска уходили из Севастополя. Офицер не только не мог дать каких-либо вразумительных объяснений, но вообще еле держался на ногах. Английские солдаты посмеивались над ним так, как высмеивают поведение пьяных на улице. Раглан посмотрел на офицера с выражением неудовольствия и смущения. Не желая смотреть на то, как смеются над офицером, он повернулся к нему спиной. Его загорелое на крымском солнце лицо покраснело.

Казалось, что неожиданное столкновение с противником расстроило лорда больше, чем тот факт, что он едва не попал в руки врага. Когда лорд Кардиган приблизился к нему, Раглан сухо заметил:

– Кавалерии не было там, где она должна была быть. Вы плохо командуете ею.

– В таком случае, милорд, – заявил Кардиган тоном несправедливо обвиненного в том, чего не совершал, – я отказываюсь от командования кавалерией.

Кардиган был обижен, Лекэн разъярен, Раглан и Эйри недовольны и тем и другим. Казалось, все пребывают в плохом настроении. Люди устали и хотели пить, их лица и руки были оцарапаны колючками в лесу. К тому же выяснилось, что русские, отступая, засыпали колодец у развалин дачи Маккензи.

Армия вышла на дорогу, ведущую в долину реки Черной, в мрачном молчании. В вечерних сумерках англичан догнали французы. К одиннадцати часам ночи они стали лагерем в окрестностях разрушенной дачи. Впоследствии это место называли «лагерем зуавов».

III

Раглан собрал свой штаб на совещание в маленькой каменной хижине, расположенной в месте пересечения реки Черной Трактирным мостом. К ночи обозы еще не подошли, и офицерам штаба пришлось бы голодать, если бы артиллерийский капитан Томас, которому удалось подстрелить дикого кабана, не прислал кабанью ногу Раглану. Слуга-немец нарезал мясо тонкими ломтями и стал жарить на открытом огне. От аппетитных запахов настроение штабных офицеров постепенно стало улучшаться. Свинина была великолепна. Тарелка и вилка досталась только Раглану; остальные ели мясо руками, усевшись вокруг костра со скрещенными по-турецки ногами. Офицеры оживленно беседовали, только командующий казался обеспокоенным. Сразу же после ужина он отправился в хижину, но не для того, чтобы лечь спать. Когда Найджел Кингскот с офицерами штаба укладывался спать на берегу реки, в единственном окошке хижины все еще горел свет.

Позже Раглан написал: «Мы находились в опасном положении». Отрезанная от флота, который до сих пор оставался в устье реки Качи, армия расположилась в незнакомой долине, на слабо разведанной местности и представляла собой идеальный объект для нападения противника. В его распоряжении пока была одна из пяти пехотных дивизий. Среди солдатов – много раненых и больных.

В своем письме жене Раглан сообщал, что никогда не чувствовал большего облегчения, чем на следующее утро, когда при свете восходящего солнца убедился в том, что ночью никто на них не напал. Солдаты еще завтракали солониной и галетами, когда Раглан верхом на коне перебрался на противоположный берег реки Черной. Флот по его приказу двигался в Балаклаву, и он спешил со своей армией туда же.

Примерно в 4 милях от Трактирного моста находился небольшой поселок Кадикей, расположенный на плато над Балаклавой, отделенный от нее грядой холмов. Построенный в живописной местности, поселок представлял собой несколько небольших домиков, утонувших в море виноградников. Когда Раглан с штабом вошел в один из таких домиков, его немногочисленные обитатели приветствовали его как героя и победителя. Жители поселка сообщили, что лежащая внизу Балаклава беззащитна перед армиями союзников.

Раглан отправился по дороге в Балаклаву. У подножия холма дорога резко поворачивала в сторону. Раглан оказался в месте,

напоминавшем ему естественный бассейн, со всех сторон окруженный острыми скалами. Пока он смотрел на воду, из старинной крепости над ним ударило единственное орудие. Оказалось, что у города все-таки были защитники, поэтому Раглан отправил легкую дивизию занять расположенные позади высоты. Однако не успел офицер отправиться выполнять поручение, как со стороны скрытого за холмами моря послышался грохот тяжелых корабельных орудий. В Балаклаву входил союзный флот. Комендант Балаклавы полковник Монто и немногочисленный гарнизон старинного замка, состоявший из четырех или пяти солдат-греков, сдались англичанам. Раглан пошел дальше по дороге, которая, повернув за очередным холмом, вывела его за поселок к морю. Встречавшиеся ему по дороге местные жители в знак дружбы и гостеприимства становились на колени, предлагали Раглану фрукты и цветы, караваи хлеба с солью.

На первый взгляд этот маленький рыбацкий поселок с домиками под зелеными крышами, утопавшими в море цветов, излюбленное место летнего отдыха жителей Севастополя, казался очаровательным. И все же в нем было что-то тревожащее, несущее угрозу. Острые вертикальные скалы красного камня окружали дома, угрюмо нависали над ними, заслоняя от внешнего мира. Длинная бухта имела причудливую форму и тоже как бы пряталась в скалах, создавая впечатление, что это не море, а озеро. Глубины, несомненно, были достаточными для прохода больших кораблей, но сам проход – достаточно узким. Было очевидно, что Балаклава не сможет служить базой сразу для двух союзных армий. Англичане, конечно, пришли сюда первыми, но французы могли сослаться на оговоренное место на правом фланге наступающих на Севастополь армий. Когда командование союзников обсуждало сложившееся положение, офицеры французского штаба объявили Раглану, что ему самому следует принять решение о том, останутся ли англичане в Балаклаве и тем самым переместятся на правый фланг наступления или передислоцируются в расположенные несколько левее на побережье Камышовую или Казачью бухты. Раглан посоветовался с вице-адмиралом Лайонсом, который выразил мнение, что английской армии следует остаться в Балаклаве, так как это позволит иметь постоянную поддержку флота.

Решение было глубоко ошибочным. И Камышовая, и Казачья бухты представляли собой более удобные базы, чем Балаклава. Расположившиеся там французы снова оказались в преимущественном, по сравнению с англичанами, положении. Их левый фланг прикрывало море, а правый – британская армия, в то

время как правый фланг англичан оставался открытым для возможного нападения. Теперь перед Рагланом на все время осады встала проблема поиска дополнительных солдат для прикрытия незащищенного фланга.

В то время, конечно, никто не думал о стратегических преимуществах и недостатках Балаклавы. Каждый думал, что в течение нескольких дней, максимум одной или двух недель Севастополь будет взят штурмом. На немедленном штурме, исключавшем укрепление обороны русских войск, настаивали Раглан и адмирал Лайонс. Позже русские офицеры сами признавались, что при немедленном наступлении Севастополь обязательно бы пал. Но французы вновь не согласились с англичанами.

Теперь Сент-Арно был ни при чем. Полковник Трошу просил не беспокоить маршала, чтобы «дать ему возможность прийти в себя после болезни». Но англичане настаивали на встрече.

– Я понимаю вас, – заявил Сент-Арно после минутного молчания, – пришлите генерала Канробера.

Маршал почти оправился от холеры, однако слабое сердце не позволило ему окончательно выздороветь. Сент-Арно был доставлен на борт парохода «Бертоле», где ему была предоставлена возможность спокойно умирать. Раглан ездил попрощаться с командующим французской армией и вышел из каюты маршала со слезами на глазах.

– Хоть он и создавал мне множество трудностей, – заявил Раглан герцогу Ньюкаслскому, – должен сказать, что мне его искренне жаль.

Со временем генерал Канробер стал вызывать у Раглана такие же эмоции, как в свое время Сент-Арно. Этот небольшого роста, внушительный человек с большой куполообразной головой, ухоженными усами и проницательным взглядом, несмотря на свои сорок пять лет, по личному указанию французского императора был назначен преемником Сент-Арно. Он верно служил своей стране в Алжире; во время декабрьского восстания без всяких сожалений выполнял неприятные обязанности палача. Через несколько недель после государственного переворота Канробер был назначен адъютантом президента. Несмотря на некоторую театральность поведения, Канробер был храбрым военным, пользовался популярностью в офицерском корпусе, всегда помнил о долге и воинской дисциплине. В его представлении на чин генерала было написано, что «военные способности данного офицера выше среднего». Тем не менее, как Канробер сам считал, он не подходил на должность командующего. Позже он написал: «Командующий на поле боя

должен забывать о своих чувствах. В повседневной жизни он может позволить себе быть мягкосердечным, однако в бою должен быть тверд и безразличен к потерям». Этого качества Канроберу так и не удалось достичь.

Он объявил Раглану, что мысль о немедленном штурме приводит его в ужас. Он не мог требовать от своих солдат, дисциплина и послушание которых, по сравнению с англичанами, оставляли желать лучшего, наступления на открытой местности под огнем артиллерии севастопольских бастионов и русских кораблей, расположенных в бухте. Кроме того, постоянно нужно было опасаться удара во фланг. Ведь князь Меншиков наверняка вывел свою армию из Севастополя для того, чтобы иметь возможность атаковать осаждавших город союзников с гористой местности на их правом фланге. Канробер считал, что наступление без поддержки тяжелой артиллерии равноценно преступлению.

И снова генерал Бэргойн согласился с точкой зрения французов. В отличие от Канробера предпочитая избегать громких фраз, Бэргойн заявил, что штурм без поддержки огнем осадных орудий сделает ответный огонь противника «недопустимо плотным».

Увидев, что остался в одиночестве, Раглан предпочел уступить. Хороший политик, он сразу же отмел предложение о том, что англичане могли бы штурмовать город без французов. Щепетильный во всем, что касалось единства рядов союзников, он не только принял решение французов без серьезных возражений, но даже никак не упомянул о возникших разногласиях в своих депешах в Лондон. Были отданы распоряжения о подготовке штурмовых орудий.

Генерал Кэткарт, 4-я дивизия которого расположилась на возвышении прямо напротив центра русской обороны, пришел от такого решения командования в ужас. После битвы на Альме он был уверен, что с русскими больше не будет проблем. Генерал был настолько уверен в необходимости немедленного штурма, что счел необходимым отправить Раглану еще одно донесение, в котором настаивал: «Мы находимся в очень выгодной позиции, здесь даже 20 тысяч русских не смогут помешать нам. У них здесь два или три редута, однако прикрытием им служит низкая полуразрушенная стена парка. Уверен, что мы могли бы без всяких потерь прорваться туда ночью или за час до рассвета». Он настаивал на том, чтобы Раглан принял во внимание мнение генерала, которому правительство доверяло настолько, что назначило его возможным преемником командующего. Поэтому, когда вечером 28 сентября Раглан приехал в расположение его

войск, чтобы лично проинформировать о принятом решении, Кэткарт взорвался от негодования:

– Ставить на платформы осадные орудия! Но, мой дорогой лорд Раглан, какого черта они должны будут здесь разрушить?

На тот момент у русских действительно было мало укреплений, однако с каждым часом их становилось все больше и больше. Глядя через оптику на растущие на глазах по периметру города земляные насыпи, английские офицеры не могли не восхищаться решимостью мужчин, женщин и детей, которые работали весь день, а затем и всю ночь при свете фонарей и костров, стараясь во что бы то ни стало спасти свои дома от захватчиков.

Глава 8 СЕВАСТОПОЛЬ

Если я прикажу вам отступить,
можете заколоть меня штыками.

Вице-адмирал
Корнилов

Население Севастополя вдохновляли на решительное сопротивление вторжению два выдающихся человека.

Начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов был глубоко религиозным человеком и настоящим патриотом. Внешне он походил на Наполеона в молодости. Вездесущий и энергичный, он в самый неожиданный и опасный момент появлялся верхом на горячем жеребце перед подчиненными, обращаясь к ним со словами, которые впоследствии становились историческими.

– Если я прикажу вам отступить, можете заколоть меня штыками, – заявил он как-то солдатам.

И те не сомневались в искренности адмирала.

– Сначала донесите до солдат слово Божье, – говорил он священникам, – а затем я сам доведу до них слова царя.

И военные священники заражались энергией и оптимизмом Корнилова. Когда севастопольцы, мужчины и женщины, взяли на себя тяжкую работу по укреплению обороны города, монахи окропляли их святой водой и благословляли. Священники освятили и благословили все бастионы и оружие их защитников. Днем и ночью они переходили от одного окопа к другому, от орудия к орудию с иконами и крестами, молитвами и песнопениями вдохновляя воинов на защиту святой Руси.

Гарнизону был нужен такой военачальник. Князь Меншиков после поражения на реке Альме привел армию в Севастополь, однако сразу же снова увел ее из города. По мнению генерала Бэргойна, князь принял единственно верное решение. Таким образом он добился, что его армия не была отрезана от баз снабжения в Керчи и Одессе. Он сумел расположить армию так, что она, подобно коршуну, нависала над флангами союзников, меняя местами осажденных и осаждавших. Нащупав слабое место в боевых порядках союзных армий, Меншиков в любое время мог атаковать противника на самом неожиданном участке. Но, приняв правильное решение, он не смог воспользоваться своим преимуществом. В районе дачи Маккензи он упустил возможность навязать рассеявшимся в лесу войскам англичан бой в самых

невыгодных для них условиях, предпочтя продолжить отход и открыть неприятелю дорогу на Балаклаву. Сейчас, находясь в нескольких милях от Севастополя, князь не только не атаковал союзников, но и не предпринял никаких шагов для того, чтобы определить местонахождение противника. Как отметил один из офицеров, Меншиков «казался растерявшимся» и поэтому ничем не мог помочь гарнизону осажденного города.

26 сентября вице-адмирал Корнилов записал в дневнике: «От князя нет никаких новостей». Прошел еще один день, и снова ничего нового. Ночь, по словам адмирала, «прошла в мрачных раздумьях о будущем России». Меншиков оставил Севастополь с гарнизоном 16 тысяч человек, три четверти из которых составляли матросы, зачастую вооруженные только абордажными пиками. Под началом генерала Моллера, командовавшего сухопутными войсками, был всего один саперный батальон; остальные солдаты были плохо обученными ополченцами. Он, как и командовавший эскадрой вице-адмирал Нахимов, был подавлен и не уверен в своих возможностях. Поэтому оба с удовольствием предоставили энергичному Корнилову все полномочия старшего командира. Но, кроме Корнилова, в Севастополе был еще один офицер, в отличие от адмирала вовсе не склонный полагаться только на красивые речи, личную храбрость и веру в счастливую звезду.

Подполковник Эдуард (Франц) Иванович Тотлебен, человек, чьи способности военного инженера были близки к гениальным, родился и вырос в одной из прибалтийских провинций России и имел внешность и темперамент типичного пруссака. Это был высокий широкоплечий человек с властными манерами и пронизывающим взглядом. Эдуарду Ивановичу к тому времени было только тридцать семь лет, но он уже пользовался репутацией новатора в области военного дела. Он отвергал взгляды, согласно которым оборона крепостей должна быть статичной. Согласно его теории, оборона системы инженерных укреплений вокруг крепости должна быть эластичной и мобильной, меняясь в зависимости от обстановки. Эту идею Тотлебен решительно отстаивал при обороне Севастополя.

Было уже почти слишком поздно, когда подполковнику позволили применить свои идеи на практике. Горчаков представил его Меншикову как офицера, который отличился при Силистрии и конечно же будет полезен в Севастополе. По прибытии в Крым Тотлебен получил разрешение князя Меншикова ознакомиться с оборонительными сооружениями в Севастополе. Однако выводы военного инженера настолько не понравились князю, что тот приказал ему немедленно покинуть

город. Но Тотлебен не спешил выполнять этот приказ, а уже через несколько дней союзники высадились в Крыму, и угроза, которую Меншиков не принимал всерьез, стала печальной реальностью. Молодому подполковнику предстояло за несколько дней сделать то, на что обычно требовались месяцы кропотливого труда.

Тотлебен сразу понял, что за этот срок невозможно превратить город в неприступную крепость. Оборона берега с запада была надежной. Построенные батареи артиллерийских орудий позволяли надежно контролировать вход в бухту. Кроме того, входу вражеских кораблей в Севастополь препятствовали затопленные по приказу Меншикова корабли Черноморского флота. Этот шаг вызвал на глазах адмирала Корнилова слезы ярости и унижения, поскольку оставшийся флот оказался запертым в городе. Но в свою очередь, союзники тоже не могли войти в город. Наступление с востока тоже имело бы мало шансов на успех, поскольку вход в бухту с этой стороны представлял собой узкое длинное ущелье, ограниченное высокими скалами. Расположенные там артиллерийские батареи при поддержке кораблей Черноморского флота с легкостью отразили бы попытку вражеских кораблей прорваться в гавань. Тотлебен считал, что после победы на Альме противник попытается атаковать город с севера. И без того огромный, форт Звезда был значительно усилен. Кроме того, на этом направлении были построены дополнительные оборонительные укрепления. И все же Тотлебен, как и Раглан, знал, что даже теперь удержать город на этом направлении практически невозможно [16] .

Но, к счастью, союзники направились вокруг города, чтобы осуществить штурм с другой стороны. Теперь Тотлебен мог приложить весь свой талант и энергию для укрепления южного участка обороны. Учитывая упорное нежелание князя Меншикова тратить значительные средства на оборонительные сооружения под тем предлогом, что союзники никогда не смогут подойти к Севастополю, сделать предстояло очень много. И Тотлебен лично контролировал проведение работ, день и ночь разъезжая на огромном черном жеребце вдоль линии артиллерийских позиций от одного участка к другому. Оставив в общем с вице-адмиралом Корниловым кабинете массу нераспечатанных писем, приказов и директив, он сам устанавливал орудия, определял для них секторы обстрела, налаживал взаимодействие между артиллерийскими батареями, добиваясь, чтобы незаконченная система обороны смогла выстоять еще один день, еще несколько часов, которые будут использованы для ее дальнейшего усовершенствования.

25 сентября адмирал Корнилов наблюдал за передвижением

союзных армий в долине реки Черной из окон высокого здания морской библиотеки. Он понял, что вскоре союзники нанесут удар на южном участке обороны, где инженерные сооружения представляли собой всего лишь беспорядочно расположенные среди многочисленных проемов в стене насыпи из песка и гальки. Но шаг за шагом то, что генерал Кэткарт презрительно назвал «парковой оградой», превращалось в хорошо организованную систему укреплений на участке в 4 мили. 7 артиллерийских бастионов были построены полукругом, что давало возможность огнем расположенных ближе к городу фланговых батарей поддерживать орудия в центре, находившиеся на большем отдалении. В западной части, почти около моря, располагался Карантинный бастион; затем – Центральный бастион. В центре нацелились в сторону противника, подобно острию стрелы, Флагманский бастион и Большой редан. Сзади и к востоку от редана находился Малахов бастион, еще восточнее – Малый редан. Из города были вывезены и установлены в бастионах тяжелые орудия. Орудия меньшего калибра расположили между ними. Матросы снимали с кораблей морские орудия. Женщины тащили чаны и корзины с ядрами и гранатами. Из тюрем освободили заключенных; вооруженные кирками и лопатами, они теперь трудились на строительных работах. Кричащие от восторга дети помогали родителям строить песочные крепости. Днем работали при солнечном свете, ночью – при свете многочисленных костров и факелов.

Дни и ночи сменяли друг друга, а штурма, которого напряженно ждали каждый день, все не было. 28 сентября из ставки князя Меншикова в город прибыл лейтенант Стеценко, который интересовался «положением дел в Севастополе». Посланцу князя объяснили необходимость усилить гарнизон города. Через два дня прибыл сам князь, которому снова повторили просьбу увеличить численность оборонявшихся войск. Однако Меншиков, в армию которого из Одессы прибыло 10 тысяч солдат, колебался, ведь он потерял очень много офицеров в сражении на Альме. Армии союзников были очень сильны. Он как раз собирался совершить маневр, в результате которого создавалась угроза правому флангу неприятеля. Вице-адмирал Корнилов вышел из себя и написал князю письмо протеста, копию которого намеревался отправить царю. Наконец Меншикова удалось убедить, что больше медлить нельзя. 1 октября в город вошли 14 батальонов русской пехоты. К 9 октября гарнизон Севастополя увеличился на 28 тысяч солдат и офицеров.

Теперь вице-адмирал Корнилов мог чувствовать себя в безопасности. «Не важно, сколько солдат противник сосредоточит

на южном участке бухты, – писал он, – теперь мы не боимся, что не сможем отразить штурм. Разве что Бог отвернется от нас. Ведь на все его воля, и, что бы он ни делал, люди должны смиренно повиноваться ему, ибо он всегда прав».

Тотлебен тоже мог позволить себе вздохнуть с облегчением. С каждым днем оборона становилась все прочнее. Когда стало ясно, что союзники намерены перейти к осаде города, войска гарнизона восприняли это известие так, будто выиграли великую битву. Как писал Тотлебен, «каждый радовался этому счастливому известию».

Три недели союзники не предпринимали на юге города никаких действий. Их орудия молчали. Корабли флота спокойно стояли на якоре. Только колыхание на ветру тысяч палаток напоминало о присутствии огромных армий, а недавно отстроенные укрепления свидетельствовали об их намерениях.

Глава 9 БОМБАРДИРОВКА

Оборона была полностью парализована.

Подполковник
Франц Иванович
Тотлебен

I

«Лично я считаю, – написал в начале октября генерал Эйри лорду Хардинджу в Уайтхолл, – что нам придется остаться здесь на зиму». К тому времени это мнение разделяла большая часть офицеров армии.

Вначале все были приятно удивлены неожиданной красотой местности к югу от Севастополя. «Это прекрасная страна, – писал родителям корнет Фишер, – она очень похожа на Англию. Дома великолепно, просто роскошно обставлены». Здешние жители ему тоже очень понравились: «Они выглядят очень доброжелательными и приятными, всегда вежливы с нами, носят длинные белые блузы, брюки и шляпы и очень похожи на нас, англичан». Последнее утверждение в устах англичанина звучало настоящим комплиментом. И на самом деле после Болгарии Крым всем казался благословенным местом. Иногда здесь шли дожди, но погода все еще была довольно теплой и почти всегда солнечной. Здоровье солдат заметно улучшилось; к 9 октября каждый имел свое место в палатке. Всюду росли фрукты, которые все легко могли собирать. Офицеры покупали, а солдаты просто воровали домашнюю птицу. Вода, солома и дрова были в изобилии. Гардемарины с веселыми криками охотились в море на гусей и уток. «В день мы получаем 1 фунт галет, 3/4 фунта свинины или 1 фунт свежего мяса и 1/4 бутылки рома, – писал своей родственнице лейтенант Ричардс, – не много для того, чтобы прожить, может быть, скажете Вы. Но мы добавляем к этому капусту, турнепс, домашнюю птицу, тыкву, арбузы и прекрасный виноград. Здоровье солдат значительно улучшилось. Иногда удается даже полакомиться медом из ульев». Корабли смогли наладить отличное снабжение, и, несмотря на то что цены были довольно высокими, поскольку деньги больше некуда было тратить, никто не жалел их на покупку товаров. Офицеры охотно платили по 2 фунта 17 шиллингов за ветчину, по 3 шиллинга за фунт соли, 5 шиллингов за фунт мыла, по 1 шиллингу 3 пенса за свечи, 1 шиллинг за хлеб, 10 шиллингов за бутылку шерри и 1 шиллинг за унцию табака.

Со стороны моря ветер доносил звуки приятных мелодий из французского лагеря. Из турецкого лагеря долетали громкие звуки труб, далекие от гармонии, которые можно было назвать музыкой лишь при наличии достаточного воображения. Землю покрывала зеленая трава и голубые крокусы. Этот рай можно было сравнить с теми местами, откуда пришли армии союзников.

Британский штаб расположился на одной из загородных дач,

окруженной надворными постройками. Белое одноэтажное здание штаба, покрытое красной черепицей, выходило во двор, где расположился палаточный городок офицеров штаба. По обе стороны двора, обнесенного низким забором, находились каменные и глиняные хозяйственные постройки и навесы, которые использовались как служебные помещения и стойла для лошадей. Дачу окружало примерно 6 акров виноградников. Раглан и его соратники находили свою новую резиденцию весьма приятной.

Однако по мере того, как проходила теплая ранняя осень и становилось ясно, что войскам придется задержаться здесь на неопределенное время, настроение солдат менялось. После прибытия в Балаклаву никто не сомневался, что вскоре Севастополь будет вынужден сдаться. В течение двух дней тяжелые осадные орудия превратят город в развалины. Но прошла неделя, осадные орудия все еще не подошли, затем артиллерийский огонь из города становился все более интенсивным. Пока он приносил мало вреда осаждающим, но все понимали, какой ущерб может причинить союзникам, решись они перенести свои траншеи ближе к городу. Сама работа по оборудованию траншей, параллельных и зигзагообразных путей подхода казалась неблагодарным делом и не была начата до 9 октября. Под тонким слоем грунта земля была твердой и каменистой; за день удавалось преодолеть лишь очень небольшой участок. И все время в оптику можно было наблюдать этих «проклятых русских», которые, по словам корреспондента «Таймс», работали как пчелы. «Женщины и дети подносят новые корзины с землей, и вот уже можно видеть, что высящуюся перед нашими позициями белую башню окружают двойные ряды укреплений для пехоты и артиллерии».

Причиной недовольства и постоянных жалоб солдат были не только инженерные работы, которые выполнялись неохотно и катастрофически медленно. За несколько дней благодатная земля, которая, казалось, подверглась нашествию саранчи, опустела. Армия была вынуждена вернуться к скудному пайку из солонины и галет, от одних мыслей о которых у солдат возникало расстройство желудка. Вновь вспыхнула холера. Из расположенного в Балаклаве госпиталя сообщали, что только в первую неделю от холеры умирало по 25 человек в день. Из-за недостатка лекарств больных приходится лечить только опиумом и ромом. Балаклава превращалась в переполненную зловонную помойку. Корабли стояли в гавани борт в борт, как сельди в консервной банке. На пристани повсюду в беспорядке было навалено армейское имущество: коробки, мешки, охапки сена,

кучи мусора высились на земле и в воде. Офицеры тыловых служб с кипами накладных, квитанций и списков прокладывали себе путь в этой сутолоке, пытаясь привести этот хаос хоть в какое-либо подобие порядка. То здесь, то там им приходилось сталкиваться с разгневанными боевыми офицерами, которые всячески демонстрировали им свое пренебрежение и ненависть только за то, что тыловики пытались честно выполнять свои обязанности. Тыловых офицеров обвиняли в нечестности и хищениях. «Этот чертов Комиссариат, – писал домой лейтенант Ричардс, – превратил несколько оставленных жителями домов в склады, как они их называют. Если вы хотите там что-нибудь получить, то встречаете на складе господина тылового офицера Джонса, Смита или Робинсона, курящего сигару (которая наверняка предназначалась для армии и которую он, конечно, украл), и он вам заявляет, что, к сожалению, искомое имущество находится где-то на складе, но у него сейчас нет времени на поиски».

Зловоние доходило даже до расположения войск, лагерь которых находился выше на плато. Свежая морская вода, приносимая течением, очень скоро загрязнялась и превращалась в мерзко пахнущую мутную жижу. Становилось все холоднее, и солдаты практически перестали снимать одежду. Некоторые находили себе шутливое оправдание, объясняя, что до одежды, которую они носят, лучше не дотрагиваться, тогда она дольше прослужит. И действительно, выбеленное солнцем, вымытое дождем, вытертое амуницией, использовавшееся вместо постели, разодранное колючками обмундирование зачастую не менялось в течение нескольких месяцев. «Мой мундир превратился в лохмотья, а обувь износилась, – писал 7 октября в письме домой один из гвардейских офицеров, – но мы все выглядим одинаково».

Большинство солдат, за исключением самых аккуратных, которым, как генералу Брауну, вид оторванной пуговицы причинял страдания, летом не обращали никакого внимания на то, что их мундиры изношены и изорваны. Однако с приходом холодных осенних ветров каждому стали нужны теплые шинели, мундиры и белье, особенно после того, как столь же быстро, как овощи и фрукты, было собрано все, что могло использоваться в качестве дров. 9 октября полковник Белл написал в дневнике: «Очень холодная ночь. И еще более холодное утро. Никакого топлива. Вокруг одна трава».

В своем растущем недовольстве солдаты искали козлов отпущения и все чаще задавали себе вопрос: зачем на земле существуют генералы.

II

Раглан, которого французам и собственным инженерам удалось убедить отказаться от наступления на город с ходу, ждал прибытия тяжелых осадных орудий. Он решил установить их как можно ближе к вражеским позициям, не тратя времени на оборудование подходов. С этой целью несколько батальонов были выдвинуты вперед, почти на открытую местность для поддержки инженерных войск. Несмотря на то что было решено вести работы ночью, подготовка даже легко укрепленных артиллерийских позиций оказалась рискованной задачей. Но генерал Бэргойн считал, что оборудование серьезных инженерных укреплений будет еще более рискованным. Острее всего инженеры ощущали нехватку транспорта. Весь транспортный парк инженерных войск составляли около 50 повозок, и, конечно, такого количества транспорта было явно недостаточно для проведения фортификационных работ.

Лорд Раглан собрал совещание командиров дивизий для обсуждения предложенного Бэргойном альтернативного плана по использованию осадных орудий с открытых позиций под прикрытием пехоты. В письме под грифом «Строго секретно» он уведомил герцога Ньюкаслского в том, что командиры дивизий единодушно отвергли такой план. Генерал Браун не скрывал недовольства планом, задуманным генералом Бэргойном. Предложение не прошло.

В то же время сама выгрузка с кораблей орудий и другого оборудования для ведения осады города оказалась чрезвычайно сложной задачей. Дорога, ведущая к плато, была крутой и узкой. Не хватало тягловых животных, опытных солдат. Морякам, которым поручили перевозить орудия и боеприпасы, пришлось работать с половины пятого утра до половины восьмого вечера. 18-фунтовые пушки перевозили на телегах артиллеристы; более тяжелые орудия тащили на канатах по 50 матросов. При этом самый легкий из членов экипажа сидел на орудии верхом, напевая или насвистывая веселые песни. Солдаты, не настолько крепкие и рослые, смотрели на матросов с мрачным восхищением. Им самим с ворчанием и ругательствами приходилось нести на себе груз, глядя на который можно было предположить, что он весил вдвое больше любого человека.

8 октября генерал Бэргойн преподнес Раглану неприятный сюрприз. Он заявил, что из-за твердого грунта проведение инженерных работ на участке английских войск невозможно. Все, что могли делать английские артиллеристы, – это поддерживать

французов, в районе расположения которых грунт был более податливым, огнем артиллерии с дальних дистанций.

Раглан немедленно отправился к Канроберу и заверил того, что англичане, несмотря ни на что, примут участие в штурме, который планируется начать сразу после того, как появятся «доказательства эффективности артиллерийской стрельбы французов».

Канробер был вежлив и вошел в положение союзников. Генералы расстались довольные друг другом.

В следующую ночь 1600 французских солдат от заката до рассвета копали землю. Работы велись при сильном северо-восточном ветре, гул которого заглушал звуки, издаваемые кирками и лопатами. Французам удалось создать насыпь, которую они назвали «Монт Родольф», менее чем в километре от Центрального бастиона. Это было впечатляющее достижение. Они закрепились на насыпи и организовали ее оборону, несмотря на предпринимаемые русскими артиллеристами отчаянные попытки разрушить ее в течение дня. Французам удалось отразить все попытки русских штурмовых отрядов следующей ночью выбить их с занятой территории.

Британцы не могли похвастать никакими успехами, сравнимыми с развертыванием на искусственно созданной высоте французской артиллерии. Их работы на Зеленом холме и на Воронцовских высотах были начаты только 10 октября. То, что позже стали называть Правым и Левым плацдармами, находилось на вдвое большем удалении от русских позиций. Русская артиллерия полностью сосредоточила свой огонь против французов. По всей видимости, противник считал, что англичане все еще находились слишком далеко и не представляли реальной угрозы.

Прошло две недели, и нельзя было говорить ни о каких заметных успехах. «Они называют это осадой, – в отчаянии писал домой один из офицеров, – в то время как все это больше похоже на возню в огороде. Так мы не сможем никуда продвинуться». Были и другие досадные задержки. Деревянные платформы для орудий оказались хороши только для ровной, мягкой земли в Вулвиче. Здесь, на жестком грунте и на гористой местности, они оказались бесполезными. Для того чтобы изготовить новые, пришлось снять крыши с нескольких домов. Прежде чем инженеры успели воспользоваться остальными, русские сожгли их. Так прошла еще неделя. Грандиозная канонада, которая, по замыслам союзников, должна была открыть штурмующим армиям ворота в Севастополь, началась только вечером 16 октября. Однако вскоре произошло еще одно печальное событие,

следующее в цепи нелепых случайностей, которые так часто способны привести к провалу вместо успеха.

III

Вице-адмирал Эдмунд Лайонс впервые вышел в море в возрасте восьми лет. Внешностью он напоминал адмирала Нельсона, человека, у которого столько же искренних почитателей, сколько открытых недоброжелателей. Как писала «Таймс», Лайонс «был той же комплекции, имел тот же оттенок волос с проседью, обладал таким же живым, немного грустным взглядом». Лайонс всегда и во всем стремился подражать Нельсону. Он был смел, честен, энергичен и амбициозен. Он считал ниже своего достоинства скрывать тот факт, что ни во что не ставит своего непосредственного начальника адмирала Дондаса. И моряки, и сухопутные офицеры были единодушны во мнении, что именно Лайонс должен возглавить флот вместо трусоватого Дондаса.

Лайонсу было почти шестьдесят пять лет, Дондасу еще не исполнилось шестидесяти. И тот и другой происходили из небогатых семей среднего класса, откуда часто выходят морские офицеры высшего звена. Оба были вдовцами. Женой Лайонса была не очень известная писательница-романистка. Дондас унаследовал от первой супруги значительную недвижимость в Беркшире и Уэльсе. Во второй раз женился на дочери графа Дьюси. Он был преисполнен сознанием своей значительности как по положению в обществе, так и по должности командующего Средиземноморским флотом. Как писал с оттенком зависти генерал Канробер, на своем флагманском корабле Дондас устроился с истинно домашним комфортом, позволяя себе «держать горничных и даже коров».

Никогда не заявляя об этом вслух, Раглан, тем не менее, разделял сложившееся мнение об адмирале Дондасе как о человеке склонном к интригам, сложном в общении и чрезмерно осторожном. К тому же он подружился с адмиралом Лайонсом, с которым не раз советовался по военным вопросам. Дондас, в свою очередь, считал себя уязвленным тем, что Раглан находит для себя полезными советы одного из своих подчиненных, в то время как никто не интересуется его, адмирала Дондаса, мнением. Он никогда не посещал штаб командующего сухопутной армией; а Раглан платил ему той же монетой, никогда не появляясь на борту флагманского корабля. В Лондоне не только были в курсе таких трений, но и в известной мере их поощряли. Правда, кабинет министров глубоко не вникал в разногласия между Дондасом и Лайонсом, но в личной беседе герцог Ньюкаслский как-то заверил Раглана, что в случае возникновения серьезных

противоречий между Рагланом с Лайонсом, с одной стороны, и Дондасом, с другой, правительство склонно принять сторону Лайонса.

Скрытая вражда трех высших командиров англичан затрудняла взаимодействие армии и флота в организации бомбардировок Севастополя. Дондас и Лайонс придерживались разных точек зрения в оценке участия корабельных орудий в артиллерийских обстрелах города. Так, Дондас считал, что кораблям следует предпринять маневр к северу от Севастополя и подвергнуть обстрелу батареи северных фортов. В свою очередь, Лайонс придерживался мнения, что флот мог бы оказать более эффективную помощь штурмующим войскам, взяв на себя задачи подавления артиллерии береговых фортов и кораблей, стоящих на якоре в Севастопольской бухте.

В отличие от командующего французской эскадрой адмирала Гамлэна, который находился в подчинении Канробера, Дондас пользовался полной независимостью в вопросах командования флотом. Поэтому Раглан, не без оснований опасаясь строптивости адмирала в вопросах взаимодействия с армией, 13 октября обратился к Дондасу с письмом, в котором подчеркивал «огромную важность активного содействия силами объединенного флота союзников в тот день (который уже близок), когда французские и британские войска после артиллерийской подготовки начнут штурм Севастополя. Время дороже всего, – продолжал командующий, – и уже немного осталось ждать, когда армии, наконец, займут крепость, на овладение которой были направлены ее величеством, правительством и всем народом. Для того чтобы оправдать всеобщие надежды, нам необходимо объединить усилия как флота, так и армии, и я надеюсь, что никто не останется в стороне в нашем общем деле». Адмирал Дондас воспринял это вежливое, но довольно жесткое послание благосклонно. Он немедленно ответил на него, придерживаясь того же стиля:

…

«Британия», район Севастополя,
14 октября 1854 г.
Мой дорогой лорд Раглан.

Полковник Стил только что доставил мне это послание Вашего лордства, датированное вчерашним днем. Спешу заверить Вас, что, как и

мои французские коллеги, приложу все усилия для того, чтобы оказать содействие в достижении нашей общей цели…

Я намерен проконсультироваться с адмиралом Гамлэном в вопросах помощи армии, которую способен предоставить флот. В свою очередь, был бы благодарен Вашему лордству, если Вы сообщите мне время, на которое назначено наступление.

Не имея намерения задерживать здесь полковника Стала, предоставляю ему сообщить подробности беседы, которая имела место быть между нами.

С искренним уважением,
Док. Д. Дондас».

На следующий день на борту французского корабля «Могадор» состоялось совещание. Было решено, что силы объединенного флота будут действовать в соответствии с планом, предложенным адмиралом Лайонсом. Командования сухопутными армиями должны будут сами принять решение, расходовать ли полевой артиллерии свой ограниченный боезапас во время артподготовки или во время штурма либо израсходовать по половине имеющихся выстрелов как во время бомбардировки, так и во время штурма города. Раглан и Канробер, надеясь на то, что сочетание артиллерийского огня морских и полевых орудий позволит добиться эффекта замешательства в рядах защитников города, единодушно решили, что совместная артиллерийская подготовка наступления начнется в 6.30 утра на следующий день, о чем уведомили в письме командующих эскадрами.

Однако в назначенное время корабли флотов, которые, согласно утвержденному плану, должны были начать обстрел береговых батарей и находящихся в городе под их защитой кораблей противника, вместо этого начали совершать чрезвычайно опасный маневр.

IV

17 октября все с самого начала шло не так. Сигналом к назначенной на 6.30 утра массированной бомбардировке города должны были стать выстрелы трех орудий одной из французских батарей. К сожалению, русские артиллеристы, увидев на рассвете изготовившиеся к стрельбе амбразуры батарей на «Монт Родольф», решили не терять времени и открыть огонь первыми. Таким образом, эффект внезапности был упущен, а массированная артиллерийская подготовка превратилась в малоуправляемую артиллерийскую дуэль.

Моряки приданных армии морских орудий вели стрельбу залпами, как это было принято в морском бою, вместо того чтобы по совету инженеров вести последовательный одиночный огонь, который был бы намного эффективнее и позволил бы экономить боеприпасы. К тому же матросы несли большие потери, поскольку не могли удержаться от того, чтобы после каждого залпа высунуть голову из укрытия и полюбоваться результатами своей стрельбы. «Они выпрыгивали из укрытий и тут же попадали под прицельный огонь вражеских снайперов, которые были всегда начеку», – вспоминал Тимоти Гоуинг.

Через несколько минут над позициями артиллерии повис густой дым, поэтому дальнейший огонь пришлось вести вслепую. Стоял такой грохот, что, по выражению Генри Диксона из 7-го полка, который как раз собирался писать письмо домой, он «не дал ему написать ни строчки». Доктору Скелтону, который тоже собирался написать домой, также пришлось отказаться от этой мысли. Еще несколько дней у него звенело в ушах. Солдатам приходилось кричать, если они хотели быть услышанными.

В то же время со стороны моря, откуда ожидали услышать еще более громкую канонаду, не доносилось ни звука. Командование флотов полностью изменило свои планы. Накануне в половине одиннадцатого вечера адмиралу Дондасу на борт «Британии» доставили послание его французского коллеги Гамлэна, который писал, что не намерен открывать огня, по крайней мере до 10.30 утра. Француз объяснял это тем, что «его корабли не смогут стрелять слишком долго. Если же им придется прекратить огонь раньше, чем закончится артиллерийская подготовка наступления, противник может решить, что одержал верх над кораблями французов». Дондас счел доводы француза справедливыми и, в свою очередь, отправил соответствующие указания адмиралу Лайонсу.

В семь часов на следующее утро Гамлэн лично прибыл на

борт «Британии» и заявил Дондасу, что у него есть указания генерала Канробера вновь изменить план действий боевых кораблей. Прежним планом каждому кораблю при ведении огня предоставлялась свобода маневра. Теперь же было решено поставить их на якоря в линию бортами в сторону берега противника. К тому же корабли предполагалось отвести слишком далеко от батарей противника.

Даже сверхосторожный Дондас отказался от этой затеи, о чем сразу же заявил Гамлэну. Не моргнув глазом француз ответил, что в таком случае он намерен действовать в одиночку.

На следующий день французские корабли, за полчаса выйдя из зоны обстрела батареями береговых фортов, дали залп по противнику из всех своих 600 орудий. Находящийся в центре боевого порядка французский флагман действовал с дистанции более одной мили от ближайшего русского форта. Остальные корабли находились на еще большем удалении. Было понятно, что на таком расстоянии от врага корабли не могли решить поставленную перед ними задачу. Следует помнить, что укрытия орудий береговой артиллерии делались из прочного камня, в то время как корабли по большей части были деревянными. Поэтому, несмотря на почти пятикратное превосходство в пушках, причиненный французами ущерб был минимальным: было убито или ранено около 50 русских солдат и офицеров.

Однако успехи британского флота были еще более огорчительными. 500 орудий его кораблей подняли ураганную стрельбу. Как позже докладывал Дондас Раглану, «со всей ответственностью заявляю, что за пятьдесят лет службы во флоте я никогда не был свидетелем такой массированной бомбардировки». Однако и здесь союзников ожидала катастрофическая неудача.

Несмотря на отданный им же накануне вечером циркулярный приказ всем командирам кораблей, предписывавший держаться на безопасном удалении от огня береговой артиллерии русских, Дондас, видимо, решил, что кто-то все же должен продемонстрировать храбрость и силу духа, поэтому отдал приказ эскадре адмирала Лайонса «двигаться вперед и атаковать батареи противника».

Адмирал Лайонс на борту парохода «Агамемнон» при поддержке пароходов «Санспарейл» и «Лондон» подошел к берегу на дистанцию около полумили. В небольшом удалении за пароходами следовали парусные корабли.

Ожесточенный артиллерийский бой продолжался более трех часов. «Агамемнон» получил несколько попаданий и вскоре потерял управление. Получив серьезные повреждения, пароходы

«Санспарейл» и «Лондон» вынуждены были отойти. «Беллерофон» под командованием Джорджа Полета пытался прийти на помощь «Агамемнону», но получил такие повреждения, что его пришлось отбуксировать из района боевых действий. Парусные корабли «Аретуза» и «Альбион» получили такие пробоины, что вскоре их пришлось отправить на ремонт в Константинополь. «Родней» сел на мель. В половине шестого Дондас дал сигнал выходить из боя. На форты, которые едва ли получили значительные повреждения, было потрачено огромное количество боеприпасов. Было убито и ранено более 300 английских моряков.

V

И все же, несмотря на постигшие моряков неудачи, положение Севастополя становилось все более опасным. Артиллерия союзников непрерывно обстреливала ключевые высоты в южной части города. Наспех сооруженные укрепления и артиллерийские позиции постепенно разрушались под воздействием плотного артиллерийского огня. Поскольку у защитников не было времени на возведение бревенчатых настилов, артиллерийские амбразуры, защищенные только досками, камнями и мешками с песком, буквально сметались вражескими снарядами. Ценой огромных потерь, под непрекращающимся огнем, артиллеристы пытались восстанавливать их. Весь полукруг русской обороны был окутан густым дымом, что не давало возможности защитникам города наблюдать за позициями вражеской пехоты, изготовившейся к атаке. В любой момент мог последовать сигнал к наступлению, и русским солдатам то тут, то там казалось, что сквозь белый дым они видят солдат неприятеля со штыками на изготовку. Изготовившиеся для отражения атаки союзников колонны русской пехоты осыпали комья земли; иногда взрывавшиеся в их рядах снаряды сеяли в боевых порядках опустошение.

Прекрасный в свои последние часы, вице-адмирал Корнилов объезжал верхом позиции, подбадривая оборонявшихся матросов и солдат. Казалось, над ним уже витает дух приближающейся гибели. Один из офицеров его штаба писал: «С его губ не сходила легкая улыбка. Его глаза, умные и пронизывающие, горели ярче обычного. На щеках играл румянец. Он держал голову гордо и прямо. Всегда несколько сутулый, он, казалось, выпрямился и стал выше ростом».

Он постоянно рисковал. Офицеры умоляли адмирала не покидать укрытия так безрассудно. Когда капитан Ильинский попросил адмирала быть осторожнее, обещая, что честно выполнит свой долг и присутствие Корнилова для этого вовсе необязательно, тот ответил: «Если вы собираетесь выполнить свой долг, почему просите меня отказаться от выполнения моих обязанностей? Я здесь для того, чтобы видеть все». Адмирал Корнилов был полон решимости исполнить свой долг до конца. Он взбирался на насыпи, чтобы видеть результаты стрельбы русской артиллерии по вражеским батареям. Вокруг летали комья земли, осколки и брызги крови. Рядом стоял адмирал Нахимов, мрачный и невозмутимый, принявший решение выстоять или погибнуть в развалинах укреплений. Из раны на голове на его

парадный адмиральский мундир с тяжелыми эполетами сочилась кровь.

Затем адмирал Корнилов отправился с Центрального бастиона домой на поздний завтрак. Там он получил послание от командовавшего обороной Малахова кургана адмирала Истомина. Истомин просил Корнилова не приезжать к нему на позиции. Однако Корнилов после посещения Флагманского бастиона и редана поспешил на Малахов курган. Он прибыл туда около одиннадцати часов. Через несколько минут вражеский снаряд раздробил ему левое бедро.

– Берегите Севастополь! – прошептал он адъютанту и потерял сознание. Затем он ненадолго пришел в себя, успел принять последнее причастие и помолиться Богу, попросив благословения России и императору и спасения Севастополя и флота. Вскоре адмирал скончался.

Заменить Корнилова было некем. Командование сухопутными войсками принял генерал Моллер; командование матросами – адмирал Нахимов. Конечно, в Севастополе был еще полковник Тотлебен, но в то время он еще не пользовался должным авторитетом среди военных, к тому же вызывал подозрения своими манерами иностранца. Князь Меншиков, который должен был взять на себя обязанности командующего, успел уже выехать из города в расположение своей армии.

К середине дня бомбардировка, которая на несколько часов стала менее интенсивной, снова усилилась. Оборонявшимся был остро необходим новый вождь. Укрепления, особенно близ Малахова кургана и редана, были почти полностью разрушены. Колонны пехоты, которые в течение девяти часов героически ждали штурма под огнем артиллерии противника, вернулись в укрытия. Вскоре после трех часов пополудни вражеский снаряд попал в основной пороховой склад на редане. Раздавшийся оглушительный взрыв привел к гибели свыше 100 солдат. Он разбил артиллерийские повозки и перевернул орудия. Как отмечали русские офицеры, «оборона на этом участке была полностью парализована». Штурм, казалось, был неминуем. И снова все чувствовали, что не смогут выстоять при наступлении союзных войск. Но его так и не последовало.

VI

Англичане были готовы атаковать, а французы, как оказалось, нет. Та часть линии русской обороны, которую русские уже считали беззащитной, находилась перед позициями британской артиллерии. Расположенные перед французскими позициями батареи Флагманского бастиона почти не получили повреждений. Казалось, что командование союзников должно было бросить все силы в образовавшуюся в русской обороне брешь. Однако у союзников не было общего командующего, а лорд Раглан, преследуемый призраком слабости военного альянса, не мог ничего предпринять, не посоветовавшись предварительно с Канробером.

С самого первого момента разгоревшегося боя французы были обескуражены тем, какое огромное количество орудий русские сосредоточили против них, а не против расположенных дальше от линии обороны русских английских батарей. В течение четырех часов залпы более сотни тяжелых орудий перепахали все вокруг «Монт Родольф». В половине одиннадцатого взорвался пороховой погреб. Последовал взрыв такой силы, что казалось, началось землетрясение. Столб огня вырвался из земли подобно красному фонтану. Когда дым рассеялся, возле перевернутых орудий остались лежать около полусотни черных тел французских зуавов. Спустя еще несколько мгновений второй взрыв уничтожил склад боеприпасов.

Оставленный при французском штабе в качестве офицера связи генерал Хью Роуз отправился к Раглану с рапортом, в котором отметил, что взрывы внесли панику в ряды уцелевших французских артиллеристов и что генерал Канробер сомневается, смогут ли они вновь вести стрельбу завтра и даже послезавтра. Из этого следовало, что англичанам предстоит продолжать бомбардировку Севастополя в одиночку.

Но Раглан все еще надеялся, что французы сумеют прийти в себя. Несколько его пехотных батальонов изготовились к атаке в недосягаемости огня русской артиллерии. Первая волна атакующих ждала приказа к наступлению. Инженеры получили команду руководить захватом укреплений, обеспечивая наступавших лестницами и другими осадными средствами. Полевая артиллерия была готова немедленно выступить вместе с пехотой. Но, как оказалось, целый день интенсивного обстрела, этот грохот и клубы дыма – все было зря. К сумеркам огонь артиллерии прекратился; артиллеристы стали охлаждать раскаленные стволы.

Всю ночь русские работали без устали, заделывая бреши в обороне и подвозя боеприпасы. К утру редан выглядел еще сильнее укрепленным, чем в день бомбардировки.

Английские пушки вновь открыли огонь, и к сумеркам редан лежал в руинах. Но французские батареи целый день молчали, и штурм снова был отложен. На третий день французы, которые восстановили свои укрепления и подвезли новые батареи, возобновили артиллерийский огонь, однако примерно к полудню, после нескольких часов ожесточенного противодействия русских и двух сильных взрывов в своем расположении, снова его прекратили. Бомбардировки города продолжались более недели. Как вспоминал один из русских очевидцев событий, «город превратился в пылающий ад – грохот, дым, стоны и крики раненых, которых выносили с батарей, превратили его в самое ужасное место, которое возможно вообразить». Но к исходу каждого дня артиллерийский огонь прекращался, а за ночь русские умудрялись не только восстановить разрушенные укрепления, но и усилить их.

Капитан Шекспир писал своему брату: «Нам обещали, что, как только артиллерия начнет стрелять, мы пойдем на штурм. Но приказа наступать так и не последовало. А без этого вся артиллерийская стрельба бессмысленна». В первый день бомбардировки погибло более тысячи русских; во второй день – около 550; на третий – немногим более 500. За все следующие дни, благодаря значительно улучшенной системе обороны и вырытым с необыкновенным мастерством и упорством глубоким траншеям, а также при ослабевшем огне деморализованных союзников – всего около 250.

Ссылаясь на разговор лорда Кардигана со своим другом Ньюбертом де Бургом, прибывшим в район боевых действий на собственной яхте, корреспондент «Таймс» привел слова генерала: «Никогда в жизни мне не приходилось сталкиваться с такой плохой организацией осады». Эти жалобы генерала имели под собой все основания.

Офицеры прежде говорили, что осада займет от восьми часов до трех дней. Теперь же они обсуждали не то, как скоро возьмут город, а то, как скоро им удастся вернуться домой, если они его не возьмут. Морские офицеры, принявшие и выигравшие пари у тех, кто обещал взять город в течение суток, предлагали новые пари, продлив срок овладения городом до одного месяца.

VII

Наступило время разочарований и крушения надежд. С каждым днем становилось все холоднее. Джордж Пейджет писал своей жене: «Слишком холодно даже для того, чтобы писать письма. Держать ручку в толстых перчатках очень неудобно. Мы все находимся в полном неведении в отношении дальнейших событий. Каждый день слышим, что наступление начнется завтра».

Пехотинцы постоянно совершенствовали систему окопов и подносили боеприпасы к пушкам. В ответ на вопросы солдат, «когда же, наконец, начнется это проклятое наступление и мы уберемся отсюда», артиллерийские офицеры только пожимали плечами. Каждую ночь группы солдат отправлялись к колодцам, расположенным перед артиллерийскими батареями. Как вспоминал сержант Гоуинг, «было ужасно трудно часами лежать или ползти в холодном тумане, а затем, уже при утреннем свете, возвращаться в лагерь измотанным, замерзшим и голодным. Многие страдали от простуды, а в лагере их ждали только промерзшие неотапливаемые палатки, где, по крайней мере, можно было просто отдохнуть. Зачастую не было даже куска сухаря, чтобы утолить голод. И вдруг, не успев вернуться, ты уже слышишь команду: «Сержант Гоуинг?» – «Да, сэр, что случилось?» – «Немедленно на хозяйственные работы». Это значило, что нужно отправляться в Балаклаву за солониной, галетами, одеялами или боеприпасами. К вечеру возвращаешься обратно и снова отправляешься в холодную темноту, затем несколько часов отдыха – и все начинается сначала. Хорошо еще, если при этом тебя не поднимают лишний раз по тревоге».

А по тревоге поднимали довольно часто. Иногда приходилось отражать нападения русских, больших специалистов по ночным рейдам со штыками против ничего не подозревавших часовых. Гораздо чаще тревогу поднимали особо впечатлительные офицеры или часовые, которым русские мерещились при каждом завывании ветра или шуме, который создавали в траве животные. Один из кавалерийских офицеров раздраженно заметил, что «по крайней мере один раз в день или ночь прибегает галопом некто, кто панически заявляет об очередном наступлении несметных полчищ русских. Какому-нибудь болвану на посту может показаться, что он видел или слышал что-то, и тотчас ему начинают потакать офицеры, а потом и генералы».

Моряки воспринимали эти ложные сообщения спокойно и даже с некоторым удовлетворением. Как-то морской офицер,

услышав такой сигнал, сразу же отдал приказ отступать, и команда саперов, побросав в траншеях фляги с ромом и водой, опрометью кинулась в тыл. Когда же выяснилось, что русского наступления и не предвидится, горе-вояки вернулись в траншею и обнаружили там разбросанные пустые фляги и лежащих рядом мертвецки пьяных матросов.

Атмосфера всеобщей неопределенности и страха сделала людей раздражительными. Настроение менялось мгновенно. Рушилась дружба. Вражда перерастала в настоящую вендетту. Неприязнь превращалась в ненависть. Солдаты во всем обвиняли офицеров, те, в свою очередь, генералов. А генералы во всем винили друг друга.

Генерал Кэткарт, который обвинял Раглана в том, что тот вовремя не прислушался к его советам, стал просто невыносим. 4 октября он отправил командующему письмо, в котором жаловался, что тот постоянно консультируется с генералами Брауном и Эйри, не желая слушать его, генерала Кэткарта, советов. А ведь Кэткарт является официальным преемником Раглана на посту командующего в случае смерти последнего. Браун и Эйри, продолжал он, взяли за привычку за спиной Кэткарта отдавать приказы от имени Раглана. «Долг велит мне, – продолжал Кэткарт, – просить Ваше лордство о личной встрече в Вашем штабе в любое удобное для Вас время». Встреча состоялась, однако и после нее генерал остался обиженным. Ведь он мог сразу войти в Севастополь, а Раглан и Бэргойн запретили ему это делать. Офицеров, однако, не удивляло, что Раглан не советуется с Кэткартом. Так, капитан 46-го полка удивлялся другому. Он писал жене: «Я скорее спросил бы совета у одной из наших девочек, чем у любого генерала». Далее он отозвался о генерале Ингленде как о полном ничтожестве: «Служить под его началом просто отвратительно. Он сам не знает, чего хочет. Для того чтобы вывести дивизию на позиции, ему требуется целая вечность». Генерал Браун, по мнению капитана, «полностью оправдывал свою репутацию неотесанного чурбана». Генерал Бэргойн был «просто старым болваном». Герцога Кембриджского, которого всегда считали чуть ли не гением, теперь осуждали за «позорную нерешительность». Офицеры полагали, что он так и не смог прийти в себя после Альмы. Те же офицеры заявляли, что генералы Кардиган и Лекэн, получившие прозвища Яхтсмен и Тиран, «заслужили ненависть всей армии». Особенно не любили Кардигана, который с личного разрешения Раглана переселился жить на собственную яхту. Генерал был не вполне здоров, к тому же считал, что для него будет лучше держаться как можно дальше от Лекэна. Разделяя эту точку зрения, Раглан приказал двум

полкам легкой бригады расположиться лагерем отдельно от остальных частей кавалерии. Как ядовито заметил Пейджет, «теперь диспозиция кавалерии зависит от капризов двух избалованных дитятей». Царивший в кавалерии беспорядок не замедлил дать о себе знать. 7 октября кавалерийский пикет обнаружил крупные силы русских на правом фланге. Кавалерийская дивизия построилась для преследования противника. Однако генерал Осторожность (Лекэн), как всегда, оправдал свое прозвище. Кардиган же в это время находился на борту яхты. Узнав о происшествии, он вышел из себя – кричал, что ожидал достойного поведения, по крайней мере, от офицеров своего 11-го гусарского полка, те же повели себя как «старые бабы». Но чего еще можно было ожидать от людей, которыми командует Лекэн, продолжал Кардиган, ведь это просто «трусливый осел». Проблемой было то, что Кардиган, в свою очередь, был «безрассудным ослом». Один из офицеров 4-го драгунского полка считал, что между двумя этими генералами очень мало разницы. О Кардигане он писал, что «у него мозгов в голове не больше, чем в моем ботинке. В интеллекте с ним может соперничать только его вечный противник Лекэн. Во всей британской армии было бы трудно найти еще двух подобных тупиц».

Пока только Раглан был вне критики армии. 12 октября капитан Джослин написал домой, что «он [Раглан] выглядит спокойным и сосредоточенным, как всегда. Думаю, он знает, что делает. Вся армия надеется на него». Но через десять дней, когда артиллерийские бомбардировки не дали результатов, а штурма так и не последовало и только штаб Раглана знал, что виноваты в этом французы, мнение армии переменилось.

«Не знаю, – однажды воскликнул раздраженно артиллерийский офицер, – кто больший осел, Раглан или Бэргойн!»

Французы не были единственной причиной беспокойства Раглана. Министры правительства пребывали в состоянии ничем не подкрепленного оптимизма. Еще в начале сентября Чарльз Гревилль заявил на заседании кабинета, что «он совсем не доволен действиями Раглана, которого многие считают слишком педантичным и старомодным». Теперь же все в один голос превозносили заслуги командующего. Один из его прежних недоброжелателей, который перед сражением на Альме требовал чуть ли не отдать генерала под суд, выступил в палате общин с предложением наградить лорда орденом Подвязки. Герцог Ньюкаслский написал Раглану бодрое послание, в котором поздравил его с Рождеством и пожелал в следующем году

вернуться с почестями в благодарное отечество. «Смелость совершенного армией флангового маневра можно сравнить только с решительностью его выполнения, – писал он в другом письме, – ее величество поздравляет Вас с мастерски выполненным ночным переходом армии».

Лорд Хардиндж писал, что «трудно преувеличить всеобщее восхищение продемонстрированными Вами во всех операциях умением, решительностью и храбростью. Мастерский марш во фланг противнику, в результате которого армию, артиллерию и флот удалось привести в Балаклаву, на кратчайшее расстояние от Севастополя, взаимодействие с силами флота – все это примеры блестящего проведения величайших военных операций современности». Правительство, в самом деле, не видело никаких причин для беспокойства. А трудности «только докажут всей Европе, что стены Севастополя не более неприступны для британского оружия, чем вершины Альмы».

23 октября Раглан отвечал на все эти поздравления, выражения благодарности и доверия. Он прилагал к ним послание своего переводчика Чарльза Кэттли, который прежде был британским консулом в Керчи. В нем Кэттли пытался объяснить, насколько холодными бывают зимы в Крыму: «Можно ожидать ураганных ветров, проливных дождей, снега и пронизывающих холодов. А один раз в несколько лет случаются настоящие «русские морозы», когда рука человека, коснувшаяся металла, примерзает к нему». Эти слова были пророческими, но на них не обратили внимания. «И в заключение моего письма, – писал Раглан, – мне хотелось бы подчеркнуть, что армия нуждается в отдыхе. Хотя ей и не пришлось совершать долгих маршей, люди устали. Непосильной задачей стало даже ежедневное добывание воды и дров. Очень дает себя знать здешний климат: холера все еще не побеждена».

Он вновь подчеркивал, как необходимы свежие войска. Он считал невыполнимой задачу по одновременной осаде города, обороне открытых флангов и прикрытию базы в Балаклаве.

VIII

Действительно, Балаклаву защищали лишь немногочисленные подразделения турецких войск, морской пехоты и стрелков-горцев. Они растянулись по всему периметру имевшей форму полукруга бухты к северу и востоку от поселка Кадикей. Перед ними располагался лагерь кавалерии, а на холмах с обеих сторон развернулись пехотные дивизии, нацеленные на Севастополь.

Расстояние от Балаклавы до Севастополя составляет около 7 миль. Два города соединяло 3 мили сельского тракта, который соединялся с Воронцовской дорогой, которая вела на юго-восток от Севастополя. Она пересекала военные лагеря, затем спускалась через равнину Балаклавы к реке Черной и через 2 мили после моста через реку вела к поселку Чоргун (см. карту на стр. 112).

Дорога шла через равнину Балаклавы справа налево на узком клочке земли, который военные назвали Верхним проходом. Расположенный чуть выше в районе Федюхиных высот ровный участок земли получил название Северной долины, а полоска земли на ближайшем склоне была названа Южной долиной. Эти две равнины, разделенные Верхним проходом и отрезанные одна от другой острыми вершинами холмов, вскоре стали ареной одного из интереснейших эпизодов военной истории.

Верхний проход был жизненно важен не только для защиты Балаклавы и прикрытия флангов и тыла союзников. Он был частью их коммуникаций. Потерять его означало утратить единственную нормальную дорогу, ведущую к лагерю союзных войск, осаждавших город. Сознавая важность этого участка, Раглан приказал построить вдоль прохода шесть редутов для отражения возможного нападения. В каждом редуте были установлены 12-фунтовые корабельные орудия и размещен турецкий гарнизон. Прочитав отчеты о битве в Георгиеве, Раглан несколько изменил свое отношение к турецким солдатам. К тому же генерал Кэннон, которому приходилось воевать вместе с турками, убедил его, что турецкие солдаты достаточно надежны, когда действуют в обороне. Поэтому Раглан решил не отвлекать своих солдат от осады Севастополя, последовав рекомендации Кэннона. Он все же направил в помощь туркам небольшой отряд артиллеристов, которые в случае опасности должны были оказывать им содействие.

Турецкие артиллеристы, а также пехотинцы, помогавшие прикрывать Балаклаву совместно с морскими пехотинцами и горцами 93-го полка, поступили в распоряжение полковника

Кемпбелла. Ранее за оборону этого участка отвечал генерал Лекэн, но Раглан пришел к выводу о необходимости заменить его более опытным офицером. Поэтому он отозвал Кемпбелла от командования горной бригадой. Последний, хотя и заслужил репутацию человека, испытывавшего постоянное желание ввязаться в драку, заверил командующего, что считает свои позиции достаточно защищенными и способен своими силами отразить любое нападение противника в светлое время суток.

Вскоре ему пришлось доказать это на деле. В течение нескольких дней поступали сведения о том, что русские сосредоточили крупные силы в районе поселка Чоргун, в 5 милях восточнее Балаклавы. К 24 октября русская армия насчитывала там около 25 тысяч человек. Командовал армией один из наиболее талантливых русских военачальников – генерал Липранди. Вечером 24 октября турецкий шпион сообщил Кемпбеллу, что русские собираются атаковать Балаклаву [17] .

Выслушав донесение, Кемпбелл и Лекэн решили сообщить эти сведения Раглану. Письмо командующему повез лорд Бингхэм, сын Лекэна, служивший его адъютантом. Он вручил донесение генералу Эйри, поскольку сам Раглан в это время находился на совещании в штабе генерала Канробера. Эйри прочитал письмо и решил не придавать ему значения, поскольку Раглан ежедневно получал по нескольку подобных посланий. Армию постоянно лихорадило от ложных сигналов тревоги. По одному из таких оказавшихся ложными сигналов дивизии генерала Кэткарта пришлось проделать марш на равнину, а затем снова вернуться в район сосредоточения. Поэтому генерал Эйри поблагодарил Бингхэма за донесение и не стал ничего предпринимать.

Эта ночь выдалась холодной. Перед рассветом поднялся ветер, и солдаты в своих палатках прижимались друг к другу, пытаясь согреться, в то время как порывы ветра ударяли в мокрый брезент. Саперы в передней траншее слышали, как в поселках ниже по реке играли русские песни.

Глава 10 БАЛАКЛАВСКИЙ БОЙ

Сюда, милорд! Вот противник! А вот наши пушки!

Капитан Нолэн,
8-й гусарский полк

I

За час до рассвета 25 октября кавалерийская бригада, как обычно, развернулась в линию и ждала, пока Лекэн и два штабных офицера выдвинутся через равнину к Верхнему проходу. Когда они проезжали мимо лагеря легкой бригады, к ним присоединился полковник Пейджет.

Начинало светать, когда четверо офицеров, двигаясь восточнее редутов, вдруг заметили над одним из них два реющих флага.

– Что бы это значило? – растерянно спросил Лекэн.

– Это сигнал о наступлении противника! – последовал ответ.

– Вы уверены?

Пока офицеры рассуждали, недоуменно разглядывая флаги, одно из орудий редута внезапно открыло огонь, развеяв их сомнения. Немедленно раздался ответный выстрел, и ядро упало неподалеку от Пейджета.

– Смотрите, – пошутил один из офицеров, – как раз между копытами вашей лошади.

Было около шести часов утра.

В редутах была тысяча турецких солдат и 11 12-фунтовых орудий. Атаковавшие их русские имели тройное преимущество в артиллерии и десятикратное в живой силе. Конечно, турки не смогли бы выстоять против такой силы, но никто не покинул позиций. Огонь артиллерии русских усилился, но турки, несмотря на потери, продолжали держаться. Только после того, как русская пехота ударила в штыки, турки отступили, потеряв в бою 170 солдат. Они обеспечили союзникам полтора часа, чтобы перебросить подкрепления, но этого было недостаточно.

Как только Раглан узнал о наступлении русских, он приказал 1-й и 4-й дивизиям спуститься с Сапун-горы на равнину. Ни герцог Кембриджский, ни генерал Кэткарт не смогли быстро выполнить маневр. Прошло более получаса, прежде чем гвардейский и горский полки 1-й дивизии начали трудный спуск по крутым склонам. У 4-й дивизии дело шло еще медленнее, поскольку генерал Кэткарт пребывал в особенно плохом настроении. Офицер штаба, который что есть сил мчался к генералу с приказом командующего, впоследствии пересказывал подробности беседы с Кэткартом:

– Сэр Джордж, лорд Раглан просит вас немедленно выдвинуть свою дивизию в помощь туркам.

– Невозможно, сэр. 4-я дивизия не может выдвинуться.

– Я получил четкий приказ. Русские наступают на Балаклаву.

– Ничем не могу помочь. Мою дивизию невозможно тронуть с места, так как большая часть людей только что вернулась из окопов. Предлагаю вам присесть и позавтракать со мной.

– Нет, благодарю вас, сэр. У меня ясный приказ передать вам распоряжение немедленно выдвинуть дивизию в помощь полковнику Кемпбеллу. Я уверен, что каждая минута промедления чревата опасными последствиями. У полковника Кемпбелла остался только 93-й полк. Я сам видел, что турки полностью разбиты.

– Ну, если вы не хотите присесть и позавтракать, то можете отправляться назад и передать лорду Раглану, что я не могу сейчас наступать.

Офицер штаба отдал честь и вышел из палатки. Он сел на лошадь и отправился назад. Но, проехав несколько метров, понял, что не может передать Раглану послание, в котором содержится явное неповиновение. Вернувшись в палатку Кэткарта, он с непреклонной решимостью заявил, что получил приказ обеспечить выдвижение 4-й дивизии и не уедет до тех пор, пока она не начнет наступать.

– Хорошо, – ответил Кэткарт, – я посоветуюсь с офицерами штаба, и мы решим, что можно сделать.

Через несколько минут послышались сигналы труб, и 4-я дивизия медленно двинулась в сторону Балаклавы.

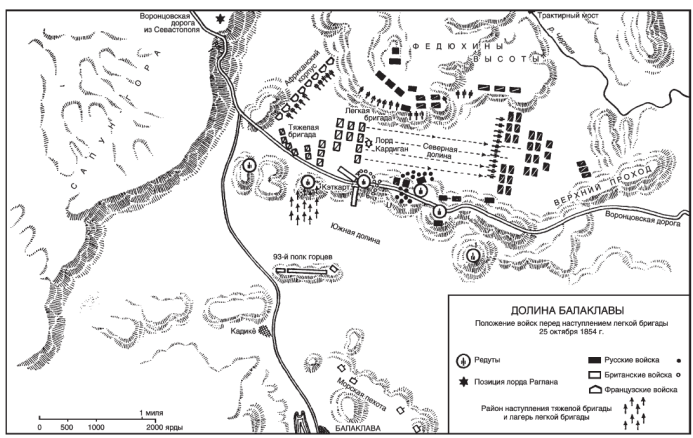
Положение было уже безнадежным. Прошло почти два часа, прежде чем пехота спустилась на равнину. Генерал Лекэн, проклиная Раглана за то, что тот накануне вечером не обратил внимания на донесение шпиона, совершал силами своей кавалерии лихорадочные маневры, безуспешно пытаясь отразить или задержать наступление русских, и, к ярости своих офицеров, постоянно пятился назад. Генерал Кардиган все еще не прибыл со своей яхты. Турок, которых привела в ужас судьба соотечественников, погибших в редуте, охватила паника, и они бежали в сторону Балаклавы, похожие на рой потревоженных пчел, с громкими криками:

– Джонни, корабль! Джонни, корабль!

Они промчались сквозь лагерь 93-го полка, последнюю линию обороны в районе Балаклавы, по дороге прихватывая все ценные, с их точки зрения, предметы. Особое предпочтение отдавалось пустым бутылкам, которые почему-то очень ими ценились. Солдатские жены, до этого спокойно загоравшие на солнце, награждали отступавших турок чувствительными тычками в спину за трусость и главным образом за то, что те безжалостно топтали их пожитки. Турки бежали не останавливаясь до самой Балаклавы. Капитан Шекспир позже

писал своему брату: «Наши матросы награждали их пинками в места, расположенные ниже спины. Я приставил кулак к лицу их полковника, чтобы пригрозить ему. А этот негодяй смотрел так, будто я собираюсь сделать ему комплимент».

Русские заняли четыре из шести редутов. Пехота стала сосредоточиваться в Верхнем проходе и на Воронцовской дороге. Несколько эскадронов русской кавалерии, не встречая сопротивления, выдвинулись в сторону Северной долины. На юге русская кавалерия наступала на дивизию генерала Лекэна, которая продолжала отходить в сторону позиций полка горцев. По совету полковника Кемпбелла Лекэн сосредоточил свою кавалерию на краю долины, чтобы не мешать горцам вести огонь по наступавшим русским и при необходимости ударить неприятелю во фланг.



– Запомните, ребята, отступать отсюда некуда! – с сильным шотландским акцентом прокричал Кемпбелл своим солдатам, объезжая их позиции. К горцам присоединились около 100 раненых и примерно 50 солдат, несущих службу в Балаклаве, под командованием 2 офицеров. – Помните, не отступать! Вы должны умереть там, где стоите.

– Мы сделаем это, сэр Колин! – раздалось в ответ из солдатских рядов.

Солдаты залегли. Но как только русская кавалерия приблизилась, шотландцы снова встали, прицелились, ожидая, когда полковник Кемпбелл отдаст приказ открыть огонь.

Но Кемпбелл, повернувшись в седле, выкрикнул сердито:

– 93-й полк! Отставить! К черту эту прыть!

Внезапно, как и в сражении на Альме, на поле боя опустилась гнетущая тишина. Как писал корреспондент «Таймс», «был слышен топот копыт и бряцанье русских сабель внизу, в долине. Русские, как показалось, остановились на мгновение, а затем всей своей огромной массой бросились на полк горцев. Земля отлетала из-под копыт, всадники с каждым мгновением мчались все быстрее и быстрее. Со страхом думалось, что тонкая цепь стрелков в красных мундирах не в силах будет остановить летящую на них массу стали».

Горцы, которые, следуя приказу полковника, больше не двигались с места, дали залп из винтовок. Были ранены несколько русских кавалеристов, однако все остались в седле. И тут же, повинуясь приказу невидимого командира, передовой эскадрон повернул левее.

– Шедвелл! – обратился Кемпбелл к своему адъютанту с удивлением и восхищением в голосе. – А этот парень хорошо знает свое дело!

Но и Кемпбелл, как оказалось, знал свое дело не хуже. Он сразу же повернул строй своих солдат в направлении, куда теперь наступала русская конница. Русские вновь сманеврировали левее, и вновь строй шотландцев встретил их на новом направлении наступления. Стойкость и четкость маневров противника, вероятно, встревожила командира кавалерии, и он отдал приказ к отступлению. Как только кавалеристы повернули назад, им в спину ударила артиллерия. Шотландцы бросали в воздух шапки и кричали от восторга.

II

Другой, более крупный отряд кавалерии русских наступал в Северной долине. Шотландцы, конечно, не могли видеть наступающих русских, поскольку тех скрывали вершины Верхнего прохода. Русские, в свою очередь, не видели ни полка горцев, ни шести эскадронов кавалерии англичан, которые двигались в их направлении по другую сторону прохода. Это была часть тяжелой бригады генерала Скарлетта, которую Раглан направил в помощь турецким гарнизонам редутов и горскому полку. Возможно, если бы адъютант Раглана передал приказ генералу Лекэну немного раньше, турки не поддались бы панике и не были бы разбиты. Но теперь, когда их уже выбили из редутов, тяжелой бригаде пришлось наступать в самую середину русского клина без всякой поддержки.

Генералу Джеймсу Скарлетту было пятьдесят пять лет. Несмотря на вид бравого воина, участвовавшего во многих кампаниях, который подчеркивали решительные черты кирпичного цвета лица и пышные седые усы, генерал впервые участвовал в бою. Но, не желая, подобно генералам Лекэну и Кардигану, отказываться от помощи боевых офицеров, Скарлетт взял к себе в адъютанты полковника Битсона и лейтенанта Эллиота. И тот и другой успели послужить в Индии, где участвовали в многочисленных боях. Лейтенант Эллиот по состоянию здоровья был вынужден уехать из Индии. В метрополии этому офицеру так и не удалось сделать себе карьеру, так как в его полку не жаловали «индусов». Генерал Скарлетт приблизил к себе этого человека, и, как оказалось, не зря, поскольку именно Эллиоту довелось стать его спасителем. Взглянув налево в сторону холмов Верхнего прохода, лейтенант внезапно увидел там ряд всадников с торчащими вверх наконечниками пик. Он доложил об этом Скарлетту, который вначале не мог поверить, что перед ним русские. Будь Скарлетт один, он обнаружил бы русскую кавалерию значительно позже, поскольку, как и большинство британских генералов, страдал близорукостью. Увидев русские каски, Скарлетт сразу же приказал своим эскадронам перестроиться навстречу противнику.

Русские, медленное наступление которых было отражено огнем артиллерии с Сапун-горы, решили пересечь Верхний проход и были удивлены не менее англичан, когда увидели английскую конницу.

В это время появился не на шутку обеспокоенный Лекэн, уже предупрежденный Рагланом о приближении неприятельской

кавалерии. Он обратил внимание, что часть тяжелой бригады продолжает движение по Южной долине с целью обойти виноградник, который мог бы стать препятствием для маневрирования. Неправильно поняв смысл этого маневра, который на военном языке называется «использование ландшафта», Лекэн решил, что кавалеристы решили прорвать фронт русских и продолжить наступление в сторону редутов. Он приказал кавалеристам построиться в линию, затем поскакал к Скарлетту и приказал тому наступать, что последний как раз и собирался делать.

Русские начали спускаться с южного склона. Однако при виде шотландских конных гвардейцев, которые неторопливо, как на параде, перестраивались, остановились. Лекэн, вне себя от нетерпения, приказал трубачу играть сигнал к наступлению. Тот добросовестно исполнил сигнал несколько раз. Но никто не обращал на это внимания. Англичане продолжали неторопливо выравнивать ряды.

Русские тоже продолжали неподвижно сидеть в седлах на полпути до подножия холма, наблюдая за перестроением противника внизу. Русских было около 3 тысяч. Им противостояли 600 англичан. Русские выглядели абсолютно уверенными в себе. Английская кавалерия никогда прежде не осмеливалась бросить им вызов. Никто не сомневался, что боя не будет и на этот раз. В отличие от плотных темных рядов русских всадников кавалерия англичан, по мнению многочисленных наблюдателей, расположившихся на холмах западнее, выглядела неубедительно.

Шотландская гвардия в медвежьих шкурах, драгуны-гвардейцы и драгуны полка – «истребителя завоевателей» в тяжелых шлемах – все они казались персонажами какой-то диковинной пьесы о войне. Добросовестно стараясь построить своих солдат в ровные линии, английские офицеры поворачивались к врагу спиной.

Прямо перед первой линией англичан сидели в седлах генерал Скарлетт и лейтенант Эллиот. Генерал надел поверх мундира синее пальто. На нем был такой же шлем, как на его подчиненных. Лейтенант, как и положено штабному офицеру, надел шлем с гребнем. Утром он попытался заменить свой головной убор фуражкой, объяснив генералу Скарлетту, что действующий устав это позволяет.

– К черту устав, – проворчал Скарлетт, – мой штаб будет одет по форме.

Эллиоту пришлось возвращаться в палатку, чтобы сменить головной убор. Тут обнаружилось, что ремешок от шлема

держится слишком свободно. Эллиот стал пришивать новую пуговицу, когда его срочно вызвал Скарлетт. Тогда, отказавшись от мысли приладить ремешок, Эллиот просто положил внутрь шлема носовой платок, чтобы голове было немного мягче. Как выяснилось впоследствии, это спасло ему жизнь.

Наконец лошади были выровнены, и генерал Скарлетт приказал трубачу играть сигнал к наступлению.

Как только прозвучал сигнал, Скарлетт поскакал вперед. Шотландская кавалерия, которой приходилось прокладывать дорогу через палаточный городок легкой бригады, сразу же отстала. Эллиот попытался обратить на это внимание генерала, но тот проигнорировал предупреждение. Он скомандовал через плечо «За мной!» и, обнажив саблю, продолжал быстро скакать вперед. Русские, не двигаясь с места, словно завороженные смотрели на двух всадников. На пути Скарлетта и Эллиота стоял одинокий русский кавалерист. Генерал проскакал мимо, будто не замечая его. Эллиот, пролетая мимо кавалериста, откинулся назад, доставая саблю. Наконец краснолицый генерал и бледный лейтенант затерялись в серой массе русских.

Шотландцы атаковали с низким рыком, драгуны с громкими криками. Вскоре наблюдатели с соседних холмов увидели, как два полка буквально утонули в сером море русской кавалерии.

Ряды противников настолько скучились, что никто не смог бы продемонстрировать свое искусство фехтования. Кавалеристы махали оружием, как топорами. Это вполне устраивало Скарлетта, который не мог похвастать мастерством владения саблей. Его шлем был помят, а сам генерал пять раз ранен. Тем не менее, он продолжал размахивать саблей; его лошадь, как и лошади других кавалеристов, низко пригнула голову, пытаясь уклониться от свистящих взмахов острых клинков. Эллиоту повезло меньше. Многие хотели помериться силами с всадником в таком заметном головном уборе. Лошадь, резко рванувшись вперед, спасла его от нападения сзади, но лейтенант успел получить четырнадцать сабельных ударов, прежде чем потерял сознание и откинулся в седле. Однако шлем с шелковым платком внутри сохранил ему жизнь, не позволив противнику нанести лейтенанту ни одного ранения в голову.

Бой вокруг продолжался. Кавалеристы с криками и стонами поднимали сабли, которые отскакивали от тяжелых шинелей русских, сделанных будто из каучука. Правда, у некоторых были острые клинки Уилкинсона, которые в руках умелого солдата не только пробивали шинель, но и были способны разрубить пополам вражеский череп [18] .

– Как ты умудрился получить такой удар? – спросил как-то

сержант одного из своих подчиненных, у которого на голове красовалась глубокая рана.

– Я успел нанести этому проклятому дурню пять уколов в корпус, а он совсем не защищался, а потом ударил меня сверху по голове, – неохотно ответил солдат.

Русские сквозь сжатые зубы издавали какие-то жужжащие звуки. Наблюдателям сверху казалось, что они слышат непрекращающийся шум морского прибоя. Они видели в оптику, как британцы прокладывают себе путь через русский строй, затем поворачиваются и прорубают дорогу обратно. Прошло не более пяти минут с момента начала боя, когда ряды русских дрогнули. К массе атакующих англичан присоединились другие эскадроны тяжелой бригады. Затем в ряды русских врубились несколько подразделений легкой бригады. Эти конники смогли втихомолку покинуть свои полки и вступить в бой подобно тому, как случайно оказавшийся рядом мальчишка присоединяется к драке подушками. Теперь бой походил на сражение двух мясников, размахивающих топорами.

Вскоре русских удалось заметно потеснить, затем их ряды расстроились, и, наконец, они стали отступать. Спустя восемь минут после того, как Скарлетт приказал подать сигнал к наступлению, русские галопом отходили по Воронцовской дороге в сторону Верхнего прохода. При виде отступающего неприятеля зрители на холмах стали бросать в воздух шапки и криками приветствовать победителей. Солдаты, чье решительное наступление и беззаветная отвага обеспечили эту победу, наблюдали за тем, как их враги скрываются за вершинами холмов. Их натруженные руки бессильно свешивались вдоль тела, мундиры были в крови, по щекам текли слезы.

После того как убитых и раненых отнесли в палатки, адъютант Раглана привез послание командующего генералу Скарлетту. Оно было коротким: «Хорошая работа, Скарлетт». Генерал быстро отвернулся, пытаясь скрыть свои чувства, и аккуратно положил лист бумаги в карман.

Кардиган был менее вежлив, чем Раглан.

– Чертовы Тяжелые, – заявил он, – сегодня они сыграли с нами злую шутку.

Конечно, он мог бы нанести удар русским во фланг, воспользовавшись тем, что с фронта их теснили эскадроны тяжелой бригады. Он мог бы преследовать отступавшего противника, чего уже не смогла сделать потерявшая строй тяжелая бригада. Но в течение всего короткого боя и теперь, когда противник отступал, легкая бригада неподвижно просидела на холмах, всего в 500 ярдах от места события.

Один французский майор простодушно решил, что солдат Кардигана удерживало нечто вроде правил бокса. Сами же британские офицеры были полны негодования. Один из них, молодой капитан, вследствие смерти старших офицеров исполнявший обязанности командира 17-го уланского полка, подошел к Кардигану и спросил:

– Милорд, вы не собираетесь атаковать отступающую конницу противника?

– Нет. У нас приказ оставаться здесь.

– Но, милорд, наш долг – развить достигнутый успех.

– Нет. Мы должны оставаться здесь.

– В таком случае прошу разрешить мне преследовать их силами 17-го полка. Посмотрите, сэр, они отступают в полном беспорядке.

– Нет и еще раз нет, – резко бросил Кардиган, и его слова слышали многие из стоявших рядом офицеров.

Кардиган был как никогда зол за то, что легкую бригаду оставили позади. В этом он, конечно, обвинил генерала Лекэна, чьи приказы якобы не позволили ему идти вперед. Лекэн же впоследствии заявлял, что ясно дал понять Кардигану, что легкая бригада может и должна наступать. Если же кто и виноват в том, что бригада осталась на месте, так это не он, а сам Раглан. «По приказу Раглана они оставались на месте, – написал он позже. – Теперь они были вне моего подчинения, и я ничего не мог поделать».

Сам Раглан был встревожен тем, что кавалерия невольно вступила в бой. Он понимал, что должен был развить успех тяжелой бригады, но у него в распоряжении было очень мало войск. Герцог Кембриджский все еще не подошел. Джордж Кэткарт уже успел подойти, но выполнял приказ «немедленно наступать и вновь занять редуты» с явной неохотой и медлительностью. Его дивизия прошла место кавалерийского боя, заняла два ближайших редута, оказавшихся пустыми, и внезапно остановилась. Раглан наблюдал, как передовые полки развернулись на равнине и затем вперед медленно выдвинулись несколько подразделений стрелков. Кэткарт приказал артиллерии открыть огонь по редутам, которые заняла русская пехота. Но до них было слишком далеко. Как сердито отметил один из артиллерийских офицеров, Кэткарт, как и многие другие генералы, был свято уверен в том, что «артиллерия хороша на любой дистанции». Было видно, что на таком расстоянии от огня 9-фунтовых пушек было не много толку. Но никому не пришло в голову выдвинуть пушки под прикрытием пехоты поближе к противнику.

Время шло. А Кэткарт, казалось, никуда не спешил. Герцог Кембриджский все еще был слишком далеко. Полк горцев нельзя было снимать с позиций и заставлять идти в наступление без всякой поддержки. И тогда Раглан решил снова использовать кавалерию.

Он отправил приказ Лекэну: «Кавалерии наступать и использовать любую возможность для прикрытия горского полка».

Лекэн получил приказ, но почти час не трогался с места. Позже он говорил, что неправильно понял приказ и решил, что должен наступать только после того, как подойдет пехота для поддержки. А поблизости не было видно пехотных частей, готовых идти в наступление.

Раглан с растущим раздражением наблюдал за тем, как кавалерия маневрирует, не делая никаких попыток атаковать. На некоторое время его лицо утратило характерную для лорда невозмутимость. Корреспондент «Таймс» заметил, как он поднял подзорную трубу и снова опустил ее. Реглан выглядел недовольным. Он понимал, что не может больше медлить. Подсознательно он чувствовал, что вторая кавалерийская атака должна быть успешной. Он не претендовал на роль великого полководца, однако в способности улавливать настроения своих солдат не уступал им. Он умел чувствовать атмосферу боя. И сейчас чувствовал, что кавалеристы готовы атаковать, а враг уже морально сломлен. Когда кавалеристы вместе с шотландцами выступят против них, они просто разбегутся из редутов.

Но Лекэн все еще колебался. И пока армия выжидала, на виду у всех появились русские артиллерийские повозки, которые волочили за собой по земле буксирные приспособления. «Они собираются забирать свою артиллерию», – догадался один из штабных офицеров. В отчаянии Раглан попросил Эйри написать Лекэну категорический приказ. Пользуясь ножнами сабли вместо стола, Эйри нацарапал несколько слов на клочке бумаги. Он прочитал их Раглану, который добавил от себя еще несколько слов. Окончательный вариант приказа звучал так: «Лорд Раглан приказывает кавалерии немедленно наступать, нанести противнику фронтальный удар и предотвратить эвакуацию его пушек. Полевой артиллерии – поддержать атаку. Французская кавалерия будет наступать на левом фланге. Вперед немедленно. *Эйри».*

Прежде чем адъютант Эйри выехал с приказом к кавалеристам, Раглан выкрикнул ему вслед: «Скажите Лекэну, что кавалерия должна атаковать немедленно!»

III

Адъютант генерала Эйри капитан Льюис Эдвард Нолэн был неординарной личностью. Его отец-ирландец состоял на британской консульской службе, мать была итальянкой. Перу этого привлекательного и необыкновенно умного человека принадлежали несколько книг по тактике кавалерии. Среди офицеров Нолэн пользовался репутацией всезнайки и педанта.

– Он пишет книги, – с долей неудовольствия высказывался о Нолэне полковник Пейджет, – и слишком задирает нос. К тому же он позволяет себе высказывания против кавалерии.

Нолэн презирал как Лекэна, так и Кардигана, но Лекэна, пожалуй, больше, нисколько не скрывая такого отношения к генералам. Все эти качества не мешали Нолэну быть прекрасным наездником. Именно поэтому Раглан решил поручить ему срочно доставить приказ Лекэну. И не ошибся в выборе: там, где другие офицеры ехали на лошади медленно и осторожно, Нолэн скакал на полной скорости. К тому же он выбрал кратчайший спуск с холма на равнину.

Подскакав к Лекэну, Нолэн вручил ему приказ командующего, который генерал тут же начал изучать с той изматывающей тщательностью, которая вывела бы из себя кого угодно, но не Нолэна. И действительно, как позже признал сам Лекэн, он «изучал приказ очень дотошно, с некоторой долей испуга, поскольку не видел ни малейшей практической пользы от его выполнения». Лекэн заговорил с Нолэном о том, что такая атака была бы не только бесполезной, но и опасной.

– Лорд Раглан приказывает, – повторил вышедший из себя Нолэн, – немедленно начать кавалерийскую атаку.

– Атаковать, сэр? Кого атаковать? О каких пушках здесь говорится? Куда мы должны наступать?

– Сюда, милорд! – Нолэн поднял руку в жесте, которым не столько указывал направление наступления, сколько давал выход своему гневу. – Вот противник! А вот наши пушки, о которых вы спрашиваете!

И, оставив Лекэна, который все еще пребывал в сомнении, Нолэн направился к командиру 17-го уланского полка капитану Моррису и спросил его, может ли его полк атаковать немедленно.

Проблема была в том, что Лекэн действительно не мог понять, чего же от него хотят. Находясь в низине, он, в отличие от Раглана, не мог видеть того, что творилось за ближайшими холмами. Ему не были видны редуты. И конечно, он не мог наблюдать, как русские артиллеристы забирали с позиций

трофейные пушки. Со времени начала боя он не предпринял никаких мер для выяснения обстановки за холмами, которые закрывали участок земли, захваченный русскими. Единственные орудия, которые находились в поле его зрения, были пушки поддержки русской кавалерии, сосредоточенной в Северной долине. Наверное, решил Лекэн, Раглан как раз их и имел в виду. И конечно, этот наглец Нолэн указывал именно на них. Теперь, когда все вроде бы стало ясно, Лекэн тронул своего коня и направился к Кардигану для того, чтобы передать ему приказ командующего. Тот в ответ с холодной вежливостью отсалютовал саблей.

– Слушаюсь, сэр, – выкрикнул он громким хриплым голосом, – но позвольте мне обратить ваше внимание на то, что, кроме батареи в долине впереди, перед нами, русские держат на наших флангах еще орудия и своих стрелков!

– Я знаю об этом, – ответил Лекэн, – но и Раглан тоже знает и, очевидно, учел это. Боюсь, у нас нет другого выхода, кроме как выполнять приказ.

Кардиган вновь отсалютовал и, повернув коня, отправился к полковнику Пейджету, что-то выкрикивая себе под нос. По дороге ему встретились несколько солдат 8-го гусарского полка, которые сидели и курили трубки. Их командир полковник Шивелл сердито выговаривал им, что «курение в присутствии врага позорит полк». Это замечание привело в раздражение полковника Пейджета, который сам в этот момент курил сигару. Потом масла в огонь подлил Кардиган, который, приказав полковнику принять командование второй линией, несколько раз, словно ребенку, повторил, что надеется, что Пейджет и его люди проявят себя с самой лучшей стороны.

– Конечно, милорд, – ответил Пейджет, – мы сделаем все, что сможем.

Сигару он решил не бросать.

Кардиган галопом вернулся в расположение бригады и построил ее полки в две линии. На правом фланге первой линии построился 13-й легкий драгунский полк, в центре – 17-й уланский полк, слева и чуть сзади – 11-й гусарский полк. Во второй линии расположились 4-й легкий драгунский и 8-й гусарский полки. В последний момент генерал Лекэн, не поставив об этом в известность Кардигана, приказал полковнику Дугласу отвести 11-й гусарский полк из первой во вторую линию.

Кардиган лично возглавил атаку. С характерной для него посадкой с легким наклоном вправо, он спокойно сидел в седле не только впереди строя, но и впереди всех офицеров своего штаба. Наблюдатели расположились на склонах холмов, чтобы

видеть то, что француз Камилль Руссе впоследствии метко назвал «кровавым стипль-чезом». Им была видна картина во всех деталях, вплоть до белых бабок гнедого жеребца Кардигана.

Вид был воистину великолепный. Сами наблюдатели находились на Сапун-горе, которая склонами постеленно спускается в долину с запада. На ее пологих склонах и расположились с комфортом все, кто не был в тот момент занят другими обязанностями. Внизу расстилалась длинная и узкая Северная долина; справа – Верхний проход; слева – Федюхины высоты. Вдалеке, там, где кончалась Северная долина, построились эскадроны русской кавалерии, отступившие после боя с тяжелой бригадой. Их поддерживали 12 орудий. На флангах расположились 3 свежих уланских эскадрона. Вдоль Федюхиных высот стояли еще 4 кавалерийских эскадрона, 8 пехотных батальонов и 14 орудий. А напротив через долину, у Верхнего прохода, находились еще 11 батальонов, которые ранее штурмовали турецкие позиции на редутах, а теперь медленно вытеснялись оттуда дивизией Кэткарта. Там русская артиллерия насчитывала 32 орудия. Только сумасшедший, как позже заявлял Лекэн, мог решиться идти в наступление в таких клещах.

– Бригаде идти вперед, – буднично-спокойным тоном скомандовал Кардиган.

IV

Раглан и его штаб не сразу поняли, что происходит. Направление наступления слегка сместилось левее, но не настолько, чтобы это могло вызвать тревогу. Однако по мере увеличения темпа атаки становилось ясно, что легкая бригада намерена вклиниться в позиции русских в районе Верхнего прохода. Русские, несомненно, ожидали этого, так как в ходе медленной, но решительной кавалерийской атаки вывели свою пехоту из всех редутов, кроме одного, и построили ее в каре у вершины холма. Это была редкая удача для генерала Кэткарта, и офицеры его штаба напряженно ждали, когда же он ею воспользуется. Его дивизия все еще стояла на позиции, занятой более часа назад. Но Кэткарт не спешил продолжать наступление даже теперь, когда ясно видел, что неприятель оставил почти все захваченные ранее редуты. Штабные офицеры стали уговаривать генерала продолжить наступление. Однако тот заявил, что должен прежде посоветоваться с Рагланом.

Первые 50 ярдов легкая бригада уверенно двигалась вперед, не встречая ни малейшего сопротивления. Пушки противника молчали. Сам Кардиган выглядел очень эффектно в сине-вишневом мундире и меховой накидке с золотым шитьем. По выражению Раглана, он держался смело и гордо, как лев. Кардиган не оглядывался; он смотрел на вражеские орудия впереди.

Внезапно безукоризненная симметрия строя наступающей английской кавалерии была нарушена. Нещадно нахлестывая коня, наперерез строю к Кардигану мчался галопом «этот наглый черт» Нолэн. Он размахивал саблей над головой и что-то выкрикивал во всю мощь легких. Поворачиваясь в седле то в одну, то в другую сторону, Нолэн пытался предупредить разъяренного Кардигана и его штаб, что они наступают в неверном направлении. Но никто не расслышал его слов, потому что русские открыли огонь и все звуки тонули в грохоте их пушек. После первых же выстрелов осколок снаряда попал Нолэну прямо в сердце. Рука, которая только что так неистово размахивала саблей, так и осталась занесенной над головой, а колени опытного кавалериста продолжали сжимать бока лошади. Лошадь развернулась, и сабля выпала из рук Нолэна. В то время как верный конь понесся назад со своей страшной ношей, умирающий капитан неожиданно издал крик настолько нечеловеческий и пронизывающий, что один из очевидцев назвал его «воплем мертвеца».

Темп наступления продолжал расти, и ни у кого теперь не было сомнений в том, что все эти 700 всадников несутся навстречу гибели. С трех сторон по ним били вражеские пушки, вырывая из строя целые ряды кавалеристов, места которых тут же спокойно и неторопливо занимали их товарищи. Зрелище было настолько ужасным, что наблюдавшие за ним с безопасного расстояния мужчины и женщины не могли сдержать слез. Генерал Боске, наблюдая эту бойню, пробормотал, протестуя против такой храбрости: «Это великолепно, но это не война». Адъютант генерала Буллера писал: «Я не мог сдержать слез. В ушах стоял грохот пушек и визг пуль, которыми поливали этих храбрых ребят». Стоявший рядом старый французский генерал пытался успокоить его: «Бедные ребята. Но такова война».

Кардиган все еще был впереди строя. К нему приблизился офицер 17-го уланского полка, и Кардиган, вытянув по направлению к нему свою саблю, прокричал сквозь грохот пушек:

– Плотнее! Держитесь плотнее, 17-й полк!

Сзади были слышны обрывки команд командиров эскадронов:

– Сомкнуть ряды! Ближе к центру! Выровняться слева! Джонсон, осади назад!

Но чаще всего подавалась команда сомкнуть ряды к центру. Люди и лошади падали и падали, а ряды с каждым шагом становились все уже и изломанней. Раненые брели назад, перешагивая через лежащих в крови людей и лошадей. Перепуганные лошади без седоков метались в клубах дыма.

Увидев, что легкая бригада почти полностью уничтожена, Лекэн повернулся к полковнику Палету и сказал: «Они пожертвовали легкой бригадой, но я не позволю так же поступить с тяжелой!» И он приказал играть сигнал к прекращению наступления. Затем тяжелую бригаду отвели на позиции, позволяющие при необходимости отразить попытку противника преследовать разгромленную легкую бригаду. Выказав полное равнодушие к полученному ранению в ногу, Лекэн заслужил невольное восхищение одного из своих самых непримиримых критиков, который воскликнул:

– Да он храбр, черт возьми!

Совсем иного сорта храбрость потребовалась от Лекэна для того, чтобы в такое время отвести назад тяжелую бригаду, заставив противника недоуменно догадываться о причинах отхода англичан.

В это время легкая бригада почти достигла вражеских батарей. Офицеры теряли контроль над солдатами, которые яростно рвались вперед, вынуждая Кардигана наращивать темп атаки. Генерал был все еще настолько зол на Нолэна, что просто

не мог думать ни о чем другом, например о том, что делает с человеком прямое попадание пушечного ядра. Внезапно он вынырнул из белого дыма как раз напротив вражеских пушек и бросился прямо на них. До батареи оставалось меньше 100 ярдов, когда все 12 пушек выстрелили залпом, поднимая вокруг Кардигана комья земли и окутывая его тягучим дымом и летящими осколками. Использовав свой последний шанс, артиллеристы спрятались под пушки. Кардигана едва не выбросило из седла, но он сумел удержаться и продолжал мчаться на позиции русских со скоростью, как он про себя прикинул, 17 миль в час.

Из всей первой линии уцелело всего 50 человек. Нахлестывая лошадей, они бросились на русских артиллеристов, которые, в отличие от своих менее храбрых товарищей, спрятавшихся под пушками, навалились на колеса орудий, пытаясь оттащить их подальше, чтобы возобновить стрельбу. Примерно в 80 ярдах за орудиями неподвижно стояла кавалерия русских. Кардиган посмотрел в их сторону со злостью. Ему казалось, что эти люди скрежещут зубами и жадно смотрят на его богато отделанный плащ и золотую тесьму мундира. Но впереди всех этих бледных широких лиц со злобными оскалами зубов он увидел и другие лица, на которых были написаны не жадность и даже не злость, а нетерпеливое желание скорее броситься в бой.

В то время как Кардиган презрительно разглядывал врагов, один из них, князь Радзивилл, узнал в нем офицера, с которым познакомился на одном из приемов в Лондоне. Он приказал нескольким казакам захватить генерала живым. Казаки окружили его и стали подталкивать пиками в сторону русских позиций. При этом один из них ранил Кардигана в ногу. Тот презрительно посмотрел на их заморенных низкорослых лошадей, опустил саблю, решив, что генералу не следует драться с простыми солдатами, и ускакал прочь. Он предоставил своим солдатам продолжать драться с русскими, а сам отправился назад в долину, где намеревался пожаловаться командованию на недостойное поведение капитана Нолэна. А там, позади, бой продолжался. Кавалеристы рубили русских артиллеристов, которые, втянув головы в плечи, пытались тянуть свои пушки назад. С остатками 17-го уланского полка капитан Моррис обратил в беспорядочное бегство отряд русской кавалерии. Некоторое время уланы преследовали врага, пока превосходящие силы казаков не заставили отступить их самих.

Другой отряд казаков атаковал английских кавалеристов на позициях русской батареи. Заместителю командира бригады полковнику Мэю удалось организовать отражение конной атаки

русских. В это время подоспел полковник Пейджет, и батарея была занята во второй раз. Драгуны 4-го полка истребляли артиллеристов с пугающей жестокостью самураев. Один из офицеров, опьяненный видом и запахом крови, душил вражеских солдат голыми руками, другой истерически кричал, убивая их.

Уничтожив всех русских артиллеристов, драгуны двинулись на позиции кавалерии русских. Но, двигаясь во все еще плотном дыму, они неожиданно наткнулись на гусар 11-го полка, отступавших под натиском превосходящих сил русских улан.

– Стойте, ребята! – закричал Пейджет. – Остановите фронт, или мы пропали.

Два полка, в которых теперь едва ли насчитывалось больше 40 человек, остановились, чтобы встретить лицом наступающего противника. Неожиданно кто-то крикнул:

– Милорд! Они атакуют с тыла!

Это оказалось правдой. Путь назад был отрезан. Пейджет повернулся к майору Лоу:

– Мы в капкане. Какого черта теперь делать? Где лорд Кардиган?

Кардиган был уже далеко в тылу, и теперь оставалось только одно средство для спасения.

– Развернуться, – приказал полковник солдатам, – и удирать изо всех сил.

Английские кавалеристы, преследуемые русскими уланами, мчались по долине назад со скоростью, на которую были только способны их измученные лошади. Русские скакали сбоку, будто бы собираясь атаковать отступавших во фланг. Однако атаки так и не последовало. Вероятно, сыграла роль нерешительность, всегда характерная для командования русской кавалерии, или были иные причины, но русские позволили солдатам Пейджета проскакать мимо, лишь слегка погрозив им пиками. Возможно, они проявили сострадание при виде тех жалких остатков самой блестящей кавалерии в мире.

Солдаты легкой бригады представляли собой жалкое зрелище. Их великолепные мундиры были изорваны и перепачканы кровью. Лошади были мокрыми и грязными. И это были самые удачливые. Другие пришли пешком. Некоторые вели в поводу хромающих, истекающих кровью лошадей.

Земля была покрыта телами погибших и умирающих. Лошади в агонии пытались встать, но тут же снова опрокидывались на искалеченные тела своих седоков.

Русская артиллерия продолжала стрельбу, но стреляли только с Верхнего прохода. Русскую артиллерию с Федюхиных высот выбили лихие кавалеристы 4-го французского

Африканского полка, доказав, на что способна конница при умелом командовании.

Командир легкой бригады был уже среди своих. Он не чувствовал за собой никакой вины за неправильную организацию кавалерийской атаки.

– Это было какое-то сумасшествие, – заявил он нескольким выжившим подчиненным, – но я здесь ни при чем.

Примерно с таким же объяснением он обратился и к Раглану.

– Что вы хотите этим сказать, сэр? – спросил его Раглан таким разъяренным тоном, какого, по мнению офицеров штаба, он до сих пор никогда себе не позволял. При этом он нервно подергивал головой, а обрубок руки конвульсивно вздрагивал в пустом рукаве. – Чего вы хотели достичь, атакуя артиллерийскую батарею в лоб, вопреки всем правилам военного дела и собственному опыту?

– Милорд, – заявил Кардиган, уверенный в собственной невиновности, – я надеюсь, что вы не станете обвинять меня. Я получил приказ наступать от вышестоящего офицера перед строем.

Такое заявление оправдывало любого солдата, и Кардиган в полном спокойствии отправился к себе на яхту. Позже, несколько остыв, Раглан признал, что Кардигана действительно не в чем обвинить. Комментируя поведение Кардигана в своем письменном рапорте, Раглан признал, что тот «действовал смело, настойчиво и решительно».

По отношению к Лекэну Раглан не был столь снисходительным. Вскоре после разговора с Кардиганом, который без всяких сомнений возложил всю вину за поражение на своего командира, Раглан мрачно объявил Лекэну:

– Вы погубили легкую бригаду.

Тот с негодованием отрицал свою вину. Ведь он, Лекэн, только выполнял письменный приказ, доставленный ему из штаба адъютантом.

Лорд Раглан, по словам Лекэна, ответил на это любопытной репликой.

– Лорд Лекэн, – сказал он, – вы генерал-лейтенант и, следовательно, имеете право на независимость в оценках приказов. Если бы вы, видя губительность приказа, не стали его выполнять, смогли бы предотвратить все его последствия.

Действительно ли Раглан произнес эти слова или нет, так и осталось тайной, поскольку никто не был свидетелем его разбирательства с Лекэном. Однако никогда позже он не упоминал о том, что командир дивизии может по своему усмотрению толковать приказы вышестоящего командования.

Теперь же оказалось, что Кардиган не виновен, так как выполнял приказ командира; Лекэна тоже не в чем упрекнуть, поскольку и он действовал на основании приказа.

Единственное, что оставалось Раглану, – это указать Лекэну на то, что тот не смог правильно понять приказ. Он не сделал ничего для того, чтобы разобраться в диспозиции русских войск, и незнание обстановки привело к непоправимым для легкой бригады последствиям. Лекэн не обратился за помощью к французским кавалеристам, которые, как указывалось в приказе, должны были действовать на его левом фланге. Лекэн не смог грамотно использовать собственную артиллерию.

Все это, конечно, было правдой. Тем не менее Лекэна формально нельзя было ни в чем обвинить. Приказ вручил ему молодой офицер, настолько ненавидевший его, что даже не соизволил ответить на уточняющие вопросы генерала. Вернее, по словам свидетеля того злосчастного разговора, лорда Бэргхерша, штабной офицер ответил жестом, который еще больше ввел Лекэна в заблуждение. А текст самого приказа был недостаточно четким и подробным.

Теперь Кардиган спокойно пил на яхте шампанское со своим приятелем де Бургом, а Лекэн, сидя в палатке, предавался мрачным размышлениям. «Я не намерен нести ни малейшей ответственности за то, что потребовал от подчиненных выполнения приказа, который, по моему убеждению, был продиктован настоятельной необходимостью».

Со свойственным ему стремлением защищать даже тех подчиненных, к которым он не испытывал особой любви, Раглан попытался защитить их от нападок недоброжелателей на родине.

В своей депеше правительству командующий подчеркивал героизм при проведении атаки, высокую выучку и дисциплинированность кавалеристов. Тот факт, что Лекэн совершил «фатальную ошибку», как Раглан назвал его поступок в частном письме герцогу Ньюкаслскому, в официальном отчете не упоминался вовсе. Там говорилось только о некоторых «недоразумениях, произошедших при определении направления наступления». Лекэн, по словам командующего, «испытывал серьезные сомнения в целесообразности выполнения приказа», однако, как дисциплинированный офицер, «был вынужден пойти на риск». Раглан хотел поскорее закрыть эту тему. Ошибка совершена, и, по его мнению, виноват в этом Лекэн. Но командующий не хотел дальнейших разбирательств. Лекэн, напротив, был полон решимости доказать свою невиновность. В горячей перепалке с Рагланом он намекнул, что намерен идти в этом до конца. Генерал Эйри пытался уговорить его не выносить

спор на публичное рассмотрение, что только повредило бы армии. Но Лекэн оставался непреклонен. Однако он не предпринимал ничего до того времени, пока не была опубликована депеша Раглана. Эйри удалось заверить его в том, что никто не собирался его обвинять. Но, увидев депешу, Лекэн пришел в ярость. Там не указывалось прямо на его вину, но и не делалось никаких попыток его оправдать. А Лекэн жаждал именно прямого оправдания своих действий. Он написал письмо на имя герцога Ньюкаслского и, согласно уставу, направил его Раглану для дальнейшей передачи по команде. Эйри вновь попытался отговорить Лекэна от попытки передать дело на рассмотрение правительства, поскольку «это не могло привести ни к чему хорошему». Но тот настаивал на своем, и Раглан был вынужден отправить его письмо. Получив письмо, герцог Ньюкаслский извинился перед Рагланом за поступок подчиненного. Он уже знал содержание письма, так как Лекэн, не будучи уверен в том, что Раглан отправит его, заблаговременно послал в Лондон копию. Далее герцог писал, что сожалеет, но генерал Лекэн не может далее занимать должность командира кавалерийской дивизии. Через две недели генерал был отозван в Лондон. Генерал Кардиган отбыл туда на собственной яхте еще ранее, подав соответствующий рапорт.

Разногласия среди старших офицеров, конечно, мало трогали солдат. Вечером после злосчастной атаки сержант 7-го полка написал домой: «Теперь от легкой бригады осталась всего кучка людей». А его приятель из 11-го гусарского полка подошел к нему и сказал:

– Итак, мой друг-стрелок, как я и обещал тебе неделю назад, теперь нам с тобой будет о чем поговорить.

– Может быть, – спросил сержант-стрелок, – здесь была какая-то ошибка?

– Какая теперь разница, мы просто старались выполнить свой долг. Все когда-нибудь кончается.

Раны тех участников боя, которые не были отправлены на корабли, постепенно затягивались. Некоторые избежали ран или были ранены очень легко, так как, как они говорили сами, «русские сабли были тупыми, как ломы». На голове одного из кавалеристов насчитали пятнадцать следов сабельных ударов, каждый из которых был не более чем просто царапиной.

Убитых и тяжелораненых вынесли из долины. Небольшие конные патрули продолжали поиски уцелевших на разделяющем две армии пространстве. Там еще продолжали биться в агонии лошади. Некоторые пытались подняться и дотянуться покрытыми пеной зубами до короткой травы. И тогда в печальной тишине

звучали одиночные пистолетные выстрелы. В том бою армия потеряла почти 500 лошадей.

V

Из 673 человек, участвовавших в том бою, вернулись менее 200. Русские, как и союзники, были потрясены героизмом англичан. Сначала генерал Липранди не мог поверить, что британские кавалеристы не были попросту пьяными.

– Вы храбрые ребята, – заявил он группе пленных, – и мне вас искренне жаль.

Положение союзников между тем осложнилось. Храбрость и героизм не могли заменить собой победы. Балаклаву удалось отстоять, но русские смогли оседлать Верхний проход. Союзники потеряли единственную дорогу, которая хоть как-то могла облегчить их жизнь зимой.

Глава 11 НАЧАЛО ЗИМЫ

Не буду скрывать от Вашей милости, что был бы гораздо более удовлетворен, если бы я располагал под своим командованием значительно большей силой.

Лорд Раглан

I

Осада продолжалась при все более ухудшающейся погоде. Тяжелые орудия непрерывно обстреливали Севастополь, но укрепления города, казалось, с каждым днем становились все более мощными. В письме домой корнет Фишер мрачно пошутил по этому поводу: «Если мы не хотим, чтобы Севастополь стал самой мощной крепостью в мире, нам следует поскорее оставить его в покое. А пока, чем дольше мы его осаждаем, тем сильнее становятся его укрепления». К исходу каждого дня в системе укреплений появлялись новые бреши, которые к утру таинственным образом ликвидировались. По городским докам пытались вести обстрел ракетами в надежде поджечь город, но, как только дым обстрелов рассеивался, люди снова заполняли улицы и героически боролись с огнем. Пожары в Севастополе были редким явлением. Жители снимали с домов двери, оконные рамы и вообще все, что могло гореть. С некоторых зданий сняли крыши, заменив их металлическими щитами. Город был как будто построен из асбеста.

– Штурм, – выражая общее мнение, говорил капитан Шекспир, – остается нашей последней надеждой.

Но многие офицеры сомневались, что теперь у армии хватит сил и боевого духа пойти на штурм Севастополя. Через четыре дня после боя за Балаклаву один из пехотных сержантов писал родителям, насколько угнетенно и неуверенно чувствовали себя люди. Вот как он описывал жизнь в траншеях:

...

«Нас обстреливают круглые сутки. Почти все время льет дождь. Всю ночь противник продолжал забрасывать нас своими «Свистунами Диками» [так союзники называли крупнокалиберные русские снаряды, издававшие характерные свистящие звуки при стрельбе]. Мы стоим почти по колено в грязи и воде и похожи на тонущих крыс. Пронизывающий холодный ветер задувает во все дыры в нашем обмундировании (которых с каждым

днем становится все больше, а латать их нечем). Это в десять раз хуже, чем драться в открытом бою… У нас ни одной лишней унции еды… День и ночь мы работаем до изнеможения. Невозможно ступить ни шагу, не провалившись в грязь. В палатках, где мы живем, полно дыр [19] , поэтому приходится ложиться прямо в грязь… Я думаю, что следует награждать медалями за каждый день такой жизни. Я уже не говорю о тех, кому повезло меньше, чем нам, и кто не смог избежать вражеской пули или осколка снаряда либо пал от одной из многочисленных болезней».

Один из старших офицеров полка королевских стрелков признался, что не менял одежду 46 дней и ночей (за исключением того случая, когда ее однажды удалось постирать). «Солдаты одеты в грязное тряпье. Они режут русские вещмешки на портянки и обматывают ими ноги. У многих ноги опухли, и они не могут носить никакой обуви. Бедняги делают из русских шинелей какое-то подобие сандалий и носят их день и ночь в любую погоду». «Наши красные мундиры теперь почти черного цвета, – писал другой офицер, – а дурацкие шнурки на них истрепались и порвались в клочья». Когда 1 ноября состоялся аукцион, на котором продавались вещи погибших офицеров, цены были просто «астрономическими». За старую фуражку давали 5 фунтов 5 шиллингов; пара ношеных теплых перчаток стоила 1 фунт 7 шиллингов; пара хлопчатобумажных ночных колпаков оценивалась в 1 фунт 1 шиллинг. На другом аукционе старые перчатки продали за 35 шиллингов; за две маленькие баночки какао запрашивали 24 шиллинга; лот, в который входили тюбик помады и зубной порошок, оценили в 36 шиллингов. Гусарские мундиры, красивые, но непрактичные, наоборот, упали в цене. Новый мундир стоил 40 фунтов стерлингов; на аукционе за него давали не больше 2 фунтов 6 шиллингов.

Деньги были и у офицеров, и у солдат, но на них мало что можно было купить. Несмотря на бедственность своего положения, армия все еще не утратила чувства восхищения своим командующим. При виде его прямой фигуры солдаты замирали в строю и приветствовали его громкими криками. Утомленный

таким восторженным проявлением чувств, он начал делать в своих поездках абсурдно длинные крюки, стараясь избежать встречи с обожавшими его подчиненными. Он старался разминуться с намеренно попадавшимися на его пути солдатами, которым было достаточно услышать хотя бы пару ободряющих слов в ответ на свое приветствие.

Даже генерал Браун, которого откровенно недолюбливали в легкой дивизии и который так же откровенно выказывал полное равнодушие к своей непопулярности, однажды заявил, что Раглану следует чаще бывать на глазах у подчиненных.

– И что это даст? – спросил Раглан.

– Это должно ободрить людей. Ведь некоторые из моих солдат даже не знают вашего имени, сэр.

– Но они не знают и вашего имени, Джордж!

– Каждый солдат в легкой дивизии знает, как меня зовут.

– Держу пари на один фунт, что первый же солдат, которого мы об этом спросим, не знает вас.

– Принято.

Они направились в лагерь легкой дивизии, где Раглан выиграл пари. Все, что солдат мог сказать о Брауне, было:

– Вы генерал, сэр.

Но и это было гораздо больше того, что солдаты знали о «приятном джентльмене в гражданском платье».

Такая демонстрация презрения к открытому выражению обожания и энтузиазма со стороны подчиненных, попытка избежать встреч с жаждавшими выразить восхищение солдатами была, с одной стороны, невежлива, а с другой – просто неосторожна. Более того, она положила начало ложным слухам, которые постепенно стали общепринятыми в армии. Вскоре люди стали считать, что их командующий слишком высокомерен и поэтому не принимает от солдат знаков восхищения; он считает ниже своего достоинства появляться среди них; Раглан избегает солдат, потому что не желает снисходить до беседы с ними; он не знает и не хочет знать, как страдают его люди. Все в один голос жаловались на равнодушие командующего, и было нетрудно понять, почему люди так считали. Через два дня после боя за Балаклаву Раглан проезжал через лагерь 4-го драгунского полка. Полковник позже рассказывал жене, как солдаты вытянулись при виде генерала, как приветствовали его. Но тот никак не прореагировал на приветствия. «Нам было бы достаточно услышать от него всего несколько ободряющих слов, – с горечью вспоминал полковник, – но он поступил очень невежливо. Уехал, так и не сказав нам «Молодцы, ребята, вы держались стойко». Было обидно, что так поступил человек, который в самом деле

заслуживает восхищения». Тот случай и послужил причиной начала недовольства командующим. Генералы не должны допускать подобных ошибок.

Конечно, Раглан, какую бы внешнюю невозмутимость ни демонстрировал, внутренне был очень обеспокоен. «Все, что нам сейчас нужно, – писал он герцогу Ньюкаслскому в письме от 28 октября, – это свежие войска. 10 тысяч солдат помогли бы стабилизировать обстановку. Люди перегружены работой; они рассеяны по огромной территории». Через несколько дней, 3 ноября, он снова пишет: «Не скрою от Вашей милости, что был бы гораздо более удовлетворен, если бы я располагал под своим командованием значительно большей силой».

Выдержки из этих двух писем сейчас принято интерпретировать как свидетельство несостоятельности Раглана как командующего. И все же это не так. Будучи талантливым человеком и ненавидя суетливость и показуху, Раглан никогда не давал воли эмоциям в разговорах и в письмах. В письмах и депешах он нередко преуменьшает серьезность обстановки. Впоследствии правительство, охваченное паникой, не нашло ничего лучшего, как представить эти донесения в парламенте как прямой обман. Причины, по которым Раглан не был склонен акцентировать внимание на трудностях, пожалуй, лежали в несколько иной плоскости, чем нелюбовь к шумихе вокруг собственной персоны или сдержанный характер. Позже, выступая на слушаниях дела Раглана в суде, генерал Эйри, пытаясь защитить от нападок своего учителя и командира, объяснял эту черту характера командующего так:

«В критической обстановке командующий переставал быть обычным человеком… Подчиненные подбегали к нему взволнованные и обеспокоенные. От него они уходили окрыленные и уверенные в себе. Точно так же он старался оградить от излишних волнений и власти. Он догадывался, что страх и неуверенность правительства немедленно позволили бы панике охватить всю Англию. А паника в стране повредила бы и армии. И все же нельзя говорить о том, что он что-то скрывал, он тщательно перечислял нужды армии. Характерно, что и для этого он находил такие слова, которые не сеяли бы излишней тревоги…

Возможно, а для далекого от военной службы человека даже очевидно, что серьезность положения армии была бы более ярко описана гражданским лицом, привыкшим письменно жаловаться. Но, зная лорда Раглана и его предубеждение солдата против подобных форм устного и письменного изложения военных нужд, следует вновь констатировать, что подобный стиль он считал для себя невозможным и неприемлемым».

Из собственного опыта службы в высших армейских сферах Раглан знал, как скоро даже частные письма или секретные донесения становятся достоянием публики. Вынужденный официально докладывать о неудачах и раскрывать будущие планы, Раглан намеренно отправлял такие донесения самым длинным маршрутом. Это позволяло ему надеяться, что ко времени доставки письма в Лондон горечь поражения сменит надежда на то, что положение еще можно исправить. Будущий план ко времени его доставки в столицу уже становился реальностью, и для тайных неприятелей не было смысла отправлять срочную депешу в Петербург.

Принимая такие несколько необычные меры по соблюдению секретности, Раглан был обеспокоен тем, что газетчики и не думали следовать его примеру. К тому времени газеты, в особенности «Таймс», уже начинали кампанию откровенной травли Раглана и его штаба. Характерным для Раглана являлось то, что он не обращал внимания на выпады против себя лично. Его озабоченность вызывало лишь то, что публикации в «Таймс» могли пролить свет на состав и дислокацию его армии. Несколько недель в этой газете печатали материалы, которые, по мнению Раглана, могли быть использованы русскими, окажись они в Севастополе [20] .

Вскоре опасения командующего стали оправдываться. 23 октября «Таймс» опубликовала статью, в которой описывались состояние и дислокация армии – количество орудий и расположение полков, говорилось о нехватке боеприпасов и снаряжения. Кроме того, в статье было точно указано место расположения порохового склада, который вскоре подвергся ожесточенному артиллерийскому налету. «Данный факт свидетельствует о том, – писал Раглан герцогу Ньюкаслскому, – что такая подробная информация оказалась бесценной для русских. Конечно, я понимаю, что репортер пытался просто удовлетворить любопытство публики. Ему и в голову не может прийти, что этим он помогает русским». Такое непонимание, тем не менее, не может компенсировать причиненный статьей ущерб, поэтому, продолжал Раглан, «необходимо срочно что-то предпринять, чтобы немедленно покончить с этой пагубной системой».

Раглан считал, что необходимо поручить заместителю председателя судейской коллегии Ромейну выступить на собрании репортеров и разъяснить им «вред, который те приносят своей писаниной». От журналистов было необходимо потребовать в будущем быть более осмотрительными. Правительство, по мнению командующего армией, тоже не должно было оставаться

в стороне. Самому герцогу Раглан посоветовал письменно предупредить редакторов соответствующих изданий. Герцог так и поступил, но письма, которые он написал, были слишком осторожными и мягкими. В частности, в письме редактору газеты «Таймс» Делейну герцог подчеркнул, что «военные корреспонденты далеки от того, чтобы писать нечто выходящее за рамки патриотизма, однако перо иногда уводит их в сторону». Делейн в ответ заверил, что заставит всех своих корреспондентов «ограничиться собственными впечатлениями о событиях». Но газета продолжала живописать детали, которых так ждали читатели. Правительство воздерживалось от принятия более жестких мер по отношению к прессе, например введения цензуры, дабы это не рассматривалось как желание скрыть от публики неудачи армии и свою ответственность за происходящее. Время шло, а правительство не предпринимало никаких мер, предоставив корреспондентам газет возможность продолжать нападки на Раглана и его штаб, прекратив на время критику в адрес правительства. И утечка информации, с которой пытался бороться Раглан, продолжалась. Несмотря на неоднократные жалобы, направленные герцогу Ньюкаслскому, все осталось по-прежнему. Командующий пытался убедить герцога и министра иностранных дел лорда Кларендона, что не пытается «утаить собственные недостатки». У него не было никаких претензий к критике в адрес командования армии. Он возражал против того, чтобы в газете продолжали раскрывать военные секреты. Однажды, прочитав материал, в котором особенно бесцеремонно игнорировались военные интересы, Раглан отправил герцогу Ньюкаслскому письмо, полное убийственного негодования. «Не буду говорить о том, – писал генерал, – что автор повсюду находит недостатки и огульно обвиняет в них всех подряд, хотя такие высказывания подогревают недовольство и подрывают дисциплину. Но я хотел бы спросить вас, может ли платный агент русского императора лучше услужить своему хозяину, чем этот корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе… Я сомневаюсь, сможет ли британская армия долго противостоять сильному неприятелю в условиях, когда этот враг имеет в своем распоряжении через английскую прессу и напрямую из Лондона телеграфом исчерпывающую информацию о количестве, состоянии и оснащении нашей армии».

Но все было напрасно. Несмотря на протесты Раглана и двух его преемников на этом посту, «Таймс» и другие газеты до самого окончания боевых действий продолжали публиковать факты и цифры, очень ценные для неприятеля. «По крайней мере, – печально комментировал такие публикации Раглан, – теперь

русским нет необходимости тратить средства на ведение разведки». Это ироническое замечание подтвердил и сам противник. Цитируя одного из своих генералов, русский царь заявил: «Нам не нужны шпионы. У нас есть газета «Таймс». Сама газета подтверждала, что работает «на грани дозволенного». Корреспонденты заявляли, что публикуемые ими данные устаревают прежде, чем успевают попасть к русским. Но даже опубликованное после войны заявление князя Горчакова о том, что он не узнал из газет ничего нового, не смогло полностью оправдать корреспондентов. И конечно, такие заявления не удовлетворяли разъяренных офицеров. «Этого подлеца Рассела из «Таймс» следует повесить, – писал один из них. – Русские перестали обстреливать наш лагерь, но, видимо, Рассела из газеты «Таймс» не удовлетворяет то, что их снаряды больше до нас не долетают. Две недели назад мы прочитали об этом статью, и я сразу же понял, что, как только новость дойдет до русских, те непременно возобновят обстрелы. И конечно же вчера во время ужина те начали свое вечернее представление. Сам Рассел благоразумно предпочитает жить на одну милю дальше, чем достают их пушки».

Обычным для Рассела извинением была фраза о том, что он всего лишь корреспондент газеты. «Я пишу, – заявлял он, – а редактор решает, что можно опубликовать, а чего нельзя». Редактор, однако, запрещал к публикации очень мало. Раглана особенно беспокоило то, что «Таймс» любила рассуждать о том, как слаба британская армия, как явно оголен ее восточный фланг.

– Эта чертова газета, – ворчал генерал Бэргхерш, – так и подстрекает русских ударить нас в самое слабое место.

Русские, конечно, не нуждались в дополнительных подтверждениях того, где у союзников самая уязвимая позиция. Расположенная на равнинной местности к востоку от Балаклавы, 2-я дивизия была не в состоянии удерживать сильно растянутый фронт. Сама равнина после потери Верхнего прохода стала еще более уязвимой, чем прежде. Где бы на протяжении нескольких миль, составлявших правый фланг англичан, русские ни нанесли удар, у тех могло не хватить сил для его отражения.

На следующий день после боя за Балаклаву, когда войска генерала Липранди все еще угрожали городу, полковник Федоров, имея около 5 тысяч солдат, атаковал самую северную позицию англичан. Русских никто не замечал до тех пор, пока капитан Хибберт не увидел их в подзорную трубу. Он немедленно послал донесение своему полковнику. К тому времени, когда донесение дошло до командования дивизии, пикеты 49-го полка после тяжелого боя начали отступать.

Генерал Лэси Ивэнс видел, как солдаты бегут в его сторону через кусты, но не стал ничего предпринимать, надеясь заманить противника под фланговый удар. Однако русские решили не развивать наступление. Попав под интенсивный артиллерийский огонь, полковник Федоров отвел своих солдат.

Когда Раглан на взмыленной лошади прискакал к месту столкновения, все уже кончилось. Русские узнали то, что хотели узнать. Никто не сомневался в том, что на следующий день они вернутся и что их будет намного больше, чем 5 тысяч.

II

В тот вечер Раглан получил от герцога Ньюкаслского очередное письмо, которое вызвало у него вздох облегчения. Правительство решило, говорилось в письме, что генерал Кэткарт не должен более претендовать на пост командующего армией в случае гибели лорда Раглана. Герцог пояснил, что такое решение принято после того, как генерал Браун продемонстрировал незаурядную энергию при подготовке экспедиции в Крым, а также храбрость и хладнокровие в битве на Альме. Последнее событие сделало приоритет Брауна в получении высшей должности неоспоримым. Раглан обрадовался такому решению и, по его словам, испытал огромное облегчение… «Теперь-то все будет в порядке». Раглан признался, что раньше ему было неудобно делиться самыми важными секретами исключительно с Кэткартом и герцогом Кембриджским. Это было тем более невыносимо потому, что у него с Брауном сложились самые дружеские взаимоотношения. В то же время Раглан отметил, что сама идея о том, что генерал Браун должен стать его преемником, не совсем корректна. Браун старше по званию, чем генерал Кэткарт, но генерал Джон Бэргойн старше Брауна. Несмотря на то что Бэргойн инженер, он вполне может принять на себя командование армией.

Генерал Кэткарт был, казалось, обрадован решением правительства. Документ, подтверждающий его полномочия в случае гибели командующего, он носил в нагрудном кармане в непромокаемом пакете. Позже он заметил своему адъютанту, что испытал невероятное облегчение, вернув его Раглану. Ему никогда особенно не нравилась эта идея, и он согласился стать преемником командующего, только уступив настойчивой просьбе королевы. Однако в новом качестве он прожил недолго. Через десять дней после того, как получил «самую радостную для себя весть об отмене прежнего распоряжения о преемнике командующего», генерал был убит выстрелом в грудь под Инкерманом.

Глава 12 ИНКЕРМАН

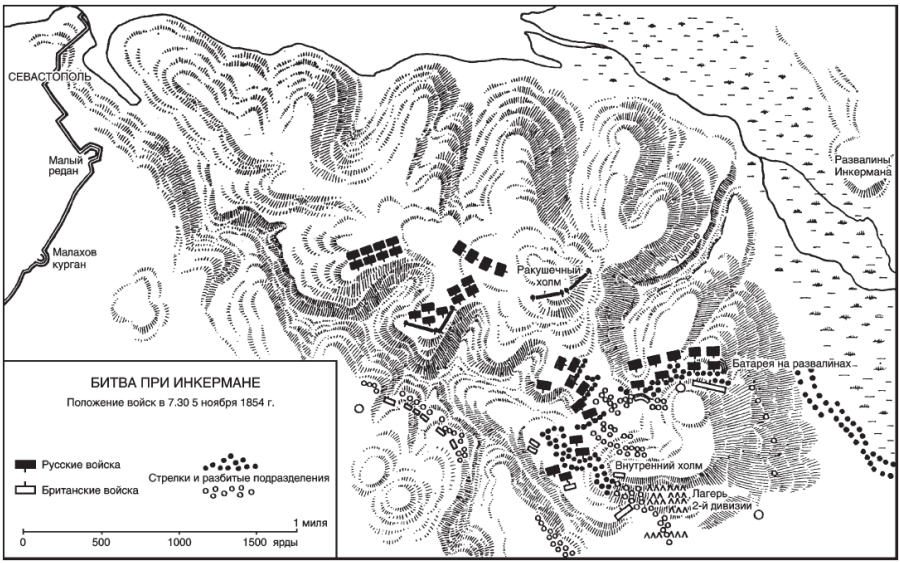
Во имя Господа, примкнуть штыки и наступать!

Капитан Генри Клиффорд,
стрелковая бригада

I

Вечером в субботу 4 ноября, как только начало смеркаться, генерал Пеннифасер поскакал на вершину холма, с которой открывался вид на долину реки Черной. Еще несколько дней назад ему показалась подозрительной активность противника в районе развалин старинного городка, который когда-то располагался на холмах перед долиной. Весь день моросил дождь, и было трудно различить сквозь мокрые линзы, что творилось в районе развалин. Но вскоре уже не оставалось сомнений, что на скалистых вершинах холмов по другую сторону реки накапливались массы вражеских солдат. Над зубчатыми стенами и разрушенными башнями висел густой дым; сквозь проемы и арки были видны многочисленные костры. По горным тропам сплошным потоком двигались кавалеристы, а на дороге, ведущей вниз, к Севастополю, генерал увидел небольшой желтый предмет, который привлек его пристальное внимание. Это была коляска великих князей Николая и Михаила, которые приехали посмотреть, как армия их отца, наконец, завоюет долгожданную победу.

Обеспокоенный происходящим за рекой, генерал отправил капитана Кармайкла и майора Гранта вниз, в долину, понаблюдать за намерениями противника. Через некоторое время оба офицера доложили, что русская армия стоит на месте. Берега реки патрулирует новая кавалерийская часть. В районе развалин Инкермана пасутся большие стада овец. Но ничего угрожающего пока не замечено.



Стемнело, дождь усилился. Ночь прошла спокойно. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были падающие на крыши палаток капли дождя и скрип колес на влажной мягкой земле. В четыре часа утра звон колоколов в Севастополе призвал гарнизон на утреннюю молитву.

Незадолго до рассвета офицер штаба генерала Эйри капитан Эварт поскакал собирать доклады передовых частей. Во всех штабах ему заявили, что докладывать не о чем. Когда он приехал в расположение 2-й дивизии, солдаты, как обычно по утрам, отправились на поиски дров и воды.

Генерал Кодрингтон наблюдал за тем, как солдаты передовых пикетов и дозоров спокойно возвращаются в лагерь. Затем в тумане, который становился все более плотным и все ниже стелился над землей, послышались ружейные выстрелы. Сначала они были беспорядочными, как если бы передовой пост открыл стрельбу по ошибке, не разобрав, что же происходит в тумане. Но вскоре огонь стал более интенсивным. Теперь стреляла вся передовая позиция. Кодрингтон остановил возвращавшиеся пикеты и объявил в бригаде тревогу. Капитан Эварт, который с докладами командиров был уже на пути в штаб армии, поскакал обратно, чтобы выяснить, что происходит. В лагере 2-й дивизии его остановил генерал Браун, который приказал капитану немедленно отправляться к лорду Раглану и доложить ему, что армию атаковал противник.

II

Раглан воспринял известие с характерным для него спокойствием. В семь часов утра он был уже в седле и скакал сквозь туман на звук ударов артиллерии. Он знал, что от исхода этой битвы зависит судьба армии. Он также понимал, что, даже если союзники выиграют, тяжелое изнуряющее сражение заставит их зимовать в России. Он сделал, казалось бы, все для того, чтобы избежать этого. Сосредоточил все свои силы на осаде и штурме Севастополя. Французов, наконец, удалось убедить в необходимости штурма. Вечером этого дня он собирался обсудить с генералом Канробером детали предстоящего наступления, назначенного на 7 ноября. Но теперь, за два дня до штурма, он сам и его армия подверглись нападению. Он все поставил на карту и проиграл.

С того самого дня два месяца назад, когда армия заняла Балаклаву, Раглан понимал, что у него слишком мало сил для того, чтобы одновременно вести осаду города и защищаться самому. Надеясь избежать зимней кампании, он сосредоточил все свои войска, кроме 2-й дивизии и гвардейской бригады 1-й дивизии, на осаде города. Эти девять полков были всем, чем англичане располагали для прикрытия своего незащищенного фланга. Их позиции были неудобными и уязвимыми – Раглан знал и об этом. Два дня назад он писал о возможности наступления противника на 2-ю дивизию. Ее войска не оборудовали траншеи для обороны своих позиций. Было решено, что неровный, изломанный характер местности позволит солдатам действовать группами на открытой местности из-за естественных укрытий до прибытия подкреплений из района Севастополя.

Большая часть оборонявшихся войск была сосредоточена за естественными выступами, фронтом к реке Черной, которые в дальнейшем получили название Инкерманские высоты. Плоская вершина холма и его склоны, ведущие к реке, густо поросли колючим кустарником, растущим пучками и достигающим высоты 4 футов. Сама река спокойно несла воды через зеленые луга, резко контрастирующие с высящейся за ней серой скалой, на которой находились развалины Инкермана и штаб русской полевой армии.

Сам вид этой твердыни был величественным. «Таким образом, – писал один из офицеров, – они [русские] напоминали нам, насколько мы слабы». Позиция не была бы настолько уязвимой, если бы французские союзники согласились помочь

англичанам. Раглан не раз обращался к ним с просьбой усилить оборону своего открытого фланга, но Канробер заявил, что не сможет выделить ни одного своего солдата до тех пор, пока не получит подкрепления. Французская армия к тому времени насчитывала около 40 тысяч человек, британская – около 30 тысяч, включая морскую бригаду. И хотя в английской армии было еще около 6 тысяч, а во французской – 5 тысяч турок, Раглан не очень на них рассчитывал, справедливо полагая, что боевой дух турецких солдат подорван после боя за Балаклаву. Поэтому он решил совсем не использовать турецких солдат в сражении, ожидая, что от них будет больше проблем, чем пользы.

Русская армия почти вдвое превосходила объединенные силы союзников. Начиная с октября русские под Севастополем постоянно получали подкрепление, и к 5 ноября под началом князя Меншикова находилась армия численностью около 82 тысяч солдат и офицеров. В течение последних недель предполагалось, что Меншиков вот-вот предпримет решительное наступление против осаждавших город союзников. Британские офицеры получали письма от родственников в Англии, в которых те, ссылаясь на знакомых в России, предупреждали об этом. О намерениях русских был осведомлен и британский посол, которому удалось ознакомиться с зашифрованным письмом Меншикова губернатору Варшавы, предназначенным для последующей передачи в руки царя. 4 ноября в пять часов пополудни соответствующие приказы были доведены до войск и населения Севастополя. Но у союзников не было агентов в городе, поэтому, когда на следующее утро в британском лагере услышали ружейную стрельбу и свист летящих снарядов, а темно-серые фигуры вражеских солдат появились в долине, никто еще не знал о намерениях русской армии.

План русского командования не отличался замысловатостью, и его можно было разгадать с самого начала сражения. Основные усилия войска под командованием генерала Данненберга должны были сосредоточить против позиций 2-й дивизии и гвардейской бригады, закрепившихся на Инкерманских высотах. Для того чтобы не допустить участия французских войск в битве, предполагалось нанести два вспомогательных удара. Перед защитниками Севастополя была поставлена задача совершить вылазку на левом фланге французов и навязать бой армии Канробера. В то же время князь Горчаков должен был совершить марш вниз по реке Черной в сторону Балаклавы и воспрепятствовать выходу дивизии Боске из района Сапун-горы, занимавшей господствующее по отношению к долине Балаклавы положение. Кроме того, при малейшей возможности гарнизон

Севастополя должен был атаковать англичан на их позициях перед городом, не допуская переброски резервов на слабо укрепленный фланг, где разворачивались основные события.

Стоящий в районе сражения густой туман зачастую не позволял разглядеть противника на расстоянии нескольких ярдов и способствовал первоначальному успеху наступления русских.

Обеспокоенный передвижением войск князя Горчакова в направлении долины Балаклавы, генерал Боске колебался, когда герцог Кембриджский обратился к нему с просьбой поддержать гвардейскую бригаду англичан, которую герцог сразу же направил на оказавшиеся под угрозой фланги. «Посмотрим», – решил он и в течение часа оставался на месте, наблюдая за передвижениями русских и размышляя, как отреагировать на противоречившие друг другу сведения наблюдателей. Около семи часов утра Боске все же понял, что маневр Горчакова не представляет опасной угрозы, и, выполняя просьбу герцога Кембриджского, отправился с частью своей дивизии на север. По дороге он встретил генералов Брауна и Кэткарта и немедленно предложил им помощь. К удивлению генерала, предложение было отвергнуто с непонятным упрямством.

– У нас достаточно резервов, – заявил Браун таким тоном, будто предложение француза наносило удар по престижу британской армии, – на случай любых неожиданностей.

Боске попросили расположить своих солдат и артиллерию таким образом, чтобы он мог контролировать тыл англичан. Его войска стояли там без дела два часа, пока генерала не вызвал Раглан. Тем не менее, еще раньше он на свой страх и риск отправил на помощь англичанам генерала Бурбаки.

На Севастопольском фронте русские тоже вначале действовали успешно. Генерал Канробер примерно одновременно с генералом Боске понял, что по замыслу противника основной удар будет направлен в правый фланг англичан. В восемь часов утра он приказал снять с позиций вокруг города несколько батальонов и отправить их на помощь британским войскам. К сожалению, французы собирались очень медленно. К 9.30, когда крупные силы русских предприняли вылазку из осажденного города, еще несколько батальонов, готовившихся к отправке в район Инкермана, принц Наполеон бросил для ее отражения. Воодушевленные отступлением русских, французы настолько увлеклись преследованием, что остановились только под стенами города, попав под убийственный огонь русской артиллерии. Принц Наполеон смог собрать свои войска для совершения марша в сторону Инкермана только к 11.30, но они прибыли туда слишком поздно и в битве не участвовали.

III

Британские войска, по которым пришелся главный удар наступавшего противника, медленно отступали. В расположенных между лагерем 2-й дивизии и склонами холма, ведущими вниз, в долину, многочисленных низинах и ущельях отрезанные друг от друга небольшие передовые отряды англичан вели бой с превосходящими силами русских. Зачастую они не знали не только общей обстановки, но и того, что происходит рядом, но продолжали упорно цепляться за обороняемые клочки земли до тех пор, пока массы пехоты противника не выдавливали их оттуда.

Капитан Элтон из 55-го полка, которому приказали со своей ротой двигаться для поддержки передовых отрядов, к своему ужасу, обнаружил, что во всей роте осталось всего 15 солдат и из этих 15 только 6 в состоянии идти с ним в сторону фронта. «И все же, – писал он отцу через два дня, – делать было нечего, и вскоре я уже находился в передовом отряде, столь же малочисленном, как и мой. Мы медленно отступали перед колоннами их пехоты, которую поддерживала артиллерия. Наше положение становилось все более безнадежным. Мы и русские стреляли друг в друга в густом кустарнике с расстояния 15 – 20 шагов. Затем бросались в штыки и заставляли их отступить, а потом их пехота снова заставляла отступать нас».

Командир дивизии генерал Лэси Ивэнс, будь он на своем месте, разрешил бы отрядам прикрытия отойти, а затем попытался бы остановить наступавшую русскую пехоту огнем артиллерии. Но он был болен, и, хотя, услышав звуки боя в районе лагеря своей дивизии, поднялся и пытался вернуться к своим людям с корабля, на котором находился, командовать дивизией пришлось генералу Пеннифасеру, старшему из командиров бригад. А тот считал, что оборонявшиеся передовые отряды будут постоянно получать подкрепления. Решив, что расположенный перед лагерем его дивизии имевший форму почки Внутренний холм будет последней линией обороны, он отправлял вниз по склону всех солдат, которых ему удавалось собрать. Генерал хотел только одного: отдалить тот момент, когда жестокий рукопашный бой разгорится здесь, в лагере его дивизии.

Как и генерал Лэси Ивэнс, Раглан решил доверить Пеннифасеру командование войсками. Он распорядился предоставить в распоряжение генерала как можно больше войск и артиллерии. Как и где использовать эти силы и средства,

Пеннифасер должен был решать сам.

Например, когда подошел полк рейнджеров из Коннахта, входивший в состав легкой дивизии, генерал отправил их вниз помогать разбросанным в тумане пикетам «оборонять каждый дюйм земли». Завеса тумана была настолько плотной, что соблюдавшим боевой порядок рейнджерам приходилось периодически окликать друг друга, чтобы не заблудиться и не отправиться по одному в сторону вражеских позиций. Через головы солдат с воем и визгом перелетали снаряды своей и вражеской артиллерии, которой приходилось стрелять наугад.

Капитан Браун из полка рейнджеров едва не столкнулся с офицером 2-й дивизии и спросил того об обстановке.

– О, скоро вы увидите сами, – ответил пехотинец, – на этом клочке земли скопилось около 6 тысяч солдат.

Через несколько минут строй рейнджеров буквально перерубила на две части большая колонна русской пехоты, которая прошла прямо через его центр. Русским удалось потеснить правый фланг, но левый фланг открыл по противнику убийственный огонь, а затем бросился в штыковую атаку. Вдохновленные успехом, ирландцы с торжествующими криками преследовали врага до тех пор, пока не наткнулись на другую, еще более крупную колонну, которая медленно, но неотвратимо двигалась в их сторону. Отступая по сигналу горна, они вышли на артиллерийскую батарею, которая так увлеклась преследованием русских, что теперь находилась почти у переднего края наступающего противника. Поняв опасность происходившего, командир артиллеристов полковник Вуд приказал им отступать вместе с рейнджерами, но едва он успел произнести слова приказа, как всего в десяти шагах от трех передовых орудий появились русские стрелки.

Теперь артиллеристы не могли ни стрелять, ни увести свои пушки. В попытке спасти орудия от захвата, артиллеристы бросились на врага. Они отбивались саблями, молотками, банниками и просто голыми руками. Им удалось задержать продвижение неприятеля на одну или две минуты, но потом волна наступавших накрыла их. Орудия были захвачены, и неотвратимое наступление продолжалось. На помощь 2-й дивизии продолжали приходить все новые и новые полки. Они проходили сквозь ряды палаток и отправлялись вниз по невидимым в тумане склонам. Четыре роты 77-го полка под командованием рослого полковника Эгертона спускались по пологому откосу слева от лагеря дивизии. Лежал настолько плотный туман, что, когда всего шагах в пятнадцати от англичан стали просматриваться неясные темные тени, никто вначале не

мог различить, что это было. Генерал Буллер, который шел вместе с этим полком своей бригады, сначала не мог поверить в то, что передвигавшиеся впереди фигуры – вражеские солдаты. «Прошло несколько мгновений, – вспоминал адъютант генерала, – прежде чем я смог убедить генерала Буллера, что впереди нас враг. «Во имя Господа, – вскричал я, – примкнуть штыки и наступать!» Генерал отдал приказ, и уже через минуту мы схватились в жестокой рукопашной».

Бой, как и многие другие схватки этого дня, был очень тяжелым и каким-то нереальным. Визг пуль, тяжелый свист снарядов, предсмертные стоны и вопли ярости, даже постоянные рычащие крики наступающих – все эти звуки, как впоследствии вспоминали участники сражения, как бы приглушались плотным удушающим туманом. Руки солдат, державшие оружие, двигались как будто вяло и неохотно. Темные фигуры внезапно появлялись из ниоткуда и так же неожиданно растворялись в тишине, будто тонули в невидимом из-за тумана море. Кусты были похожи на солдат, а солдаты – на кусты. И та и другая сторона носили шинели, и было трудно понять, где свои и где враги. Бой походил на кошмарный сон. Только, в отличие от кошмара, боль и страх были настоящими.

Обычный четкий порядок колонн наступавших русских нарушали кустарники и рельеф местности. Солдаты сражались поодиночке или небольшими группами. Многие этим утром получили по дополнительной порции водки или бренди, поэтому было много пьяных, но спиртное не помогло полностью побороть страх. Оказавшись в одиночестве, вне строя, в котором привыкли воевать, наступавшие стали терять самообладание. Они прятались в кустах или ложились на землю, притворяясь убитыми. Почувствовав этот страх и неуверенность, английские солдаты бросались на них как волки, кололи темные фигуры штыками или, взяв винтовку за ствол, наносили удары прикладом в бледные безжизненные лица.

Штыками и ударами прикладов проложив себе дорогу через разрозненные группы русских, переступая через мертвых и притворявшихся убитыми, солдаты 77-го полка оказались на открытом участке земли и увидели перед собой новые русские колонны, которые еще не участвовали в бою. Но и неприятель был ошеломлен при виде неожиданно появившихся из тумана вражеских солдат. Русские дрогнули и побежали. 77-й полк бросился преследовать врага. Рядом бежали и внезапно «воскресшие» русские пехотинцы, как их впоследствии насмешливо называли англичане. Их было так много, что солдаты 77-го полка не могли и помыслить о том, чтобы взять их в плен.

Поскольку эти хитрецы не мешали англичанам преследовать свежие колонны русской пехоты, на них попросту не обращали внимания. 77-му полку удалось отбросить неприятеля примерно на полмили, прежде чем его солдатам пришлось остановиться перед склонами высокого Внешнего холма, на которых расположились несколько орудий русских. Под плотным артиллерийским огнем англичане залегли.

Вскоре русские пушки перенесли свой огонь, и несколько сот пехотинцев побежали через позиции 77-го полка в сторону Внешнего холма. Приняв их за наступающих англичан, солдаты 77-го полка кричали им слова одобрения. Но, как выяснилось, они приняли за своих отступавших в тумане под огнем английских батарей Внутреннего холма русских пехотинцев.

Теперь русские отступали повсюду. На правом фланге они были встречены штыковыми ударами 41-го и 30-го полков. Англичанам пришлось идти в штыковую атаку после того, как выяснилось, что их винтовки, пролежав всю ночь во влажной грязи, не могли стрелять. Решительная атака нескольких сот солдат обратила в паническое бегство несколько тысяч врагов. То, что еще час назад казалось невозможным, стало реальностью. На всем узком участке фронта неприятель, стремившийся сбросить союзные войска в море, сам был отброшен назад.

Было 7.30 утра.

IV

Раглан сидел на коне на вершине холма к северу от лагеря 2-й дивизии и пытался собрать воедино поступавшие к нему многочисленные разрозненные донесения. Туман все еще не рассеялся и не позволял увидеть, как проходило сражение. Постепенно отдалявшиеся звуки боя наводили на мысль, что первый натиск врага был отражен. Но Раглан понимал, что это ненадолго и вскоре русские с удвоенным упорством ринутся вперед. Оставалось только ждать, когда и где это произойдет. Вскоре этот вопрос выяснился сам собой. В 7.45 командующий получил донесение, что примерно в полумиле к северу от расположения его штаба русские предпринимают решительное наступление на позиции 1-й бригады 2-й дивизии под командованием генерала Адамса.

Адамс имел в своем распоряжении менее 700 солдат, в основном из 41-го и 49-го полков. Высокая фигура генерала на крупном коне то и дело появлялась на самых опасных участках, там, где нужно было немедленно отбросить назад вклинившихся вражеских солдат. Однако было ясно, что Адамс не сможет долго удерживать позиции, если не получит подкреплений. Русские обходили англичан с флангов, медленно отжимая их с занимаемого участка земли. И вот наконец, когда из тумана выплывала очередная колонна вражеской пехоты, прискакавший на взмыленной лошади бригадный майор принес радостную весть, что на выручку спешит гвардия. Услышав новость, четверо молодых офицеров 41-го полка с саблями наголо повели солдат в атаку против огромной колонны русской пехоты. Но подчиненные отказались следовать за ними, и все четверо были убиты.

– Ну вот, – ворчливо заметил кто-то из солдат, – значит, подходят эти чертовы гвардейцы. Пусть они и воюют здесь вместо нас.

В британской армии в то время было широко распространено мнение о том, что гвардия ни на что не годится. Это мнение еще более усугубилось после сражения на Альме, когда гвардейцев незаслуженно обвинили в трусости. «Ходят слухи, и я надеюсь, что они не получат дальнейшего распространения, – писал отцу один из офицеров полка королевских стрелков, – о том, что гвардия там позорно бежала». О том же писал и капитан гренадеров. Пытаясь быть более объективным, чем прочие офицеры номерных армейских полков, он так описывал отступление шотландской гвардии: «Конечно, никто не требовал от них наступать под ураганным огнем. Но после того как

прочитаешь массу лживых отчетов об их безудержной храбрости, хочется, чтобы публика узнала о том, как все это было на самом деле. О том, как эти щеголи бежали, а наши парни, располагавшиеся правее, кричали им: «Позор!» Хотелось бы, чтобы сама королева посмотрела в эти минуты на своих любимчиков».

Шотландские стрелки спешили на помощь солдатам генерала Адамса, полные решимости восстановить свой авторитет. Ими командовал полковник Уокер. На правом фланге наступали гвардейские гренадеры под командованием полковника Рейнардсона. В боевых порядках своих солдат находились командир бригады генерал Бентинк и сам герцог Кембриджский.

В восточной части участка наступления гвардейцев располагался недостроенный полукруглый забор с двумя амбразурами высотой около 10 футов. Там было решено во что бы то ни стало разместить два орудия. Несмотря на отсутствие какой-либо ценности этого участка с точки зрения тактики, ему пришлось стать ареной ожесточенного боя, в ходе которого погибли несколько сот солдат. Позже генерал Боске, рассматривая ряды мертвых тел, лежащих там в самых разнообразных неестественных позах, определил это место с убийственной точностью, коротко бросив:

– Бойня.

К моменту подхода гвардии земля уже была усеяна телами мертвых и раненых. К тому времени русским удалось отвоевать это место, выбив оттуда англичан. После безуспешной попытки выстрелить отсыревшими боеприпасами гренадеры бросились в штыковую атаку и снова заняли строение. Русские оставили позицию батареи и откатились вниз по склону холма. Полковник Уокер получил приказ занять позиции слева от гренадеров. Выступив с шотландскими стрелками в указанном направлении, он неожиданно обнаружил, что в его сторону движутся две свежие колонны русской пехоты. Он немедленно развернул строй навстречу наступавшему противнику. Шотландцы уже готовились открыть огонь, когда неожиданно появился герцог Кембриджский и гневно спросил полковника:

– Куда это вы направляетесь, сэр? Немедленно занимайте позиции слева от гренадеров.

Как показали события на Альме, герцогу плохо удавалось командовать войсками в условиях резкой перемены обстановки. В таких случаях его обычно бесстрастное лицо перекашивала гримаса ярости. Посчитав ниже своего достоинства объяснять начальству причину перестроения, полковник Уокер отозвал солдат и повел их в указанном герцогом направлении. Однако в

этот момент генерал Бентинк тоже увидел приближавшиеся колонны русских и отправил полковника Уокера обратно. Уокеру пришлось вновь собирать своих солдат. Он настолько охрип, что не смог достаточно громко прокричать команду. Поэтому генералу Бентинку пришлось сделать это вместо полковника.

Шотландская гвардия наконец получила возможность доказать, как несправедливо к ней относились после битвы на Альме. Гвардейцы дали залп по русской колонне, находившейся от них на расстоянии менее 50 ярдов, а затем со свирепым рыком бросились вниз по склону на врага. Увидев разъяренных шотландцев в медвежьих шкурах, русские отступили. Шотландцы преследовали противника до тех пор, пока присланный герцогом Кембриджским бравый адъютант не приказал полковнику Уокеру вернуть их на вершину холма. Выполнив приказ, Уокер с удивлением увидел, как гренадеры оставляют позиции в недостроенном строении. Их командир справедливо рассудил, что от него мало пользы, поскольку высокие стены лишают войска свободы маневра, заставляя солдат держаться скученно. Гренадеры заняли господствующие высоты вокруг строения, предоставив русским снова занять его. Что те сразу же и сделали с победными криками. Это вывело полковника Уокера из себя. Пешком, так как его лошадь была убита, он повел солдат в новую атаку, и те ударом в штыки снова выбили из строения русских.

По обе стороны изогнутой стены землю устилали тела убитых и умирающих, на некоторых участках убитые лежали в три ряда. Генералы Адамс и Бентинк и полковник Уокер были ранены. Стоны раненых перекрывали шум боя. Туман начинал рассеиваться, но из-за сильного дыма по-прежнему не было ничего видно ближе чем на 40 ярдов. Пока шотландцы приходили в себя после недавнего боя, некоторые – отдыхая в относительной безопасности за мешками с песком, другие – меланхолично расхаживая под стенами, на их позиции обрушилась невиданная доселе по численности колонна русской пехоты. Даже сквозь дым и тошнотворно-сладкий аромат разлагающихся трупов можно было отличить тот особый, характерный для русских солдат дух, напоминающий запах кожи. Темнота и предрассветный туман постепенно отступали, и теперь, как раньше на Альме, снова можно было различить скуластые бледные лица молодых солдат со стрижеными головами под плоскими шапками. И то и дело среди этих сотен лиц различалось одно, чем-то очень знакомое, неуловимо кого-то напоминающее. Как однажды удивленно воскликнул полковник Уайт:

– Они совсем как мальчишки из Итона!

Они поднимались на холм, перелезали через стену

укреплений. Кто-то из русских офицеров позже писал: «Я взобрался на барбет вражеской батареи и увидел вокруг себя мундиры англичан. Они носили высокие черные шапки, я так и не понял почему». Его солдаты стреляли сверху в копошившуюся внизу массу вражеских солдат. Заменивший Уокера полковник Симур не разделял убеждений своего предшественника о том, что позиции следовало удерживать любой ценой. Поэтому он предпочел увести своих солдат, прежде чем их всех перестреляют на месте. Русские с победными криками спрыгивали вниз прямо на тела погибших и умирающих шотландцев.

Теперь пришла очередь гренадеров слушать торжествующие вопли врагов. Они, побросав оружие, бросились прочь от русской пехоты. Затем им на помощь подошел гвардейский полк «Голдстрим» под командованием полковников Перси и Линдсея, и гренадеры, у которых гордость перевесила чувство безопасности, с голыми руками бросились на наступавших русских, швыряя во вражеских пехотинцев камнями. И вот батарея вновь в руках англичан, которые, обезумев от боя, саблями и штыками рубят, колют и режут вокруг себя все живое.

В то утро батарея переходила из рук в руки несколько раз. Британцы выдворяли с позиций русских только затем, чтобы несколько минут спустя самим отступить оттуда. Боясь потерять в лесу своих находившихся на грани истерики солдат, офицеры криками собирали их обратно под знамена полков, не давая возможности преследовать противника до подножия холмов. Но полковнику Уилсону после безуспешных попыток докричаться до своих людей пришлось самому спуститься за ними вниз по склону. Там, в долине, генерал Кирьяков криками и ударами казацкой плети пытался развернуть солдат и заставить их встретить англичан лицом к лицу.

В ситуации, когда каждый солдат на счету, безудержный порыв гвардейцев преследовать врага до конца был опасен. Ведь бригада, солдаты которой демонстрировали чудеса храбрости, таяла на глазах. В распоряжении генерала Адамса уже практически не осталось солдат 41-го и 49-го полков. Герцогу Кембриджскому, который галопом отправился за подкреплениями, удалось получить до 500 солдат 20-го и 95-го полков и стрелковой бригады Пеннифасера. В то же время генерал Кэткарт и два французских полковника дивизии генерала Боске решительно отвергли все его просьбы о подкреплениях. Последние сослались на отсутствие соответствующих приказов своего командования. Становилось ясно, что, если в ближайшее время англичане не укрепят свои позиции, русским удастся прорвать фронт.

Последним оставшимся в распоряжении англичан резервом были 400 человек из состава 46-го и 68-го полков. Этими остатками 4-й дивизии командовал генерал Джордж Кэткарт. Прибыв со своими солдатами в расположение 2-й дивизии, Кэткарт спросил генерала Пеннифасера, где будут нужны люди, которых он привел с собой.

– Везде, – коротко ответил тот.

Восприняв слова Пеннифасера как руководство к действию, Кэткарт разбил свою дивизию на отдельные роты и батальоны, которые направлял на наиболее угрожаемые участки. Так, постепенно он остался с четырьмя сотнями солдат. Кэткарт решил, что лучшее, что он со своими людьми может сделать, – это спуститься в долину и атаковать расположенные там вражеские войска.

Никто не был согласен с генералом. Герцог Кембриджский требовал от него поддержать гвардейцев, Пеннифасер настаивал на необходимости прикрыть брешь между позициями гвардии и его собственной дивизии. Раглан, наблюдавший за героическим боем гвардии в районе артиллерийской батареи в недостроенном доме, справедливо решил, что гвардейцев следует поддержать или отвести назад. Он отправил к Кэткарту генерала Эйри с приказом поддержать гвардейцев. Кэткарт был крайне недоволен таким решением, ведь его мнение вновь осталось неразделенным. Каждый раз, когда он что-то предлагал, Раглан поступал по-своему. Он стал спорить с Эйри:

– Кто конкретно отдал такой приказ?

– Двигайтесь на левый фланг, – холодно ответил тот, не желая продолжать дискуссию. Эйри говорил таким твердым и решительным тоном, что даже самый заядлый спорщик терял все свои аргументы. – Обеспечьте поддержку гвардейской бригады. Не оставляйте позиций и не спускайтесь вниз. Таков приказ лорда Раглана.

Кэткарт развернул лошадь. Его всегда бесило, когда приказы отдавались подобным тоном. У него своя голова на плечах, и он не нуждается в дополнительных наставлениях, жаловался Кэткарт капитану Хардинджу, сыну лорда Хардинджа, который выполнял обязанности адъютанта генерала Эйри. Несмотря на все признаки раздражения, генерал, тем не менее, говорил довольно доброжелательным тоном. Хардиндж предположил, что Кэткарт, несмотря на приказ Раглана, решил действовать по своему усмотрению. И действительно, спустя всего несколько минут 400 солдат 46-го полка и легкой пехотной бригады отправились вниз по склону, в сторону долины.

Туман уже рассеялся, и солдаты сняли шинели. В своих

красных мундирах на фоне зелени деревьев и коричневых склонов холма они представляли собой прекрасные мишени для вражеских стрелков. Вскоре они попали под плотный артиллерийский огонь. Но солдаты шли так решительно, что вскоре противник дрогнул. Вдохновленные успехом, англичане увеличили темп наступления. Генерал Кэткарт гордо ехал вслед за наступающими. Неожиданно из-за возвышения позади генерала и его штаба послышались ружейные выстрелы. Несколько человек упали, застреленные в спину. Сначала генерал решил, что это гвардейцы приняли его солдат за неприятеля. Но вскоре дым рассеялся, и через подзорную трубу генерал увидел, как батальон русских выстраивается в линию на кромке холма позади наступающих англичан. Русские стояли как раз на участке, который по приказу Раглана должен был занять Кэткарт, на стыке между гвардией и 2-й дивизией.

Генерал сразу же понял, что теперь уже ничего нельзя сделать. Единственным выходом было развернуться и вновь наступать вверх по склону холма. Он отправил одного из своих офицеров развернуть все еще двигавшихся вниз солдат, а сам с 50 подчиненными, которых ему удалось собрать, а также со штабом атаковал нового противника. Склон на этом участке был особенно крутым. Пока солдаты сумели преодолеть расстояние, отделявшее их от превосходившего примерно в пятнадцать раз противника, они задыхались от усталости. Почти все они были уничтожены сосредоточенным ружейным огнем с близкого расстояния. Но некоторым удалось достичь вершины, а одному или двум – с вызывающей жалость храбростью врубиться во вражеский строй в тщетной попытке пробить себе дорогу в плотной массе вражеской пехоты.

Сам Кэткарт находился всего в нескольких ярдах от неприятеля. Он видел, как исчез во вражеском строю последний английский солдат. Повернувшись к майору Майтленду, одному из офицеров его штаба, Кэткарт с завидным самообладанием заметил:

– Боюсь, что нам пришел конец.

В следующее мгновение он упал с лошади, убитый выстрелом в сердце.

V

Кровавая мясорубка у переходившей из рук в руки батареи продолжалась со все большим ожесточением. Однако теперь солдаты обеих сторон неохотно подчинялись приказам своих офицеров. Некоторые отказывались наступать на никому не нужное строение. В клубящемся тумане царила настоящая неразбериха. Одна из наступавших колонн русской пехоты получила ружейный залп в спину от другой, принявшей русских пехотинцев за наступавших англичан.

Русские офицеры с саблями наголо энергичными жестами пытались заставить застывший строй солдат продолжить наступление. Иногда один офицер и с ним три или четыре смельчака взобрались на вершину стены и перепрыгивали на противоположную сторону, где их уже поджидала мучительная смерть от английских штыков.

В свою очередь, английские офицеры, понимая невозможность нормально вести бой в ограниченном стенами пространстве, время от времени через амбразуры выбирались наружу, где тоже оказывались в полном одиночестве. Услышав, как некоторые из солдат недовольно ворчат, что пойдут наружу только в том случае, если атаку возглавит офицер, Чарльз Рассел, молодой офицер гренадерского полка необычно маленького роста, с криком «За мной, парни!» выскочил, стреляя из револьвера в левую амбразуру. За ним последовал только один солдат.

Капитану Бурнаби повезло еще меньше. Он перепрыгнул через стену и быстро бежал в сторону неприятеля, пока не понял, что бежит совсем один. Тогда капитан повернул назад. В это время русские предприняли очередной штурм позиций англичан, и перед Бурнаби на стене неожиданно возник вражеский солдат, которого капитан зарубил саблей. После этого, воскликнув «Мы должны наступать!», он снова кинулся через парапет наружу. Теперь за капитаном на целый русский батальон бежали шесть или семь английских пехотинцев. Увидев, как тот одним взмахом сабли убил русского офицера огромного роста, стоявшего во главе батальона, из-за стены высыпали остальные гренадеры и вступили в бой. К ним присоединились Чарльз Рассел и еще двое офицеров и несколько солдат шотландской гвардии.

Здесь, на открытой местности, к людям вернулась вера в себя. Один из гвардейцев, жадно вглядываясь в сторону противника, заявил, что решил застрелить по меньшей мере генерала. Другой, получив рану в область рта, тем не менее, успел застрелить

четырех вражеских солдат и заколоть штыком пятого. Теперь он отплясывал на голове поверженного врага до тех пор, пока сержант сухо не напомнил ему, что не следует бить лежачего. Все больше и больше солдат вступали в бой, развернувшийся на склоне холма у батареи. Русских медленно оттеснили вниз. Не обращая внимания на команды герцога Кембриджского вернуться наверх, воодушевленные английские солдаты гнали русских назад в долину. При этом они топтали растянувшихся на земле вражеских солдат, моливших их о пощаде. У его королевского высочества наверху осталось меньше 100 солдат. Через несколько минут огромный строй русской пехоты, только что покончившей с генералом Кэткартом, вырос перед герцогом Кембриджским. Герцог оказался в окружении вражеских солдат.

Сначала этого никто не понял. Когда он и его окружение попали под ружейный огонь, капитан Хиггинсон из гренадерского полка решил, что в них стреляют свои. Но подъехавший к ним капитан Пил спокойно пояснил, что стрельбу ведут вражеские солдаты. Не ослепленный, подобно генералу Кэткарту, безрассудной храбростью, герцог Кембриджский не стал отдавать горстке своих людей приказ наступать на врага. Он решил с наименьшими потерями вывести солдат из кольца окружения. Быстро двигаясь в левую сторону, он сумел проскочить за боевыми порядками русской пехоты. При этом сам герцог был легко ранен в руку, а его лошадь убита. Ему и его штабу повезло больше, чем группе гвардейцев во главе с хирургом 20-го полка, которая пыталась прорваться на узком фланге сжимавших окружение русских. Группа потеряла более половины своих людей.

Внизу, в долине, гвардейцы, наконец, поняли, как они ошиблись, слишком увлекшись преследованием врага. Совершенно дезорганизованные в зарослях наверху, здесь, на ровном месте, русские быстро пришли в себя, восстановили четкий боевой порядок и вновь пошли в наступление. Генри Перси решил, что он и его люди должны возвращаться наверх по козьим тропам, которые тут и там тянулись по склону холма, огибая со всех сторон расположение вражеских войск. Другие офицеры последовали его примеру и по тропам повели солдат назад, к вершине холма. Вернувшись на плато, они не только устали и не просто ослабели от голода, поскольку почти вся армия ничего не ела уже почти пятнадцать часов. Солдаты остались без оружия и боеприпасов. Обнаружив на вершине холма штабного офицера, Генри спросил его, где он и его люди могут получить оружие.

– По чести говоря, – заявил тот таким тоном, будто на званом

обеде в Лондоне его по ошибке приняли за лакея, – я не знаю.

VI

То, что гренадеры временно остались безоружными, было полбеды по сравнению с тем, что герцог Кембриджский потерял практически всю гвардейскую бригаду и почти обезумел оттого, что проходило время, а он так и не мог найти своих солдат.

– Сэр, – с обезоруживающей беззаботностью заверил его молодой офицер, – гвардейцы вот-вот вернутся.

Почти сразу же после его слов из тумана, который вновь окутал землю, появилась группа солдат. Большая часть была одета в мохнатые шапки шотландских гвардейцев, на некоторых других были менее приметные головные уборы линейных полков. Над головами солдаты несли штандарты двух гвардейских полков. Герцог с облегчением понял, что удалось сохранить по крайней мере знамя гренадеров.

Это знамя чуть было не попало в руки противника. Когда большинство солдат гвардейских и номерных полков бросились вниз, в долину, чтобы преследовать отступавших русских, рядом с герцогом осталось несколько человек, в том числе знаменосец гренадерского полка. Гвардейское знамя, реющее высоко в воздухе, служило ориентиром для сбора возвращавшихся английских солдат и, конечно, не могло не привлечь внимания русских, которые, что-то монотонно выкрикивая, бросились в атаку с целью захватить знамя.

Затруднительное положение, в котором оказался герцог и его люди, не укрылось от капитана Бурнаби, который с 20 солдатами решил возвращаться на вершину холма тем же путем, как он шел вниз, а не идти кругом, как это предпочли почти все остальные офицеры.

– Держитесь вместе, – подбадривал капитан солдат, – и наступайте!

Позже один из гвардейцев, переживших эту атаку, написал: «Я думал, что безрассудно с кучкой людей наступать на огромную массу противника, но мы это сделали».

Небольшая группа уставших солдат бросилась на пытавшихся захватить полковое знамя русских. Почти все они были убиты. Те немногие, которым удалось пробиться через плотный строй русских, обернувшись, увидели, как вражеские пехотинцы колют штыками тела мертвых и добивают раненых англичан.

Наступление русских привело их в район расположения одного из двух французских полков, которые ранее отказались помогать англичанам до получения приказа командования. Теперь генерал Бурбаки на свой страх и риск приказал французам

наступать. Французы с такой силой обрушились на русских, что тем пришлось поспешно отступать.

Благодаря неожиданной поддержке союзников, разрозненным группам англичан удалось вернуться в свое расположение.

В бою за клочок земли и за батарею, расположенную в недостроенном здании, участвовали более 2600 человек. Более тысячи из них были убиты или ранены. Благодаря героической, просто нечеловеческой стойкости английских солдат, удалось удержать брешь в обороне, которую теперь заняли французские войска. Но было еще только 8.30 утра. Земля снова окуталась туманом. На позиции 2-й дивизии, расположенные на Внутреннем холме, обрушился еще более мощный, чем два часа назад, удар противника.

VII

Солдат все еще не удалось покормить. Люди были голодны и измотанны. 30-й полк под командованием полковника Маулэверера в течение нескольких утренних часов атаковал и оборонялся, захватывал участок земли и вновь терял его под ударами противника. Наконец, солдат отвели на отдых за склон холма, где они сразу же падали на землю, засыпая. Через несколько минут полк снова подняли и бросили на отражение очередной атаки русских, которые медленно наступали и находились уже в нескольких шагах от склона Внутреннего холма. Штыки солдат были все еще красными и мокрыми от крови.

Русская пехота атаковала со всех сторон и находилась уже совсем близко от расположенных на холме батарей англичан. Генерал Пеннифасер, окутанный туманом и клубами дыма, с криками и руганью отправлял на отражение атак противника немногие находившиеся в его распоряжении роты. Не успевали отразить натиск врага на одном направлении, как на другом возникала еще более серьезная угроза. Стрелковая бригада под командованием полковника Хорсфорда, 63, 49 и 21-й полки отражали атаки противника, многократно превосходившего их собственные силы. На правом фланге силами 57-го и переданной распоряжением Раглана под командование Пеннифасера части 20-го полка удалось отразить особенно мощную атаку двух из пяти имевшихся у русских якутских батальонов.

И все же понемногу начинало сказываться подавляющее превосходство русских в живой силе и невиданное упорство их солдат. К этому времени в районе Инкерманских высот находилось до 17 тысяч вражеских солдат при поддержке около 100 орудий. Им противостояло всего 1600 французов и 3300 англичан, в распоряжении которых было 48 орудий.

Вскоре после половины девятого на левом склоне Внутреннего холма подразделение русской пехоты попыталось захватить батарею из трех орудий. Артиллеристы изо всех сил пытались защитить свои пушки. Командир левого орудия старший сержант Генри отказался покинуть позицию и получил двенадцать штыковых ран, некоторые из них были нанесены ему, когда он продолжал сопротивляться даже лежа. Он чувствовал, как вражеские солдаты топчут его ногами, пока не потерял сознание от потери крови. И все же после нескольких минут борьбы храбрым артиллеристам пришлось отступить, и пушки достались неприятелю. Русские солдаты попытались забить

орудийные стволы деревянными клиньями. Однако через три минуты они были выбиты с позиции англичан блестящей атакой 60 французских зуавов, которые сначала наблюдали за ходом боя, а затем без всякой команды приняли в нем участие.

На центральном участке русским удалось пробиться через позиции 55-го полка, солдаты которого по ошибке приняли их за отступавших англичан. Через пробитую в центре обороны англичан брешь проходили все новые и новые подразделения русской пехоты. Момент был чрезвычайно опасным. За позициями 55-го полка не было войск союзников. На помощь англичанам шел 7-й французский полк, но французы двигались медленно и с явной неохотой. У подножия холма солдаты, как по команде, остановились. Французы не любили наступать в линии. В это время к ним подскакал английский штабной офицер и на прекрасном французском языке сердито осведомился, принадлежат ли эти солдаты к той армии, которая так храбро дралась против англичан на Иберийском полуострове. Подстегнутые этим замечанием, французы неохотно двинулись вперед. Но вражеский огонь теперь стал еще более плотным. Из тумана стали прилетать ружейные пули. Через несколько шагов полк вновь остановился, теперь уже окончательно. Французы заявили, что не намерены наступать без артиллерийской поддержки. Вскоре их ряды расстроились, и они вновь отступили к подножию холма.

Туман, несколько минут назад плотным одеялом покрывавший плато, внезапно рассеялся, и Раглан, который со своим штабом находился совсем рядом с наступавшими русскими, на противоположном склоне холма, ясно увидел, как отступают его французские союзники. Впервые за весь день он дал волю гневу. Издав возглас удивления и разочарования, он отправил адъютанта к командиру 55-го полка полковнику Уоррену, который ниже и левее пытался реорганизовать оборону англичан. У Уоррена оставалось не более сотни солдат, но Раглан верил в этого человека, поэтому приказал ему атаковать.

«Ядра, снаряды и пули сыпались на нас градом, – вспоминал один из офицеров, – и я подумал, что теперь-то пришел и мой час». Но он был уверен, что, если удастся подойти к противнику поближе, он и его солдаты легко обратят в бегство втрое или даже вчетверо превосходящие силы врага. Ведь «русские не любят штыкового боя». Он вел остатки своей роты вверх по склону холма, и у всех в голове была одна и та же мысль: «Нам должно повезти».

Когда русская пехота прорвалась в центре обороны англичан, артиллеристы не прекращали стрелять, и время от времени

собственные снаряды, прилетавшие с тыла, опустошали ряды атакующих. Находясь одновременно под огнем собственных пушек и под угрозой штыкового удара англичан с фронта, русские не выдержали. Сначала они остановились, а затем стали отступать. Как только 55-й полк вновь занял свои позиции, к нему присоединился 77-й и 7-й французский полк, который теперь наступал в колонне. Таким образом, оборона, которая еще несколько минут назад казалась окончательно взломанной, была очень быстро восстановлена.

И все же у союзников не было надежды удержать позиции без более серьезной поддержки французской армии. Вместе с 7-м французским полком Внутренний холм обороняли не более полутора тысяч солдат. Сюда возвращались остатки разбросанных по всем направлениям пикетов. У солдат кончились боеприпасы; многие их товарищи остались лежать убитыми внизу, в зарослях. И все это время тяжелые пушки русских продолжали поливать их дождем осколков и градом ядер. Русские артиллеристы настолько точно рассчитывали траекторию полета снаряда, что он перелетал через вершину холма и взрывался над расположением солдат союзников на высоте 2 – 3 футов над землей. Британские артиллеристы с их 9-фунтовыми орудиями ничего не могли противопоставить врагу. Комментируя такое положение, британский артиллерист с горечью заметил, что его пушки, по сравнению с вражескими, «просто игрушечные».

Раглан и его штаб наравне со всеми рисковал погибнуть под огнем неприятельской артиллерии. Ядра со свистом пролетали мимо, а снаряды взрывались совсем близко. Но в присутствии спокойного и сосредоточенного командующего никто не осмеливался обнаружить свой страх. Один из адъютантов умолял Раглана сменить столь опасную позицию.

– Да, – ответил Раглан с рассеянной вежливостью, почти неуместной при данных обстоятельствах, – здесь немного стреляют, но отсюда мне лучше видно, чем из любого другого места.

Несколько минут спустя мимо командующего проходил сержант 7-го полка. Когда он вытянулся, приветствуя генерала, с его головы пролетевшим мимо ядром сбило фуражку. Сержант поднял головной убор, тщательно отряхнув его, снова надел на голову и наконец торжественно отдал честь командующему.

– Совсем близко, мой мальчик, – улыбаясь сержанту, промолвил Раглан.

– Да, милорд, – ответил тот, – но промах врага одинаково хорош, независимо от того, насколько он промахнулся.

Были и другие, куда менее забавные сцены. Снаряд попал в

живот лошади полковника Сомерсета и взорвался там. Всех стоявших рядом офицеров обдало душем крови и кусков внутренностей. Еще через минуту ядро оторвало ногу генералу Странгвейсу как раз в тот момент, когда он разговаривал с Рагланом. Генерал был сухощавым пожилым человеком, вежливым и смелым. Артиллеристы, которыми он командовал, любили его на зависть многим офицерам. Раглан, который вместе со Странгвейсом воевал при Ватерлоо, позже признался, что у него слезы выступили на глазах при виде того, как старик наклонился, чтобы посмотреть на свою ногу, которая повисла на лоскуте кожи и куске материи. При этом прядь седых волос упала ему на лоб, нарушив безукоризненный пробор. Однако пожилому джентльмену и в этой ситуации не отказала выдержка.

– Не будет ли кто-нибудь любезен, – попросил он как ни в чем не бывало, – снять меня с лошади?

Через два часа старый генерал умер.

Примерно в тот момент, когда генерал был смертельно ранен, артиллеристы батарей Внутреннего холма усилили темп стрельбы, как бы отдавая прощальный салют своему командиру. Перед ними подобно вулканической лаве растекались все новые и новые ряды солдат противника, изготовившегося к наступлению. Лежа на склоне между орудиями, немногочисленные английские солдаты ждали нового штурма. Вместе с 7-м французским полком и 60 добровольцами-зуавами солдаты 57-го полка наблюдали за наступавшими колоннами вражеской пехоты, которая на время прекратила стрельбу. Как только британские стрелки почувствовали, что пришел момент, когда они максимально эффективно могут использовать оставшиеся боеприпасы, они открыли огонь. Русские, которые, казалось, спокойно шли на пушки, заколебались, однако вскоре уверенно двинулись дальше. Расстояние между ними и защитниками холма постепенно сокращалось. Снаряды и ядра пробивали бреши в плотных рядах наступавших; винтовочные залпы почти целиком выкашивали передние шеренги; идущие сзади наступали на трупы погибших товарищей, но огромная серая масса русской пехоты упрямо катилась вперед.

Впервые за всю кампанию Раглану показалось, что противник обязательно прорвется. Он поделился своими сомнениями с сидящим в седле генералом Канробером.

– Нет, милорд, – успокоил тот командующего, – надеюсь, что этого не произойдет.

Солдаты французского 7-го полка, которые вели прицельный огонь по наступающей русской колонне, тоже решили, что уже не смогут остановить атаку вражеской пехоты. Когда русские

солдаты достигли подножия холма, некоторые из них, не обращая внимания на команды офицеров, двинулись назад. Другие стали поглядывать им вслед, готовые в любой момент присоединиться к отступавшим. Офицеры храбро вышагивали перед дрогнувшим строем. Криками, руганью и ударами сабель плашмя они пытались остановить готовых обратиться в бегство солдат. За строем полка британские офицеры подбадривали союзников криками на ломаном французском. Решив, что все прочие средства исчерпаны, один из французских офицеров с саблей наголо и висящей на ней фуражкой встал прямо под пули противника, который находился примерно в тридцати шагах. К нему присоединились офицер и два английских солдата.

– Барабанщики, вперед! – последовала команда на французском языке откуда-то из глубины строя.

Как в былые героические времена, барабанщики и горнисты вышли на передний край изготовившегося к рукопашной схватке строя. В это время русские пехотинцы, взяв ружья наперевес, пошли в штыковую атаку.

Вражеские колонны только приближались к строю французов, когда полковник Добени с 30 солдатами 55-го полка ударил им в правый фланг. Строй русских был настолько плотным, что полковник оказался лицом к лицу с русским офицером. Ни тот ни другой не могли даже пошевелить рукой. Русский и англичанин улыбнулись друг другу, как бы извиняясь за причиненные неудобства. В этот момент рослый сержант, прокладывавший себе путь через вражеский строй прикладом, кулаками и даже ногами, освободил полковнику дорогу. Он с примерно половиной солдат прошел русский строй от фланга до фланга. Ущерб, который они причинили наступавшим, был ничтожным, но психологический эффект превзошел все ожидания. Почувствовав движение в задних рядах, передние шеренги наступавшей пехоты решили, что на них напали с тыла. Как по команде, наступающие остановились.

Пеннифасер понял, что у него появился шанс. По его команде защищавшие холм англичане и французы одновременно бросились на врага. Русские снова побежали вниз. Одновременно атакой 21-го и 63-го полков удалось сбить прикрытие правого фланга атаковавших; прикрытие левого фланга было рассеяно артиллерийским огнем.

Но находившихся на плато войск союзников все еще было недостаточно для развития успеха. Вскоре русская пехота возобновила наступление. Наступавшие на правом склоне ущелья 6-й и 7-й французские полки вновь отходили назад к Внутреннему холму под ударами теснивших их нескольких

русских полков. Слева от французов отводил назад 21-й полк полковник Хейнс, принявший командование у смертельно раненного полковника Эйнсли. На вершине новый командир 4-й дивизии генерал Голди, назначенный на эту должность вместо убитого Кэткарта, предпринимал титанические усилия для того, чтобы отбиться от наседавших со всех сторон врагов. В его распоряжении находилось пестрое воинство, состоявшее из солдат различных полков, расположившихся в густом кустарнике по обе стороны от построенной 2-й дивизией стены для защиты передовых пикетов. В дальнейшем эта стена получила название Барьер и стала ареной не менее ожесточенных боев, чем позиция батареи в недостроенном здании на участке, обороняемом гвардией.

Генерал Голди отправил майора Рамси Стюарта со срочным донесением генералу Пеннифасеру. «Если мы не получим подкрепления, – писал Голди, – нас разорвут на клочки». Это была правда. Но у Пеннифасера совсем не осталось резервов. Майору Стюарту удалось собрать не более 200 солдат. Часть из них он нашел в лагере 2-й дивизии; другие, заблудившиеся во время преследования русских, постепенно возвращались на вершину холма. Эти солдаты были немедленно брошены в бой, и русских снова удалось оттеснить назад. В бою был убит генерал Голди. Его сменил майор Рупер, но и он вскоре был тяжело ранен. Командование принял полковник Хейнс, прибывший в район Барьера с ротой солдат 77-го полка. Благодаря удивительной храбрости, энергичности и мастерству этого офицера удавалось сдерживать все атаки превосходящих сил противника до прибытия свежих сил союзников, после чего картина битвы полностью изменилась.

VIII

Прошло почти два часа с тех пор, как Раглан скомандовал перебросить в район Инкермана два 18-фунтовых осадных орудия. Адъютант, который вез приказ командующего, по ошибке передал его не тому, кому он предназначался. Молодой офицер вручил его не командующему осадной артиллерией полковнику Гамбиеру, а командующему батареями полевой артиллерии, расположенными на Внутреннем холме, полковнику Фитцмайеру. Фитцмайер, справедливо полагая, что с его стороны было бы безумием бросать свои позиции и отправляться за осадными орудиями в район Севастополя, где было достаточно грамотных офицеров, способных выполнить распоряжение Раглана. Поэтому, пытаясь перекричать грохот пушек, он коротко крикнул адъютанту: «Невозможно!»

Адъютант передал ответ Раглану, который вежливо выразил свое удивление столь категоричной формой отказа, а затем отправил адъютанта туда, куда тот должен был отправиться с самого начала.

К счастью, два 18-фунтовых орудия давно были подготовлены для передачи в распоряжение полевой артиллерии. Полковник Гамбиер передал пушки и людей для их транспортировки, поскольку у него не было вьючных животных. Каждая из пушек весила более 2 тонн, и расчеты уже совершенно измучились, пытаясь толкать их по неровной местности, когда вдруг выяснилось, что орудия везут в неверном направлении.

Орудия прибыли на позиции в 9.30 утра. Во время перевозки орудий полковник Гамбиер был ранен, и командование батареей принял полковник Коллингвуд Диксон, который, не теряя времени зря, сразу же открыл огонь по врагу. Пристрелявшись за несколько минут, орудия вступили в артиллерийскую дуэль с батареями русских на Внешнем холме. Те ответили ураганным огнем. Ядра с корнем вырывали деревья; в дыму свистели тысячи осколков. В течение четверти часа Диксон потерял убитыми и ранеными около 20 человек из 50. Но, вдохновленные присутствием Раглана, который прискакал на батарею и остался там, чтобы разделить с артиллеристами опасность, солдаты не обращали внимания на потери и вели огонь точно и методично.

Каждый выстрел находил свою цель на вражеских позициях на Внешнем холме. Сквозь рассеявшийся дым были видны обломки укреплений противника, повозок, оторванные орудийные колеса и перепаханная взрывами земля. С оглушительным грохотом взорвался склад боеприпасов. Погибло

еще несколько английских артиллеристов, но на смену им пришли другие, и орудия не умолкали ни на минуту. Русские предпочли отвести свои пушки с открытых позиций и перенести их на противоположный склон холма. Но и здесь англичане не оставляли их в покое: английские офицеры сразу же сумели вычислить местонахождение батарей противника. Вскоре французы тоже сумели перебросить на поле боя батарею из 6 тяжелых орудий, а затем еще 6 пушек. К тому времени, когда прибыл генерал Боске с подкреплениями, огонь русской артиллерии был практически подавлен, и французы получили возможность действовать в относительной безопасности.

IX

Французский генерал был удивлен картиной, открывшейся перед ним после прибытия на Инкерманские высоты. Не было слышно не только канонады артиллерии русских, но казалось, что куда-то исчезла вся британская армия.

– Так я и знал! – воскликнул генерал, когда полковник Стил передал ему просьбу Раглана о помощи. Он вспомнил, как утром генералы Браун и Кэткарт гордо отвергли его предложение о помощи.

Генерал проехал мимо групп английских солдат, получавших боеприпасы. Неподалеку прохаживался офицер в мохнатой шапке; чуть дальше спали еще несколько англичан. Штабные офицеры проезжали мимо с озабоченными лицами: по всей видимости, они были обременены важнейшими поручениями. Ничто не напоминало о том, что здесь только что закончились тяжелейшие бои. С первого взгляда можно было подумать, что здесь вообще не происходило никаких серьезных событий.

Несмотря на свои тревожные ощущения, генерал Воске проехал через позиции англичан, не поговорив предварительно ни с Пеннифасером, ни с Рагланом. Повсюду его энергично приветствовали британские офицеры, которые были благодарны за поддержку солдатам двух французских полков, участвовавших в боях. Вскоре показалось подкрепление. Сначала пришли четыре французские пехотные роты под командованием низкорослого толстого капитана, который нес фуражку на острие обнаженной сабли, что вызвало веселые шутки английских солдат. Затем под грохот барабанов подошли Алжирский полк, полк зуавов, полк французской кавалерии и с ним две сотни солдат легкой кавалерийской бригады англичан под командованием Пейджета, которым удалось выжить в последнем бою.

Не считая кавалерии, в распоряжении Воске было 3 тысячи пехотинцев и 24 орудия. Никто не сомневался в том, что генерал сумеет очистить поле боя от русских.

Сам Воске имел все основания сожалеть о том, что предварительно не проконсультировался с командованием союзников. Не обнаружив союзных солдат во время движения по плато, он решил, что англичане расположились вдоль правого края ущелья. Генерал отправил войска в длинный путь между ущельем и батареей в полуразрушенном доме. Солдаты растянулись в длинную линию фронтом на запад. Такое расположение войск было не только опасным, но и бесполезным.

Они находились позади позиций противника и представляли

собой прекрасную цель для вражеских артиллеристов. Левый фланг оставался неприкрытым; правый фланг прикрывал крутой утес, нависавший над рекой, раскинувшейся 200 метрами ниже. Войск противника впереди не было.

Пытаясь найти английскую пехоту, генерал поскакал вперед вдоль поспешно построенных боевых порядков своих войск. Миновав длинную пустынную впадину, он въехал на вершину холма над ущельем и увидел колонну русской пехоты, которая двигалась прямо на него.

Боске сразу же отправил адъютанта за артиллерией. Два орудия были развернуты немедленно, но, прежде чем они успели открыть огонь, перед ними появилась вражеская пехота. Одна из пушек сразу же была захвачена и сброшена вниз. Сам генерал, его эскорт и знаменосец не пострадали. Адъютант объяснял это тем, что русские были слишком заняты орудием и не обратили на них внимания. Как только группа, захватившая орудие, снова скрылась внизу, подошедшие новые колонны русской пехоты заполнили все плато вдоль левого фланга французских войск. Одновременно другие подразделения русских развернулись в тылу полка зуавов.

Французы оказались в окружении, и, если бы русские решились немедленно вступить в бой, союзникам пришлось бы сражаться, имея за спиной отвесную пропасть. Они были бы лишены путей к отступлению. Но в отличие от русских, которые слишком поздно поняли свое преимущество, французы среагировали мгновенно. Прежде чем русские успели осознать, что в ловушке оказалось 3 тысячи вражеских солдат, те немедленно бросились назад на плато, под защиту артиллерии.

Но французская артиллерия сама попала под огонь орудий русских, которые теперь были недосягаемы для пушек англичан.

– Мы под огнем, – заявил французский артиллерийский офицер полковнику Диксону и тут же добавил с присущей французам беспечностью, которая так восхищала англичан: – Что ж, такова война.

Тем не менее он тут же отвел свои пушки назад.

Канробер с волнением ждал, что русские станут преследовать отступавших французов. Он уже отдал команду кавалерии подготовиться к самоубийственной атаке на врага, которую собирался возглавить лично. Но разрывы русских снарядов заставили отступить и кавалеристов.

Офицер французского штаба обратился к полковнику Диксону:

– Спасайте орудия! Все пропало!

Шли минуты, а русские не преследовали отступавших. К

союзникам вернулось самообладание. Прибыли три свежих французских полка под командованием генерала Д\'Атемарра. Боске сразу же решил отплатить врагу за свое недавнее унижение. Оставив вновь прибывшие войска в своем распоряжении, он приказал Алжирскому полку и зуавам атаковать русские колонны, угрожавшие их тылу.

– Покажите себя, дети огня! – крикнул он по-арабски алжирцам, и те с громкими криками бросились в атаку. К ним присоединилось подразделение британских гвардейцев. Острыми штыками алжирцы, после нескольких минут боя, обратили уцелевшую пехоту русских в паническое бегство. – Это пантеры, – восторженно воскликнул Боске, – это настоящие пантеры на охоте в лесу!

X

Для французской армии наступил момент триумфа. Раглан протянул Боске левую руку и заявил, что ему не хватило бы и обеих рук, чтобы выразить свое восхищение молодым французским генералом.

– Благодарю вас от имени всей Англии, – добавил Раглан.

Канробер, еще несколько минут назад находившийся на грани отчаяния, приободрился. Он получил легкое ранение в руку. Во время битвы на Альме он был ранен в другую руку, которую держал на перевязи, и теперь шутил, что противник решил оставить его без рук.

Раглан надеялся убедить Канробера немедленно развить достигнутый успех. Он отправил генерала Калторпа к Пеннифасеру, чтобы узнать мнение своего генерала. Пеннифасер заявил, что такой возможностью следует немедленно воспользоваться, что, получив подкрепления, он «немедленно сметет русских ко всем чертям». Когда мнение Пеннифасера передали Раглану, он немедленно перевел своеобразную оценку генерала на вежливый французский язык.

– Какой смелый человек! Отличный генерал! – восхищенно воскликнул Канробер. Но когда генерал Пеннифасер лично доложил Раглану и Канроберу о плачевном состоянии своей 4-й дивизии, пыл французского генерала несколько поубавился. В распоряжении Канробера в тот момент было от 7 до 8 тысяч солдат, и он не хотел рисковать, бросая их в наступление.

В то время как французы пребывали в нерешительности, английские войска вписали в сражение за Инкерман еще одну героическую страницу. Этого эпизода будет достаточно для того, чтобы с гордостью вспоминать об этой битве.

К полковнику Хейнсу, который вел оборонительные бои в районе Барьера, теперь присоединился его друг полковник Вест с солдатами 21-го полка. Вест подошел к лейтенанту Актону из 77-го полка и приказал ему:

– Я вижу здесь группу ваших солдат. Соберите их вместе.

Затем он собрал еще две роты и, указав в направлении одной из вражеских батарей на Внешнем холме, скомандовал:

– Атакуйте эту батарею.

Актон немедленно провел короткое совещание с командирами двух прибывших рот.

– Вы ударите во фланги, а я буду наступать с фронта.

Но два офицера не были готовы следовать рискованному приказу полковника Веста и отказались поддержать лейтенанта

Актона.

– Даже если вы мне не поможете, – заявил Актон, – я все равно выполню приказ и пойду в атаку с солдатами 77-го полка.

Он приказал солдатам идти вперед, но те не двинулись с места.

– Что ж, – выкрикнул лейтенант в отчаянии, – я все сделаю сам! – И отправился вверх по склону холма.

Актон не успел сделать и нескольких шагов, как один из рядовых окликнул его и заявил, что пойдет вместе с ним. Потом к ним присоединился солдат из другой роты. Вскоре вся рота Актона отправилась за своим командиром.

50 или 60 солдат под огнем пушек бросились вверх по холму. Полковник Диксон приказал батарее 18-фунтовых орудий поддержать их огнем. К наступающим ротам 77-го полка присоединились две роты, командиры которых ранее отказались участвовать в атаке. Боясь потерять свою батарею, русские были вынуждены отвести орудия. Солдаты роты Актона поднялись на холм и заняли опустевшую позицию батареи. К ним присоединились солдаты одной из рот 49-го полка. Вскоре один из штабных офицеров уже руководил построением оборонительной позиции на отвоеванном участке земли.

XI

Было час дня.

Завершилась последняя атака битвы. Это произошло вскоре после героического наступления полков алжирцев и зуавов на бесстрашного, многочисленного и хорошо обученного противника. Русские командиры не обладали достаточной гибкостью и воображением для того, чтобы противостоять контратакам небольших, изолированных друг от друга, но действовавших смело и решительно групп противника. Теперь трудно сказать, действительно ли командование русских опасалось, что союзники вот-вот бросят в бой свежие войска; правдивы ли слова русского генерала о том, что он отступал в Севастополь под убийственным артиллерийским огнем в спину. По словам генерала Канробера, он запретил преследовать отступавшего противника. Битва закончилась.

Глава 13 БУРЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

На самом деле все произошло гораздо быстрее, чем я вам рассказываю.

Казначей
Королевского
фузилерного полка
Генри Диксон

I

Прибывший 11 ноября в Балаклаву к новому месту службы в 46-м полку офицер обнаружил, что армия «погружена во мрак». Вновь подтвердилась справедливость замечания капитана Шекспира, который писал, что, «наверное, Англия должна потерять всю армию для того, чтобы добиться хоть какого-то порядка».

В сражении при Инкермане британская армия потеряла убитыми и ранеными около 8 тысяч человек. По оценкам Раглана, русские потеряли там до 11 тысяч солдат, но, как горько прокомментировал это капитан Биддульф, «они могут позволить себе такое». Севастополь стоял перед союзниками незыблемой твердыней, и многие стали склоняться к мысли, что этот величественный город и его бесстрашные защитники не сдадутся.

Британским солдатам внушали, что защитники города страдают не меньше, чем союзники, однако захваченные пленные не производили впечатления страдающих от истощения. Иногда, правда, северный ветер приносил из города ужасные запахи.

Через три дня после окончания битвы англичане все еще хоронили убитых. Союзники предложили князю Меншикову отправить им в помощь русские похоронные команды, однако тот заявил, что по правилам войны павших хоронит тот, за кем осталось поле боя. Убитые русские были похоронены союзниками в общих могилах. Похороны проходили без торжественных церемоний: турки за ноги волокли трупы к ямам и закапывали.

Многие убитые были похожи на живых. Смерть застала их в самых разнообразных позах: одни пытались руками заслониться от удара; пальцы других сжимали ружья; рты были открыты, зубы оскалены, мышцы шеи напряжены. Они погибли внезапно, во время выполнения повседневной солдатской работы. К удивлению солдат похоронных команд, некоторые мертвые сжимали зубами землю, дав почву для размышления над смыслом выражения «цепляться за землю зубами».

Лица некоторых мертвых солдат союзников искажали гримасы гнева, страха и ненависти: так же как на Альме, русские штыками добивали раненых.

К Меншикову был отправлен парламентер с официальным протестом против подобного варварства, однако князь не признал обвинения справедливыми. По его словам, «отдельные случаи жестокости к раненым союзникам были вызваны религиозными чувствами русских солдат, которые пришли в ужас, узнав, что французы разграбили православную церковь в Карантинной

бухте».

Русские солдаты, видимо, в самом деле считали союзников чуть ли не чудовищами. Раненые выкрикивали ругательства, когда санитары пытались перенести их в полевой госпиталь, их товарищи, по выражению корреспондента «Таймс», нападали на медиков из зарослей «с жестокостью диких зверей». Им внушили, что в плену их подвергнут мучительной смерти. Раненые неохотно протягивали руки в мольбе дать им воды, а напившись, смотрели на своих благодетелей со стыдом, что им приходится принимать помощь от таких злодеев.

7 ноября в зарослях кустов все еще находили раненых русских солдат. Иногда они испускали дух сразу же после того, как их грузили на мулов, чтобы отвести в лазарет. Генерал Пеннифасер вспоминал, что «никогда прежде не слышал ничего ужаснее, чем предсмертные крики и стоны несчастных. День и ночь они лежали около моей палатки прямо на мокрой земле, умирая от ран, голода и жажды».

Казалось, что таким сценам не будет конца. Земля была густо покрыта ранеными солдатами неприятеля. Специальные эвакуационные команды пытались собирать их и доставлять в полевые лазареты, где большинство этих несчастных умирали под ножом хирурга. Трупы тут же уносили в сторону, а на их место укладывали новых умирающих.

Госпитали были слишком плохо оборудованы, а медики слишком немногочисленны для того, чтобы справиться даже со своими ранеными, у них просто не хватало сил лечить тысячи русских солдат. Еще до битвы в британской армии было столько больных, что вся медицинская служба оказалась парализована. Как, возможно несколько преувеличивая, жаловался Тимоти Гоуинг, «врачи не обращали внимания на солдат, которые жаловались на плохое самочувствие».

Обстановка всеобщего страдания привела к сильному падению морали в армии. Как писал в своем дневнике на следующий день после битвы доктор Робинсон, «всеобщее отчаяние и беспросветность делают людей бессердечными». Один из солдат 63-го полка рассказывал сестре: «Ночь за ночью мы проводим в траншее. По утрам получаем дневной рацион и отправляемся на поиски дров, чтобы приготовить себе пищу. Зачастую это очень скудное количество солонины и галет. Иногда, когда удается доставить дополнительные запасы провизии, мы получаем положенные два стакана рома, кофе, сахар и рис. Варить кофе и готовить приходится самим. С 12 августа бритва не касалась моего лица. По-моему, я стал похож на еврея. Дай бог, чтобы все это поскорее кончилось».

Отчаяние и уныние были повсеместными. Генерал Буллер, временно командовавший 4-й дивизией, высказал общее мнение генералов о том, что «настоящее англо-французских союзников неопределенно, а будущее – мрачно». Лэси Ивэнс посоветовал Раглану отказаться от осады города и эвакуировать армию из Крыма. Многие офицеры подумывали о том, чтобы отказаться от службы и уехать по домам, а некоторые так и сделали. 11 ноября полковник Пейджет оставил командование 4-м драгунским полком и на пароходе отправился к молодой жене, на которой женился всего за несколько дней до начала кампании. Не многие обвиняли его [21] .

Лейтенант Ричардс писал матери: «Мы все очень устали от этого бардака, который почему-то называют осадой».

От злости и отчаяния каждый обвинял в своих бедах каждого. Чего можно было ожидать от армии, которой командуют такие генералы и такой штаб? Джон Бэргойн был «пьяницей», герцог Кембриджский – «безмозглым безумцем», Колин Кемпбелл «слишком суетлив». Такое же мнение сложилось о Джордже Брауне, который, помимо прочего, «был самым большим дураком во всей армии». Последнее определение он разделял с генералом Бентинком. Что касается штабных офицеров Раглана, все они были ленивыми идиотами, которые «не пожелали оторваться от позднего завтрака во время битвы за Инкерман».

Как это часто случается, после окончания битвы на генералов посыпался поток обвинений за их поведение. В первую очередь, их обвиняли в том, что в районе Инкермана противнику удалось застать англичан врасплох, за то, что там не было построено никаких оборонительных укреплений, за исключением недостроенной позиции артиллерийской батареи, на которой оказалось всего две пушки, и нескольких стен, за которыми должны были укрыться пикеты. О необходимости усилить систему обороны предупреждал едва ли не каждый офицер в армии, но генерал Бэргойн игнорировал эти предложения. Еще более странным казалось то, что после того, как 26 октября войска полковника Федорова атаковали позиции 2-й дивизии, всем генералам было известно, где русские намерены сосредоточить основные усилия. Но никто, тем не менее, не был готов отразить новое наступление противника. Артиллерийский офицер писал: «Этот старый осел Раглан (никто в армии уже не сомневается, что он заслужил это прозвище) решил, что, попробовав один раз, русские не станут наступать снова. Инженеры советовали ему усилить оборону, но всезнайка лорд, видимо снова впав в детство, отмахнулся от них: «Ерунда, они не осмелятся напасть снова».

Раглана собирались произвести в фельдмаршалы. Некоторые офицеры сомневались в том, успели ли его вообще вовремя разбудить к битве. Другие, пытаясь быть объективными, выражали сомнение, что кто-либо вообще был способен руководить войсками в таком тумане.

Нападки на командующего продолжались. Иногда они были безосновательны и противоречивы, иногда просто злобны. Молодые офицеры, чьими горькими упреками пестрели газеты, обвиняя командующего и армейскую систему, просто не способны были реально оценить ситуацию из-за своего крайне ограниченного опыта. Им были неведомы сомнения командующего, сложности отношений с французскими союзниками, титанические усилия, предпринятые с целью избежать зимней кампании. Они считали, что старый лорд почивает на лаврах прошлой славы в своем удобном доме, окруженный толпой слуг и прихлебателей из штаба. Ими был создан портрет самовлюбленного надменного аристократа, недалекого и упрямого, который вначале был воспринят как карикатура. Но постепенно среди англичан сложился именно такой образ командующего крымской армией.

II

В эти ранние ноябрьские дни, когда к злости и разочарованию, во власти которых находилась британская армия, добавились новые упреки переживших сражение при Инкермане, когда погода портилась с каждым днем, а грохот осадных орудий становился все слабее, иногда замолкая совсем, война шла своим чередом.

13 ноября полковник Белл записал в дневнике: «Люди проводят в траншеях, в воде и грязи, по 24 часа. В палатках, куда они возвращаются, ничем не лучше. Часто у них нет даже прутика, чтобы сварить кусок солонины. Рационы скудны из-за трудностей с транспортом. Все безрадостно».

На следующий день, словно природа захотела посмеяться над людьми и еще больше усугубить их страдания, произошло очередное несчастье.

Предыдущая ночь была холодной и сырой. Но около пяти часов утра безостановочно ливший дождь неожиданно прекратился. Стоя возле палатки, казначей Диксон подумал, что никогда не видел такого прекрасного утра. «Потеплело. На небе сияли звезды и светила луна. Вскоре над рекой, над кроваво-красными облаками встало солнце». Но через полчаса дождь полил с новой силой. К шести утра шум дождя стали перекрывать порывы ураганного ветра и хлопанье брезента палаток. Неожиданно послышался ужасающий свист и треск, и палатки буквально оторвало от земли. Они летали в воздухе, похожие на листки бумаги. Камни катились по земле и сносили все на своем пути, калечили людей, рвали брезент, разбивали стекло. Тяжелые ядра гоняло по земле, как крикетные шары. Ураган переворачивал повозки и волочил волов, как котят. Ветер переломал колья и сорвал госпитальные палатки. Больные остались лежать под открытым небом, пытаясь спастись от холода и дождя под грязными одеялами. Чтобы их не унесло ураганом, солдаты привязывали себя друг к другу, прятались за стенами и в ямах. В Балаклаве по улицам катались вырванные с корнем стволы деревьев. Часть крыши дома, где располагался Раглан, была оторвана и унесена порывом ветра прочь.

Случались и забавные происшествия. Доктор Робинсон, ослабевший от расстройства желудка, отправился спать в нижнем белье, поскольку грязный мундир отдал в стирку. В это время ветром сдуло его палатку, а самого доктора, похожего на огромную бабочку, носило по лагерю в подштанниках и одеяле. К счастью, вскоре слуге удалось поймать его и швырнуть под

защиту стены, прямо в грязную холодную лужу. Гардемарин Вуд из бригады морской пехоты, как и доктор мучимый диареей, пытался ползком добраться под защиту небольшой каменной стены, у которой хранились ящики с порохом. Но ветер несколько раз сдувал его, пока лейтенант и два матроса волоком не доставили гардемарина в убежище. Когда все четверо спрятались за стеной, мимо них стали пролетать различные предметы военного быта, в том числе два полковых барабана, которые с ужасающим грохотом бились друг о друга.

В палатке генерала Буллера обломился столб, и он оказался в западне, как «крыса в крысоловке». Генерал чувствовал себя настолько беспомощным и несчастным, что бессильно опустился на грязную насыпь для защиты от ветра лошадей. Адъютант тщетно пытался заставить Буллера пройти в расположенный рядом старый полуразрушенный дом. Остальные старшие офицеры были одинаково возмущены непогодой. Джордж Браун вел себя так, будто природа смертельно его оскорбила. Генерал Эсткорт с уязвленным выражением лица боролся с пытавшейся улететь палаткой. Ему помогал капитан Четвуд в нижнем белье и рубашке. На бравом капитане красовалась по ошибке надетая фуражка сержанта.

Корреспондент «Таймс» находился в гостях у одного из докторов, который был уверен, что его великолепная палатка выдержит любые капризы природы. Когда столб палатки затрещал под порывами ветра, испуганный репортер пытался разбудить и поднять хозяина:

– Вставайте, доктор! Палатка падает.

Доктор спокойно поднялся с постели, задумчиво посмотрел на палаточный столб и снова отправился спать со словами:

– Не волнуйтесь! Этот столб простоит века.

Но как только он устроился под одеялом, столб затрещал, и палатка рухнула на двух обитателей.

Но если на земле борьба со стихией носила порой комический характер, в бушующем черном море матросы боролись за спасение своих жизней. Находясь на борту парохода «Южная звезда», миссис Даберли смотрела на гавань, кипевшую от пены прибоя. Брызги обрушивались на многометровые громады холмов и падали обратно тяжелым дождем. Даже держась за что-либо руками, было очень трудно удержаться на ногах. Рядом, ужасающе скрипя, пытался бороться с бушующим морем пароход «Медвей». Более мелкие суда были мгновенно брошены на скалы и затонули. Небольшой клипер «Штормовая волна» безнадежно пытался победить ревущий шторм. По палубе метались три стюарда, безуспешно пытаясь поймать канат,

который им бросали со скалы остальные члены экипажа. Двое из них были смыты за борт; третьему удалось поймать конец каната и выбраться на берег как раз в тот момент, когда судно скрылось в ревущих волнах, гнавших на берег обломки мачт, чемоданы, ящики и прочие пожитки. Корабли «Прогресс», «Странник», «Кенилуорс», «Решительный», «Рип Ван Винкл», «Маркиз» и «Мэри Энн» были разбиты о скалы. В морскую пучину ушли сотни тонн артиллерийского пороха, миллионы патронов и огромное количество различного имущества. Прекрасный парусно-моторный корабль «Принс», имевший на борту 150 человек команды, потеряв два главных якоря, пытался удержаться на последнем дополнительном. Капитан опрометчиво приказал рубить мачты, которые, упав за борт, вывели из строя винт. Корабль понесло на скалы, после удара о которые он затонул. Были безвозвратно потеряны 40 тысяч шинелей, огромное количество обуви и другого военного имущества. Из всей команды спаслось всего 3 человека.

«Реституция» потерял оба якоря и был спасен только благодаря искусству капитана, который, приказав бросить за борт орудия верхней палубы, продолжал бороться со штормом. На борту корабля находился герцог Кембриджский; он рассчитывал пожить там некоторое время и оправиться от нервного потрясения после Инкермана. Острый на язык корнет Фишер рассказывал, как видел герцога, хватавшего за руки стюарда и с побелевшим от страха лицом выкрикивавшего:

– Неужели все идет к концу? Ах! Ах! Мы пропали!

Шторм, сопровождаемый ливневым дождем, бушевал все утро, но примерно к двум часам дня его сила стала ослабевать. Солдаты, кутаясь в мокрые одеяла, выбирались из своих убежищ. Они были с ног до головы покрыты грязью, в глазах застыло отчаяние. Весь лагерь и земля вокруг были усеяны обрывками брезента, кусками веревки, порванными одеялами, разбитыми ящиками, мебелью, посудой. У осевших разорванных госпитальных палаток лежали мертвые; вокруг бродили, пощипывая разбросанные охапки сена, сорвавшиеся с привязи лошади.

К пяти часам похолодало. Ветер и дождь сменились обильным снегопадом. Капитан Кемпбелл, направляясь из передовых траншей, где его подчиненные провели по колено в грязи и воде последние сутки, в лагерь 46-го полка, мучился сомнениями, сможет ли он заставить их идти туда обратно. Ему пришлось оставить в траншее семь человек; двое из них были без сознания. Остальные четыре часа шли под снегом обратно в лагерь. Там они обнаружили, что госпитальные палатки снесены

ветром, а раненые и больные лежат на снегу.

Вечером солдаты пытались заново установить палатки. Их движения были медленными и неуверенными: пальцы не слушались на холоде [22] .

Один из старших офицеров 1-го полка вспоминал:

«Словно в насмешку, нам выдавали зеленые кофейные зерна. Никаких средств для того, чтобы обжарить зерна и помолоть их, ни огня, ни сахара. Наверное, предполагалось, что мы будем жевать кофейные зерна, как лошади жуют овес. Не знаю, что еще можно было сделать с этими зернами, кроме как швырнуть в грязь, как нередко и поступали мои солдаты. Как терпеливы были эти люди! Их поведение заслуживает восхищения. Молча боролись они со всеми лишениями. Вот они идут, по колено в грязи, мокрые до нитки, в траншеи. Британский солдат вызывает восхищение своей дисциплиной. Таков он во всей своей славе.

Во дворе резиденции Раглана люди, как селедки в бочке, заполнили все, что могло быть использовано в качестве укрытия. Баню, в которой размещалась конюшня, заполнило множество молчаливых фигур, которые мрачно смотрели, как снег падает на дорогу, как он сыплется сквозь дыры в крыше. Здесь были больные из госпитальных палаток; турки, молча курившие трубки, французы, гусары из отряда охраны командующего. Лошади, потревоженные таким скоплением незнакомых людей, кусались и лягались. Все замерзли, были злы и голодны. Среди ночи те немногие, которым удалось уснуть, были разбужены громом канонады. Сквозь щели в крыше и трещины в стене были видны вспышки орудий.

Русские устроили вылазку на передовые траншеи французов. Французы контратаковали с такой яростью, что захватили несколько пушек на передовых позициях русских».

Война продолжалась.

Глава 14 ХАОС

Необходимо предпринять что-то для того, чтобы поднять снабжение армии до удовлетворительного уровня.

Лорд Раглан

I

23 ноября полковник Белл записал в дневнике: «Дожди превратились в настоящие потоки воды, которые, подобно горным рекам, текли в долину. Земля размокла, дороги превратились в непроходимую грязь. Солдаты работают до изнеможения; ежедневные рационы продолжают уменьшаться. Солдаты ходят в траншеи и обратно мокрые, по колено в грязи. Непонятно, как они вообще умудряются выживать».

Осада теперь велась очень пассивно. Каждый день с той и другой стороны звучало всего по нескольку выстрелов. Постоянные дожди сделали получение боеприпасов из Балаклавы почти невозможным. «Используемые в качестве транспорта быки и лошади умерли или настолько ослабли, что не могут работать, – писал домой 27 ноября адъютант генерала Буллера, – повсюду в грязи лежат мертвые или умирающие животные. В каждом кавалерийском полку от холода и голода ежедневно умирают в среднем по три лошади. Лошади отгрызают друг у друга хвосты. Сегодня я видел лошадь, которая ела покрытый грязью кусок брезента».

Гибли не только лошади. «Сообщается, что в ночь после урагана от переохлаждения умерли несколько человек, – написал для одного из лондонских журналов капитан Годфри, – некоторые не могут без посторонней помощи покинуть траншеи. Похоже, что дела идут скверно». «Люди умирали целыми группами, – вспоминал Тимоти Гоуинг, – из-за отсутствия убежища от холода, одежды и пищи. Лагерь похож на огромную свалку, траншеи заполнены грязью и водой по колено. Солдаты умирают на посту от истощения… Рационы еды урезаны наполовину – полфунта мокрых галет и полфунта солонины (говядины или свинины). Выдавали и кофе, но в сыром виде. Не было ни малейшей возможности готовить его. Почти не было дров для обогрева, только немногим счастливцам удавалось отыскать несколько кусков дерева». Солдаты, качаясь, возвращались из траншей в лагерь, мокрые и голодные. Они получали свои отсыревшие галеты и кусок солонины. Иногда мясо было настолько жестким, что хотелось рубить его топором. Сцены были просто душераздирающими.

Тыловая служба, продолжал он, «была полностью дезорганизована». И это была ужасная правда. Дорога к складам в Балаклаве была усеяна трупами лошадей, мулов и волов, находящихся в различной стадии разложения. Капитан Клиффорд с удивлением обнаружил, что ему пришлось потратить целый

день на то, чтобы съездить в Балаклаву и вернуться обратно в лагерь 2-й дивизии. Солдатам приходилось нести на себе продукты, боеприпасы и имущество, так как измученные вьючные животные просто не могли справиться со всем потоком грузов, необходимых для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальные потребности армии. Солдатский паек, который газета «Таймс» когда-то называла «превосходным и разнообразным», к концу месяца уменьшился почти в четыре раза.

В самой Балаклаве царила полная неразбериха. Адмирал Боксер, отвечавший за транспортное сообщение с Константинополем, не смог справиться с этим хаосом. Капитан Шипли, находившийся в балаклавском госпитале после ранения на Альме, писал матери, что «в Балаклаве отсутствует руководство, точнее, оно есть, но имя ему адмирал Боксер. Создается впечатление, что этот человек за всю свою жизнь так и не сделал ничего путного». Корабли и транспортные суда приходили в переполненную гавань без предварительного уведомления; никто никогда не знал заранее, какой груз они везут. Иногда корабли делали по два рейса из Константинополя в Балаклаву неразгруженными. Адмирал Боксер никогда не знал точно, сколько судов имеется в его распоряжении, где они будут разгружены и получат ли топливо. Бывало, что пустые корабли спокойно стояли в ожидании на рейде, а адмирал в ответ на запросы военных заявлял, что у него нет сейчас свободного транспорта. Он никогда не вел учетных записей. Раглан писал об этом человеке: «Во всем, что касается адмирала Боксера, я бессилен. Кажется, что этот человек просто не способен выполнять свои обязанности». Суда целыми днями и даже неделями ждали на внешнем рейде, когда они получат разрешение на вход в Балаклаву и разгрузку. Когда они, наконец, заходили в гавань, команды, привычные к тому, что можно было увидеть в восточных портах, тем не менее поражались. После шторма бледно-зеленые воды порта напоминали выгребную яму, в которой можно было увидеть то, что не могло нарисовать никакое воображение. Бледные разбухшие тела мертвых людей, верблюдов, лошадей, мулов, волов, кошек, собак, грязь и нечистоты, производимые целой армией и многочисленными госпиталями. Все это плавало среди обломков мачт, ящиков, кип сена, галет, коробок от лекарств и медицинских инструментов, разлагающихся внутренностей и шкур скота, выброшенных за борт судовыми поварами.

На самой пристани порядка было не больше. Кучи угля сваливались поверх мешков, из дыр в которых сыпалась мука; тюки с бельем использовались как островки в непролазной грязи;

разбитые ящики, гниющие мясные туши, боеприпасы, тысячи палаточных кольев, части сборных деревянных домов – все это без всякой системы хранилось на складах или прямо на улице. Солдаты садились покурить на бочонки с порохом. Зловоние было ужасным. Повсюду бродили крысы и бездомные собаки. Турецкие солдаты умирали от ран и от голода прямо на улицах. «Прежде мне никогда не приходилось видеть, как умирает человек», – с горечью признался один из очевидцев. Почти все здания маленького городка были заняты госпиталями. Сквозь двери и окна, завешанные грязными гниющими бинтами, доносились стоны и крики раненых и умирающих, на которые, впрочем, никто больше не обращал внимания. Люди привыкли к виду страданий и смерти. В таких «больницах» турецкие солдаты «умирали как мухи», и каждый день невозмутимые могильщики волокли мертвые тела на местное кладбище, где уже с трудом можно было отыскать место, чтобы выкопать новую яму для очередной дани смерти. Из наспех вырытых неглубоких могил высовывались человеческие кости и полуразложившиеся тела.

В этот городок, в котором, казалось, воплотились самые страшные ночные кошмары, прибывали солдаты и офицеры боевых частей, чтобы уговорами, мольбами или угрозами получить необходимое для себя и для товарищей имущество. Тыловые офицеры пытались рассматривать каждый запрос в соответствии с уставами, к чему их долго и тщательно готовили.

Вот типичный пример аргументов и контраргументов в таких диалогах. Офицер-врач с парохода-госпиталя на берегу беседует с тыловиком, у которого пытается получить печку.

– Трое больных этой ночью умерли от холеры. Это произошло потому, что на пароходе жутко холодно. Если не исправить положение, то очень скоро умрет еще много людей.

– Вам необходимо заполнить соответствующий запрос, подать его по команде в штаб, а затем получить оттуда подписанный экземпляр.

– Но пока я буду этим заниматься, умрет еще несколько больных.

– Ничем не могу вам помочь. Я должен получить заполненный запрос.

– Еще одна такая ночь будет последней для многих моих людей.

– Я действительно не могу ничего поделать. Мне нужен этот документ, чтобы выдать вам печку.

– Ради всего святого, дайте мне ее на время. Я готов взять на себя полную ответственность за ее сохранность.

– Мне искренне жаль, но я не могу этого сделать.

Тыловой офицер искренне верил, что действительно не может этого сделать. Перед ним стояла сложная дилемма. Если он сейчас поможет этому доктору, кто поручится, что завтра не придут другие и не потребуют того же? У него на складе хранится строго учтенное небольшое количество печек. Возможно, на кораблях, которые пришли под разгрузку, пришли еще печки для армии; но суда приходили в Балаклаву без всякой системы, и никто не мог знать точно, что именно они везут. Возможно, потребуется несколько дней, чтобы добраться до контейнера с печками, который может лежать где-нибудь на дне трюма. Что в таком случае делать с остальным выгруженным имуществом? Ведь на складе нет для него места. И в конце концов, учетом и распределением прибывающего имущества занимается совсем другая служба.

Офицерами тыла двигала не тупость, как писали газеты, и не равнодушие, как уверяли фронтовики. Они сами считали, что поступают так, как того требует устав и интересы службы. Оказалось, что вся система снабжения построена так, что в условиях войны становилась недееспособной. И требовались не дни и даже не месяцы для того, чтобы усовершенствовать систему управления и снабжения в армии, которую оторвали от сладких грез о былом величии и бросили в действительность, в которой одного героизма было недостаточно.

А солдаты тем временем продолжали умирать, и с этим нужно было что-то делать.

II

«Необходимо что-то срочно предпринять, – писал Раглан в меморандуме на имя начальника тыловой службы армии генерала Филдера, – для того, чтобы организовать нормальное снабжение армии, иначе это приведет к самым худшим последствиям. Я получаю жалобы ежедневно. Необходимо устранить все бюрократические барьеры». Далее он привел рапорт офицера, который прибыл в Балаклаву за овощами и получил от тыловых офицеров отказ с комментариями, что они не могут удовлетворить запрос на количество менее 2 тонн [23] .

«Я надеюсь, – продолжал Раглан, – что это неправда. Если же это соответствует действительности, то такой ответ – нонсенс, и мне хотелось бы знать, кто дал тыловым офицерам право так себя вести… Мне хотелось бы думать, что здесь имеет место редкий случай легкомыслия, тем не менее недопустимого в то время, когда необходимо мобилизовать все возможности для организации нормального снабжения войск».

Почти каждый день командующий получал жалобы и также ежедневно писал многочисленные указания, приказы, меморандумы, депеши, рекомендации, выговоры и инструкции. Кроме того, он взял на себя тяжкий труд лично извещать родителей всех погибших офицеров о смерти сыновей. Он разработал новый вариант медицинской повозки взамен нескольких, прибывших из Англии и оказавшихся слишком тяжелыми и ненадежными. Каждый документ, прибывавший в штаб, командующий изучал лично. Каждый документ, отправленный из штаба, он проверял тоже лично, а большинство таких документов писал сам. Многие вопросы, которыми должны были заниматься другие, ложились на плечи старого генерала. Он никому не позволял наводить порядок в своих бумагах. Многочисленные документы, казалось, были без всякой системы разбросаны на его рабочем столе, на кровати и даже на полу, но Раглан за несколько секунд мог найти нужную ему бумагу. Он поднимался в шесть часов утра и при свете свечи работал до восьми часов. После завтрака он проводил совещания с генерал-квартирмейстером, генерал-адъютантом, командующими инженерными войсками и артиллерией, начальником службы тыла и главным инспектором госпиталей. Выслушав доклады подчиненных, Раглан вновь возвращался за письменный стол и работал до обеда. Во второй половине дня он встречался с командирами дивизий и со всеми офицерами, желающими обратиться к нему. С этих встреч он возвращался один, реже в

сопровождении двух адъютантов и конного ординарца и вновь работал с документами до восьми часов вечера. После ужина, который был чуть ли не единственной возможностью пообщаться с французскими союзниками и обменяться с ними мнениями, Раглан опять шел к себе в комнату и вновь работал над своими бумагами в молчании и одиночестве. Никто не знал, сколько времени он проводил по ночам за письменным столом. Но почти всегда за полночь, а иногда и в час, и в два часа ночи в комнате командующего горела свеча. И даже когда Раглан ложился спать, еще долго часовой слышал, как он переговаривается с генералом Эйри, комната которого была отделена от спальни командующего деревянной перегородкой. Командующий позволял себе нарушать строгий распорядок рабочего дня только по воскресеньям, когда он читал Библию и принимал у себя священника.

Он вникал в каждую мелочь армейского быта и глубоко переживал страдания, которые испытывали его подчиненные. Однажды он узнал, что жена капрала 23-го полка родила дочь и ютится с ней в землянке. Раглан приказал доктору навестить женщину и передать ей продукты из его собственных запасов. На следующий день он лично навестил молодую мать. День выдался настолько холодным, что офицерам, писавшим домой, казалось, что чернила замерзают на кончике пера. Ветер с воем бросал в лицо Раглана комья снега со льдом. Подъехав в лагерь легкой дивизии, Раглан обнаружил молодую женщину и ее мужа стоящими на коленях перед входом в их убогое жилище. Оставив им продукты и теплую одежду, на следующий день генерал отправил им утепленную палатку, которую получил в подарок от друзей из Англии.

Никто лучше командующего не был осведомлен о том, в каком опасном положении находилась армия, какие лишения и страдания испытывали ее солдаты. Но позже, когда в адрес Раглана посыпались обвинения в ее многочисленных бедах, никто, кроме его приближенных, не знал, как упорно он работал, пытаясь побороть их.

Задолго до высадки в Крыму он просил предоставить ему больше наземного транспорта, но эта просьба была проигнорирована. В день высадки он приказал генералу Эйри срочно запросить в Англии пресованное сено. 8 августа Раглан доложил герцогу Ньюкаслскому о том, что при существующем снабжении имуществом и продовольствием армия вряд ли сможет зимовать в Крыму. 12 октября он приказал генералу Филдеру создавать в Скутари запасы топлива. На все восторженные поздравления и призывы из Лондона Раглан отвечал сдержанно и осторожно. Но когда перед битвой за Балаклаву он письменно

предупредил Лондон о том, какими суровыми бывают крымские зимы, получил в ответ письмо от герцога Ньюкаслского, в котором тот сообщал, что лорда «ввели в глубокое заблуждение». Герцог даже прислал книгу, где было написано, что крымский климат, вне всякого сомнения, относится к самым мягким и благоприятным на земле. В первых числах ноября, когда еще было неизвестно, кто победит при Инкермане, Раглан отправил одного из офицеров на южный берег Черного моря для закупки древесины, из которой планировал построить дома для всей армии. В Лондоне обещали обеспечить армию сборными домами, но так и не сделали этого. В Синоп, Самсун и Трапезунд были отправлены суда для закупки досок.

В тот же день Раглан предупредил генерала Филдера о том, что армии придется зимовать в Крыму. Он просил генерала принять во внимание этот факт и в соответствии с ним планировать деятельность своей службы. Несколько дней спустя Филдер, в свою очередь, отправил послание в министерство финансов Чарльзу Тревильяну, в котором обратил внимание на две объективные трудности, которые его служба не в силах преодолеть:

...

«Я глубоко признателен за все, что делается с целью обеспечить армию всем необходимым на зиму… В эту переполненную небольшую гавань одновременно может заходить лишь небольшое количество наших судов… Учитывая то, что осада предполагает расход многочисленного имущества, мы можем обеспечить лишь небольшое количество, необходимое для деятельности наших войск. К тому же после прошедших дождей дорога из порта в места расположения частей стала практически непроходимой. Существующее положение еще более ухудшится с приходом зимы. Нам придется обеспечить снабжение армии топливом и многим другим

имуществом. Одним словом, я очень обеспокоен и полон самых мрачных предчувствий».

Это письмо было написано 13 ноября. На следующий день разразился ураган, который унес много ценного имущества, и беспокойство генерала Филдера еще более усилилось. Так, например, он потерял двадцатидневный запас одного только сена.

Лорд Раглан отреагировал на произошедшее очень быстро. «Я настоятельно прошу, – писал он герцогу Ньюкаслскому, – срочно предпринять необходимые шаги для пополнения армейских запасов. Потери тыловых служб чрезвычайно велики. Генерал Филдер считает, что очень скоро армия будет испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии и фураже… В настоящее время необходимо срочно отправить в Крым судно с ружейными патронами».

На следующий день командующий с генералом Эйри выехали в Балаклаву, чтобы лично оценить ущерб от урагана. От увиденного в городе генералы пришли в ужас. По приказу командующего пострадавших поместили в госпитали; шкуры убитых животных было решено сохранить и использовать при постройке домов в качестве крыш; суда были срочно отправлены для закупки бревен. Следующим утром Раглан вновь обратился к герцогу Ньюкаслскому. «Вы не сможете обеспечить нас всем необходимым, – писал он, – ведь нам нужно так много разнообразного имущества».

18 ноября майор Ветеролл отправился в Константинополь с длинным списком того, что должен был там закупить. Филдеру было дано разрешение закупать сено и солому где угодно, по всему Черноморскому побережью, после того, как он в течение двух месяцев не мог получить фураж из Англии.

Раглан и Эйри оба понимали, что наличие необходимых запасов бесполезно при отсутствии хорошей дороги. Бэргойну поручили определить необходимое число рабочих для ее строительства. Он заявил, что для этого потребуется труд тысячи человек и два месяца времени. Но даже если бы людей удалось найти, добавил он, этого недостаточно – нужны инструменты, которых нет. За инструментами тотчас был отправлен в Константинополь офицер службы генерал-квартирмейстера. Оставалось решить проблему нехватки людей.

«Не в моих силах заставлять людей, – писал Раглан герцогу Ньюкаслскому, – которые с первого дня высадки работали на пределе своих сил, еще и строить дорогу. В госпиталях в Крыму

находится около 3 тысяч человек, в Турции – еще 8 тысяч. В отдельные дни количество способных держать в руках оружие, даже с учетом вернувшихся в строй, не превышает эти 11 тысяч. Из вернувшихся многие настолько слабы, что едва ли могут считаться полноценными солдатами. Люди несут службу в заполненных грязью траншеях, иногда по шестнадцать часов и даже целыми сутками. Они проводят там по пять-шесть ночей в неделю».

Англичане попытались привлечь к строительству дороги турок. Те собирали камни и рыли ямы. Но турки были до такой степени истощены, что лопаты буквально выпадали из их рук. Они умирали сотнями. Попробовали нанимать рабочих, но те умирали еще быстрее, чем турки.

Обратились за помощью к французским союзникам. Но, как заявили те, у них достаточно собственных проблем. Раглан, по его словам, пытался оказать на них давление, насколько это позволяли правила вежливости. Те были непоколебимы. Он обратился лично к Канроберу, но и это не помогло.

Дорога тогда так и не была построена. Почти все телеги и повозки пришлось бросить, животных стало нечем кормить. «Наши лошади быстро умирают, – писал Раглан, – но мы будем держать их столько, сколько сможем прокормить». Итак, тысячи тонн продовольствия гнили в Балаклаве на складах и в корабельных трюмах, в то время как солдаты были вынуждены носить на себе мимо разбитых телег, трупов животных, умерших и умирающих турок то немногое, что едва позволяло выживать. В госпитальных бараках и палатках стала ощущаться нехватка мест для растущего числа бледных, грязных, измученных болезнями людей, которые больше не могли выполнять свои обязанности.

Как и тыловая служба, медицинский департамент оказался не приспособленным для выполнения тех задач, которые ставила перед ним эта война. Раглан тратил много времени на попытки реорганизовать и сделать более эффективной его работу, на посещения больных и раненых, перед которыми чувствовал себя в неоплатном долгу.

Встречая полное непонимание со стороны главного инспектора госпиталей доктора Холла, который считал, что в работе его службы нет и не может быть серьезных недостатков, Раглан минимум один, а иногда и более раз в неделю объезжал госпитали. Во время каждой такой поездки он находил новые свидетельства равнодушия и некомпетентности персонала.

Доктор Джон Холл получил среди солдат прозвище Рыцарь Крымских Похоронных Команд и, как об этом с горечью отозвалась Флоренс Найтингейл, вполне ее заслуживал. Это был

желчный, упрямый и самовлюбленный человек, который считал, что заслуживает более высокого поста, чем должность главного медика экспедиционной армии. Раглан не любил и не уважал его и вскоре после высадки армии в Крыму отправил назад в Скутари для составления доклада о состоянии тамошних госпиталей. Флоренс Найтингейл еще не приехала туда и не успела посетить эти заведения, где больные, как она позже обнаружила, «жили в грязи и нищете». Сам доктор Холл докладывал, что госпитальная служба на должной высоте и что больные там не испытывают нехватки ни в чем.

Затем он вернулся в Крым, где снова прокомментировал некомпетентность.

С 19 ноября в балаклавском порту стояло транспортное судно «Эйвон», прибывшее туда, чтобы забрать раненых. Через две недели оно было переполнено. Раненые и больные лежали на палубе, укрытые лишь собственной шинелью, иногда одеялом, под присмотром единственного молодого хирурга. Их страдания были ужасающими; было невыносимо грязно. Офицер, навещавший там одного из своих знакомых, был настолько рассержен и ошеломлен увиденным, что немедленно отправился с докладом к Раглану.

Он приехал в штаб после полуночи. Командующий послал за доктором Холлом и потребовал от него немедленных объяснений. Вскоре Раглан, решивший поднять медицинскую службу армии до должного уровня, уволил главного медика Балаклавы доктора Лоусона. Доктору Холлу был объявлен выговор в приказе от 15 декабря. В ответ на это Холл, уязвленный вмешательством командования в дела его службы, назначил доктора Лоусона начальником военного госпиталя в Скутари.

Получив в очередной раз свидетельства неудовлетворительной работы медицинской службы армии, Раглан писал:

...

«Командующий армией вынужден с сожалением отметить плохую организацию работы службы медицинского департамента, в чем он вчера имел возможность убедиться лично. Из расположения одной из частей больные были направлены в госпиталь в Балаклаву,

о чем был заблаговременно предупрежден офицер медицинской службы. Однако службы госпиталя не сделали никаких приготовлений к приему больных. В результате больные были вынуждены провести несколько часов на улице при очень холодной погоде. Имя ответственного медицинского офицера известно командующему. Сейчас он не намерен называть его, однако требует от этого офицера не допускать подобного пренебрежения к своим служебным обязанностям в будущем. Заместителю главного инспектора госпиталей доктору Думбраку надлежит в дальнейшем оформлять все свои приказы медицинскому персоналу, ответственному за организацию приема больных, только в письменном виде. Впредь все больные будут следовать в госпитали Балаклавы или на госпитальные суда в сопровождении не только офицера медицинской службы, но и адъютанта штаба командующего, наделенного всеми полномочиями для организации их надлежащего приема и размещения».

Но, как признался в беседе со своим адъютантом сам Раглан, все эти меры напоминали попытку залатать решето: с каждым днем обнаруживались все новые и новые вопиющие недостатки. Приказы, рекомендации, новые правила, предложения по улучшению работы поступали из штаба во все армейские департаменты. Однако почти всегда они попросту игнорировались. Ведь невозможно с помощью бумаг изменить природу человека и мгновенно реформировать организацию работы армейских служб. Конечно, все понимали, что такие реформы необходимы, что они придут, но пока многие люди страдали, дожидаясь необходимых всем изменений. Что можно сделать, в отчаянии восклицал Раглан, если тыловик недоуменно пожимает плечами в ответ на указание командующего армией

упростить процедуру получения шинелей для солдат, которая предусматривает заполнение двух десятков бумаг в двух экземплярах? Что делать, если офицеры-тыловики всеми силами цепляются за букву уставов мирного времени, согласно которым солдат должен был получать новую шинель не чаще чем один раз в три года?

«Если бы даже Раглан обладал гением герцога Веллингтона, – сочувственно заявлял капитан Кемпбелл, – то и тогда он ничего не смог бы улучшить в материальном снабжении армии. Для этого ему пришлось бы ежедневно присутствовать в Балаклаве, которая была в руках «банды сумасшедших».

III

Какой бы страшной ни была царившая в Крыму неразбериха, в Лондоне дела обстояли во сто крат хуже. Для того чтобы попасть в нужные руки, любой армейский документ проходил по сложнейшему лабиринту столичной бюрократии. Например, срочный запрос на получение имущества должен был преодолеть до восьми различных инстанций, прежде чем выяснялось, имеется ли необходимое на складах. Если имущество не могло быть поставлено немедленно, чиновники начинали поиск среди армейских поставщиков и вели с ними бесконечные переговоры, которые продолжались до тех пор, пока сторонам не удавалось договориться о приемлемых ценах и сроках. Наконец все были удовлетворены, комиссионные уплачены, споры разрешены. Теперь приходил черед недель и даже месяцев ожидания, пока удавалось получить выполненный заказ.

Но даже наличие необходимого имущества на армейских складах вовсе не означало, что запрос экспедиционной армии будет выполнен без задержек. Зачастую у Адмиралтейства не было транспортных судов для доставки его в Крым. Как ни удивительно это звучит, но у величайшей морской державы, владевшей половиной мирового морского транспорта и имевшей крупнейший в мире флот, не хватало судов для выполнения срочнейших военных перевозок. Об этом лучше, чем кому-либо другому, было известно генералу Эйри. По мнению многих, неустанный труд генерала Эйри на тыловом поприще позволял ему добиться того, что «было бы не под силу никому другому». Однако многие считали, что «энергия генерала была бы более уместна в окопах».

28 ноября 1854 года Эйри отправил в Англию запрос на 3 тысячи армейских и 100 госпитальных палаток и другое имущество, в частности штыковые и совковые лопаты и кирки. 4 апреля 1855 года эта поставка все еще была предметом обсуждения в Уайтхолле.

Секретарь Управления вооружений тщательно объяснял ситуацию помощнику государственного секретаря по военным вопросам:

...

«Поставщики оказались не в состоянии обеспечить необходимое

количество запрошенных армией палаток… Они объясняют это отсутствием достаточного количества квалифицированных рабочих, так как до войны потребности рынка в этом товаре были минимальными. 28 марта пароходом «Уильям Беккет» в Крым была доставлена тысяча армейских палаток. Судно было предоставлено Адмиралтейством по запросу нашего управления от 13 января… еще тысяча палаток все еще не поставлена в армию, в связи с чем направляем в адрес вашего управления повторный запрос».

В следующем письме, отправленном помощнику секретаря 23 апреля, сообщалось, что Адмиралтейство все еще не предоставило транспортное судно для доставки армейского имущества в Крым.

После войны, выступая перед комиссией в Челси, генерал Эйри приводил и другие случаи задержек военных поставок. Например, запрос на поставку 2 тысяч тонн сена от 13 сентября 1854 года был выполнен только через восемь месяцев, когда почти все лошади в армии погибли. Раглан указывал правительству на недопустимые задержки в поставках имущества в трех официальных депешах и четырех частных письмах. Так, например, запрошенная 8 ноября плавучая пекарня прибыла в Крым только в конце мая следующего года. 24 июня 1854 года Раглан обратился в Лондон с предложением о создании в крымской армии штатной транспортной бригады. 20 января герцог Ньюкаслский прислал командующему депешу, из которой следовало, будто бы идея создания этой части исходила из правительственных кругов.

«Видя тот беспорядок, который царит даже в столице торговли Лондоне, – заявил генерал Эйри с понятным негодованием, – правительство, несомненно, верно оценит трудности, которые приходится преодолевать тем, кто внезапно оказался в Крыму, среди снегов и грязи».

Но, несмотря на значительные усилия, предпринимаемые Раглаком, Эйри и генерал-адъютантом Эсткортом, нападки на них и на весь штаб становились с каждым днем все более ядовитыми. Ведь кто мог быть лучшим объектом для критики,

чем сам командующий и его «трусливый штаб»?

17 ноября корнет Фишер пишет: «Лорд Раглан потерял доверие армии. Даже генерал Канробер пользуется у английских солдат и офицеров лучшей репутацией, чем собственные генералы: ведь он еще не успел выставить себя глупцом».

«Каждый знает Канробера, – вторит ему капитан Шекспир, – будь то англичанин или француз… Он на все имеет собственное мнение и никогда не теряет присутствия духа. Британские солдаты приветствуют его с большим энтузиазмом, чем кого-либо другого».

Во многом виной этому был сам Раглан. Он всегда пытался проскакать через лагерь своих солдат незамеченным, в сопровождении не более трех офицеров. Он предпочитал перемещаться в темноте, одетый в неизменный длинный плащ, присланный ему из Вены леди Уэстморленд. Солдаты, которые встречались с командующим и даже общались с ним, были зачастую убеждены, что разговаривали с гражданским лицом, с гостем. Леди Фримантл однажды спросила своего родственника, молодого офицера, вернувшегося с Крымской кампании, верно ли то, что пишут в газетах, будто «Раглан недостаточно известен собственным подчиненным». Молодой человек ответил, что в армии, как и в газетах, обсуждали подобные слухи. Он лично разговаривал с офицером, который заявил, что понятия не имеет о том, как выглядит командующий.

«Я никогда не видел его», – говорил тот офицер. Тогда я сказал ему: «Да вот же он, его везут в госпиталь». – «Так это и есть лорд Раглан? – в изумлении воскликнул офицер. – Да я видел его сто раз, но понятия не имел, что это наш командующий». Раглан, на самом деле, предпочитал перемещаться по лагерю в сопровождении всего одного адъютанта. Никому из тех, кто его не знал, и в голову не приходило, что этот незаметный джентльмен в темном платье был их командующим».

Генерала Канробера, который не был столь тщеславным, как маршал Сент-Арно, тем не менее постоянно сопровождали 6 – 8 штабных офицеров, 1 или 2 ординарца-спаги и эскорт из 20 гусар под французским флагом. Увидев его, солдаты как французской, так и британской армии поднимались и вытягивались в приветствии. А как раз этого Раглан постоянно избегал. Поэтому офицеров нельзя было винить за то, что они пребывали в уверенности, что командующий ни разу не наведался в их расположение. Они писали об этом родственникам и знакомым.

Вначале от этого не было особого вреда. Но вскоре эту тему подхватили газеты, она стала обрастать все новыми подробностями, а затем этим слухам начинали верить так же, как

официальным сообщениям.

25 ноября корреспондент «Таймс» начал свою депешу в газету следующими словами:

...

«Льет дождь. Небо покрыто облаками чернильного цвета. Ветер с завываниями пробует на прочность палатки. Траншеи наполнены грязной жижей. В палатках воды по колено. У солдат нет теплой осенней и зимней одежды. Они проводят в траншеях по 12 часов без перерыва, испытывают на себе все бедствия зимней кампании. Но никому нет дела до того, чтобы позаботиться об их комфорте или хотя бы об их жизнях».

Это было началом нападок прессы на командование.

Глава 15 ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЧАСТНОГО ЛИЦА

Наконец, я обрушился на лорда Раглана и на генеральный штаб.

Джон Делейн

I

Главный военный корреспондент «Таймс» Уильям Говард Рассел, крупный неунывающий чернобородый ирландец тридцати пяти лет, большой любитель вкусно поесть и выпить бренди, находился в экспедиционной армии с самого начала войны. Он заслужил репутацию «своего парня» на солдатских пирушках; рассказы о его многочисленных нелепых злоключениях на войне, сдобренные богатым ирландским юмором, пользовались неизменным успехом у британских военных, не избалованных развлечениями. Рассел находил самый теплый прием в палатках молодых офицеров. В его присутствии те всегда открыто высказывались о своих бедах и страданиях, об опасениях за исход кампании. В отличие от большинства говорунов, сосредоточенных только на собственной персоне, Рассел умел слушать других. Кроме того, он умел хорошо излагать свои мысли на бумаге. Его репортажи, написанные простым, ясным и острым языком, живые и язвительные, охотно читали все мало-мальски грамотные жители Лондона.

Конечно же были и такие, кто не любил его и не доверял его статьям. Их раздражал неизменный оптимизм Рассела, они находили едкий сарказм репортера проявлением дурного вкуса. Их обижали прямые высказывания Рассела в адрес генералов и офицеров штаба. Такие люди старались не замечать его, избегая даже здороваться с ним. «Если сообщить миссис Диксон, – писал отцу офицер 7-го полка, – что корреспондент «Таймс» Рассел ирландец по национальности, она сразу же поймет, можно ли доверять его рассказам».

Капитан Клиффорд высказывался еще более открыто: «Это вульгарный ирландец, католик (которого, впрочем, мало заботят вопросы религии). Но этот человек, несомненно, обладает хорошо подвешенным языком и имеет бойкое перо, прекрасно поет, с удовольствием пьет чужой бренди, готов выкурить столько чужих сигар, сколько ему позволят эти глупые молодые офицеры. Большинство в лагере считает его веселым и компанейским парнем. У него несомненный дар выуживать информацию, особенно у тех, кто помоложе. И я уверяю вас, что не один дворянин задумывался над тем, стоит ли протянуть руку для пожатия джентльмену с такой сомнительной репутацией. Откровенно говоря, он не принадлежит к числу тех, кто пользуется авторитетом и уважением в нашем кругу».

Рассел не скрывал своей неприязни к генералам, которые не удостаивали его даже рукопожатия, и в особенности к лорду

Раглану. И у него были все основания для такой неприязни. Так, например, перед поездкой в Крым редактор Джон Делейн уверял Рассела в том, что лорд Хардиндж лично распорядился предоставить ему место на пароходе вместе с гвардейцами. Но когда журналист прибыл в Саутгемптон, выяснилось, что никто понятия не имел о его прибытии. Поэтому Расселу пришлось самостоятельно добираться до Мальты. С большим трудом, с помощью одного из служащих порта Рассел получил место на транспортном судне, отправлявшемся в Галлиполи. В Турции ему отказали в жилье и питании, а когда он обратился к армейскому командованию с просьбой предоставить ему место на пароходе, то вновь получил отказ. «Мне приходится голодать, – жаловался Рассел Делейну, – на случай, если армия остановится лагерем вне населенного пункта, у меня нет даже палатки. Но если бы она у меня и была, я очень сомневаюсь, что сэр Джордж Браун позволит мне установить ее в расположении войск. Все мои попытки получить лошадь не увенчались успехом… Мне приходится жить в свинарнике».

Через месяц Рассел узнал, что Делейну удалось получить для него разрешение жить и питаться с армией. Но к тому времени критические статьи по поводу организации и управления армией рассорили его со всеми старшими офицерами. Несмотря на то что пока еще не назывались конкретные имена, Рассел успел раскритиковать медицинское управление «за постоянное отсутствие внимания к больным», службу генерала Джорджа Брауна «за подготовку к размещению войск в Галлиполи, которую даже нельзя было назвать подготовкой». Службе генерал-квартирмейстера досталось за неудачный выбор места для военного лагеря, а генерал-адъютанту – за постоянное пьянство британских военных, которое «успело превратиться в самое большое зло в армии союзников». Управление войсками было «неудовлетворительным», контраст с французами – «поразительным». Большинство из приведенных Расселом фактов были правдивыми, но журналист не очень удивился, когда купленная им и установленная в лагере легкой дивизии палатка вскоре была унесена ветром. Возможно, это произошло потому, что она была бракованной и не отвечала армейским стандартам. Но многие считали, что это произошло из-за того, что палатка принадлежала грубияну журналисту «этой чертовой «Таймс».

Рассел хотел встретиться с Раглaном, но адъютант командующего заявил, что у генерала нет времени на эту встречу. Журналист навсегда запомнил это оскорбление. «Мне ясно дали понять, – жаловался он редактору, – что Раглан не намерен признавать прессу… Обещания, данные в Лондоне, здесь ничего

не стоили».

Рассел был не единственным корреспондентом, которому в британской армии оказали холодный прием. Сомерсет Калторп писал:

...

> *«Не знаю почему, но репортеры английских газет очень непопулярны в армии. Они стараются повсюду отыскать недостатки и обвинить в них английские власти, как будто их целью является дискредитировать нас в глазах союзников. Они ко всему подходят критически, пишут обо всем в брюзгливой манере… Несколько дней назад в штаб явились два корреспондента. Они потребовали палатки, еду, лошадей и прочее для себя и своих слуг. Когда им указали, что армия не может удовлетворить такие непомерные требования, репортеры заявили, что оскорблены подобным обращением».*

Пытаясь оградить Раглана от внимания назойливого журналиста, адъютанты оказали командующему плохую услугу. Такое пренебрежительное отношение к представителю самой влиятельной газеты в мире было бы немыслимым в современной армии. Однако в те времена не все еще понимали могущество прессы. Еще герцог Веллингтон однажды высказался о газетах как о «нонсенсе» в жизни военных. У Раглана же были основания рассматривать их как нечто гораздо худшее. Он, конечно, не предпринимал попыток избавиться от многочисленных военных корреспондентов или установить в армии цензуру. И это несмотря на то, что прессу можно было обвинить в многочисленных случаях разглашения секретной информации противнику. Он предпочел игнорировать ее. «Единственным способом уменьшить вред, который приносят корреспонденты, – писал он герцогу Ньюкаслскому, – это не обращать внимания на их репортажи».

Если бы он не игнорировал прессу, и особенно Рассела, свет не увидел бы такого количества клеветы, которую пишущая

братия обрушила на военных и на самого Раглана. Рассел в своих репортажах пользовался фактами, полученными в беседах с молодыми офицерами. Если бы ему дали возможность увидеть, как работает командующий и его штаб, если бы ему рассказали о фактах откровенного пренебрежения, преступной медлительности и неразберихи в Лондоне, о фатальном несовершенстве структуры военного ведомства, он, возможно, не допустил бы тех ошибочных оценок, которые были характерны для его репортажей. Но прессе было отказано даже в кратких контактах с командованием и штабом. А сам Рассел так ни разу и не поговорил с человеком, в смерти которого, как позже заметил редактор Делейн, «он был в немалой степени виновен».

При этом Делейн забыл прибавить, что и он сам виноват в травле Раглана. Вплоть до начала декабря Рассел выражал критические замечания в адрес командования в форме частных писем, которые редактор Делейн регулярно передавал членам кабинета министров. В одном из таких писем, датированном 8 ноября, критика Рассела была особенно убийственной. Он писал, что командующий, этот «изящный джентльмен», вел себя в сражении под Инкерманом как сторонний наблюдатель. «Я убежден, – писал Рассел, – что лорд Раглан абсолютно непригоден для того, чтобы возглавить армию при выполнении сложных боевых задач… Одной из главных причин его серьезнейших неудач является то, что он никогда не появляется в войсках. Он не посещает подразделения, чтобы ободрить своих солдат. Солдаты его совсем не знают… Я уверен во всех фактах, которые сейчас перечислил». В другом письме Рассел сообщал Делейну, что Раглан «уже месяц не появляется в Балаклаве», что он «ни разу не был в балаклавском госпитале и никогда не появлялся в расположении подразделений гарнизона».

Постепенно частные письма Рассела стали приобретать силу официальных документов. Нападки на армию из общих превращались во все более конкретные. 23 декабря «Таймс» сообщала, что «величайшая армия, которая когда-либо отправлялась от британских берегов, становится жертвой неумелого командования. Под Севастополем царят некомпетентность, аристократическое высокомерие, летаргия, равнодушие официальных лиц, рутина и глупость… Как бы нам этого ни не хотелось, мы вынуждены отметить, что уже давно никто не видел и не слышал командующего».

Еще через неделю «Таймс» вернулась к этой теме. В передовой статье газеты говорилось:

«Есть люди, которые считают, что финалом развития событий может стать то, что из окрестностей Севастополя вернутся только

командующий и его штаб. Они единственные выживут, получат все положенные награды и почести и вернутся домой, где будут почивать в довольствии и почете на костях 50 тысяч солдат. Официальные лица и все общество должны почувствовать беспокойство, проявить волю и назначить новых лиц на места тех, которые сейчас держат в своих руках судьбу армии».

Несколько дней спустя Делейн написал Расселу: «Возможно, еще до того, как вы получите это письмо, вы услышите, что, наконец, я обрушился на лорда Раглана и на генеральный штаб. Ведь только из-за некомпетентности и вялости командования армия несет такие ужасные потери».

Обрушившись на генерала и его окружение, репортеры с каждым днем усиливали натиск. Все чаще и чаще раздавались голоса, критикующие царившие в армии порядки привилегий для аристократии. Обиженные офицеры, которых заверили, что их замечания обязательно будут опубликованы, писали горькие письма, полные неприглядных фактов. «Таймс» читали и обсуждали практически все. Газета писала о солдатах, умиравших в холодной грязи в то время, как «их джентльмен-командующий со своим аристократическим штабом» созерцали сцены упадка и разрушения со «спокойствием философов». До того как об этом начала писать пресса, «человек, на котором лежит вся ответственность за ситуацию, сложившуюся в армии, едва ли связывал себя со всеми лишениями, на которые были обречены его солдаты. Ему, аристократу, не было никакого дела до безопасности армии в Крыму». Через пять дней появилась статья, в которой высказывалось предположение, что лорд Раглан «ведет праздный образ жизни в окружении остатков армии», что вскоре он и его аристократическое окружение вернутся домой вместе со своими «лошадьми, посудой, слугами-китайцами, поварами-немцами и тоннами имущества. При этом они не забудут сделать официальное заявление о том, что последний британский солдат пал на поле боя, а позиции британской армии заняли их храбрые союзники».

Опубликованные письма британских военных дышали не меньшим сарказмом, чем статьи журналистов. Как говорилось в письме, полученном неким джентльменом от своего сына-офицера, опубликованном 2 января, «все ворчат и жалуются». «Повсюду беспорядок и неразбериха… Каждый надеется, что за него его обязанности выполнит кто-нибудь другой, и в результате никто не делает ничего. Лорда Раглана не видели уже три недели. Ходят слухи, что он отправился зимовать на Мальту. Он преуспел лишь в том, что сделал каждого недовольным собой».

На следующий день «Таймс» опубликовала письмо еще

одного «офицера-фронтовика, имя которого широко известно». В нем говорилось, что «лорда Раглана (если только он еще не вернулся в Лондон) давно никто не видел. Неизвестно, имеет ли он представление о том, что происходит в его армии… И все же ему присвоили звание фельдмаршала. Это звание он получил не благодаря своим способностям, а благодаря тому, что его солдаты и офицеры проливали за него кровь».

Цитировали также «гвардейского офицера», который якобы написал: «Лорд Раглан очень быстро приобрел скверную репутацию во всей армии за свое безразличие ко всему. Еще долго люди будут помнить об этом… Английская армия хоронит в день по 60 – 70 человек. Вина Раглана в том, что его абсолютно не волнует, обеспечены ли его солдаты одеждой и жильем. Он ничего не делает для армии даже тогда, когда может ей помочь».

Другие офицеры обвиняли Раглана в том, что он позволил своему штабу ввести себя в заблуждение. Штабу якобы удалось убедить командующего в том, что все идет нормально и ему не о чем беспокоиться.

Когда копии этих писем, якобы написанных гвардейскими офицерами, достигли лагеря англичан в Крыму, Сомерсет Калторп раздраженно заметил, что «трудно поверить в то, что английские джентльмены способны написать такое». Прочитав одно из писем, адъютанты Раглана попытались отыскать его автора. Офицеры гвардии пользовались репутацией «вечно всем недовольных», однако «написать такое было слишком нелепо даже для них». Были опрошены все офицеры гвардейской бригады, но автор писем так и не был обнаружен.

Леди Уэстморленд была убеждена, что письма сфабрикованы в Лондоне. Многие, включая Найджела Кингскота, соглашались с ней. Другие, хотя и не сомневались в подлинности писем, отмечали, что их авторы были «жестоки и непростительно неблагодарны».

Один из ветеранов 43-го полка в письме к своей кузине в Окленд так высказывался о «лживых письмах корреспондента «Таймс»:

…

«Если вы зададитесь целью найти самого благородного и добросердечного человека, настоящего друга солдата, достаточно произнести имя Раглан.

За этим именем стоит не только храбрый воин, но и человек исключительных моральных качеств. Я говорю так не только потому, что люблю его всем сердцем, но и потому, что столько лет прослужил под началом этого славного человека и солдата, который даже после гнусных нападок газетного писаки предстает во всем величии и славе, заслуженных верностью своей королеве и стране, которую он сделал еще более могучей. Простите меня за многословность, но моя кровь солдата кипит от негодования на «Таймс» и другие зловредные газеты».

«Некоторые из писем офицеров написаны настолько оскорбительным тоном, – заявил Генри Клиффорд, – что стыдно даже публиковать их… Если бы молодой джентльмен, в своем письме домой обвиняющий во всем лорда Раглана, лучше выполнял свои обязанности по службе, для большинства из его жалоб не было бы оснований… Меня приводит в ярость вид полковых офицеров, распространяющих дурно пахнущие сплетни по поводу провалов, в которых они сами же виноваты».

Значительная часть гнева фронтовых офицеров, несомненно, была вызвана спокойным, бесстрастным тоном приказов лорда Раглана, усвоенной им от герцога Веллингтона практикой стараться пореже читать нотации офицерам, сосредоточившись на генералах и штабах. Письма часто начинаются с жалоб на «равнодушие» командующего, на аристократическое «бездушие и безразличие к страданиям простых людей». «Армия разочарована тем, как хладнокровно Раглан наблюдал за кровавым боем при Инкермане», – сетовал капитан Кемпбелл из 46-го полка. «Как и сам герцог [Веллингтон], – жаловался артиллерийский капитан, – лорд Раглан считается со всеми родами войск, абсолютно игнорируя артиллерию. Это вызывает недовольство среди нас». Гвардейцы тоже полагали, что с ними обращаются незаслуженно плохо. Полковник гренадеров даже посчитал своим долгом составить официальную жалобу на командующего.

Но даже если допустить, что командующему можно предъявить претензии в старомодности и невнимании, то некоторые из обвинений в его адрес совсем непонятны. Так,

некоторым из офицеров он представляется чуть ли не монстром, по вине которого случаются все их беды и мелкие неприятности. Раглан был виноват и в том, что их карьерный рост шел слишком медленно, что снабжение было организовано плохо, что почта постоянно задерживалась. Например, корнет Фишер, долгое время не получая писем от родителей, предположил, что его лордство пользуется его корреспонденцией для разведения огня. Спустя две недели, когда выяснилось, что задерживается письмо домой самого корнета, тот, недолго думая, заявил, что «это чудовище» Раглан желает задержать все письма, в которых английские солдаты и офицеры могут пожаловаться на то, что в их дивизии пища была доставлена с двухдневным опозданием, а мясо – даже с трехдневным.

Капитан 8-го гусарского полка Даберли писал своей знакомой, которая была замужем за членом парламента, о том, что после бури начальник тыла доложил лорду Раглану, что в связи с трудностями в снабжении армии кавалерию необходимо отправить зимовать в Скутари. Ответ Раглана был таков: «Даже если солдаты будут есть колышки своих палаток, ни один кавалерист не покинет этих мест, пока не будет взят Севастополь».

В британских газетах «Таймс», «Дейли ньюс», «Морнинг геральд» и других постоянно цитировались подобные письма и слухи. Лорд Раглан, не обращая внимания на злобную клевету плохо информированных газетчиков, тем не менее заметил в ней симптомы всеобщего разочарования, первые дуновения приближающейся бури. В длинном ответе на письмо королевы, в котором она выразила свое огорчение по поводу «позорных статей в прессе», Раглан написал:

...

«Нападки на армейских офицеров, которыми сейчас пестрят колонки газет, имеют цель не просто очернить их перед Вашим Величеством и общественным мнением. Они направлены на то, чтобы изменить сами основы воинской службы, передать командование из рук Вашего Величества, которому все мы с гордостью служим и повинуемся, под

непосредственный контроль парламента. Более четверти века я, лорд Раглан, был одним из высших руководителей армии. За это время случались периоды, когда страна была охвачена политическими волнениями, для погашения которых привлекались военные. Во все времена для британского военного были характерны стойкость, верность и дисциплина. Ни при каких обстоятельствах английский солдат ни в малейшей степени не демонстрировал приверженность той или иной политической партии, несмотря на то что над армией всегда стояли джентльмены различных политических воззрений».

Будучи консерватором до мозга костей, Раглан далее писал о «совершенстве существующей армейской системы», о том, что, пользуясь представившимся случаем, надеется на то, что в ней не произойдет изменений, которые могли бы отвратить юных джентльменов от профессии, которой они хотели и могли бы служить верно и честно на благо короне.

Это письмо вызвало немедленную и очень всем понятную реакцию. По какому праву, позже гневно обрушивалась королева на прессу, «Таймс» третирует офицеров? Теперь она была полностью согласна с тем, что армия стала «объектом злостных и бесчестных нападок со стороны корреспондентов газет». Руководство армией «всегда было одной из главнейших прерогатив королевы». Она была «полностью согласна с важностью сохранения своих позиций в армии… с тем, чтобы не дать парламенту узурпировать военную власть».

Лорд Раглан поблагодарил королеву за то, что она «благосклонно согласилась ознакомиться с его замечаниями». Он «все более и более убеждался в их правильности». По его мнению, как бы удивительно это ни звучало, но «генерал Канробер неоднократно соглашался с Рагланом в его оценке назначения прессы и выражал надежду на то, что демократические перемены никогда не коснутся британской армии. Порочность демократии, по мнению Канробера, очевидна, несмотря на некоторые исключения, в частности случаи, когда выходцы из рядовых делают военную карьеру» [24] .

Откровенный консерватизм Раглана, так явно продемонстрированный им в переписке с королевой, разделяло большинство армейских офицеров. И если бы они узнали, что Раглан был прав в предположении, что настоящей целью критики прессы было изменение военного законодательства и передача власти над армией парламенту, то, вероятно, пришли бы в ужас оттого, что доверчивые родственники, не спрашивая их разрешения, передают полные отчаяния и боли письма из-под Севастополя в газеты и тем самым способствуют достижению этой цели. Более умные, хотя и не разделяли теории Раглана о всеобщем заговоре, в то же время понимали, что множество гневных писем военных публикуются в газетах совсем не из тех альтруистических соображений, которые провозглашали их хозяева и редакторы. Они понимали, что, когда армия в тяжелом положении, объектом для обвинений и критики становятся ее командиры, что человек, стоящий впереди, в таких случаях всегда выглядит воплощением всех огрехов системы и несет ответственность за то, в чем виноваты все.

«Я вижу, – писал домой капитан Элтон, – что «Таймс» отзывается о Раглане все более неприязненно. Я понимаю, что людям свойственно искать виновного во всех грехах, что они ищут выход своему гневу и разочарованию. Но я уверен и в том, что сейчас на Раглана пытаются взвалить вину тех, кто находится гораздо ближе к дому».

Многие, подобно капитану Элтону, понимали, что, «если море начинает штормить, для каждого кита найдется свой Иона». И они сознавали, что Раглан не самая главная кандидатура на роль жертвы. «Настоящий виновник во всем не кто иной, как наше собственное правительство», – заявил майор Джослин. «Я считаю, – писал другой офицер, – что Раглан здесь ни при чем. За все должен ответить этот предатель Эбердин. Если бы он появился здесь, я не много поставил бы за сохранность его шкуры. Думаю, его съели бы живьем без соли». «Правительство, – заметил позже полковник Белл, – признало свою вину за наши беды и неудачи. Но они не горят желанием признаться в этом публично, в прессе».

Кто-то должен был стать козлом отпущения. Но, как считали в правительстве и парламенте, кто угодно, но не они.

II

31 января графиня Уэстморлендская написала из Вены своей подруге: «Мне очень обидно. Я чувствую себя униженной. Я в ярости, видя, какую игру ведет моя страна. Среди министров, которые так охотно оправдывали себя вместе и поодиночке, не нашлось ни одного, кто имел бы мужество высказаться в защиту лорда Раглана. Они так боятся обидеть своих хозяев, вызвать недовольство прессы! Вы понимаете, как я возмущена их поведением».

Это было более чем правда. С начала декабря правительство подвергалось постоянным обвинениям со стороны обеих палат. Любого, кто имел отношение к военному ведомству, не исключая даже принца Альберта, осыпали оскорблениями и насмешками не только в парламенте, но и в прессе. «Здесь все идет наперекосяк, – писал принц вдовствующей герцогине Кобургской, – политический мир сошел с ума. Пресса, которая в собственных интересах раздувает известия о страданиях наших солдат, вызвала озлобление нации. Газеты призывают наказать всех и каждого, но не могут найти, кого именно, поскольку такого человека просто не существует».

Имена лорда Раглана и офицеров его штаба, в первую очередь генералов Эйри и Эсткорта, почти всегда упоминались с осуждением. Иногда звучали прямые обвинения в их адрес. Некоторые газеты пытались заступиться за них, но никто в парламенте не замолвил ни слова в их защиту. Создавалось впечатление, что министры были готовы пожертвовать кем угодно, лишь бы их самих оставили в покое. 31 января Чарльз Гревилль записал в своем дневнике: «Репутация Раглана стремительно падает. Этого мнения придерживаются и министры. И тем не менее они находятся в сложном положении, поскольку не могут отозвать его: ведь он не совершил ничего действительно предосудительного или скандального».

Отказываясь защищаться, с презрением игнорируя самые дикие обвинения, заверяя герцога Ньюкаслского в том, что он видит в этом всего лишь извечную брюзгливость англичан, Раглан казался окружающим по-прежнему спокойным и невозмутимым. Лорд Бэргхерш, который встречался с ним каждый день, рассказывал леди Уэстморленд, что Раглана не трогали ни нападки в парламенте, ни статьи в газетах, ни опубликованные письма неизвестных офицеров. Только из писем жене было видно, насколько глубоко он страдал. Только жена и сестра знали, каким мягким и ранимым человеком был Раглан, как тяжело переносил

обстановку всеобщей травли.

Он писал, что чувствует себя одиноким и опустошенным. Даже королева, дружеские письма которой так много для него значили, теперь казалась все более сдержанной, отстраненной и обеспокоенной.

Отправляя домой письма, полученные от королевы, лорда Эбердина и герцога Ньюкаслского по случаю присвоения звания фельдмаршала, Раглан написал дочерям, насколько сердечными и искренними были поздравления, полученные им в связи с повышением, которого он, кстати, не вполне заслуживает, от них всех, особенно от членов семьи [25] .

...

«Самой любезной была королева. Настолько, что большей любезности просто невозможно представить. Слова лорда Эбердина обо мне и моей службе были настолько лестными, что казалось, что человек с такой холодной внешностью не способен на них. Я уверен и в том добром отношении, которое испытывает ко мне герцог Ньюкаслский».

Однако теперь все изменилось. Письма королевы все еще были вежливыми и любезными, но Раглан не мог избавиться от ощущения, что в них звучат укоризненные нотки. В поздравлении по случаю нового 1855 года, отправленном из Виндзора, королева коротко подтвердила получение последнего письма Раглана и поблагодарила за него. Затем без предисловий перешла к сути дела:

...

«Тяжелые испытания, выпавшие на долю армии, плохая погода и болезни вызывают глубокое беспокойство Ее Величества и принца. Чем более стойко наши храбрые солдаты переносят трудности и лишения, тем большие

страдания доставляет Ее Величеству мысль о том, что эти испытания все еще продолжаются.

Королева надеется на то, что лорд Раглан приложит все усилия к тому, чтобы страдания солдат не усугублялись небрежным, недобросовестным отношением тех, кто по долгу службы отвечает за удовлетворение их нужд. Королева слышала о том, что солдатам подают зеленый кофе вместо прожаренного, и о многом другом. Это потрясло Ее Величество, и она считает, что для армии должны быть созданы такие условия, каких только можно добиться при данных обстоятельствах. Королева искренне надеется, что направленные в Балаклаву значительные запасы теплой одежды не только достигли места назначения, но и были розданы солдатам, что лорд Раглан лично проследит за строительством жилья для подчиненных. Лорд Раглан не может себе представить, как мы переживаем за нашу армию и как хотим уменьшить ее страдания…»

Лорд Раглан ответил немедленно и очень подробно, не забыв прокомментировать ни один из пунктов письма королевы. Без цветастых извинений и экстравагантных обещаний он приложил все усилия для того, чтобы успокоить ее величество. Он писал, что делается все возможное. И не кривил душой:

…

«Уверяю Ваше Величество, что все мои мысли и время посвящаю тому, что прилагаю усилия, чтобы удовлетворить различные нужды Ваших войск. К сожалению, не в моих силах облегчить бремя обязанностей,

которые они выполняют. Обращаю внимание Вашего Величества, что, несмотря на имеющуюся у Вас информацию о неудовлетворительной работе штаба армии, я имею все основания быть довольным службой офицеров штаба, тем, с каким рвением они относятся к выполнению своих обязанностей».

Раглан проинформировал королеву, что три месяца назад казначейством был заказан жареный кофе, но он все еще не прибыл. Инженеры под руководством капитана корабля «Санспарейл» сконструировали машины для жарки зеленого кофе, по ошибке присланного в армию, но их мощности недостаточно, чтобы обеспечить всех солдат и офицеров. Раглан сообщил об этом королеве вовсе не для того, чтобы обвинить казначейство. Он вообще не любил жаловаться на кого бы то ни было до тех пор, пока не располагал точными доказательствами вины.

Затем он с негодованием отверг все те обвинения, которые выдвигал против него герцог Ньюкаслский.

До конца 1854 года герцог симпатизировал Раглану в его деятельности, пытался защитить его от «хулиганских выпадов «Таймс». Но теперь отношения между этими людьми изменились. Нападки «Таймс» становились все более активными. Правительство также старалось выставить себя «жертвой обмана военной системы», дистанцироваться от человека, который «привел армию к ряду ужасных провалов», что, в свою очередь, поставило страну «на грань катастрофы национального масштаба». «Конечно же первой жертвой мести общественного мнения стану я, – жаловался герцог Раглану, – а вороха бумаг, которые подготовили как тори, так и радикалы, уже предрешили мою судьбу».

Тон личных писем герцога Раглану изменился. Теперь они были полны обвинений. Он больше не выражал симпатий командующему крымской армией. Он писал о «необходимости перемен и реорганизации», «недобросовестном выполнении служебных обязанностей», «безразличии к судьбе армии», «непонимании сомнений в правительстве», «безразличии в армейском руководстве». Герцог повторял все те многочисленные жалобы, которые поступали ему как от членов парламента, так и от простых людей. Пальмерстон спрашивал о письме, в котором

командующего обвиняли в том, что он прибыл на поле битвы под Инкерманом, когда сражение было почти закончено. Некоторые интересовались, почему офицеры штаба жили в роскоши, в то время как армия голодала. Почему больные должны были собирать хворост для генеральских костров? Одна из офицерских жен требовала объяснений, почему ее муж мечтает о смене белья.

Лорд Раглан отвечал на обвинения спокойно, с полным самообладанием, не обращая внимания на откровенные нелепости. Вскоре герцог обрушился на генералов Эйри и Эсткорта и на других старших штабных офицеров. Обвинения, поначалу расплывчатые, становились все более серьезными и категоричными. Герцог настаивал на немедленном увольнении этих офицеров. Раглан выступал в их защиту с горячностью, удивительной для человека, которого никогда не беспокоили даже ложные выпады против самого себя.

Он «целиком и полностью отдавал себе отчет в абсурдности выдвинутых правительством претензий».

...

«С глубокой озабоченностью я наблюдаю за тем, как, основываясь на частных письмах, Вы обвиняете генералов Эйри и Эсткорта, а также других офицеров штаба. При этом никто не выражает пожелания узнать и мое мнение начальника о качествах моих подчиненных. Почти полвека я находился на государственной службе, но никогда не сталкивался с подобными огульными обвинениями. Вышеназванные офицеры заслуживают самой высокой оценки. Ежедневно наблюдая за их работой, я не мог не отметить их высочайшей квалификации. Кто может лучше судить об этом: я или неизвестные авторы анонимных посланий?

Считаю невозможным освобождение от своих постов этих людей, как не имеющее для этого ни малейших оснований.

Прошу простить меня, но я считаю своим долгом добавить, что рассматриваю Ваше согласие с обвинениями против этих офицеров как свидетельство Вашего недоверия ко мне, командиру этих людей, поскольку в своей повседневной деятельности они руководствуются моими приказами.

Я считаю, что нападки на штабных офицеров вообще направлены, в первую очередь, на мой личный штаб. Моих подчиненных обвиняют в аристократической надменности, пренебрежении к солдатам и бог знает в чем еще. Это очень удивительно для меня, поскольку ранее я повсеместно слышал о своих старших офицерах прямо противоположные отзывы. Они все настоящие джентльмены, действительно образованные люди. Они ревностно относятся к выполнению своего долга и учтивы с окружающими.

Среди них нет такого, который, как и я сам, не был бы готов выполнять свои обязанности в любое время дня и ночи».

Получив неожиданно решительный отпор, правительство отказалось от намерения настаивать на немедленной отставке Эйри и Эсткорта. Однако, как заметил в следующем письме герцог Ньюкаслский, необходимо было срочно что-нибудь предпринять. Нужно было удовлетворить общественное мнение и прессу, принеся кого-то в жертву. Не согласится ли лорд Раглан на перевод генерала Эйри в войска? «Считаю необходимым отметить, – написал в ответ командующий, – что, если генерал Эйри будет удален с поста генерал-квартирмейстера, это нанесет самый серьезный ущерб службе и будет оскорбительно для меня. Мне было бы очень трудно обойтись без него. Я считаю его услуги бесценными».

Но в правительстве уже решили, что Эйри идеально подходит на роль козла отпущения. Члены кабинета использовали любую

возможность для того, чтобы убедить Раглана избавиться от этого человека. Боевые генералы и старшие офицеры, уверяли командующего, не любят Эйри. И хотя его главный недоброжелатель генерал Кэткарт был мертв, генерал Браун едва ли относился к Эйри лучше. Неожиданно помирившись в Лондоне, непримиримые враги Кардиган и Лекэн «не произнесли об Эйри ни одного хорошего слова». Лэси Ивэнс высказывался о генерал-квартирмейстере только в критическом тоне; свое мнение он открыто высказывал в письмах старому другу Делейну. Необыкновенно умный и трудоспособный, но в то же время беспокойный, обладающий острым до бесцеремонности языком, генерал Эйри привык называть вещи своими именами и тем самым нажил себе множество недоброжелателей и открытых врагов. Теперь ему пришлось на собственном опыте убедиться в том, насколько это опасно в дни военных неудач.

Добиваясь поставленной цели, герцог в письме от 1 января 1855 года сослался на письма рассерженных родственников одного офицера, «который умирал от болезни, вызванной причинами, которых можно было избежать». Те обвиняли генерал-квартирмейстера в том, что он уделяет мало времени служебным обязанностям, не забывая, однако, вести личную переписку «с полудюжиной прекрасных дам в Лондоне».

Раглан ответил на это:

…

«Я конечно же мог бы не отвечать на обвинения офицера, который умирает по причинам, которых могло бы и не быть. Но считаю своим долгом заявить, что генерал-квартирмейстер не имеет ничего общего с этими «причинами». Он вообще не имеет отношения к болезням офицеров. Генерала Эйри обвиняют в том, что он состоит в переписке с леди Хардиндж, которая беспокоится о своем брате. Он пишет также леди Раглан, которая беспокоится о своем муже, то есть обо мне. Вот все те «лондонские дамы», с которыми он ведет переписку, разумеется кроме

собственной жены.

Я действительно не могу понять, как можно обращаться к Вам с подобными инсинуациями.

Не могу прийти к другому заключению, кроме того, что утратил Ваше доверие. Я воспринимаю это как тяжелое несчастье, поскольку перед лицом все усиливающихся неудач Ваша поддержка служит мне чуть ли не единственным утешением. Тем не менее мой долг перед королевой заставляет меня прилагать все усилия для выполнения моих обязанностей, несмотря на то, как складываются мои личные дела».

Переписка длилась несколько недель в начале зимы. Вынужденный ежедневно тратить на нее несколько драгоценных часов, которые мог бы посвятить решению важных военных вопросов, Раглан работал дольше и интенсивнее, чем прежде. Подчиненные заметили, что несколько раз, когда он приходил на завтрак, у него был вид человека, который совсем не ложился в постель.

Раглан с честью выдержал возрастающую нагрузку. Найджел Кингскот писал, что командующий «удивительно стойко переносил нечеловеческое напряжение. Кому еще удалось бы, сохраняя спокойствие и беспристрастность, продолжать выполнять повседневные обязанности по службе, не обращая внимания на злостную клевету «Таймс»?».

Сам командующий недоумевал: «Зачем эти постоянные выпады против штаба? Каждый из них попадает пальцем в небо, пытаясь определить причины наших неудач. Никто не видит, что основная проблема состоит в нехватке транспорта… Я не нахожу понимания в правительстве и, что особенно неприятно, у герцога Ньюкаслского».

За Раглана очень переживали родственники. Шарлотта Сомерсет с трогательным пафосом пишет подруге:

…

«Мы действительно сейчас

переживаем нелегкие времена. Единственное, что позволяет нам сохранять присутствие духа, – это вера в то, что Бог и его милосердие сохранит папе здоровье и даст ему силы справиться со всеми проблемами и заботами, поможет ему при всех обстоятельствах не терять присутствия духа и, что еще более важно, чувства юмора. Отец работает целый день и почти всю ночь, много ездит верхом. Иногда он, невзирая на непогоду, проводит в седле по шесть часов… Мы с Китти с удивлением читаем старые хроники. Мы были поражены, обнаружив, что дебаты в обеих палатах 1810 года по поводу событий в Талавере очень напоминают то, что происходит сейчас. Но есть и отличие: тогда правительство поддерживало командующего, теперь оно с удовлетворением наблюдает за тем, как его пытаются унизить, предпочитая не вмешиваться…

Бедный Ричард не согласен со мной, но я иногда думаю о том, как хорошо, что отец находится далеко отсюда и ему не приходится выслушивать многочисленные истории и сплетни, которые люди, приходящие в наш дом, считают за удовольствие пересказать нам… Я надеюсь, что в конце концов правда восторжествует».

Глава 16 НОЧНОЙ КОШМАР

На долю бедных солдат выпали нечеловеческие страдания.

Капитан Генри Клиффорд

За несколько дней до Рождества капитан Клиффорд сидел в своей палатке с новой книгой Чарльза Диккенса «Трудные времена» и думал о том, что автору было бы неплохо приехать в Россию и написать продолжение под названием «Трудные времена в Крыму».

Через приоткрытый полог палатки он видел, как несколько солдат 4-й дивизии отправились за водой. Ночь выдалась ветреной, снег таял. «Бедные парни, – подумал капитан, – они всю ночь будут мокнуть в траншее или пикете. Не многие из них могли бы похвастать своей долей». Капрал-ирландец тщетно пытался спастись от холода, кутаясь в шинель. Повсюду оставались незащищенные участки тела. Фуражка без ремешка и кокарды надвинута по самые уши; волосы, усы и борода не стрижены с тех пор, как он прибыл в Крым, – но это для сохранения тепла.

Из всей группы только один солдат одет в алую британскую форму. Другие «позаимствовали» детали туалета у мертвых русских. На одном из счастливцев высокие русские сапоги, из которых торчат большие пальцы. Ноги остальных укутаны старыми мешками, кусками кожи и овечьими шкурами.

Такое зрелище не было чем-то исключительным. В любом из полков трудно было найти хотя бы двух одинаково обмундированных солдат. Офицерам приказали носить сабли, поскольку не было иного способа отличить их от солдат. Однажды майор легкой дивизии стоял на пороге собственноручно построенного жилища во французских форменных брюках и феске. Проходивший мимо французский офицер-зуав по ошибке принял его за своего. У майора, который провел несколько лет во Франции и прекрасно знал французский язык, была с собой бутылка. Он выпил за здоровье зуавов один стакан, затем еще несколько. Француз почти угрожающим тоном поинтересовался, почему офицер французской армии позволяет себе так опускаться. Англичанину пришлось назвать себя.

Все британские офицеры отпустили бороды. Лейтенант Ричардс писал сестре, что она вряд ли его узнает при встрече. «Я

сейчас похож на сову, которая высовывается из ветвей. Если я решу вернуться к своему бизнесу (набивке матрасов), первым делом мне нужно будет привести в порядок лицо».

Некоторые офицеры укутывали ноги соломой, другие носили «длинные чулки поверх форменных брюк; кое-кто делал из старых рюкзаков подобие подвязок; у многих счастливцев была самодельная обувь из овечьей шкуры, бычьей или лошадиной кожи. В ход шло все, что могло хоть немного спасти от холода… Наша верхняя одежда представляла собой кучу тряпья. Вместо шапок некоторые носили церковную посуду, которую можно было натянуть поверх ушей; другие делали себе подобие головных уборов, сложив в несколько слоев старые одеяла… Бороды и усы достигали двух дюймов длины; их владельцы, вернувшись с холода, не могли раскрыть рта до тех пор, пока они не оттают».

Часто разводить огонь было непозволительной роскошью. Из района лагеря англичан исчезли все деревья и кусты, даже корни из мерзлой земли выкопали. В окрестностях не осталось ни одного прутика толщиной больше одного пальца: все было заботливо собрано и сожжено. Русские сожгли вокруг все участки леса, до которых могли бы добраться британские солдаты. Иногда англичанам приходилось нести дрова или уголь от самой Балаклавской бухты. Некоторые украдкой разводили огонь прямо в палатках, где нередко погибали, задохнувшись в дыму.

У немногих оставалось достаточно сил для того, чтобы собирать топливо; у большинства просто не было для этого времени. В полках не хватало солдат для несения службы.

В начале января в прессе появились сообщения о скором прибытии иностранных наемников. Армия забурлила от недовольства. «Какими бы измотанными мы ни были, какой бы ни испытывали некомплект, эта новость наполнила всех негодованием… – писал капитан Клиффорд. – Немцы будут воевать за нас! Почему немцы? Почему не индейцы?» Другой офицер негодовал: «Только что пришла весть об иностранцах. Я бы не советовал их правителям присылать сюда своих вояк. Наши солдаты пинками выгонят их из лагеря».

В один из дней в середине января в 63-м полку оставалось всего 20 человек, способных нести службу. И этот случай не был единичным. «Армия, – докладывал Раглан герцогу Ньюкаслскому, – испытывает ужасные лишения, поэтому необходимо, чтобы полки были укомплектованы полностью». Полковник Джослин писал домой: «Отправляясь из дома в Крым, гвардия насчитывала в своем составе около 2500 человек и еще 1500 человек усиления. К концу 1854 года у нас осталось всего 900 солдат, годных к службе». Спустя еще два месяца полковник

Джослин написал: «Гвардейская бригада практически перестала существовать». После Инкермана полковнику пришлось присутствовать на похоронах 12 молодых офицеров гвардии. В начале февраля на смену отправленному обратно в Лондон с нервным срывом, истощенному болезнями герцогу Кембриджскому прибыл лорд Рокби. По его словам, «бригада представляла собой жалкое зрелище». Он собрал офицеров, намереваясь зачитать им письмо королевы, но, увидев, как мало их осталось и какие у них изможденные лица, новый командир расплакался.

Солдаты прибывшего по настоятельным запросам Раглана подкрепления через несколько дней заболевали и умирали, «как больные овцы». Отправляя 13 декабря очередное послание герцогу Ньюкаслскому, Раглан заметил, что ему очень хотелось бы порадовать командование известием, что армия здорова, однако в действительности все совсем не так. В 46-м полку умерли 102 человека; в 9-м полку менее 300 человек способны носить оружие, а «болезни вносили страшное опустошение в ряды вновь прибывающих».

Тремя днями ранее один из старших офицеров 1-й дивизии, стоя перед румяными здоровяками из состава пополнения, мрачно размышлял: «Что будет с ними через месяц? 40 человек из предыдущей партии умерли, не выдержав здесь и трех недель». Он решил в первый месяц не отправлять пополнение в траншеи, дав им время «на акклиматизацию». Полковник Томлин рассказывал, как, прибыв в Крым, рекруты из пополнения на коленях умоляли отправить их обратно в Англию. Он сделал бы это с удовольствием, если бы имел такую возможность, поскольку от новичков все равно было очень мало проку. Они прошли всего лишь краткий курс подготовки и «вряд ли были способны отличить винтовку Минье от теодолита». Как они будут воевать, размышлял капитан Клиффорд, глядя на их испуганные молодые лица. Он получил ответ на этот вопрос через несколько дней, когда лично наблюдал, как один из новичков в ужасе кричал: «Бегите, ребята! Русские наступают!»

Пополнения было немного. Может быть, и к лучшему. После того как в Лондоне стали рассказывать ужасы о сражении под Инкерманом, не многие хотели бы отправиться воевать в Крым. Энтузиазм первых военных дней сошел на нет. 25 января газета «Таймс» опубликовала большую статью, в которой выступала против ведения войны под таким некомпетентным командованием. «Если правительство и палата общин продали интересы нации аристократии, а через аристократию врагам, это их дело. Но в таком случае «Таймс» умывает руки. У газеты не

остается другого выхода, кроме как выступить с протестом против продолжения войны, мероприятия, которое не может привести ни к чему, кроме разрушений и несчастий».

Люди неохотно шли в армию, которая, по мнению газет, из-за неэффективного руководства вымирала от голода и болезней.

И это, к сожалению, было горькой правдой.

Согласно уставу, каждый солдат ежедневно должен был получать за казенный счет 1 1/2 фунта хлеба или 1 фунт галет и 1 фунт свежего мяса или солонины. Все остальное необходимое ему продовольствие солдат должен был покупать за собственные деньги. Лорд Раглан, сознавая, что такая система неэффективна в Турции и, в особенности, в Крыму, приказал добавить к солдатскому рациону 1 унцию кофе и 3 1/4 унции сахара, за что из жалованья вычиталось по 1 пенни. Затем он отдал распоряжение увеличить рацион на 2 унции риса или ячменя, еще 1/2 фунта мяса, а также 1/4 пинты крепких спиртных напитков. Но трудности с транспортом сделали выполнение приказов командующего невозможным. Солдаты иногда по три-четыре дня не имели другой еды, кроме галет. Мясо, которое удавалось доставлять примерно один раз в десять дней, «едва ли было съедобным». В дни Рождества солдатам полковника Белла вообще не выдали никакой еды. «Я был вне себя от ярости, – писал он в дневнике, – к концу дня тыловики привезли немного мяса. Слишком поздно! У нас не было ни огня, ни посуды, чтобы его приготовить!»

Многие солдаты страдали отсутствием аппетита и даже в те дни, когда продовольствие доставлялось в полном объеме, были слишком истощены и утомлены, чтобы явиться за своей порцией. Их больше заботили кофе и ром. Они жарили кофейные зерна во всем, что можно было приспособить для этого [26] .

31 декабря каждый из 3 тысяч солдат 1-й бригады 3-й дивизии получил в качестве топлива всего по 1 фунту угля. Через несколько дней они пользовались вместо топлива старой разбитой обувью.

– Что ж, парни, – заметил командир бригады, – никогда раньше мне не приходилось иметь дела с такими дровами.

– О, сэр, они горят очень хорошо! Если бы еще их было побольше и они были посуше.

Одному из офицеров 46-го полка пришлось наблюдать, как его подчиненные, нарезав сушеное мясо тонкими полосками, используют его как топливо для того, чтобы сварить кофе. Некоторые воровали на дрова деревянные части фортификационных сооружений и даже палки от пик и лопат.

К началу второй недели февраля в лагерь англичан пришла

цинга. Солдаты не могли есть галеты шатающимися в кровоточащих деснах зубами. Им приходилось долго размачивать сухари в воде. Стало невозможно питаться солониной, так как соль разъедала десны. Было принято решение выварить соль из мяса, но сделать это не удалось, так как почти все чайники и котелки были выброшены еще до прибытия на Альму, а кружки оказались слишком малы. Два месяца назад в бухту Балаклавы пришли три парохода с овощами, но большая часть груза быстро сгнила, а отправить в подразделения оставшиеся овощи было не на чем. За борт выбросили более 3 тысяч фунтов овощей. Позднее служба тыла просто отказалась принять груз овощей, поскольку «не получала распоряжения на их доставку». 19 декабря в крымскую армию прибыло 20 тысяч фунтов лимонного сока, который затерялся после выгрузки и был найден намного позже по личному распоряжению Раглана. 29 января он приказал включить этот сок в солдатский паек, но и это распоряжение было трудно выполнить из-за нехватки транспорта.

Поскольку транспортную проблему так и не удалось решить осенью, мало кто верил в то, что это удастся сделать зимой. Почти арктический холод мог на следующий день смениться ураганным дождем. Затем могло последовать несколько вполне теплых дней, пока снова не налетал северный ветер со снегом и не начинались дожди. Отправляясь в Балаклаву по снегу, солдаты часто возвращались обратно по колено в грязи. Как-то, глядя на покрытую снегом землю, полковник Белл посоветовал тыловому офицеру для доставки в лагерь продуктов и топлива воспользоваться санями. Но прошло немного времени, и непроходимая распутица сделала невозможным применение любых транспортных средств, будь то сани или телеги: все утонуло бы в грязи. К тому же во всем лагере едва ли можно было найти хотя бы одно животное, у которого было достаточно сил для того, чтобы тянуть сани или телегу.

То, что осталось от кавалерии, было решено отдать на нужды транспорта. Лошади, которыми так гордились и к которым были так нежно привязаны кавалерийские офицеры, перешли к тыловикам. Однако недели недоедания сказались и на них – и животные были очень слабы. «Мое подразделение превратилось в команду грузчиков», – писал матери капитан Шекспир.

2 декабря из Константинополя прибыли вьючные лошади, но уже к 5 января они стали во множестве умирать.

К концу января дорога из Балаклавы превратилась в «тропу смерти». Лошади одна за другой ложились в грязь и тихо умирали. Пока солдаты ходили за помощью, группы зуавов или голодных турок успевали подскочить к телеге и украсть

драгоценный груз. Возвратившись, солдаты не обнаруживали груза, а иногда и телеги. В грязи или на снегу лежали несколько поленьев, немного зерна и труп бедного животного, с которого успевали снять шкуру и срезать почти все мясо.

Но, несмотря на многочисленные случаи воровства со стороны союзников, многие англичане открыто восхищались ими. «Нашей последней надеждой остаются французы, – считал капитан Кемпбелл, – они все еще армия. Интересно, что думает Раглан, сравнивая их со своими собственными солдатами».

Конечно, среди французов тоже отмечались многочисленные случаи заболеваний, но то, как они с ними боролись, по сравнению с англичанами было почти образцом [27] .

На реке Камыш, по словам капитана Роберта Портала, союзники построили поселок для солдат. Раненые и больные содержались отдельно, за ними заботливо ухаживали, их содержали в чистоте. К каждой койке, как в настоящем госпитале, был прикреплен лист бумаги, на котором было написано, на что жалуется больной. В отдельном домике располагался медицинский пункт, где раненый или больной мог немедленно получить помощь врачей. Неподалеку находилась столовая, в которой всегда был горячий суп. Как больные, так и здоровые были обеспечены теплыми одеялами из овечьих шкур. Французские солдаты сравнительно хорошо питались. Им выдавали хороший хлеб, горох, бобы, рис, овощи, кофе, сахар и, конечно, горячий суп. Транспорт у французов был настолько хорошо организован, что иногда они могли выделить в помощь союзникам до 500 лошадей. И это при том, что русские гораздо чаще совершали вылазки на позиции французов, чем на позиции англичан. Несмотря на это, 27 декабря командование французов выделило несколько сот солдат в помощь англичанам для доставки из Балаклавы боеприпасов и продуктов. По мнению Раглана, помощь союзников могла бы быть более значительной, однако англичане испытывали благодарность им и за то, что они сделали.

Артиллерийский офицер, который прежде говорил, что «на них нельзя рассчитывать», теперь считал французов «отличными парнями». Другой офицер стал считать союзников «очень культурной нацией». Во французском лагере постоянно было много англичан. Провести вечер во французской столовой, где миловидные официантки разносили вино и бренди, было пределом мечтаний [28] .

Особенное восхищение вызывали зуавы, несмотря на все ходившие о них слухи. Они выглядели щеголевато и элегантно, как будто только что прибыли из Парижа. Их бесстрашие и

жизнелюбие были известны всем. Когда однажды ночью у лорда Рокеби пропал патентованный ватерклозет, над происшествием смеялась вся британская армия. Все были уверены, что кража – дело рук зуавов, которые, несомненно, найдут применение украденной вещи, возможно, станут варить в ней суп. Как и все французы, их солдаты, в отличие от англичан, были прекрасными поварами. Они умудрялись готовить вкуснейшие блюда из самых, казалось бы, неподходящих продуктов – из черепах и даже крыс. В Балаклаве зуавы часто вежливо просили разрешение поохотиться на крыс, которых затем заботливо подвешивали на палки и уносили в свой лагерь.

Второй союзник, напротив, не вызывал у англичан никаких добрых чувств. После своего поведения в бою за Балаклаву турки стали объектом презрения и самого жестокого обращения. Никто «не жалел для этих бедолаг ударов, пинков и самых отборных ругательств». Как-то, будучи в плохом настроении, корнет Фишер даже специально приобрел кнут, чтобы «бить им по голове каждого встречного турка». «Я переехал конем одного или двоих, чтобы отучить их убегать с поля боя, – безжалостно хвастался корнет, – каждого из них я стараюсь отправлять на выполнение самой грязной работы… Как я ненавижу их всех! По сравнению с этими собаками русские просто ангелы».

Капитан Клиффорд, истовый католик и очень добродушный человек, описывал турок как «всеми презираемых, попираемых несчастных людей, над которыми издевался каждый». Из-за нехватки солдат в британских подразделениях турок пытались отправлять в окопы, но, по общему мнению, «с любым из них мог бы справиться даже ребенок». Турок считали «большими любителями украсть», и каждый пытался наказать их за это. Однажды турок, укравший у английского офицера пару перчаток, получил за это двадцать пять палочных ударов на глазах этого офицера, затем еще двадцать пять в присутствии командующего турецкими солдатами, двадцать пять – на глазах у командира своего полка и, наконец, двадцать пять в своем подразделении.

В британской армии случаи воровства стали пугающе частыми. Многие уличенные в нем дезертировали к врагу. В первой половине января около 20 солдат перешли на сторону врага после того, как были наказаны за воровство. Сам Раглан не одобрял разрешенные королевскими уставами телесные наказания. Однако многие офицеры считали, что не существует другого способа бороться с ленью и недисциплинированностью солдат.

Другим бичом армии стало пьянство. В некоторых полках оно наказывалось пятьюдесятью ударами плетью.

Каждый дом в Балаклаве использовался как склад или магазин, где «мошенники евреи, греки и мальтийцы торговали различными напитками». Солдаты, направленные в Балаклаву с поручениями, обязательно приносили с собой обратно в лагерь несколько бутылок грубо очищенного крепкого спиртного. Им было не на что больше тратить жалованье. Они с легкостью платили по 2 шиллинга за бутылку темного пива и по 10 – за бутылку бренди. Из 17 солдат 55-го полка, обратившихся к врачам по поводу психических расстройств, почти у всех заболевание было вызвано злоупотреблением спиртным. Трое из четырех умерших солдат этого полка страдали белой горячкой. «Я должен откровенно признаться, – писал сержант Гоуинг из 7-го полка, – что в большинстве случаев наши болезни были вызваны пьянством».

Однако немногие из офицеров решались наказывать своих подчиненных за то, что те стремились при первой же возможности утопить свои беды в бутылке. 19 января капитан Клиффорд написал: «Трудно даже вообразить себе, как страдают наши солдаты. С каждым днем умирающих становится все больше. В нашей дивизии уже пятьдесят пять случаев обморожения. Я сам видел, как одного такого беднягу принесли из траншеи. С него снимали носки вместе с ногтями и мясом. Еще один сегодня утром был найден мертвым в своей палатке: он умер от переохлаждения».

Тремя днями ранее полковник Белл обнаружил в одной из палаток пять своих солдат, умерших от холода. Продолжая обход лагеря, он заглянул в госпитальную палатку и, заранее зная ответ, спросил: «Каков сегодня рацион для больных?» – «Солонина и зеленые кофейные зерна, сэр», – доложил дежурный. Вернувшись к себе, полковник написал официальный рапорт по поводу ужасающей ситуации и варварских издевательств, которым подвергаются его подчиненные.

Другие командиры, по-видимому не полагаясь больше на действенность письменных жалоб, прибегали к любым средствам, пусть даже незаконным, чтобы накормить и одеть своих людей. Так, полковник Йе, которого подчиненные боялись и ненавидели за строгость, граничащую с жестокостью, невольно заслужил в ту зиму их уважение. Угрозами, руганью и проклятиями ему удавалось выбить из балаклавских тыловиков иногда гораздо более полагавшегося полку имущества. В то же время другие старшие офицеры, предпочитавшие действовать вежливо и не обладавшие «настойчивостью» бравого полковника, зачастую безнадежно бродили от одного офицера-снабженца к другому и в конце концов возвращались в лагерь несолоно хлебавши.

Конечно, одного умения общаться с многочисленными квартирмейстерами, комиссарами, клерками и кладовщиками в Балаклаве было недостаточно. Полученное имущество и продовольствие нужно было еще доставить в лагерь. Полковник Йе, который, как уже было сказано выше, не церемонился с тыловиками, держал своих собственных солдат в ежовых рукавицах. Однажды, холодным январским днем встретив печально-безучастного сержанта, полковник резко спросил того, откуда и куда он идет. Когда бедняга ответил, что возвращается с кладбища, где только что похоронил двух своих солдат, Йе проревел: «И где же их одеяла, сэр? Возвращайтесь и заберите их. Покажете мне после того, как отмоете!»

Подчиненные неохотно соглашались, что их полковник прав. На войне не было места брезгливости и жалости. Если бы сержанта не заставили откопать одеяла, в которые были завернуты трупы, это сделали бы турки. Сами турки хоронили своих мертвецов голыми. Это выяснилось после того, как пошли дожди и некоторые трупы вымыло водой из неглубоких могил.

Острая нужда заставляла самых брезгливых британцев становиться неразборчивыми в средствах, как турки. Гардемарин Вуд, обнаружив, что его ботинки безнадежно изношены, дал одному из матросов 10 шиллингов и приказал подыскать пару подходящего размера в могилах русских, погибших под Инкерманом. Многие солдаты и офицеры последовали его примеру. Они не выбрасывали добытую таким варварским способом обувь даже после того, как из Англии прибыл груз ботинок для крымской армии. Новая обувь была такого скверного качества, что подошвы отрывались после недели носки, и почему-то большинство пар оказались настолько маленького размера, что «впору только женщинам носить». «Присланная обувь слишком мала, – разочарованно писал герцогу Ньюкаслскому лорд Раглан, – и чрезвычайно плохого качества». Низкое качество полученных ботинок подтвердилось после их выдачи солдатам 55-го полка. 1 февраля, когда после нескольких морозных дней неожиданно потеплело и плато превратилось в безбрежное море грязи, а ноги солдат стали утопать в плотной липкой жиже, многие, выбираясь из месива, с удивлением обнаружили, что подошвы остались в этом болоте. С руганью выбросив ботинки, солдаты продолжили марш в одних носках. Для некоторых из них эта ночь была пятой, проведенной в траншее без смены. Многие спали не больше чем по три часа в сутки. Они были настолько измотанны, что не действовал даже страх наказания за сон на посту. Капитан Кемпбелл из 46-го полка вспоминал, что, подобно многим воевавшим в Крыму, научился спать в любой обстановке.

Он засыпал по пояс в грязи, не обращая внимания на грохот ядер и разрывы снарядов, на свист пуль Минье – некоторые, преодолев парапеты ограждения, пролетали рядом с головой, а затем с характерным чавкающим звуком вонзались в стены окопа уже позади него. В то же время предупреждающий вскрик часового заставлял его вскакивать, «будто удар электрического тока».

Но иногда и сами часовые засыпали на посту, упав прямо в грязь. В одну из таких ночей были заколоты штыками, так и не проснувшись, майор и 27 солдат 50-го полка.

Для многих смерть была долгожданным избавлением от существования, которое они больше не в силах были выносить. Люди настолько привыкли к виду и запаху смерти, что перестали их замечать. Когда похоронные команды (два человека с носилками и еще двое с киркой и лопатой) медленно шли через лагерь, на них никто не обращал внимания. Нескончаемые кавалькады с умирающими, привязанными к мулам, тянулись, преодолевая распутицу, из полевых лазаретов французской армии в госпиталь в Балаклаве. Однажды Рассел, проезжая мимо такого каравана, с ужасом обнаружил, что все всадники находятся в крайней степени истощения и близки к смерти. Только тонкие струйки пара, поднимавшиеся из их открытых ртов в морозный воздух, говорили о том, что люди еще живы. Один из привязанных к мулу всадников, тело которого безвольно клонилось то вправо, то влево, был уже мертв. Его широко открытые глаза смотрели в одну точку, сквозь разжавшиеся зубы высовывался язык. Поднимавшийся по склону холма солдат при виде ужасного трупа лишь кивнул и заметил приятелю: «Ну что же, еще один бедняга больше не будет страдать».

Ужасы и страдания делали существование армии похожим на ночной кошмар. Англичане отучились пугаться и удивляться чему бы то ни было. Ужасы войны стали повседневной обыденностью.

Над лагерем с мрачным карканьем летали вороны и стервятники. Один из солдат сел в снег и после недолгих раздумий выстрелом в голову вышиб себе мозги. Другой неторопливо снял ботинок и выстрелил себе в ногу. В расположении 1-го полка одна из немногих оставшихся на зиму в Крыму женщин неподвижно сидела у могилы мужа. Она и сама была едва жива от холода. Другая женщина, мучаясь от лихорадки, лежала прямо на мокрой земле. Рядом, прямо на грязной земле, было разбросано несколько сухарей. Она пролежала так двенадцать дней, до 24 февраля. Раньше, когда она еще была здорова, ей не удалось снискать дружбу других женщин, поэтому никто из них не пришел к ней на помощь. Находившуюся без сознания бедняжку спас ее муж, который

вернулся в лагерь со своим товарищем.

Равнина, овраги и склоны окрестных холмов были покрыты скелетами и полуразложившимися тушами животных, которых никто не озаботился похоронить. Изможденные солдаты копали многочисленные могилы для умерших товарищей под аккомпанемент доносившейся из лагеря неунывающих французов веселой музыки. Поскольку могил не хватало, мертвых хоронили по двое. Обглоданные собаками и дочиста обклеванные птицами скелеты то и дело показывались наружу из-под снега и грязи. Неровные ряды могил находились там, где возвращавшиеся в лагерь группы охранения были уничтожены ружейным огнем русских. Солдат похоронили в том месте, где они упали мертвыми.

Тяжелый вязкий воздух был наполнен запахами войны, тем тошнотворным сладковатым ароматом крови, разложения и порохового дыма, который навсегда врезается в память любому, кто когда-нибудь побывал на войне.

Постоянно вдыхая этот отравленный воздух, живя в условиях, когда резкий холод вдруг сменяется мягкой влажностью, голодные и измотанные люди часто болели. Выздоравливал далеко не каждый. Врач 55-го полка доктор Блейк вел истории болезней своих солдат, которых в 1854/55 году было 818. Он лечил от лихорадки и тифа 640 человек, из которых умерли 57; из 368 заболевших различными формами простудных болезней, включая пневмонию и туберкулез, умерли 17; 1256 случаев заболеваний органов желудка и кишечника привели к смерти 76 пациентов; 47 солдат из 91 заболевшего умерли от холеры; 6 человек умерли от обморожений, 3 – от цинги, 4 – от заболеваний мозга и 21 – «по неизвестным причинам». Доктор приводит данные за период всей Крымской кампании до конца 1855 года, однако подчеркивает, что пик смертей пришелся на три зимних месяца. Блейк 9 раз имел дело с заболеваниями сердца, 290 – с расстройством желудка и язвой. 98 солдат обратились с жалобами на болезни глаз; 90 – по поводу венерических болезней. 41 солдат обратился к врачу с травмами, полученными в результате телесных наказаний; большая часть таких жалоб поступила уже после смерти Раглана. Всего доктор Блейк лечил от болезней 3025 человек. Эта цифра в несколько раз превосходит число раненых – 564 человека. При этом следует учесть, что полк понес тяжелые потери под Инкерманом.

Доктору приходилось работать в условиях, когда не хватало лекарств, инструментов, даже коек для больных. Иногда весь рацион пациентов состоял из некоего подобия супа, приготовленного из риса и измельченных сухарей. И это при том,

что доктор Блейк был добросовестным и трудолюбивым врачом, а его госпиталь считался одним из лучших в армии.

Другой врач, прибыв 2 февраля из Англии в «беспорядочное нагромождение полуразрушенных, грязных домиков и палаток в Балаклаве», которые гордо именовались полковым госпиталем, пришел, по его собственным словам, в состояние ужаса. Солдаты лежали в палатках в тесноте и грязи, на голой земле, укрытые только собственными шинелями. За доктора здесь был недоучившийся фармацевт, но от этого не было большой беды, поскольку в наличии имелось единственное лекарство – каломель (хлористая ртуть). Ее применяли при любых заболеваниях, ею обрабатывали открытые раны и травмы, в которых заводились личинки насекомых.

«Чрезвычайно необычно то, – с удивлением писал матери офицер 18-го полка, – как много врачей сходит здесь с ума и отправляется домой».

Больные, которых направляли из полевых лазаретов на лечение в госпитали в Балаклаве, могли рассчитывать на немногим более комфортные условия, чем в своем лагере. Какими бы ужасными ни считались военные госпитали в Скутари, балаклавские были еще хуже.

Элизабет Дэвис, жесткая, мужеподобная медсестра из Уэльса с манерами грубияна сержанта, прибыла в армейский госпиталь Балаклавы вместе с десятью другими добровольцами после того, как поссорилась в Скутари с мисс Найтингейл. Позже она описала, в какие ужасные условия попала. Мисс Найтингейл не хотела, чтобы ее сестры уезжали в столь необустроенное, грязное место, где санитары понятия не имели о дисциплине, а палаты были переполнены задыхающимися от удушья больными, поэтому перед отъездом рассказала Дэвис о том, что творится в балаклавских госпиталях. Однако действительность превзошла самые худшие ожидания.

«Я до самой смерти не забуду то, что видела там!» – писала Элизабет. Монахиня, взявшая на себя обязанности руководителя вновь прибывшими, предупредила медсестер о том, что они не должны разговаривать с пациентами. И когда Дэвис, не удержавшись, спросила одного из больных о том, как тот себя чувствует, монахиня, отругав ее, повторила запрет персоналу общаться с больными. Дэвис стала осматривать раны. Первый из осмотренных ею пациентов поступил с обморожениями. Когда с него снимали повязку, обнаружилось, что пальцы обеих ног бедняги сгнили. То же случилось с пальцами руки другого больного. Многим раненым не меняли повязок по две – шесть недель. Один из солдат был ранен еще в Альменском сражении. С

тех пор, уже почти пять недель, его больше не осматривали и не перевязывали. Медсестра удалила из его раны целое скопище личинок насекомых. У некоторых других пациентов личинки приходилось выгребать чуть ли не пригоршнями.

Кроватей не было; люди лежали на досках. Вместо подушек под головы подкладывали шинели. «Больные и раненые все были на одно лицо: запущенные, грязные, обовшивевшие». На весь госпиталь оказалось только два врача.

Через два дня после прибытия медсестер Раглан приехал посмотреть, как они устроились. Он чувствовал себя лично ответственным за них, так как они прибыли по его личному запросу, вопреки возражениям Военно-медицинского департамента, где не хотели даже слышать об отправке женщин в Крым. Даже мисс Найтингейл согласилась выполнить просьбу Раглана только потому, что не хотела обидеть человека, которого очень уважала.

Мисс Дэвис была очень рада видеть командующего, с которым часто встречалась в Лондоне до войны. Она работала горничной в доме, который находился рядом с домом Рагланов. Раглан часто проходил мимо нее ранним утром, когда она очищала коврики около дома. «Он никогда не проходил мимо меня, – вспоминала Дэвис, – не поздоровавшись и не заговорив со мной. Иногда он замечал: «Холодное утро» или «Прекрасный день», а однажды я слышала, как он сказал слуге: «Эта женщина всегда на ногах». Раглан тоже узнал женщину. Прежде чем обратиться к кому-нибудь еще, он подошел к ней и заявил:

– Я знаю вас. Вы ведь живете на Станхоп-стрит?

– Да, милорд.

– И вы знаете меня?

– Да, милорд.

– Вы самая трудолюбивая из женщин, с которыми я знаком. Ведь вы так рано встаете по утрам.

Потом командующий заговорил с другими медсестрами. Он отметил, что дела в военных госпиталях уже идут лучше. Затем поделился с ними планами открытия госпиталя в районе прифронтовой полосы. Раглан считал неправильным, что тяжелых больных приходится везти в балаклавские госпитали, до которых довольно далеко. Мисс Дэвис вспоминала, что Раглан был частым гостем в ее госпитале, где появлялся один по три раза в неделю. Командующий разговаривал с больными и ранеными дружески, как с равными, без аристократической чопорности и той характерной для него сдержанности в общении с подчиненными.

Он всегда был прост и доступен в неофициальной обстановке. Однажды по дороге в штаб 3-й дивизии Раглан посетил лагерь 1-

го полка, где его привели в восхищение уложенные кольцом ядра и скребок для удаления грязи у входа в палатку полковника. Позже командир полка вспоминал, что «никогда прежде не встречал такого доброго человека и, в то же время, смелого, грамотного и решительного солдата. Командующий заслуживает только самых добрых слов. В его груди бьется лучшее из сердец».

Через три недели гардемарин Вуд доставил в штаб письмо для генерала Бэргойна. Позже он с замиранием сердца писал матери:

...

«В штабе я попал в большую комнату, где застал за обедом весь штаб лорда Раглана. Я осмотрелся и обнаружил сидящих за столом с краю двух пожилых джентльменов. Я решил, что один из них, наверное, сэр Джон. Когда я подошел к ним, один из них обратился ко мне: «Так, молодой человек. Вы, наверное, пришли сюда пешком?» Я кивнул. «Вы, видимо, устали?» Я сказал, что не очень. «Вы, должно быть, голодны?» Я заметил, что не слишком хочу есть. Все-таки мне предложили сесть и пообедать. Позже я узнал в пожилом джентльмене лорда Раглана, которого до этого никогда не видел вблизи. Увидев, что не смогу дотянуться до ветчины, я встал, чтобы отрезать себе кусочек. Но командующий предложил мне оставаться на месте и попросил капитана Маркхама помочь. После обеда командующий побеседовал со мной несколько минут, и я вышел от него полный раскаяния в том, что несправедливо относился к нему прежде, считая чопорным аристократом».

Так случалось довольно часто. Собираясь к командующему,

офицеры готовились встретить холодного, надменного и помпезного старика, а разговаривали с человеком, который мягкими, вежливыми манерами больше напоминал приходского священника, чем генерала. Тот, кто лично общался с Рагланом, никогда больше не говорил о нем плохо.

Рядовые и сержанты чрезвычайно редко ругали командующего. «Лорд Раглан предпринял все, что было в его силах, для того, чтобы сделать нашу жизнь здесь легче, – писал домой 19 января один из сержантов. – Всегда просто, сидя в компании других джентльменов в удобных креслах перед камином, искать виновного в бедах армии». Как заметил капрал Гектор Макферсон, «по моему скромному мнению, самой большой несправедливостью было перекладывать вину на Старину Рага». «Раглан очень добросердечный джентльмен, – писал 12 февраля домой в Корнуолл один из рядовых, – он сделал все, что мог, для того, чтобы обеспечить сносные условия для армии. Он не может бороться с плохой погодой. Я обморозил пальцы, – пишет солдат и, как бы опасаясь, что домашние могут обвинить в этом Раглана, спешит добавить: – Но теперь с ними все в порядке».

В большинстве писем домой рядовые отзываются о Раглане хорошо. Но солдатских писем было мало. Многие из солдат не умели ни писать, ни читать. И безжалостные нападки на командующего шокировали многих из них, когда они узнали об этом.

Однажды в этом имел возможность убедиться лично корреспондент газеты «Ливерпуль меркьюри», прибывший в порт, чтобы взять интервью у вернувшихся из Крыма раненых солдат. «Они ужаснулись, – признает он, – когда услышали, как об их командующем отзываются дома».

«У нас никогда не было лучшего генерала, чем он, – заявил в защиту Раглана один из солдат, – и об этом знает вся армия». «Послушайте, сэр, – возмутился другой, – я воевал под началом лорда Гоу и лорда Хардинджа, и они были прекрасными парнями. Но не было генерала, которого армия любила больше, чем лорда Раглана». «Я не видел человека храбрее его, – бросил капрал гренадеров, – очень мало людей бывали под пулями чаще, чем он».

У рядового стрелка, когда ему пересказали, как отзываются об их командующем в Англии, подрагивали губы, а на глазах выступили слезы. Он ответил очень коротко: «Солдаты так не думают».

Но что бы ни думали рядовые бойцы, «джентльмены у камина» продолжали свои игры против Раглана.

Глава 17 ШТАБ АРИСТОКРАТОВ

На следующем заседании кабинета мы должны всерьез рассмотреть вопрос об удалении из армии Эйри, Эсткорта и Филдера.

Лорд
Пальмерстон

I

Далеко за полночь затянулось заседание палаты общин 29 января 1855 года. Основным пунктом столь долгого и горячего обсуждения был вопрос о создании «Специального комитета по вопросам состояния армии под Севастополем, а также контролю деятельности департаментов и правительственных служащих, ответственных за удовлетворение нужд армии».

Резолюцию зачитывал депутат от Шеффилда радикал Джон Артур Робук, прирожденный оратор, речи которого вызывали одновременно восхищение и страх. Страстность и энтузиазм подчеркивались экспрессивной манерой изложения и частыми остановками для того, чтобы перевести дыхание. Но это выступление повергло слушателей в состояние близкое к коллапсу. Робук дружил с Джоном Стюартом Милли и был искренним почитателем Бентама и Хьюма. С такими взглядами он зачастую вызывал в других депутатах недоверие. Но сейчас он говорил от имени народа.

Сидней Герберт конечно же проголосовал против контроля за деятельностью правительства. Так же поступил и Гладстон, который назвал такие намерения «бесполезными и ничего не дающими». Пальмерстон назвал происходящее «вульгарным шумом», но никто из присутствующих так и не предложил ничего конкретного и не произнес ни слова в поддержку армии. Сидней Герберт, как военный министр и рупор правительства в палате общин, ясно высказался, что вся ответственность за неудачи в Крыму лежит на «кучке полков, которые называют себя британской армией, а не на правительстве». «Когда вы приходите в штаб, – заявил он, – вправе рассчитывать встретить там не дилетантов, которые не только не видели армии на поле боя, но и никогда не наблюдали за действиями двух полков в составе бригады. Может ли дилетант продемонстрировать умение управлять армией?»

Палату общин совсем не удивила и не возмутила эта попытка обвинить во всем армию. Предложение Робука поддержали две трети парламентариев. На следующий день лорд Эбердин был отправлен в отставку. Правительство пало «с таким треском», что, по выражению Гладстона, «министры сами слышали, как их головы падают на мостовую».

Несмотря на свои семьдесят лет, Пальмерстон, казалось, был идеальной кандидатурой на пост премьер-министра вместо Эбердина. Но королева не любила Пальмерстона, считая, что его высокомерные манеры подрывают авторитет ее величества.

Поэтому употребила все свое влияние на то, чтобы «грубый старик», которого она называла «Пильгерштейном», не был избран на высокий пост. Она отправила послание лорду Дерби, но тот отказался возглавить кабинет. Тогда королева обратилась к лорду Джону Расселу, чья отставка с поста министра после заявления Робука «наполнила сердце ее величества негодованием и разочарованием». Но Рассел не имел достаточной поддержки в парламенте. В конце концов королеве пришлось согласиться с кандидатурой «Пильгерштейна».

Старый лорд был глух и близорук. Его волосы были крашеными, и «ему приходилось постоянно следить за вставными зубами, чтобы не потерять их во время пространных речей». И все же, несмотря на возраст, лорд Пальмерстон был полон жизненной энергии. Он хорошо разбирался в военных вопросах. Ему было двадцать четыре года, когда он был назначен на должность военного секретаря, и он умело и добросовестно проработал на этом посту почти двадцать лет, заслужив неприязнь практически всех коллег по министерству, всего командования генеральным штабом и самого короля Георга IV. Как однажды заметила миссис Арбутнот, «просто удивительно, как его все ненавидели».

Лорд Пальмерстон имел частые стычки с герцогом Веллингтоном и относился к большинству генералов с известной долей презрения. Он «достаточно часто встречался с Рагланом» и полагал, что последний «не в состоянии мыслить или планировать». Пальмерстон был уверен в том, что в армии сложилась неблагоприятная обстановка, с которой срочно следовало что-то делать.

Военным министром в правительстве Пальмерстона был человек, полностью разделявший его взгляды. Лорд Панмор, этот толстокожий, прямолинейный, невоспитанный, грубый и, в то же время, энергичный и проницательный человек, тоже в свое время был на посту военного секретаря и начиная с 1850 года требовал единоначалия в армии. На жесткий меморандум, полученный от принца-консорта, он ответил подробным письмом, в котором объяснял, почему считает неэффективной существующую в то время военную иерархию:

...

«Плачевные результаты нашей экспедиции настоятельно требуют того, чтобы управление всеми военными ведомствами

осуществлялось одним министерством… Я полностью разделяю мнение Вашего Высочества о том, что сейчас наша армия представляет собой «всего лишь набор полков», пусть даже каждый из них сам по себе прекрасно организован и оснащен. Но это лишь отдельные звенья всей армейской системы, подобно колесикам и шестеренкам в механизме часов. Организация нашей полковой системы близка к идеалу. В то же время система ведомств, обязанных обеспечить перемещение, вступление в бой… не жизнеспособна. У нас не налажена подготовка генералов и грамотных штабов… Только благодаря отлаженной организации полков, а также заслугам и достоинствам наших офицеров мы побеждали в небольших войнах, в которых время от времени участвовали. Но всего этого оказалось недостаточно для большой войны, и результат не заставил себя ждать».

Панмор и Пальмерстон были полны решимости доказать стране, что эффективное и решительное управление способно излечить все болезни старой военной системы. И это при том, что, кроме них двоих, все остальные члены кабинета пришли в него из старого правительства [29] .

Управление по делам колоний было реорганизовано в отдельное министерство. Пост военного секретаря был упразднен, и Панмор, как военный министр, стал пользоваться более значительными полномочиями. Прошло менее недели с того дня, как он получил назначение на этот пост, когда на заседании правительства 12 февраля ему удалось доказать, насколько энергично он собирается использовать свои полномочия.

Он предложил назначить в крымскую армию начальника штаба, который должен был наблюдать за тем, чтобы «все приказы лорда Раглана немедленно передавались в штаб для неукоснительного выполнения». Кроме того, новый начальник

штаба должен был исполнять функции главного инспектора и «следить за тем, как штабные офицеры справляются со своими обязанностями, о чем своевременно и полностью информировать Лондон». Кабинет министров немедленно одобрил эту меру. Другие меры «по упорядочению действий армии в Крыму» были предложены Пальмерстоном. В тыловые и медицинские службы назначались офицеры-наблюдатели. Гражданские доктора подлежали временному призыву в армию. Создавалось управление по морскому транспорту; в Константинополе организовывалось управление по снабжению. Кроме того, была создана служба наземного транспорта.

Некоторые из перечисленных выше мер были предложены еще при герцоге Ньюкаслском, однако, как был вынужден признаться Раглану новый военный министр, у него не было достаточно времени для ознакомления с предыдущими шагами, предпринятыми в этом направлении. Обладая беспокойным, энергичным характером, он предпочитал начинать все с чистого листа, вместо того чтобы вносить изменения и улучшения в то, что было сделано до него. Вся его деятельная натура требовала изменений, и он добивался их. За большую голову с пышной растительностью, и не только за это, Панмор получил прозвище Бизон. Он решил для себя, что Раглан нуждается в твердом руководстве, что все офицеры его штаба, независимо от мнения о них вновь назначенного начальника, подлежат замене. В день памятного заседания кабинета министров он написал Раглану частное письмо следующего содержания:

...

«Очень жаль, что вынужден направлять Вам послание, в котором мне придется высказать свое мнение по поводу всех конфликтов и жалоб, которые имеют место в Вашем лагере, а также о причинах и способах их решения. Я настоятельно рекомендую Вам заменить генерала Эйри более грамотным и энергичным офицером. Общество и палата общин уже нашли для себя двух виновников произошедших неудач. Жертвами стали лорд Эбердин и герцог Ньюкаслский… Я предполагаю, что

Ваша натура рыцаря заставит Вас встать на защиту своих подчиненных, и все же не рекомендую Вам позволять этим чувствам заходить слишком далеко… Только радикальные изменения в Вашем окружении могут удовлетворить общественное мнение».

Официальная депеша, направленная Раглану вместе с этим письмом, была гораздо более категоричной и даже оскорбительной по содержанию. «Я не могу не отметить того, – говорилось в ней, – что Ваше лордство взяло в привычку держать правительство ее величества в неведении относительно деятельности подчиненных Вам войск… Ваши доклады относительно состояния армии отличаются чрезмерной лаконичностью и неудовлетворительны по содержанию».

От Раглана в категоричной форме потребовали объяснений по поводу бедственного положения армии. Каждые две недели он должен был отправлять в Лондон доклад, составленный по форме, разработанной принцем-консортом. Кроме того, командующий был уведомлен о назначении к нему нового начальника штаба, который будет оценивать степень подготовленности штабных офицеров. Начальник штаба составит список тех лиц, которые, по его мнению, не способны выполнять возложенные на них обязанности и подлежат замене. И наконец, Раглана поставили в известность о том, что генералы Эйри и Эсткорт вскоре получат новые назначения. «Становится очевидным, – говорилось далее в депеше, – что Ваши поездки по подразделениям были слишком редкими, а офицеры Вашего штаба знают о положении своих храбрых солдат так же мало, как и Вы сами».

Немногим командующим приходилось когда-либо получать столь краткие и столь же несправедливые депеши. Раглан ответил неожиданно мягко, в то же время не скрывая чувства глубокой обиды:

…

«Я бывал в расположении войск так часто, как только мне это позволяли мои многочисленные обязанности; хотя и не считал своим

долгом докладывать о каждой такой поездке. Я узнал, что один из постоянно сопровождавших меня адъютантов ведет им постоянный учет. Только вместе с ним за последние два месяца я был в подразделениях более сорока раз. И это при том, что рельеф местности и непогода делают поездки верхом не самым большим из удовольствий.

Ваше лордство обвинили меня в том, что ни я, ни мой штаб ничего не знают о бедственном положении, в котором находится армия. Я не заслуживаю подобного упрека и настоятельно прошу Вас сообщить мне имя автора этой клеветы.

В своем послании от 30 января я полностью изложил свою точку зрения относительно генерал-майора Эйри. Я и сейчас придерживаюсь этого мнения. Что касается моей оценки того, как генерал Эйри выполняет свои обязанности, считаю достаточным для себя отметить то, что он продолжает выполнять их сейчас, будучи серьезно больным. Данная болезнь также является следствием выполнения генералом своего долга в ветреную дождливую ночь.

Ваше лордство, несомненно, имеет право перемещать по службе этого или любого другого из офицеров моего штаба. Однако позволю себе заметить, что с моей стороны было бы нечестно высказываться за удаление офицеров, которых, как я уже сказал, высоко ценю…

Обязанности генерала Эсткорта менее нуждаются в моем вмешательстве или наблюдении, однако считаю своим долгом

сказать, что то, как он их выполняет, заслуживает самой высокой оценки с моей стороны…»

Письмо заканчивается неожиданно грустно и даже пессимистично:

…

«Милорд, я честно прожил свою жизнь. Я служу короне более пятидесяти лет; значительная часть этого времени связана с армией. Более половины своей жизни я прослужил под началом великого человека. Я пользовался его доверием и могу с гордостью отметить, что он считал меня человеком честным, обладающим некоторыми качествами настоящего офицера. И сейчас, когда я делаю то самое трудное дело, для которого и предназначен офицер, после успешного выполнения целого ряда задач, за что я был отмечен самой королевой, меня обвиняют в многочисленных упущениях».

Самым жестоким унижением для Раглана было бы узнать, что королеву почти удалось убедить в справедливости большей части предъявляемых ему обвинений. Ее прежний энтузиазм и симпатии сменились упреками. «Двор чрезвычайно встревожен и разочарован неудачами Раглана», – записал 14 января в своем дневнике Чарльз Гревилль.

Лорд Панмор отправил королеве копию своего послания Раглану. Она выразила свое полное удовлетворение содержанием. «Как бы ни было больно это признать, – написала она Панмору, – невозможно не согласиться с тем, что все изложенное здесь – полная правда».

В конце недели, возвращая Панмору «Заметки о состоянии крымской армии», она написала ему еще одно письмо, в котором выразила «недоумение и неудовлетворение по поводу скудных докладов лорда Раглана, не содержащих почти никакой информации». То, что Раглан избегал в своих докладах в Лондон

любых эмоций, полагаясь только на цифры, вызывало недовольство королевы. Как и принц Альберт, она живо интересовалась делами армии и желала получать самую полную информацию о том, что в ней происходит. Как доверительно сообщил Раглану лорд Панмор, «никто не проявляет такой заинтересованности военными делами, как ее величество». Сама королева пожелала заранее ознакомиться с каждым из распоряжений, отправляемых из Лондона в Крым. По ее собственным словам, ее намерением вовсе не было давать какие-либо указания или инструкции. Единственным желанием королевы было «знать все» [30] .

Лорд Панмор вызвал еще большее раздражение королевы, обратив ее внимание на отсутствие деталей в докладах лорда Раглана. Он получил последнюю депешу из Крыма 27 февраля, и было трудно понять, было ли это личное письмо или официальное донесение. Однако еще более тяжкой виной Раглана, по мнению Панмора, было то, что он отказался согласиться с увольнением любого из офицеров своего штаба. Старый генерал Бэргойн был отправлен домой без согласия командующего, однако он был всего лишь советником, и его одного было явно недостаточно. «Я должен кем-то пожертвовать для палаты общин», – настаивал Панмор. Он просил Раглана еще раз подумать над тем, действительно ли ему стоит продолжать защищать Филдера, Эйри и Эсткорта. Он надеялся, что Раглан «пойдет навстречу общественному мнению».

Но этого не произошло. Не отступало и правительство. Пальмерстон был настолько непреклонен, что даже Панмор был вынужден заметить, что тот «слишком прислушивается к мнению толпы».

Когда лорд Раглан категорически отказался пожертвовать своими подчиненными во имя общественного мнения, лорд Панмор склонялся к тому, что необходимо подождать с кадровыми решениями, пока поступят доклады нового начальника штаба. Но премьер-министр продолжал настаивать на смещении по крайней мере Эйри, Филдера и Эсткорта, как людей, которые ни в коей мере не устраивают парламент. «На следующем заседании правительства, – заявил он Панмору, – мы должны всерьез рассмотреть вопрос об отставке этих людей, поскольку никто из них не способен в сложившейся обстановке справляться со своими обязанностями…» Если произойдет что-то непредвиденное, «общество обвинит во всем правительство, и это будет справедливо. Поэтому, убрав этих людей со своих должностей, мы действуем во благо стране и армии».

Если Эйри и Эсткорт, повторил премьер-министр через две

недели, «будут убраны со своих постов, правительство сразу же получит поддержку парламента… Никто на моем месте не стал бы спокойно наблюдать за тем, как в армии продолжают оставаться люди, пассивность и некомпетентность которых в течение последних восьми месяцев привела к гибели тысяч людей». В следующем письме Панмору Пальмерстон снова высказался за изменения в армии и за удаление из нее неспособных неграмотных офицеров: «Раглан сам по себе никогда не пойдет на изменения; он находится в плену привычки, и ему самому не хватает энергии реформатора… Мы должны разрубить этот узел… Он слишком сентиментален и никогда не согласится с нами, если ему подробно не объяснить сути дела».

Другие члены правительства были согласны с Пальмерстоном, что узел необходимо разрубить, что даже если не Эсткорт, то по крайней мере Эйри должен отправиться в отставку независимо от того, согласен с этим Раглан или нет. Но затем неожиданно этот шум пошел на убыль. «Вы больше не услышите от меня ни слова по поводу перестановок в Вашем штабе, – заверил Раглана Панмор, – я сказал своим коллегам, что выслушал Ваши соображения по поводу нежелательности перемен, что Вам удалось убедить меня. Больше я не стану досаждать Вам этим вопросом».

II

В Крым прибыл генерал-лейтенант Джеймс Симпсон, получивший назначение на должность начальника штаба Раглана. Это был дружелюбный и тактичный человек, которому вскоре удалось преодолеть недовольство, вызванное его назначением на этот пост. Некоторое время он воевал в Испании в звании младшего офицера гвардии, затем был тяжело ранен в сражении при Ватерлоо. Его опыт и несомненная военная образованность, подкупающая искренность в общении, мягкий шотландский акцент помогли преодолеть подозрения в том, что новый генерал был подослан политиками в качестве шпиона. Генерал Симпсон, по его собственному признанию, вначале сохранял ту «известную долю предубеждения», внушенную ему в Лондоне. Но, как отмечал в беседе с лордом Панмором его друг адмирал Хьюстон-Стюарт, Симпсон обладал «чувством здравого смысла». «Мне нравится, – продолжал адмирал, прибегая к морскому термину, – курс, которого он придерживается, его солдатская выправка в сочетании с мягкой настойчивостью. Думаю, вскоре он доложит Вам, что все не так плохо, как ожидалось». Хьюстон-Стюарт оказался прав. Через несколько дней после прибытия в Крым генерал Симпсон отправил в Лондон взволнованный рапорт:

...

«Я считаю, что лорд Раглан (имя командующего генерал написал с ошибкой) стал жертвой чудовищнейшей ошибки… На самом деле он справляется со всем просто прекрасно… Его корреспонденция настолько многочисленна, что не всякий способен справиться с таким количеством бумаг. А он предпочитает вести ее лично. Дважды в неделю, даже во время серьезнейших операций, требующих его постоянного внимания, на стол командующего ложится груда писем, взглянув на которую трудно не ужаснуться. Только одних этих бумаг хватило бы, чтобы с лихвой

занять все рабочее время любого другого человека.

Я убежден, что здешний штаб кто-то серьезно оклеветал. Думаю, прибыв сюда и посмотрев на этих людей, любой человек сразу же переменит свое мнение. Я говорю об офицерах личного штаба командующего, то есть о людях, чьи обязанности состоят в том, чтобы делать что-то полезное в интересах нашего общего дела. Мне не удалось обнаружить, в чем же провинились генералы Эйри и Эсткорт… По моему мнению, никто из офицеров штаба не заслужил обвинений в свой адрес. Вам может показаться, что мои взгляды слишком отличаются от того, что пишут в газетах, но я стараюсь судить беспристрастно, полагаясь лишь на собственные наблюдения… Должен заявить, что никогда прежде не служил в армии со столь высоким чувством ответственности и долга. Такое существует разве что среди офицеров генерального штаба. Здесь это характерно для каждого, независимо от его звания, за исключением, быть может, ничтожных корреспондентов «Таймс».

Это было решительное выступление в защиту армии. Однако столь решительно высказанное мнение не вызвало такого удивления, как это могло произойти еще два месяца назад. Начиная с середины февраля из Крыма поступали все более обнадеживающие новости.

Кончилась непогода. Все еще выдавались холодные дни, но проливные дожди прекратились. Прибывшие в начале января домики теперь высились по всей равнине. Дорога из порта в лагерь снова сделалась проходимой. Полученная несколько недель назад в «огромных количествах» теплая одежда непрерывным потоком шла в лагерь англичан. Многочисленные разнообразные вьючные животные: лошади из Трапезунда, мулы

из Испании, быки, верблюды, дромадеры, даже буйволы – все это напоминало о бесконечном разнообразии животного мира. В некоторые полки поступило так много нового обмундирования, что вскоре солдаты уже выменивали излишки на спиртное.

13 февраля в порту Балаклавы встала на якорь шхуна лорда Эллсмера «Эрминия», на которой прибыли представители Фонда Крымской войны. Инициатором поездки была газета «Таймс». В следующие две недели в Крым пришли еще два зафрахтованных фондом парохода, на борту которых были тысячи тонн самого разнообразного имущества. Солдаты получили 37 тысяч фланелевых рубашек и свитеров, пальто из овечьих шкур, обувь, шарфы, щетки, расчески, пиво, перец, вино, конфеты, карандаши, Библии. Офицерам были преподнесены подарочные наборы от фирм «Фортнум» и «Масон». В домики солдат доставили подарки от жителей деревень. В бумагу и опилки были заботливо упакованы горшочки с медом, мятные конфеты, имбирь, трогательные послания любви, вязаные вещи, вельветовые и шерстяные шапки, или, как выразился доктор Блейк, куча бесполезных вещей, которые «вполне подошли бы для экспедиции на Северный полюс или на маскарад». Сам он, благодаря фонду, «теперь имел просто роскошные условия для жизни и работы».

Другой врач с удивлением обнаружил на складе своего квартирмейстера, который распаковывал многочисленные коробки и тюки с теплой одеждой, носками, шарфами, галошами и т. д. В это время уже стояла настолько теплая погода, что сам офицер и его помощник обливались потом. Спустя неделю ему вручили что-то вроде твидового пальто на шерстяной подкладке, «очевидно сшитое на коротышку 5 футов роста», две пары теплых носков, две пары кальсон, два жилета и кашне. Сомерсет Калторп как-то ночью спросил часового, хорошо ли тот себя чувствует. «Все было бы нормально, сэр, – ответил тот, – если бы не куча этой чертовой одежды, которая на мне».

Солдаты теперь питались так же обильно, как и одевались. 9 марта капитан Кемпбелл получил на обед бараний бульон, оленину с приправами, сливовый пудинг, сыр, бутылку красного бордо, портвейн и мараскин. Большинство офицеров питались примерно так же. Солдаты тоже больше не голодали. Помимо того, что они получали бесплатно через Крымский фонд, они могли по очень низким ценам купить множество других продуктов. Например, дюжина бутылок шерри стоила 24 шиллинга. К концу месяца в Кадикее открылось несколько магазинов, куда перебрались многие торговцы из Балаклавы. Там же появился вполне приличный ресторан и даже книжный магазин, торговавший, правда, тем, «что обычно предлагают на

железной дороге». Госпожа Сиколь, мулатка с Ямайки, которая прежде предлагала в своей лачуге чай отправляемым в Скутари раненым и больным, теперь смогла, наконец, открыть более приличное заведение.

Вся занятая британскими войсками территория стала напоминать скорее мирный гарнизон, чем лагерь воюющей армии.

Многочисленные рабочие из Хорватии, Албании, Греции, Черногории, Афганистана, больше напоминавшие ножами и кинжалами бандитов, прокладывали железную дорогу из Балаклавы наверх, в лагерь. Укладывая шпалы и рельсы, они кричали и ссорились на своих многочисленных непонятных языках. Необходимые материалы прибыли в начале февраля, а в конце марта железная дорога уже работала. Стук вагонных колес по рельсам вызывал чувство комфорта и ностальгии. Иногда вагоны тянули лошади; иногда команда из 70 матросов, соединенных друг с другом артиллерийской упряжью. Пассажиры подбадривали их криками и шутками; в ответ те нередко ворчали, что «тот, кто не замолчит, может выметаться из вагона и дальше идти пешком».

Балаклава тоже уже не напоминала трущобы, как это было зимой. Прибывший туда 9 марта фотограф Роджер Фентон был приятно удивлен, как там все было хорошо организовано. Работа по очистке бухты только началась, но трупы животных уже оттранспортировали в море и утопили. Здесь все еще царили неприятные запахи, но все было совсем не так плохо, как ожидалось после статей в «Таймс». Было построено несколько каменных причалов и строились новые. Главная улица была вымощена камнем и посыпана песком.

Теперь здесь можно было встретить даже тыловых офицеров, быстро и без обычной волокиты выдававших требуемое имущество. Некоторые из них были почти приветливы.

Большинство солдат пребывало в приподнятом настроении. Проходить мимо них «было просто удовольствие». Все были веселы, хорошо обмундированы и хорошо накормлены. «Мы больше не живем в лагере нищих, – писал домой капитан Клиффорд, – сегодня я с трудом поверил своим глазам: все выглядят довольными и веселыми!.. Мои бедняги солдаты теперь нежатся под теплым солнцем… Французы удивляются и не могут поверить в то, что эти чистые, прекрасно выглядящие солдаты – действительно английская армия».

Солдатам уже почти нравится их служба в траншеях. Они отправляются туда с явным удовольствием, поскольку каждому перед дежурством выдается пинта пива от Крымского фонда.

Острая ненависть к врагу сменилась почти дружеским соперничеством. В некоторых местах вражеские траншеи находятся на расстоянии всего сотни ярдов. Часовые часто перекрикиваются между собой, а иногда перекидываются камешками. Русские иногда приходят в траншею к англичанам без оружия, жестами просят огня и, прикурив трубку, начинают беседу.

– Инглиш боно! – говорит русский.

– Руские боно! – отвечает английский солдат.

– Француз боно!

– Боно! – соглашаются обе стороны.

– Ослем но боно!

– Что? А? Да, турок но боно!

При этом русский кривится и сплевывает. А англичанин показывает, будто собирается пуститься наутек. Потом оба улыбаются, пожимают друг другу руки и прощаются.

Однажды под флагом перемирия явился пожилой русский офицер. Он поклонился группе английских солдат и предложил им нюхательный табак. Все решили попробовать; табак оказался настолько крепким, что англичане долго чихали. Одному из рейнджеров настолько понравилось это зрелище, что он вынул бутылку рому и выпил за здоровье офицера. Потом тронул его за плечо и сказал громко: «Боно русси! Боно инглиш!» «Русские очень хорошо относятся к англичанам, – заявил другой русский офицер, – мы никогда не стали бы с вами воевать. Но видно, такова воля Бога».

Однажды капитан Клиффорд был в передней траншее и не мог удержаться от улыбки, слушая «смешные замечания» возбужденных стрелков после того, как один из них ранил русского солдата. «Мы видели, как бедняга изо всех сил захромал прочь, – писал Клиффорд, – солдаты даже не пытались больше стрелять в него, давая ему уйти. Автор удачного выстрела перезаряжал винтовку. «Это так похоже на охоту на зайцев!» – заявил он. Каждый старался проявить себя в таком увлекательном спорте».

В часы, свободные от дежурства в траншеях, англичане нашли для себя другой, более безопасный вид спорта. Они состязались в гимнастике, устраивали охоту на собак и состязания сороконожек. Некоторые офицеры с риском для жизни охотились на уток около реки Черной, где иногда раздавались выстрелы русских орудий. При этом их сопровождали французские солдаты, отгонявшие от охотников казачьи патрули. «Это прекрасная страна! – вспоминал рядовой Коенн. – Зайцы и куропатки пробегали мимо нас тысячами. Они подбегали так

близко, что однажды я убил пять из них ударами приклада. Почти каждая команда фуражиров возвращалась с дюжиной убитых зайцев».

В начале марта состоялись первые соревнования по бегу. Русские решили, что проводится наступление или разведка боем крупными силами, и отправили туда своих казаков. При виде казаков участники, конечно, не могли бежать в полную силу. В дальнейшем соревнования проводились в низине, где русские не могли за ними наблюдать.

Более спокойные предпочитали прогулки в монастырь Святого Георгия, где поселился бывший комендант Балаклавы «с полудюжиной очаровательных дочерей» и где капитан Биддульф, женившийся на одной из них, «наблюдал хорошо организованную, почти величественную» службу монахов, с которыми он общался на латыни.

Это было величественное, очень красивое место. Зеленые холмы спускались прямо к каменистому побережью. Изрезанные многочисленными оврагами и ущельями острые скалы были покрыты мелкими красными камешками, которые, сияя в солнечных лучах, придавали вершинам волшебный пурпурный цвет. Повсюду из земли уже показались первые весенние цветы. Солдаты возвращались в лагерь с охапками первоцвета и фиалок, шафрана и диких пионов. У себя в домах они выращивали виноград, а на улице – цветы и овощи. В ход шел каждый пустой бочонок из-под солонины, применявшийся как своего рода цветочный горшок.

По словам корнета Фишера, лорд Раглан не остался в стороне от повального увлечения садоводством. С характерной для него довольно едкой иронией корнет писал: «Наш талантливый во всем генерал теперь проявляет огромный интерес к выращиванию винограда вокруг своего дома. Он тщательно за ним ухаживает и поливает. Похоже, он более предусмотрителен, чем старый герцог [Веллингтон], которому и в голову не пришло бы подобное занятие. Наверное, наш командующий рассчитывает провести здесь еще одну осень и дождаться плодов своего труда. Для лорда Раглана будет страшным ударом, если мы вдруг выиграем кампанию раньше этого срока, не дав ему дождаться урожая».

Но, что бы ни говорила молодежь, у Раглана на самом деле не было времени беспокоиться об урожае винограда. В то время как его подчиненные вне службы в траншеях чувствовали себя участниками пикника, он продолжал работать не менее усердно, чем обычно. Подстрекаемый Пальмерстоном и другими членами правительства, а может быть, просто от скуки, лорд Панмор посвятил себя разработке рекомендаций для Раглана, которые

давал с обычным для него отсутствием такта. «Надеюсь, Вам нет нужды повторять, – писал он в самом первом письме, будто бы отдавая приказ унтер-офицеру, – о том важном месте, которое занимают в построении боевых порядков отряды охранения и как важно обеспечить коммуникации между отправленными в охранение пикетами и главными силами». Он также «выражал надежду, что лорд Раглан уделяет достаточно внимания вопросам обеспечения солдат питьевой водой». Об этом Панмор писал трижды. Лагерь сардинцев должен быть отодвинут. Штурм необходимо предпринять только в том случае, если твердо уверен в успехе. Солдаты должны своевременно мыться. Как налажена служба ремонта обуви? Лорд Раглан не должен обращать внимания на Вену, где с февраля и вот уже до середины июня проходит утомительная и бесполезная конференция по заключению мира. «Это дело дипломатов; наши генералы должны воевать». Примерно такие же инструкции Раглан получил после смерти русского царя 2 марта: «Это вовсе не означает, что война окончена». После того как Севастополь будет взят, его необходимо «тщательно очистить». Лорду Раглану следует подняться на воздушном шаре и обследовать систему внутренних городских укреплений [31] .

«Иногда мне кажется, – писал Раглан племяннику в один из редких моментов особенного раздражения, – что лорд Панмор принимает меня то ли за типичного неуча, то ли просто за инопланетянина».

III

В эти солнечные весенние дни было трудно даже поверить, что война все еще продолжается. Об этом размышлял, сидя перед зданием госпиталя, доктор Блейк. Впрочем, о войне то и дело напоминают мгновенно вспыхивающие и так же мгновенно затихающие перестрелки на переднем крае. После нескольких ружейных или пушечных залпов вновь наступает полная тишина.

Солнце, теплая одежда, хорошее питание и витамины сделали свое дело: здоровье солдат улучшалось с каждым днем.

После третьей недели февраля количество поступавших в госпиталь на лечение и тем более число умерших стало неуклонно сокращаться. В январе в госпитале умерло 3168 человек; в феврале, в основном в первые две недели, – 2523; в марте – 1409; в апреле – 582.

Госпитали больше не были переполнены, что существенно облегчило организацию медицинской службы. Кроме того, теперь там получали необходимое количество лекарств, инструментов и специальных продуктов для пациентов. К началу мая, когда туда приехала с проверкой мисс Найтингейл, госпитали находились в прекрасном состоянии.

Мисс Найтингейл сопровождал в поездке глава «Реформ-клуба», который прибыл в Скутари за собственный счет. Тем не менее, наделенный всеми полномочиями от государства, он был намерен дать рекомендации командованию относительно солдатских рационов. Этот ярко одетый нервный господин вызывал в солдатах скорее чувство насмешки. Однако мисс Найтингейл ценила его за своеобразные новаторские идеи и прислушивалась к его мнению. Вместе они проехали по Крыму, и солдаты с удовольствием приходили поговорить с «не очень красивой, но импозантной леди» и любопытным, полным энтузиазма мужчиной, которых сопровождал секретарь-мулат. В числе прочих они посетили и полковой госпиталь доктора Блейка, который так рассказал жене о визите этой комиссии, состоящей из разных людей, приезда одного из которых долго ждал: «Я прогуливался по лагерю, когда вдруг увидел леди и трех джентльменов, направлявшихся верхом в сторону моего госпиталя. Тут ко мне подошел санитар с докладом о том, что меня приветствует мисс Найтингейл и спрашивает, не против ли я визита в мой госпиталь. Я конечно же с удовольствием принял комиссию, которая состояла из доктора Сазерленда (одного из представителей медицинского управления), доктора Сойера и, наконец, самой мисс Найтингейл. Я никогда не встречал человека

столь утонченного и деликатного, которому так подходила бы его работа. Она внимательно осмотрела госпиталь и была очень довольна результатами… Сойера привела в восторг кухня, построенная госпитальным сержантом Дезмором. Мы с мисс Найтингейл обсуждали медицинские новости, когда он вдруг схватил ее за руку и повел показывать приведшее его в восторг приспособление для измельчения продуктов, изготовленное из ствола турецкой пушки».

В двух госпиталях Балаклавы появление Найтингейл было встречено не столь дружелюбно. Они подчинялись непосредственно доктору Холлу, который очень ревниво относился ко всему, что касалось его епархии. Госпиталь уже не испытывал нехватки в продовольствии (за все, что касалось кухни, отвечала довольно экстравагантная миссис Дэвис), правда, мисс Найтингейл не вполне была согласна с мнением Найджела Кингскота, что все запасы продуктов хранятся в идеальном порядке и чистоте. И конечно, по сравнению с ее собственным персоналом в Скутари дисциплина медсестер «вызывала беспокойство».

Миссис Дэвис довольно неприязненно отнеслась к визиту гостьи, поприветствовав ее грубоватой репликой, что скорее ожидала приезда королевы, чем мисс Найтингейл. Несмотря на то что прием во втором, только что отстроенном госпитале был не слишком приветливым, мисс Найтингейл продолжала свою инспекцию, не замечая грубости и неуважения, как будто все были рады ее приезду. На самом деле она, конечно, чувствовала себя оскорбленной. К тому же мисс Найтингейл заболела, заразившись лихорадкой. На следующий день после того, как у нее были обнаружены признаки болезни, ее поместили в госпиталь. Женщина не могла остаться на пароходе, так как в это время в гавани проходили работы по ее очистке от мусора и повсюду стояли просто невыносимые запахи.

Найтингейл провела в госпитале более двух недель. Будучи все еще слабой и больной, она продолжала неровным почерком вести дневник. Женщине казалось, что ее палата полна кричащих людей, а в голове стучал мотор.

Однажды к больной приехал посетитель. Он прибыл один, никого заранее не предупредив о своем визите. Когда гость постучал в дверь, медсестра сурово отчитала его за шум, которым он побеспокоил больных, и попыталась оттеснить назад за дверь. Мужчина невозмутимо осведомился, здесь ли находится мисс Найтингейл. На вопрос, кто он такой, он также невозмутимо ответил: «Я всего лишь солдат, но мне необходимо ее видеть. Мне пришлось проделать длинный путь. Моя фамилия Раглан, и она

хорошо меня знает». «О, миссис Робертс, – вскрикнула мисс Найтингейл, – это же лорд Раглан!» Миссис Робертс посторонилась, пропустив посетителя в комнату. Он сел на стул рядом с кроватью больной. Они проговорили довольно долго.

Когда Раглан вернулся в штаб, Найджел Кингскот отметил, насколько старым, уставшим и опечаленным он выглядел. Казалось, на лице Раглана вдруг выступили все те чувства, которые он обычно тщательно скрывал от окружающих. Только те, кто хорошо знал генерала, понимали, что начинает сказываться все напряжение, испытанное им за последние месяцы. Это была не только усталость от бесконечных месяцев волнений и одиночества. Это было не только чувство оторванности от всех на родине, кроме своих родных. Впервые в жизни старым генералом овладели грусть и депрессия. Но и это состояние ему удавалось скрывать почти ото всех, кроме нескольких офицеров штаба. На людях он, как и прежде, держался уверенно и невозмутимо. Джон Мак-Нил, беседовавший с ним в середине марта, отметил, что командующий полон оптимизма и находится в хорошем расположении духа. «Он пользуется, – добавил Мак-Нил, – большой любовью солдат и уважением офицеров».

За зимние месяцы популярность командующего среди солдат сильно возросла. Роджер Фентон, который встречался с ним 9 марта, вспоминал: «Солдаты говорят о нем только самыми теплыми словами; один из них рассказывал, что в самые непогожие дни командующий имел обыкновение навещать солдат и сидеть с ними у костра». Раглан старался преодолеть свое пренебрежение к парадной показухе; он часто появлялся в частях и не лишал подчиненных удовольствия подолгу приветствовать своего генерала. 7 марта он прибыл с инспекцией во 2-ю дивизию. По словам очевидцев, «невозможно себе представить, какой стоял рев; солдаты кидали вверх головные уборы, бросались вперед, чтобы увидеть командующего поближе, поприветствовать его всей мощью легких; генерал возвращался в штаб, улыбаясь и отвечая на приветствия». Он всегда был добр с солдатами. Полковник Вилбрахэм вспоминал, что Раглан задал множество вопросов и сам отвечал на вопросы подчиненных, далеко не все из которых касались службы.

Как упоминал Джон Мак-Нил, теперь генерала искренне уважали все офицеры. Даже те из них, которые еще пару месяцев назад писали домой письма, полные убийственной критики, теперь полностью изменили свое мнение. «Было бы большим несчастьем, если бы отозвали генералов Раглана и Эйри, – писал капитан Клиффорд, – я не знаю, кто смог бы сменить нашего

командующего на его посту. Никого так не любят и не уважают, как лорда Раглана». Теперь все единогласно соглашались с тем, что газеты зашли слишком далеко в своей критике командования. «Никогда и никому прежде, – заявил генерал Джордж Браун, – не приходилось вытерпеть столько несправедливых нападок от этих мерзких газет и от тех, кто поддался их тону и поверил им». «Таймс», – сообщал сестре один из священников, – стала объектом всеобщего презрения. Об этом говорят во всех ротах». По словам капитана Кемпбелла, «в борьбе с аристократией «Таймс» перегнула палку». Что же касается «политиканов», по мнению командира 88-го полка полковника Максвелла, «они просто отвратительны». «Хотел бы я увидеть физиономии этих клоунов в передовой траншее, под градом пуль и снарядов, – писал он своему брату, – и посмотреть, как они побледнеют, в то время как наш храбрый командир сохраняет невозмутимость даже в самом пекле. С удовольствием посмотрел бы, как эти трусы корчатся от страха и пытаются спасти свои шкуры».

Лорд Панмор писал генералу Симпсону, что и в Англии волна неприязни к лорду Раглану пошла на убыль. И в этом немалая заслуга все той же «Таймс». Теперь газета сменила тактику. Она писала о том, что англичане должны осознать свою ответственность перед историей, о том, что мисс Найтингейл не должна рисковать собой и бросаться в безрассудную поездку в Крым из Скутари. Именно благодаря «Таймс» сменилось правительство, был организован Военный фонд, а комиссия Робука приступила к опросу в палате общин лиц, ответственных за первые военные неудачи. Газета продолжала отвоевывать свой авторитет. В конце февраля она признала, что командующий регулярно посещал войска. Позже было объявлено, что лорд Раглан бывает в подчиненных дивизиях ежедневно, и если он не делал этого раньше, то, наверное, тому были причины. «Наверное, во всей Англии не найти другого офицера, – писал всем уже известный Рассел, – которому приходилось бы иметь дело с такой кипой разнообразных документов, как нашему командующему. Я могу подтвердить, что в редкую ночь он ложился спать раньше двух или трех часов».

Но, несмотря на все перемены, произошедшие с газетой, лорд Раглан был не склонен забывать все нападки, которым благодаря ей он подвергался со стороны общества и правительства. Он говорил генералу Брауну, что старается выбросить все это из головы. Он никогда не упоминал о прошлых обидах в беседах с офицерами штаба. О том, как глубоко его ранила несправедливость, он писал своей жене и ее сестре. 12 марта Раглан написал леди Уэстморленд:

…

«Даже теперь мне трудно осознать, сколько лжи было высказано в мой адрес. «Таймс» ополчилась на меня за мою деятельность в Крыму; эти нападки с готовностью подхватили в правительстве. И те и другие просто не имели под рукой никого другого, на кого можно было бы свалить вину и за непогоду, и за зиму, за нехватку палаток, за болезни, за лишения солдат – словом, за все трудности зимней кампании… В те времена, когда все ополчились против меня, я не получил [от правительства] ни слова с выражением поддержки, симпатии. Во всех этих длинных письмах содержались признания в том, что я во всем виноват. Против герцога в свое время тоже было выдвинуто множество обвинений, но он, по крайней мере, пользовался полной поддержкой тогдашнего кабинета; все старались ободрить его. К тому же это был в полном смысле слова великий человек. Он имел настолько сильный ум и твердый характер, что вовсе не нуждался в чьей-то поддержке. Он мог оставаться один».

Через две недели, в следующем письме, Раглан снова возвращается к этой очень волнующей его теме:

…

«Холера, болезни, немилосердные сюрпризы погоды – все это легло если не на мои плечи, то на плечи людей, выполнявших мои приказы… Прочие офицеры предпочли переложить свою

вину на командующего, публично обвинив его в невыполнении того, что входило в круг их собственных обязанностей. Я не могу понять, как можно обвинять своего генерала в том, что его приказы заставляли их выполнять обязательства перед собственными подчиненными… Все, чего мне сейчас хочется, – это покоя и освобождения от чувства несправедливости, которое так трудно выносить».

Одиночество и депрессия заставляли Раглана мечтать о возвращении домой. «Он постоянно думает о всех вас, – писал генерал Эйри Шарлотте, – он так хочет, наконец, вернуться домой и обрести долгожданный покой. Если этому человеку и можно поставить что-то в вину, так это то, что он всегда был слишком джентльменом и обладает чересчур добрым характером».

У Раглана все еще были причины для беспокойства. С ужасами зимы было покончено, и на него больше не обрушивались с публичными обвинениями. Но до победы все еще было далеко; иногда она казалась совсем недостижимой.

И хотя от армии, наконец, отступили болезни, она, по словам генерала Симпсона, «мало напоминала тех прекрасных солдат, которые когда-то отправились к берегам Крыма». Тысячи великолепных солдат были мертвы, а те, что прибыли вместо них, хотя и обещали со временем тоже превратиться в настоящих бойцов, пока, как презрительно отмечал корнет Фишер, больше напоминали «несчастных мальчишек» и никуда не годились с военной точки зрения. «Я хотел бы, чтобы сюда присылали людей постарше, – писал на родину Раглан, – некоторым из новичков чуть больше шестнадцати лет; в гвардии есть один такой солдат, призвавшийся девять недель назад, который, несмотря на свои шестнадцать, выглядит как четырнадцатилетний».

Ему все больше и больше приходилось рассчитывать на французов, армия которых росла и крепла день ото дня. Однако ему очень не хотелось полагаться на французскую армию, так как французское командование медленно сползало в стадию атрофии.

Глава 18 КАНРОБЕР И ПЕЛИСЬЕ

Пришел момент превысить число 45.

Наполеон III

I

Император принял решение лично прибыть в Крым и принять командование своей армией.

Еще в начале февраля, когда это решение было принято, французский военный министр маршал Ваиллант отдал приказ о сосредоточении в районе Константинополя большого количества свежих войск, которые под командованием императора должны были сначала отрезать снабжение от осажденного Севастополя с севера, а потом и завершить осаду города.

До прибытия ничего не должно было предприниматься. Это подчеркивало важность и трудность поставленной перед войсками задачи, которую должен был решить победитель Наполеон III. В конце января в Камышовую бухту прибыл генерал Ниел; он сразу же приобрел мрачную известность среди французов. Сначала о его миссии ничего не знал даже сам Канробер. Он, конечно, уважал мнение этого человека, облеченного полномочиями «советника императора», однако не мог догадаться, почему тот так настойчиво пытается подчинить себе его, Канробера, и воздействовать на ход осады. Канробер оказался в трудном положении. Его собственные подчиненные обвиняли его в намерении растянуть эту вялую войну до середины будущего года. Англичане предъявляли ему претензии, что он выступает против любых предложений союзников. Ниел одергивал его всякий раз, когда он пытался преодолеть навязываемую ему осторожность и дать волю своему темпераменту.

Русские полностью использовали предоставленную им отсрочку. С середины ноября в Севастополе и вокруг него у них было более 100 тысяч солдат и почти 10 тысяч рабочих. Оборона города была организована превосходно, и осажденные стали постепенно овладевать инициативой. Перед основной линией укреплений они построили вспомогательную, оборудовали дополнительные укрытия для стрелков, и не раз среди ночи в окопы осаждающих врывались отряды добровольцев-охотников. Русские инженеры прослушивали шумы, которые производили французы, готовившие подкоп под Флагманский бастион. Громкие звуки, которые производили работавшие в туннелях команды союзников, немедленно открывали их планы противнику.

Тотлебен был великолепным минером. Он дождался, пока французы почти закончат свои подземные работы, а затем приказал уничтожить их туннель контрвзрывом. Тогда французы

решили произвести взрыв на одном из участков туннеля, чтобы устроить гигантскую воронку, которую позже можно было использовать как передовую траншею. Однако, как только такая воронка была готова, она была сразу же захвачена русскими солдатами.

После этого французское командование решило сосредоточить усилия не на Флагманском бастионе, а на Малаховом кургане. Дивизия Боске была переброшена на правый фланг, заняв траншеи, в которых прежде находились редкие подразделения англичан. Таким образом, английская армия оказалась зажатой двумя флангами французов, располагаясь напротив редана. И вновь Тотлебен разгадал замысел противника. В одну из ночей три батальона русских предприняли наступление на северо-запад, в сторону Инкермана, и захватили там ключевую высоту, которая контролировала не только позиции недавно развернутых французских батарей, но и участок земли, с которого предполагалось начать штурм Малахова кургана. На следующую ночь французы попытались выбить русских из нового редута, но атака была неудачной. Вскоре Тотлебен построил на этой высоте второй редут.

В начале марта состоялся совместный военный совет французов и англичан. Среди присутствовавших находился и генерал Ниел. Совещание продолжалось несколько часов и не дало никаких результатов. Французы считали, что, даже если русские предпримут новые вылазки, их будет нечем остановить. Новый совет должен был состояться через два дня. Однако и на нем ничего не удалось решить. Последовала новая отсрочка.

Ответственность за нерешительность союзников лежала не только на французах. Будь на месте Раглана генерал с более твердой волей, возможно, ему удалось бы добиться от союзников более решительных действий, несмотря даже на очевидную слабость английской армии. Адмирал Хьюстон-Стюарт, критикуя английского военачальника, заметил, что Раглан отдавал французам инициативу даже в тех вопросах, в которых чувствовал свою правоту. Французский адмирал Бруа неоднократно спрашивал английского коллегу, известно ли тому что-нибудь относительно собственных планов лорда Раглана. Тот ничего не мог на это ответить.

8 марта состоялось уже третье по счету совещание командования союзных армий. Теперь французы заявляли, что не станут ничего предпринимать до прибытия помощи от Омер-паши, войскам которого удалось отразить наступление русских в районе Евпатории с большими потерями для атаковавших. Лорд Раглан мягко возразил им, заявив, что дальнейшее промедление

было бы бесполезным и даже опасным. Но он не сумел настоять на своем, и снова не было принято никакого решения. Через два дня русские уже имели на своих двух новых редутах 22 орудия. К 21 марта они расположили на Мамелоне, господствующей высоте на подступах к Малахову кургану, 10 24-фунтовых орудий, за которыми во второй линии располагались еще 12 пушек.

Следующей ночью русские особенно яростно атаковали позиции союзников. Против англичан были предприняты две неожиданные вылазки, которых те не ожидали и, как следствие, понесли тяжелые потери. Основная атака, в которой участвовали 5500 русских солдат, была направлена против французов. Прежде чем она была отбита, те успели потерять до 600 человек убитыми и ранеными.

После этого союзное командование приняло решение не атаковать русские позиции до тех пор, пока они не будут подвергнуты новой бомбардировке. Серьезные сомнения относительно целесообразности бомбардировки высказал генерал Ниел. По его мнению, это было бы «очень сложное мероприятие», так как оно потребует организации взаимодействия всей союзной артиллерии.

Тем не менее возражения генерала не были приняты во внимание; ранним утром 9 апреля, несмотря на дождь и туман, началась новая бомбардировка города, в которой приняли участие более 500 орудий союзников. Она продолжалась с перерывами в течение недели. В первый же день Флагманский бастион практически сровняли с землей. Французы обстреливали его снарядами-болванками, вызывавшими большие разрушения и значительные людские потери. В тот же день был «превращен в руины» Мамелон. К концу второго дня были уничтожены два инкерманских редута; укреплениям был нанесен такой ущерб, что русские впервые не смогли восстановить их за ночь. Им пришлось разместить пехоту в районе развалин, где солдаты ждали немедленного решительного штурма. К 18 апреля Флагманскому бастиону также были нанесены разрушения, исключавшие его немедленное восстановление. Лафеты орудий были разбиты, амбразуры и бойницы разрушены. Была уничтожена также большая часть передовых позиций пехоты. Генерал Тотлебен (в то время полковник) вспоминал: «Мы ожидали, что пехота противника вот-вот перейдет в решительное наступление. У него были все шансы захватить Флагманский бастион, что означало потерю Севастополя».

Он не знал, что командование союзников приняло решение временно отказаться от штурма города. На совещании 14 апреля, продолжавшемся четыре часа, французы настояли на том, что в

ближайшее время штурм города невозможен. Лорду Раглану пришлось согласиться с их мнением, тем более что пушки англичан, несмотря на все усилия офицеров передовых батарей, в частности капитана Олдершоу, так и не смогли причинить сколь-либо значительного ущерба редану. И все же через два дня, когда казалось, очередная атака на укрепления русских в районе Инкермана увенчается успехом, генерала Канробера удалось убедить в необходимости общего штурма. В тот же день генерал Ниел написал маршалу Ваилланту в Париж:

...

«Я попытаюсь убедить наших командиров отказаться от этой попытки, которая может оказаться столь же бесполезной, как и опасной. Надеюсь, у меня это получится».

19 апреля Канробер отправился к Раглану и заявил ему, что передумал. Захват этих русских фортов, как он теперь полагал, «мало способствует общему успеху союзников».

Тогда Раглан понял, что Канробером движет не что иное, чем собственная нерешительность или нежелание помочь союзникам. Поэтому на совещании 23 апреля он уже с заметной иронией выслушал очередное предложение французов начать штурм города в конце месяца, после двухдневной артиллерийской подготовки. Раглан немедленно согласился. Тогда, видимо поняв, что поспешил, Канробер зачитал ему выдержку из письма императора, в котором тот инструктировал французское командование «не связывать себя окончательными обязательствами». Теперь Раглан был уверен, что к моменту окончательного штурма француз снова найдет причины для очередной задержки.

Так и получилось. Через два дня после беседы с Канробером и за день до начала бомбардировки к нему приехал генерал Ниел. Он показал английскому командующему письмо, в котором говорилось, что 10 мая планируется прибытие свежих резервов французских войск из Константинополя. Ниел предложил в очередной раз отложить начало штурма до прибытия подкреплений. Про себя Раглан отметил, что письмо из министерства французского морского флота было датировано 7 апреля. Это значило, что уже по крайней мере неделю назад француз знал о его содержании. Однако теперь, когда он

догадывался о причинах, побуждавших союзников медлить с началом штурма, у него не было иного выхода, кроме как «с глубоким сожалением согласиться с их решением». Хорошо понимая, что французы теперь рассматривают англичан всего лишь в качестве «младших партнеров», Раглан сознавал, что у него нет мер эффективного давления на них. Несмотря на то что состояние здоровья его солдат «соответствовало ожидаемому в полевых условиях», англичан было значительно меньше, чем французов; к тому же они были гораздо хуже оснащены. Даже если бы политические соображения потребовали от английских войск предпринять самостоятельные действия, они просто физически не были бы на это способны из-за собственной малочисленности. По меткому выражению капитана Биддульфа, англичане были вынуждены «играть партию второй скрипки», даже если эта роль им не нравилась.

Генерал Боске заявил: «Франции скоро придется воевать одной». И это почти соответствовало действительности. Французские солдаты были больше заинтересованы в продолжении войны, чем англичане, армия которых намного слабее. Об этом знали и русские. Французские солдаты заслужили уважение противника, который предпочитал действовать на более узком участке траншей англичан.

«По-моему, я никогда и ни от чего прежде не уставал так, как сейчас», – вспоминал английский офицер, храбро провоевавший всю кампанию. Рекруты производили «удручающее впечатление». Транспортируя орудие из Балаклавы, один из них со вздохом сказал артиллеристам: «Лучше отвезите эту пушку назад, домой, а оттуда вместо нас привезите новую партию идиотов». Подобные едкие замечания не были редкостью.

Испытывая нечто вроде ревности к растущему авторитету французов и вместе с тем понимая собственную слабость, в британской армии снова стали относиться к союзникам как к «болтунам и позерам». Один из артиллерийских офицеров заметил: «Они ничем не лучше нас как солдаты. Все это сплошь болтовня и бравада. Единственные настоящие командиры у них – это генералы Боске и Пелисье, командир 1-го корпуса. А Канробера я вообще бы переименовал в Немощного Роберта [32] ».

Недовольство англичан своими союзниками достигло апогея после событий 4 мая, явившихся катастрофой для генерала Канробера.

II

Русские всегда помнили о необходимости контролировать Керченский пролив, ключ к Азовскому морю. Непогода и сильное течение не позволили им перегородить его, затопив там свои корабли. Однако пролив простреливался мощным огнем артиллерийских батарей с крымского берега.

29 апреля генерал Канробер согласился с предложением Раглана провести рейд против русских батарей, нацеленных на пролив. В случае удачи это открыло бы кораблям союзной эскадры выход к Севастополю. Однако уже через несколько часов французский генерал, как обычно, засомневался в успехе. Он сообщил Раглану, что получил донесение от своего агента, в котором тот предупреждает, что силы русских в Керчи насчитывают не 9 тысяч солдат, как считалось раньше, а 27 тысяч. Он снова предложил отложить операцию. Лорд Раглан попытался рассеять опасения Канробера, аргументируя свою правоту следующими соображениями, изложенными на прекрасном французском языке:

...

«Операцию следует проводить немедленно, иначе она потеряет всякий смысл. Противник намерен перегородить пролив. Если ему это удастся, мы потеряем надежду войти в Азовское море, чему оба наши правительства придают огромное значение. Конечно, было бы лучше, имей мы возможность отрядить в рейд большее количество войск; однако я полагаю, что в данном случае гораздо важнее быстрота проведения операции. Поскольку нашей целью является не занять Керчь, а всего лишь разрушить оборонительные укрепления противника, считаю, что для достижения результата будет достаточно 10 тысяч солдат. Возможно, у противника больше

войск, однако они не сосредоточены для отражения рейда. Прежде чем он успеет сделать это, мы завершим операцию».

Лорд Раглан пытался более настойчиво, чем обычно, отстаивать свою точку зрения, так как он собирался отправить в Керчь 3 тысячи своих лучших солдат под командованием генерала Джорджа Брауна. Сюда должны были войти горная бригада, 700 морских пехотинцев, несколько рот стрелковой бригады и лучшие инженеры. Обуреваемый дурными предчувствиями, Канробер все же согласился направить в рейд более 7 тысяч своих солдат. Экспедиционный корпус был загружен на корабли вечером 3 мая. Для того чтобы обмануть противника, флотилия сначала взяла курс на Одессу, а с наступлением темноты повернула в сторону Керчи.

Через несколько часов в ставку Раглана прибыл генерал Канробер, который «находился в состоянии крайней взвинченности». Командующий английской армией встретил его усталой улыбкой. Он, казалось, ожидал визита своего французского коллеги и знал, что тот собирается ему сообщить.

Всего неделю назад между Варной и Крымом была налажена связь по подводному кабелю, и теперь французский император имел полный доступ к тому, что полковник Стерлинг назвал «новым средством для распространения глупости». Канробер показал Раглану телеграмму, в которой ему предписывалось дождаться прибытия из Константинополя резервной армии. Кроме того, Канробер получил указание немедленно отменить приказ о рейде в Керчь.

Это случилось около десяти часов вечера. В течение следующих трех часов Раглан убеждал француза не отменять прежнего приказа до тех пор, пока тот «не поймет, что у него нет другого выхода». В полной уверенности, что ему по крайней мере один раз удалось настоять на своем, Раглан отправился спать. Без четверти два в штаб буквально ворвался французский адъютант с письмом Канробера и новой телеграммой от императора.

Текст телеграммы был довольно любопытным. «Пришел момент, – говорилось в ней, – превысить число 45. Для наступления абсолютно необходимо иметь по крайней мере 450». Даже сами французские шифровальщики не могли сначала понять, о чем идет речь, но вторая фраза телеграммы недвусмысленно ставила все на свои места. В ней говорилось: «Как только прибудут резервы, соберите все силы и не теряйте больше ни одного дня».

Канробер, как он сам впоследствии вспоминал, был поставлен перед «абсолютной необходимостью» отдать адмиралу Бруа приказ о возвращении в Камышовую бухту. К моменту прибытия адъютанта в штаб англичан он уже успел сделать это.

Но лорд Раглан даже теперь был не склонен возвращать своих солдат. Он отправил послание командующему экспедицией адмиралу Лайонсу, в котором объяснил случившееся и добавил, что «всегда готов поддержать генерала Брауна, если тот изъявит желание отправиться в рейд без поддержки французов, и взять на себя ответственность за любые действия, которые тот намерен предпринять». Депеша командующего была доставлена на флагманский корабль англичан скоростным катером. Однако ни Лайонс, ни сам Браун не были склонны выполнять поставленную перед ними задачу без поддержки французов. Экспедиционный корпус вернулся обратно.

Позже генерал Канробер признался, что никогда не сможет забыть это фиаско. Через много лет он написал, что это событие было кульминацией в серии несчастий, преследовавших его в злосчастные месяцы командования армией. Несколько дней казалось, что он потерял рассудок. Он решил покончить с собой и однажды в полной парадной форме и в шляпе с белым пером направился в сторону вражеской траншеи. В течение нескольких секунд он стоял перед ротой русских пехотинцев, пока офицеры штаба силой не увели генерала назад. Тогда Канробер попытался убедить генерала Пелисье принять у него командование армией. Но тот возразил, что должен занять пост командующего только в случае смерти или серьезной болезни Канробера. В конце концов Канроберу удалось уговорить генерала Ниела поддержать его прошение об отставке. Перед этим Ниел направил маршалу Ваилланту телеграмму с пояснением поступка Канробера. Там говорилось: «Он очень утомлен. Ответ дайте телеграфом. Генерал Пелисье готов принять командование».

Несколько недель Раглан ждал отставки Канробера и, как он говорил офицерам штаба, даже надеялся, что она последует. В письме сыну Раглана Ричарду Кингскот был очень этим удивлен, так как, по его мнению, два генерала очень подходили друг другу по характеру, несмотря на многочисленные разногласия между ними. Канробер не раз заявлял, что прекрасно понимает Раглана. Англичанину прощали даже то, что он часто по привычке, оставшейся с прошлой войны, говорил вместо «русские» «французы». Правда, потом он сам первым смеялся над своей ошибкой. Кроме того, Раглан всегда подчеркивал, что он очень высокого мнения о французской армии.

С 19 мая, к огромному облегчению Канробера, командующим

французскими войсками в Крыму был назначен генерал Пелисье. Этот человек был полной противоположностью своему предшественнику. Прямолинейный и решительный, жесткий и храбрый настолько, насколько осторожным был прежний командующий, он без малейших колебаний был готов посылать своих солдат на смерть. Генерал Пелисье скорее походил на своего отца-сержанта, чем на командующего армией. По выражению фотографа Роджера Фентона, внешностью новый командующий чем-то напоминал дикого кабана. Найджел Кингскот писал, что генерал был настолько толст и имел такую короткую шею, что его фигуру можно было сравнить с «бутылкой из-под имбирного пива». Короткие толстые ноги не позволяли генералу ездить верхом, и он объезжал свой лагерь на двуколке.

Возможно, генерал Ниел никогда не одобрил бы замену покладистого и тактичного Канробера на Пелисье, если бы не решение французского императора отказаться от мысли лично возглавить армию в Крыму. Императору намекнули, что в такое неспокойное время было бы неразумно надолго покидать пределы Франции. Месяц назад французская императорская чета посетила с официальным визитом Англию. Волнующий всех вопрос о намерении императора отправиться в Крым обсуждался в узком кругу на самом высоком уровне в отведенных гостю покоях в Виндзорском замке. Французскую сторону представляли сам император, маршал Ваиллант и французский посол в Лондоне. Глава английской делегации принц Альберт прибыл в сопровождении премьер-министра, министра иностранных дел, посла Англии в Париже, а также лордов Хардинджа и Панмора. Как заявил Панмор, все согласились с тем, что поездка императора в Крым была бы нецелесообразна. Переговоры были продолжены через два дня в Букингемском дворце в присутствии королевы. Королева нашла, что августейший гость «очарователен и обладает массой разнообразных достоинств, очень спокоен, прекрасно владеет собой… обладает большой притягательной силой и по характеру напоминает скорее немца, чем француза». Но и она не одобрила его намерения командовать армией лично. Через несколько дней после возвращения в Париж Наполеон III поблагодарил ее за гостеприимство и сообщил, что в связи со сложной ситуацией в самой Франции «считает необходимым отказаться от первоначальных планов». 28 апреля во время прогулки верхом по Елисейским Полям на него было совершено покушение. К началу мая окончательно выяснилось, что император не покинет пределов Франции.

Тем не менее разработанный Наполеоном III план ведения боевых действий продолжал претворяться в жизнь, хоть и с

некоторыми изменениями. Довольно простой в целом, он изобиловал многочисленными деталями, требующими сложной, кропотливой работы. Согласно плану, армию союзников следовало разбить на три части. Первая армия должна была оставаться на месте и продолжать блокировать Севастополь и защищать базы союзников южнее города. Второй армии предстояло обойти город и связать русскую полевую армию на высотах к востоку от Севастополя. Третью армию планировалось высадить в противоположной части Крымского полуострова. Предполагалось, что она выступит в сторону Симферополя, отрежет коммуникации противника и, соединившись со второй армией, примет участие в решительном штурме города с севера.

«Все это, – считал лорд Раглан, – невозможно без широких приготовлений, значительных поставок имущества, что, в свою очередь, потребует задействования огромного количества транспортных средств». Сам он всегда считал, что отрезать русских от снабжения из континентальной части России действительно необходимо. Но, по его мнению, это было бы удобнее сделать из Евпатории. План французского императора предполагал распыление сил союзников на огромной территории, что сделает очень сложной организацию связи и взаимодействия между ними. В случае осложнения ситуации на одном из участков фронта у союзников неизбежно должны будут возникнуть трудности с оказанием помощи нуждающимся в ней войскам. План предусматривал, что и без того малочисленный английский контингент тоже будет раздроблен. Раглан не мог допустить этого. Он настаивал на том, что его силы слишком незначительны, к тому же французские солдаты не горят желанием занять траншеи, освободившиеся после того, как он поведет вторую армию в обход Севастополя навстречу полевой армии русских.

Панмор прямо назвал все эти предложения «дикими и невыполнимыми». Со своей стороны, Пелисье был полон решимости закончить войну собственными силами, не дожидаясь помощи императора. Поэтому он тоже мало нуждался в его планах.

То, как независимо держался Пелисье, удивляло многих. Казалось, на него не производят никакого впечатления многочисленные телеграммы, письма, приказы и депеши, которыми Наполеон III выматывал нервы Канробера. Он небрежно совал полученные бумаги в карман, и многие были уверены, что новый командующий вовсе не читает их. Даже генерал Ниел, который заранее предвидел, что общение с этим «сердитым коротышкой» будет нелегким, был поражен таким неуважением.

Когда Ниел в очередной раз выступил с протестом против игнорирования командованием планов императора, Пелисье вышел из себя и заявил, что не намерен потом бороться с неприятностями, которые непременно последуют после выполнения такого плана.

Он не считал нужным скрывать, что ни во что не ставит военные проекты Наполеона III и не намерен им следовать. Пелисье полагал, что после того, как интенсивным артиллерийским огнем удалось почти полностью разрушить систему обороны русской армии, Севастополь следует атаковать фронтальным ударом, не дожидаясь заумных указаний из Парижа. Он был согласен с Рагланом в том, что действительно было бы неплохо отрезать русских от тыла, однако если и наносить такой удар, то из Евпатории. Он был заодно с Рагланом и в том, что ни в коем случае не следовало отзывать войска, отправленные в рейд в сторону Керчи. Пелисье поддерживал многие идеи Раглана. Он испытывал симпатию к англичанину и уважал его. По словам первого лорда Адмиралтейства Чарльза Вуда, Пелисье даже предлагал Раглану стать главнокомандующим объединенными силами союзников. Французский генерал подружился с вежливым английским аристократом, так не похожим на него самого, той искренней и самоотверженной дружбой, на которую редко способны столь жесткие и несентиментальные люди.

Два генерала решили между собой предпринять новый рейд на Керчь. Операция под командованием генерала Брауна прошла блестяще. Никто не препятствовал высадке союзных войск 26 мая; русские батареи были уничтожены. Через четыре дня после прохода через Керченский пролив союзной эскадры кораблями союзников в Азовском море было потоплено более 200 транспортных судов русских. Примерно столько же русские моряки были вынуждены потопить сами. Но когда основные силы отправились в Еникале, оставив в городе лишь небольшой гарнизон солдат и матросов, которому были поручены охрана Керчи и уничтожение нескольких расположенных там предприятий, по городу прокатилась настолько ужасная волна грабежей и насилия, что местные жители до сих пор вспоминают о тех днях с ужасом и отвращением.

«Наши попытки остановить мародеров и насильников, – писал Рассел, – были слабыми и нерешительными». Он видел, как матросы тащили к своим кораблям груды бесполезных для них вещей, аляповатые картины, изображавшие святых и Иону в пасти кита, книги на русском языке, чучела птиц, – все это грузилось на тележки и везлось в порт, где по приказу офицеров сбрасывалось

в море. Как обычно, французы оказались более удачливыми «охотниками». Они собирали все, что, по их мнению, представляло какую-то ценность.

По улицам с воплями носились толпы турок и татар. Не удовлетворившись простым воровством, они врывались в дома, ломая окна и мебель, насиловали женщин и отрубали головы детям. Если днем небо было серым от дыма, к ночи оно стало красным от полыхающих домов, магазинов, судов и заводов. Спустя две недели грабежи в Керчи и Еникале все еще продолжались. На берегу моря метались толпы бездомных людей, жаждущих попасть на корабль, направлявшийся в Одессу или Ялту. От домов, в которых жили русские купцы, остались только чадящие остовы. Керченский музей, располагавший одной из лучших коллекций произведений древнегреческого искусства, был превращен в руины, а его экспонаты были уничтожены или разворованы.

Это был постыдный эпизод. Раглан со стыдом упомянул о нем в письме жене и признался, что чувствует себя лично ответственным за случившееся. Туркам, заметил он, никогда нельзя давать воли. Впрочем, и его собственные, и французские солдаты вели себя в Керчи немногим лучше. Пелисье невозмутимо заявлял, что считает более важным то, что была достигнута стратегическая цель экспедиции: «Мы нанесли удар по глубоким русским тылам. Теперь перерезана основная линия их снабжения».

Французы праздновали еще один успех. 23 мая их войска атаковали и захватили передовые укрепления русских, расположенные перед основной линией обороны. Еще через два дня генералы Бруне и Канробер, который теперь успешно командовал корпусом Пелисье, уничтожили лагерь русских войск в Чоргуне, расположенный выше долины реки Черной. Впрочем, целью этих операций было скорее поднять дисциплину и встряхнуть солдат от скуки, дав им практическое дело перед предстоящим серьезным испытанием: штурмом Малахова кургана.

Однако, прежде чем атаковать Малахов курган, необходимо было захватить и уничтожить прикрывавшие его с фронта и фланга укрепления русских войск на Мамелоне и на Инкермане. Было принято решение, что французы будут наступать на этих двух участках, в то время как англичане в ту же ночь предпримут атаку с фронта на редан, или, как его еще называли, карьер. Утром 6 июня должна была начаться артиллерийская подготовка наступления.

III

В Англии с нетерпением и надеждой ждали результатов наступления, которые, как все были уверены, не заставят себя ждать. Теперь все считали, что с армией снова все в порядке. Большинство населения было склонно поддерживать политику правительства и парламента. Панмор уверял Раглана, что «комитет Робука никому не причинит особых беспокойств. Теперь здесь реагируют на происходящие события совсем по-другому».

Тем не менее, некоторые все еще считали необходимой замену и отставку нескольких офицеров штаба Раглана. В мае в правительстве вызвало некоторое беспокойство заявление лорда Элленборо относительно «отсутствия руководства военными действиями». А лорд Гревилль напомнил Пальмерстону о прежнем решении отозвать из Крыма генералов Эйри, Эсткорта и Филдера. Пальмерстон вновь занервничал. «Я считаю, – заявил он Панмору, – что пока вы не назовете кандидатуры на замену этих людей… споры будут кипеть с прежней силой. А это еще более губительно для правительства и вредно для армии, чем то, что они останутся на своих должностях… Я часто предупреждал вас об этом, но вы не обращали внимания на мои аргументы; теперь нам приходится просто наблюдать, как наши оппоненты извлекают из сложившейся ситуации выгоду для себя».

Пальмерстона не нужно было предупреждать вторично. Правительству удалось заручиться поддержкой церкви и военных кругов. Лорд Элленборо получил суровый отпор.

Страна вздохнула с облегчением. В Англии стояла прекрасная погода. Начался сезон отпусков. В армии стали забывать об ужасах зимы. Теперь каждый был уверен в том, что война скоро закончится победой союзников.

Глава 19 МАЛАХОВ КУРГАН И РЕДАН

Огонь был настолько плотным, что нам оставалось только, наклонившись, бежать вперед изо всех сил.

Капитан Хью Хибберт,
королевские
гвардейские стрелки

I

Приехавшим в Крым в эти ранние летние дни могло показаться, что происходившие там события напоминают сельскую идиллию. Там теперь регулярно проводились соревнования по бегу; солдаты ездили купаться на покрытый галькой берег моря в восточной части гавани, ловили рыбу в реке Черной. В организованном зуавами театре ставились диковинные пьесы, от исполнения которых актеры получали не меньшее удовольствие, чем зрители. Полковые оркестры играли самую разнообразную музыку, начиная от военных маршей и кончая бравурными мелодиями Шуберта и Ланнера. Английские музыканты, освободившиеся от тяжелых забот по уходу за больными, начистили и настроили свои инструменты и приступили к ежедневным репетициям. И все же самым лучшим считался оркестр сардинской армии, который прекрасно исполнял даже оперные арии. Сами сардинские солдаты, с загорелыми красивыми лицами, выглядели очень эффектно в своих театральных головных уборах, украшенных черными петушиными перьями.

Прекрасная леди Джордж Пейджет, прибывшая в легкую бригаду к мужу из Константинополя вместе с семьей Страдфорд, нашла сардинцев «очаровательными». В ответ на комплимент их командир Делла Мармора приказал оркестру всю ночь играть под окнами каюты на пароходе «Карадок», где жила молодая англичанка.

Дни становились все более жаркими, особенно для тех, кто не мог отправиться купаться или просто посидеть в тени. Англичане все еще носили зимние мундиры и шинели. Генерал Браун теперь переживал, что солдаты его легкой дивизии задыхаются от жары в теплых мундирах, застегнутых до последней пуговицы. В траншеях, где земля раскалялась от солнца, из натянутых на лопаты и ружья кусков брезента и шинелей сооружали подобие палаток, где солдаты могли укрыться от солнца. А чуть дальше, там, где солдат не мог застать врасплох неприятель, они раздевались донага и ложились на теплую землю, вытряхивая из обмундирования вшей и подставив спины ласковым солнечным лучам.

II

Солнце привычно ярко сияло на небе в полдень 6 июня, когда Раглан отправился верхом понаблюдать за началом бомбардировки. Все вокруг, казалось, дышало ожиданием. Как вспоминала миссис Даберли, «на этот раз все были уверены, что пушечная канонада не станет увертюрой к очередному фарсу».

Раглан пригласил сопровождать его леди Пейджет, «крымскую красавицу», как называл ее фотограф Роджер Фентон. Солдаты выбегали из лагеря, вытягиваясь перед командующим в приветствии. Пытаясь преодолеть легкое смущение от этого, Раглан пытался объехать их, отворачивался к леди Джордж Пейджет – словом, старался остаться незамеченным. Они присели на холмике, чтобы наблюдать за обстрелом. К шести часам вечера, когда они поехали назад, два редута на Инкермане, укрепления Мамелона и даже сам Малахов курган были почти полностью разрушены.

В 18.30 на следующий день сигнальными ракетами была дана команда французам начать штурм Мамелона. «Было одновременно прекрасно и ужасно, – вспоминал капитан Клиффорд, – наблюдать, как под ураганным огнем бравые французы устремились на врага. Когда примерно через десять минут над высотой взвился французский триколор, у людей по щекам текли слезы». Однако вскоре яростной контратакой французы были отброшены к своим позициям. С упрямой решимостью они снова атаковали позиции русских и, потеряв свыше 5 тысяч солдат, вновь захватили укрепления русских, на этот раз навсегда. Инженеры сразу же начали строить там оборонительные укрепления. Теперь французы стояли прямо напротив Малахова кургана [33] .

Фронтальный удар англичан на позиции перед реданом, который англичане называли карьером, также был успешным. Раглан считал, что, поскольку эти укрепления не были стратегически важными для русских, англичане смогут захватить их гораздо меньшими силами. Под прикрытием огня французских пушек с только что захваченного Мамелона и собственной тяжелой артиллерии тысяча британских солдат начала штурм карьера и ближайших к нему траншей. До наступления темноты они выполнили свою задачу, но всю ночь, в то время как англичане яростно рыли ходы сообщения от вновь захваченных позиций к собственным траншеям, русская пехота контратаковала снова и снова. Бросив лопаты и вновь взявшись за винтовки, британские солдаты в течение десяти часов отбивались от

наседавшего противника. К этому времени многие из них буквально валились с ног от усталости. На рассвете русские пошли в решительную атаку. В какой-то момент показалось, что враг близок к успеху, что англичане не в силах больше сопротивляться. «Казалось, – вспоминал один из участников этих боев, – наступил конец света» [34] .

III

Это была еще одна впечатляющая победа. Лондон торжествовал. «Вы не можете себе представить, – писал лорд Панмор после того, как до столицы дошли новости об успехе экспедиции в Керчь, – как все здесь рады». Теперь он получил телеграмму о новом успехе. «Вы испортите нас, – вновь написал Панмор, – если каждый день станете сообщать об очередной победе».

Французский император не был настолько доволен. «Я восхищен мужеством своих войск, – холодно заявил он Пелисье, – но считаю, что даже решающее сражение за Крым не должно стоить нам стольких жизней».

Теперь Пелисье более, чем когда-либо, был полон решимости реабилитировать себя. Однако в своей одержимости и растущей ярости на поступающие из Парижа телеграммы раздраженного императора он сделал ряд неправильных выводов.

Командование союзников ранее планировало, что после захвата Мамелона и Карьера необходимо штурмовать не только Малахов курган и редан, но и Флагманский бастион, захвата которого русские особенно опасались. И все же, вопреки советам Раглана, Пелисье решил сосредоточить усилия на захвате Малахова кургана. И, несмотря на протесты генерала Боске, который должен был командовать наступлением, штурм планировалось начать без предварительного скрытного сосредоточения войск перед передним краем противника. До этого у Боске уже были трения с командующим из-за задержки с передачей ему плана укреплений Малахова кургана, найденного в кармане убитого русского офицера. Поэтому строптивый генерал в последний момент был заменен более покладистым, но недостаточно опытным генералом д\'Анжели.

На рассвете 17 июня 600 осадных орудий при поддержке артиллерии флота начали то, что, как все надеялись, будет подготовкой последнего наступления кампании. Артиллерийский обстрел длился целый день. Утром Пелисье прибыл в штаб Раглана и посвятил англичанина в свои планы на следующий день. По замыслу француза артиллерийский обстрел русских должен был продолжаться в течение всего дня и двух часов на следующее утро. Затем, около 5.30, французская пехота начнет штурм, атаковав русские позиции одновременно с трех направлений. Сигналом к началу штурма должна стать серия ярких ракет. Раглан согласился поддержать артиллерийскую подготовку штурма союзников, однако воздержался от обещания

начать штурм одновременно с французами. Дружески пожав друг другу руки, командующие распрощались до следующего дня.

Однако уже к вечеру Раглану доложили, что Пелисье изменил первоначальный план. Французская пехота получила приказ начать наступления в три часа утра без предварительной артиллерийской подготовки. Приказ не подлежал обсуждению. Раглана проинформировали, что решение Пелисье окончательно. Было слишком поздно для того, чтобы попытаться что-то изменить. Необходимо было как можно лучше подготовиться к выполнению нового плана союзников. Раглан заявил Гарри Джонсу, что, по его мнению, Пелисье совершает серьезную ошибку. Тем не менее, подразделения получили новые приказы, которые, по мнению Калторпа, свидетельствовали «о неразберихе и неуправляемости».

В прекрасную летнюю ночь, при ярком свете многочисленных звезд войска выдвинулись на передовые рубежи. Наблюдатели русских обнаружили движение в лагере противника и поняли, что оно может означать. На валы Малахова кургана выкатили орудия. К двум часам ночи в передних траншеях оборонительных укреплений Севастополя была сосредоточена русская пехота.

Лорд Раглан со своим штабом двигался на батарею мортир за карьером, а Пелисье поднимался на высоту за Мамелоном, когда один из французских командиров принял разрыв своего же снаряда за долгожданный сигнал и поднял в атаку правое крыло изготовившейся к атаке французской пехоты. Через одну или две минуты воздух наполнился грохотом пушек и сухими щелчками ружейных выстрелов.

Пытаясь скоординировать действия атакующих, Пелисье приказал подать сигнал к общему штурму. Но два других генерала не были готовы атаковать раньше запланированного времени. К тому моменту, когда они повели солдат на штурм, противник уже был готов встретить их убийственным огнем. Французы храбро шагали вперед, артиллерийские снаряды и пули врага опустошали их ряды. В пыли и дыму, наступая на мины, они упрямо пробивали себе дорогу к позициям противника. На левом фланге нескольким подразделениям удалось вклиниться во вражескую оборону. Там укрепления русских напоминали «огромный кипящий вулкан»; штыковые бои шли в пригороде, на улицах и внутри зданий. Но успешные действия солдат некому было поддержать.

На рассвете Раглан понял, что наступление французов закончилось ужасной катастрофой. Солдат, которые пытались удерживать захваченные участки земли или в беспорядке отходили, безжалостно расстреливала русская артиллерия.

Внезапно он решил, что должен поддержать союзников, и приказал собственным войскам идти в атаку. Раглан делал это неохотно, но сознавал, что в этом состоит его долг. С ним согласились генерал Браун и вновь назначенный начальник инженерной службы Гарри Джонс.

С военной точки зрения решение Раглана было непростительной ошибкой. Англичанам не хватило времени подавить вражескую артиллерию. Солдатам предстояло преодолеть четверть мили открытого пространства перед траншеями противника. Но английский командующий не мог спокойно наблюдать за тем, как погибают французские солдаты, не пытаясь их спасти. Он сознавал, что, если останется пассивным наблюдателем, французы позже обвинят его в своих неудачах. Он надеялся, что собственные солдаты сумеют его понять. Они должны наступать и должны победить. Не дожидаясь приказа, его солдаты в передовой траншее уже изготовились к броску вперед. Никто не хотел быть позади.

Атаку на редан было решено вести двумя колоннами. Левое крыло возглавил генерал Джон Кемпбелл, имевший в распоряжении около 500 солдат 4-й дивизии и 800 человек резерва под командованием полковника Веста. Правым крылом, примерно равным левому по силе, из состава легкой дивизии командовал полковник Йе.

Войска пошли вперед. Примерно 100 стрелков отряда прикрытия в растянутом строю расчищали дорогу основным силам. За ними двигались 12 инженеров. Далее 50 солдат несли мешки с шерстью, которыми предполагалось забрасывать рвы; вслед за ними шли 60 матросов и 60 солдат со штурмовыми лестницами, а за ними следовали основные силы штурмующих – 400 человек.

Но командир левой колонны генерал Кемпбелл был убит, не успев сделать и нескольких шагов из передовой траншеи. Вскоре был убит и его заместитель полковник Шадуорт. Казалось, что в этом ураганном огне лишь чудо может спасти жизнь человека. Русская артиллерия, которая до сих пор молчала и, по предположениям англичан, была уничтожена во время артиллерийского обстрела накануне, вдруг ожила и открыла огонь по наступавшим. Лорд Вест отправил генералу Брауну донесение, в котором сообщал, что его силы быстро тают и что ему нужно подкрепление, чтобы двигаться дальше.

Солдаты бежали наклонив голову вперед, точно под напором ветра. Они будто шли навстречу урагану, который поднял в воздух целый арсенал и внезапно обрушил его на атакующих. «Огонь был настолько плотным, – вспоминал капитан Хибберт, –

что нам оставалось только, наклонившись, бежать вперед изо всех сил». Преодолеть 400 ярдов открытой местности, отделявших наступающих от первого ряда укреплений редана, сумели всего несколько человек. Они прятались в воронках и складках местности, в то время как русские пехотинцы свешивались над ними со своих позиций, криками и жестами приглашая их подниматься. Кто-то махал над головами англичан огромным черным флагом. Командир группы матросов, несущих лестницы, гардемарин Вуд был одним из немногих выживших. Он недавно оправился от болезни и до сих пор сидел на молочно-рисовой диете. Перед началом наступления гардемарин все еще чувствовал себя слабым и больным. Во время штурма он получил ранение в большой палец. Справа и слева падали его матросы, несшие вшестером по одной лестнице. Вскоре целой осталась только одна лестница. Вуд поспешил на помощь двум матросам, пытавшимся перекинуть ее через ограждение русских укреплений. Бежавший сзади матрос был убит, гардемарина едва не раздавило тяжестью лестницы, навалившейся на его плечо.

– Давай, Билл! – крикнул передний матрос, пытаясь подбодрить друга. Оглянувшись, он узнал командира и в тот же момент тоже был убит.

Вуд побежал дальше. За импровизированным укрытием пряталась группа солдат. Они отказывались бежать дальше. Офицер ступил на площадку перед ограждением, выдернул палку и размахивал ею над головой, крича и подбадривая своих подчиненных до тех пор, пока не упал, изрешеченный пулями. Неподалеку сержант грозно пообещал пристрелить ближайшего к нему солдата, если тот не последует за ним на редан.

– Ты пойдешь со мной? – кричал он истерическим тоном.

– Нет, не пойду! – так же истерично отвечал ему солдат, посмотрев сначала вверх на сотни кричащих и хохочущих русских солдат, а потом на группку людей позади себя. Сержант стал карабкаться вверх, но упал назад, получив заряд картечи в грудь прежде, чем сам успел выстрелить хотя бы один раз. Несколько стрелков-гвардейцев «под адским огнем» пытались взобраться вверх по ограждению, но, как позже вспоминал один из сержантов, участвовавших в том бою, «легче было достать луну с неба».

Инженер-лейтенант А\'Корт Фишер, не зная, что он и его солдаты, прятавшиеся неподалеку в высокой траве и за перевернутой телегой, должны теперь делать, побежал назад в поисках старшего офицера, от которого надеялся получить дальнейшие указания. Казалось, его преследовал злой рок. Как только он обратился к полковнику Йе, тот был сражен пулей в

грудь. Тогда он крикнул капитану Джесси:

– Капитан, что делать дальше?

Но тот тоже был убит, не успев ничего сказать в ответ. Еще несколько офицеров пробегали мимо Фишера, и все они были убиты сразу же после того, как он пробовал с ними заговорить. Отчаявшись найти кого-то из командиров и вообразив, что он – единственный оставшийся в живых офицер, Фишер закричал:

– Отступать назад к траншеям! Это все, что нам остается.

Наступавшие бросились назад, преследуемые грохотом вражеских пушек. В поисках спасения они карабкались по телам убитых, ползли сквозь заросли травы. Под крики офицера, раненного в живот и призывавшего на помощь Бога и мать, гардемарин Вуд попытался бежать в сторону своих позиций, но снова был ранен и упал без сознания. Какой-то сержант-ирландец бережно поставил его на ноги со словами:

– Нужно идти, приятель. Лучше поскорее уходи, если не хочешь, чтобы тебя добили штыками.

Вуд побежал и упал в узкую расщелину, куда уже не доносились крики и стоны раненых, которых топтали отступавшие товарищи. Некоторое время спустя Вуд выполз из расщелины и направился в сторону передовой траншеи англичан, на защитный парапет перед которой пытались взобраться немногие оставшиеся в живых. Он доковылял до парапета и тоже попытался вскарабкаться по нему, но все время соскальзывал назад, когда вдруг увидел перед собой ружейный ствол, за который и попытался ухватиться. Выглянув наружу, владелец оружия сердито крикнул ему:

– Что вы делаете?

В это время ему в плечо с глухим щелчком вошла пуля. Наконец, Буду удалось взобраться на парапет, где он на секунду помедлил прыгать вниз, боясь новой боли от раны в руке.

– Прыгай! Да прыгай же, маленький чертенок! – прокричал ему сержант.

Вуд прыгнул и снова потерял сознание. Он пришел в себя только тогда, когда хирург, осматривая его рану, весело заверил его:

– Сейчас отрежу тебе руку, прежде чем успеешь даже понять, где ты [35] .

Во время этого короткого боя Раглан стоял под огнем вражеской артиллерии на позициях батареи мортир, чуть позади передовой траншеи. Приказав всем, кто, по его мнению, не должен был подвергать себя риску быть убитым вражеским ядром, отправиться в укрытие, он почти в одиночестве остался наблюдать за разгромом своих солдат. Под вражеским огнем один

за другим падали вокруг него люди. Стоящий рядом генерал Джонс получил ранение по касательной в лоб и упал на землю. Его седые волосы тут же окрасились кровью. Покидая позиции батареи в сопровождении капитана Уолсли, Раглан остановился, чтобы поговорить с раненым офицером, лежащим в траншее.

– Бедный молодой человек, – обратился он к раненому, – надеюсь, ваше ранение не слишком тяжелое.

В ответ тот «в грубейшей форме, не стесняясь в выражениях, объявил Раглана ответственным за это бессмысленное кровопролитие». По словам капитана Уолсли, он с удовольствием «угостил бы этого слабака ударом сабли».

Грохот пушечных залпов медленно переходил в глухой гул.

Британские солдаты в угрюмом молчании возвращались на свои позиции. Такая же гнетущая тишина стояла во всем лагере англичан.

IV

Поздним вечером, при свете угасающего солнца, похоронные команды отправились собирать уже застывшие тела убитых. Разложение уже успело коснуться трупов. Лица убитых были раздуты, у некоторых они просто отсутствовали. Солдаты отказывались собирать тела убитых из других полков. Возглавлявший работы капитан Клиффорд внезапно ощутил приступ тошноты. Постояв немного около огромной ямы, куда отволакивали дурно пахнущие трупы в разноцветных мундирах, он почувствовал себя глубоко разочарованным. «Это, – понял он в момент горького прозрения, – и есть те самые обещанные нам Честь и Слава».

Глава 20 УМИРАЮЩИЙ

Его нельзя было не любить.

Флоренс
Найтингейл

I

На следующий день после разгрома к командующему прибыл гвардейский офицер. Выходя из штаба, он обратился к сидящим там офицерам со словами:

– Вы не заметили, как изменился лорд Раглан? Боже правый! Да он же умирает.

Происходившие с ним в последние недели перемены стали теперь очевидными для всех. Начальник телеграфа, расположенного в монастыре Святого Георгия, 4 июня писал отцу:

«Сегодня к нам приезжал лорд Раглан. Сначала я даже не узнал его. Он выглядит совершенно изношенным. Он, как всегда, вежлив и внимателен к нам. Но видно, что он смертельно болен».

18 июня, когда Раглан вернулся в штаб, ему все еще удавалось сохранять обычную невозмутимость и доброжелательность. Все время он даже пытался ободрить офицеров штаба, заметив, что нет на свете такой армии, которая хоть однажды не испытала бы горечь поражения. Но генералу так и не удалось оправиться от депрессии, вызванной потерей полутора тысяч солдат и офицеров. В коротком письме жене он так и не смог скрыть свою скорбь. Последняя катастрофа казалась ему своеобразной эпитафией на всю прожитую жизнь.

23 июня неожиданно разразился шторм, и над иссушенным плато пролился необыкновенной силы ливень. Следующим утром от холеры, постепенно возвращавшейся в армию, умер генерал Эсткорт, заболевший пару дней назад. Стоял воскресный день. Несмотря на то что сам чувствовал себя неважно, Раглан заехал навестить его накануне вечером, после возвращения из поездки на позиции и в госпиталь. Узнав о смерти Эсткорта, Раглан очень опечалился. Из-за слабости, вызванной болезнью, он не рискнул отправиться на похороны, но сразу же после окончания церемонии пришел в одиночестве помолиться на могиле боевого соратника.

На следующий день он не нашел в себе сил присутствовать на обеде. Ноги сводила судорога; от слабости он периодически терял сознание. Осмотрев генерала, доктор Прендергаст прописал ему ацетат свинца и опиум.

В тот же вечер генерал Эйри написал очередное письмо Шарлотте, в котором жаловался на то, что командующий мог бы выздороветь за сутки, если бы согласился соблюдать предписанный ему щадящий режим: никаких дел и никаких писем. Но Раглан, по выражению Эйри, был очень беспокойным пациентом. На него очень подействовала, продолжал генерал,

смерть сестры, потом генерала Эсткорта и капитана Боколла из 10-го гусарского полка. Лорд Раглан ненавидит безделье. И все же однажды он обязательно выздоровеет.

Но буквально через несколько часов, около двух часов ночи, у Раглана случился тяжелейший приступ диареи. Он с трудом добрался до кровати и едва мог говорить. Затем генерал проспал в изнеможении восемь часов подряд.

Проснувшись, он заявил, что теперь чувствует себя гораздо лучше. Однако, проверив пульс Раглана, доктор Прендергаст нашел его очень слабым. Голос больного походил скорее на слабый шепот. У больного пропал аппетит. Вскоре он снова забылся тяжелым сном. В час пополудни Раглан проснулся от приступа икоты. В три часа слуга фельдмаршала снова отправился за доктором, заявив, что его хозяин мучается желудочным приступом.

Спустя еще час стало очевидно, что Раглан умирает. Сам он в это не верил. Ослабевший и утомленный, продолжал бороться за жизнь.

Войдя в комнату больного, генерал Эйри сказал:

– Сэр, вы больны. Хотите ли вы встретиться с кем-нибудь?

Раглан твердо ответил:

– Нет.

Мягко, но настойчиво Эйри еще раз задал тот же вопрос. Тогда больной так тихо, что генерал едва смог расслышать, прошептал:

– Фрэнк.

К тому времени, когда лорд Бэргхерш смог прибыть к больному, его дядя уже потерял сознание. К шести часам он вновь пришел в себя, и тогда доктор Прендергаст попросил полковника Стила сообщить ему о том, что он находится при смерти.

Когда Стил вошел в комнату, Раглан, вспомнив, что тот еще сутки назад сам был болен, осведомился о его самочувствии.

– Все в порядке, сэр, – ответил Стил, – надеюсь, у вас ничего не болит.

– О нет, дорогой Стил! Со мной скоро все будет в порядке.

– Увы, сэр, боюсь, что это не так.

– Почему?

– Доктора дают пессимистичные прогнозы. Они поручили мне осведомиться у вас, не желаете ли вы послать за священником.

– Они ошибаются, Стил. Они все ошибаются. Вчера мне действительно было плохо, но сейчас я чувствую себя легко и спокойно. Уверяю вас, вот увидите, что доктора ошиблись.

Он говорил медленно, слабым голосом, но очень решительно. И все же, когда полчаса спустя Найджел Кингскот подошел к

кровати генерала, тот не узнал его. Послали за армейским священником. Пока ждали его прихода, находившиеся в комнате – четыре адъютанта, полковник Стил, генерал Эйри и леди Джордж Пейджет – «явственно слышали, как с каждым мгновением его дыхание становится все слабее. Наконец легкий горловой звук дал всем знать, что все кончено». Полковник Стил вспоминал: «Он ушел от нас так тихо, что показалось, просто уснул».

– Мир этому дому, – заявил вошедший священник, – и его обитателям.

Все находившиеся в доме и те, кто ждал снаружи, опустились на колени, чтобы вместе помолиться. Затем они встали и подошли к кровати умершего. Вместо выражения умиротворения, которое надеялись увидеть, они обнаружили на лице мертвого старика выражение озабоченности и безмерной усталости.

Следующим утром в домик командующего прибыли командующие армий и флотов четырех стран-союзниц. Вместе с генералом Пелисье проститься со старым другом, которого успел полюбить, пришел и Канробер. Когда все вышли, Пелисье вернулся. Почти час этот грубый толстый солдат с некрасивым лицом стоял перед железной кроватью с зелеными саржевыми занавесками и плакал, как ребенок.

II

Печальное известие повергло армию в состояние шока. Как заметила миссис Даберли, казалось, в ее огромном теле перестало биться сердце. «Армия скорбит, – писала она в дневнике, – солдаты разговаривают вполголоса. Все полны сожаления». Тимоти Гоуинг вспоминал: «Привычные глядеть смерти в глаза, все смотрели друг на друга так, будто только что потеряли близкого родственника. Мы и не подозревали, как сильно его любили, пока его не увезли от нас». Даже те, кто раньше критиковал фельдмаршала, теперь искренне жалели его. «Он ушел с миром, – писал капитан Клиффорд отцу, – не оставив ни одного врага. Все, кто его знал, любили и уважали его».

3 июля примерно в четыре часа около дома командующего собрались генералы и старшие офицеры всех союзных армий. Они негромко здоровались и беседовали друг с другом. Канробер со шляпой в руках раскланивался и улыбался знакомым; Боске выглядел скорее уставшим; Омер-паша беседовал с генералом Делла Марморой. Пелисье держался в стороне от других, молча и с грустью ожидая начала церемонии.

В четыре с четвертью из ворот выехал лафет 9-фунтового орудия, и толпа собравшихся замерла в молчании. Находящийся на лафете гроб был накрыт черным покрывалом и британским флагом. На флаге лежала шляпа с перьями, которую покойный надевал очень редко, а рядом с ней сабля и букет бессмертников, который положил туда генерал Пелисье. Вдоль дороги в порт в двойную линию выстроились полки со склоненными знаменами. За ними располагались полковые оркестры, артиллерийские батареи, солдаты императорской гвардии и 1-го французского корпуса. Офицеры и солдаты всех британских полков посчитали своим долгом присутствовать на церемонии. Траншеи вокруг Севастополя опасно опустели. Но, как бы сочувствуя общему горю, пушки русских тоже молчали.

Под дробь барабанов и похоронный марш лошади везли лафет с телом Раглана в сторону моря. По одну сторону гроба ехали генералы Пелисье и Делла Мармора, по другую – генерал Симпсон и Омер-паша. Позади шла любимая лошадь Раглана Мисс Мэри, оседланная, но без седока. Далее следовали генералы и офицеры союзных штабов, а затем тысячи и тысячи солдат армий-союзниц. Наверное, будь Раглан живым, он не одобрил бы такой многочисленной процессии.

В Казачьей бухте гроб погрузили на катер, который отправился к британскому флагману «Карадок». Корабельные

пушки дали прощальный залп. На топ-мачте флагмана взвился сигнал: «Прощайте».

III

Когда в Скутари Флоренс Найтингейл узнала о смерти Раглана, ее будто поразил удар грома: «Его нельзя было не любить, и я любила его». Как говорили врачи, «он умер без видимых причин. Это не была холера, легкое расстройство желудка, не более того. Его единственным недугом была тяжелейшая депрессия. Он скрывал ее за всегдашней внешней невозмутимостью. Пусть он покоится с миром, и вместе с ним 20 тысяч погибших солдат». «Он, наверное, не был великим полководцем, но был очень хорошим человеком».

Действительно, очень немногие, прошедшие вместе с ним сквозь огонь жесточайших атак, считали Раглана выдающимся генералом. Но все единодушно признавали, что в этом человеке было нечто особенное. Вспоминая о своем командующем, один из его солдат сравнил «старого джентльмена, сердце которого было разбито войной» с первыми христианами. Это была очень точная эпитафия.

Эпилог

25 июля 1855 года пароход «Карадок» пересек Бристольский залив. На следующее утро гроб с телом Раглана под орудийный салют и звон колокола был перегружен на пароход «Стар». Спустя еще немного времени пароход «Стар» в сопровождении катеров Военно-морского флота Британии, выкрашенных в черный цвет, подающих непрерывные гудки, медленно вошел в док.

Церемония прощания была короткой и простой. Королева хотела, чтобы тело Раглана было отправлено в Портсмут, где отдать генералу последние почести могли бы и моряки, и многочисленные подразделения сухопутной армии. Но вдова Раглана попросила сделать церемонию как можно более короткой и по возможности поскорее вернуть тело мужа в Бристоль. 26 июля на кладбище Бадминтон состоялись похороны. Как и хотел Раглан, на них присутствовали только самые близкие.

По мере продолжения Крымской кампании уныние все больше овладевало и той и другой стороной. В лагере союзников свирепствовали холера и пьянство, военные трибуналы и телесные наказания. В самом Севастополе эйфория, овладевшая русскими после победы 18 июня, сменилась долгими днями отчаяния. 13 июля от полученных тремя днями ранее ран умер адмирал Нахимов. Тотлебен тоже был ранен и отправился на лечение в свое имение в Бельбеке. Когда в городе не стало этих людей, начал угасать и боевой дух гарнизона и населения. Оборонительные укрепления сохранили свою мощь, но многие городские здания, в том числе и жилые дома, лежали в руинах. Шли приготовления к эвакуации населения и отступлению армии на Перекоп.

Французские военные теперь считали, что их английские союзники ни на что больше не годятся. Они уже не были согласны с планами Пелисье. Император, разделявший эту точку зрения, решил отправить Пелисье в отставку за то, что тот настаивал на продолжении боевых действий. Письмо об отставке Пелисье было уже на пути в армию, когда его сторонникам удалось переубедить императора и перехватить этот приказ буквально в последний момент.

Но если Наполеон III был уверен в том, что генерал Ниел будет более удачной кандидатурой на пост командующего французскими войсками в Крыму, британское правительство не могло найти достойной кандидатуры для замены Раглана. Временно исполняющим обязанности командующего был назначен генерал Симпсон, от всей души ненавидевший этот

пост. «На меня тяжким бременем ложится общение с союзниками, – докладывал он в Лондон. – Никто не мог выполнить эту работу лучше моего покойного командира. Я искренне уверен в том, что на этой должности нужен не такой человек, как я… Считаю необходимым просить о моей замене на этом посту».

Но откуда было взять другого генерала? Ходили слухи о том, что следующим командующим станет лорд Хардиндж. Адмирал Хьюстон-Стюарт писал по этому поводу лорду Панмору:

…

«Они, кажется, склоняются к кандидатуре Хардинджа. Я думаю (чтобы не сказать надеюсь), что такое назначение не состоится… По-моему, сейчас более, чем когда-либо, стало очевидным, как Англии не хватает такого человека, как лорд Раглан. Эта потеря оказалась невосполнимой».

Тем не менее новый командующий был нужен. Все более очевидным становился факт, что генерал Симпсон не справляется с этой должностью. Ответственность давила на генерала тяжким грузом, и всего за несколько недель он постарел на несколько лет. И все же 8 сентября, когда состоялся последний штурм города, он все еще возглавлял армию.

Тремя неделями раньше французам и сардинцам удалось нанести русским поражение на реке Черной. Это еще более подорвало моральный дух защитников Севастополя. Моральный дух англичан был ненамного выше. Все знали, что французы совершенно не считаются с мнением генерала Симпсона. Англичане, сидя в тесных траншеях и пытаясь побороть страх, были согласны с союзниками. Впоследствии офицеры вспоминали, что все боялись повторения 18 июня.

Незадолго до полудня, воспользовавшись короткой передышкой в стрельбе русской артиллерии, французы, в дыму и песке, рванулись на штурм Малахова кургана. После получасовой жестокой схватки над вершиной бастиона взвился французский триколор. Вдохновленные примером союзников, англичане бросились на штурм редана. Они успешно преодолели 200 ярдов пространства, отделявшие их от русских позиций, но здесь атака

захлебнулась. Офицеры не могли заставить солдат идти дальше. К войскам, укрывшимся за парапетом перед реданом, прибывало подкрепление. Но огонь русских был настолько интенсивным, что продолжить атаку не удавалось. «По правде говоря, – вспоминал капитан Кемпбелл, – добежав до парапета, мы просто струсили». Через несколько минут солдаты решили, что с них достаточно, и в панике побежали обратно к своим позициям.

Поражение было катастрофическим и постыдным. Англичане потеряли при штурме около 2500 человек. Но французам, потери которых были в три раза больше, чем у англичан, несмотря на жестокое сопротивление, удалось захватить и удержать Малахов курган. Князь Горчаков понимал, что с потерей укреплений на Малаховом кургане оборона города становится невозможной. Всю ночь и все утро в городе были слышны мощные взрывы, сотрясающие землю: это русские взрывали свои арсеналы, склады и казармы, а также док севастопольского порта. Вскоре союзники вступили в развалины, оставшиеся от города. И хотя мирный договор был подписан в Париже только в конце марта, война, в сущности, уже закончилась.

Начался поиск виновных. Различные комиссии опубликовали свои доклады, из которых следовало, что в многочисленных неудачах и потерях виноваты различные управления британской армии и сама армейская административная система. В меньшей степени обвинялись конкретные должностные лица, пытавшиеся заставить эту систему работать. И все же в феврале 1856 года Джон Мак-Нил и полковник Туллок обвинили в неудачах британской армии ряд офицеров, в том числе генералов Эйри, Лекэна и Кардигана. Армия пыталась защитить себя. В госпитале Челси собрались офицеры высшего армейского звена, которые решили «дать подвергшимся нападкам генералам возможность оправдаться». Все упомянутые в докладе с готовностью согласились, и каждому удалось в той или иной степени реабилитировать себя. Эйри, которого недолюбливали в правительстве и о котором так нелестно отзывались Мак-Нил и Туллок, был оправдан полностью. Однако явное желание оправдать действия армии только вредило ее репутации. Попытки высших военных кругов переложить всю вину на правительство были признаны безосновательными. Возможно, правительство и было виновато в большей степени, чем армия, но и оправдывать армейскую систему не следовало. Это признавали самые образованные из офицеров, воевавших в Крыму, об этом знала и общественность страны.

В Лондоне и ряде других городов Англии прошли митинги протеста против выводов совещания в Челси. Передовые люди

знали: что бы там ни говорили генералы, армию необходимо реформировать. Это в конце концов и произошло.

В этом смысле уроки войны не прошли даром. Она стоила Англии более чем 21 тысячи жизней солдат и офицеров. Но и это составляло менее 1/12 части общих потерь в Крымской войне. Итоги кампании мало повлияли на расстановку международных сил. Дунай было решено сделать международной водной артерией, а Черное море объявить нейтральным. Но Севастополь пришлось вернуть русским. Россия, ранее занимавшая в Центральной Европе доминирующие позиции, на ближайшие несколько лет лишилась своего былого влияния. Но ненадолго. Турецкая империя была спасена, и тоже только на время. Союз Англии и Франции не достиг своих целей. Проблема Святых земель, которую он должен был решить, даже не была упомянута в мирном договоре. А сам договор русский царь аннулировал через четырнадцать лет.

И все же британская армия после той войны изменилась полностью и навсегда. Впервые рядовой солдат превратился в ней из всеми презираемого существа в человека, который имеет право на уважение. «Я знаю, что однажды, – писал лорд Раглан после того, как был подвергнут публичному наказанию солдат, укравший одеяло, – придет день, когда офицеры и сама страна будет уважительно относиться к британскому солдату. Я надеюсь на это. Несмотря на все свои недостатки, он заслуживает этого».

Краткий словарь военных терминов

Ядро. Стальной шар, применявшийся в артиллерии в течение нескольких веков. Этот боеприпас постепенно заменялся фугасным снарядом. И все-таки ядра оставались эффективным оружием. Совершая полет на высокой скорости по баллистической траектории или срикошетировав от земли, ядро могло на своем пути убить до десяти человек, стоящих в ряд. Наиболее эффективным было применение ядер против подразделений пехоты противника, но не против отдельных солдат. Обладая известной сноровкой, солдаты, видя приближающееся ядро, могли вовремя отпрыгнуть в сторону.

Во время войны артиллеристы научились настолько виртуозно управлять своими пушками, что, используя рикошет, стреляли ядрами через препятствия и даже заставляли их огибать углы.

Снаряд. Полый внутри сферический боеприпас, наполненный порохом, который насыпался туда через трубку и взрывался при срабатывании взрывателя временного действия, деревянной пробки с расположенными в ней на определенном расстоянии и замазанными глиной отверстиями. Порох внутри взрывателя горел со скоростью 1 дюйм за 5 секунд. Таким образом, регулируя число заполненных отверстий в пробке взрывателя, можно было установить время до взрыва снаряда. При полностью снаряженном взрывателе оно составляло полминуты после выстрела. Взрыватель с незаполненными отверстиями применялся артиллеристами при стрельбе на близких дистанциях, когда было необходимо добиться воздушных взрывов.

Пушка. Британские артиллеристы часто жаловались, что их пушки имеют слишком малый калибр по сравнению с более тяжелой русской артиллерией. Они стреляли в основном 9-фунтовыми ядрами, и применять их в зоне действия 24-фунтовых русских орудий было довольно рискованно. Отсюда решение лорда Раглана использовать в битве при Инкермане два 18-фунтовых осадных орудия.

Пушки изготавливались из очень толстого металла и были гладкоствольными. Заряжали их с дульной части ствола. Предварительно отмеренный заряд взрывался при помощи медной фрикционной трубки, детонируя после рывка за вытяжной шнур. Выстрел сопровождался пламенем и дымом. Орудие подпрыгивало и откатывалось по специальной платформе. Затем его охлаждали с помощью губки,

прикрепленной к деревянному шесту, и заново заряжали для нового выстрела.

Мортира. В мортирах чаще, чем в пушках, применяли снаряды. По сравнению с современными минометами мортиры имели гораздо больший калибр, до 13 дюймов, и напоминали огромные кастрюли, закрепленные на специальной платформе.

Шрапнель. Небольшие металлические шарики или пули, либо размещенные вдоль металлических пластин, либо засыпанные внутрь полых тонкостенных цилиндров. Применялись против пехоты или кавалерии на ближних дистанциях. На таком расстоянии небольшие осколки причиняли противнику больший урон, нежели цельный снаряд.

Букет. Крупный снаряд, начиненный внутри более мелкими, взрывающимися в воздухе или на земле через определенные интервалы.

Каркас. Тяжелый снаряд с отверстиями, заполненный горючим материалом. Применялся в качестве зажигательной бомбы.

Ракета. Стрельба ракетами осуществлялась из гладких цилиндрических направляющих. Специалисты добивались поразительной точности стрельбы. В носовой части ракет размещался либо снаряд, либо каркас.

Мушкет и винтовка. Мушкет – фитильное ружье. Масса 8 – 10 килограммов. Дальность стрельбы – 250 метров. С конца XVII века мушкет заменило кремневое ружье. Как уже объяснялось в тексте, винтовка Минье, стрелявшая тупоконечной свинцовой пулей, выпускавшейся через нарезной ствол, постепенно заменяла гладкоствольное ружье. Тем не менее, некоторые полки британской армии, особенно воевавшие на Востоке, вооружались гладкоствольными ружьями, обладавшими гораздо меньшей дальностью и точностью стрельбы. Во французской армии все полки были вооружены винтовками. В начале Крымской войны на вооружении русских войск все еще состояли ружья. К концу войны многие полки были уже вооружены винтовками. Превосходство винтовки над ружьем было несомненным. Оно во многом способствовало успеху союзной пехоты. Один из русских офицеров отмечал, что одной пулей Минье можно было убить или вывести из строя 6 – 7 солдат.

Габионы. Плетеные цилиндры, наполненные землей. Применялись для защиты наземных оборонительных сооружений.

Фашины. Связки длинных жердей, использовавшихся для облицовки стен траншей и артиллерийских позиций.

Параллели. Траншеи, оборудованные параллельно фронтальной стороне осажденного фортификационного объекта.

Траншеи между параллелями было принято называть «подходами»; аналогичные сооружения, возводимые противником, назывались контрпараллелями.

Зубцы (мерлоны). Расположенные между амбразурами, выступающие за парапеты части оборонительного укрепления.

Примечания

1

Эмили Гарриет Уэлсли-Пол была второй дочерью брата генерала лорда Уильяма Мариборо, впоследствии графа Морнингтона. Свадьба состоялась 6 августа 1814 года в доме ее отца.

2

Артур Уильям Фитцрой (родился в 1816 году и умер от ран, полученных во время первой войны с сикхами в 1845 году); Ричард Генри Фитцрой (родился в 1817 году и позже унаследовал титул лорда Раглана); Шарлотта Элизабет (родилась в 1815 году в Брюсселе); Кэтрин Анна Эмили Сесилия (родилась в 1823 году). Обе дочери умерли незамужними.

3

В 1847 году капитан Минье изобрел тупоконечную свинцовую пулю, а еще через два года собственную винтовку. По рекомендации лорда Раглана британское правительство открыло в г. Энфилд завод, на котором производились модифицированные винтовки Минье. В Европе работало несколько заводов по производству этих винтовок. Один из таких заводов поставлял винтовки и в русскую армию. Русские, однако, не закупали винтовки в значительных количествах; большинство полков русской армии было вооружено гладкоствольными ружьями.

4

По воспоминанию Хью Эннсли, офицера шотландской гвардии, багаж герцога Кембриджского полностью занимал 17 повозок.

5

«Он прекрасный парень, – говорил Найджел Кингскот сыну лорда Раглана Ричарду, – в отличие от всех прочих турок ненавидит показуху, обладает дьявольской энергией… Очень спортивен, отлично ездит верхом и вообще обожает лошадей. Носит мундир бледно-серого цвета и высокие сапоги».

6

Атмосфера была гораздо более непринужденной, чем во время предыдущего смотра британских войск. В тот раз герцог Кембриджский попросил генерала Канробера поприсутствовать на смотре бригады охраны 18 июня. Никому тогда и в голову не пришло, что этот день выпал на годовщину битвы при Ватерлоо.

Генерал Канробер салютовал знаменам английских полков с именами британских генералов-победителей в день, который считался «несчастнейшим в истории Франции». Хотя ничего и не было сказано, Канробер почувствовал, что герцог понял свою ошибку. В дальнейшем при посещении французами смотров англичан знамена британских полков оставались зачехленными.

7

Разрешение английским военнослужащим носить бороды дал герцог Ньюкаслский, к ужасу сэра Джорджа Брауна и лорда Раглана.

8

Полагали, что пожар в Варне устроили греки. Лорд Джордж Пейджет писал жене: «Пятеро греков были пойманы французами и заколоты штыками на месте при попытке поджечь один из домов. Похоже, в их армии больше порядка, чем у нас».

9

По словам лорда Джорджа Пейджета, один день на корабле добавляет неделю жизни.

10

К примеру, были установлены следующие цены на некоторые виды закупаемых продуктов: 6 пенсов за 25 яиц, 1 шиллинг за индейку или овцу.

11

Многое пришлось просто выбросить. Хью Эннсли запасся чаем из одного из шести ящиков, оставленных тыловиками.

12

От *англ.* look on.

13

Позже, беседуя с королем Бельгии, английская королева заметила, что поведение Раглана под вражеским огнем «сделало бы честь самому старому герцогу».

14

Правительство, на самом деле, полностью полагалось на него в трудном деле поддержания нерушимости рядов союзников. В порыве энтузиазма, вызванного новостями о победе на реке Альме, герцог Ньюкаслский написал письмо королеве, в котором заверял ее, что «со времен великого герцога ни один из командующих не пользовался в армии таким доверием и любовью. Кроме того, наверное, ни один генерал не имел такого влияния на союзников».

15

Трудно не согласиться с мнением Тотлебена и Горчакова, несмотря на то что позднее многие писатели думали иначе. Русские пленные считали, что город пал бы, если бы союзники

стали преследовать русскую армию сразу после сражения на Альме. 23 сентября генерал Эннсли записал в дневнике: «Сегодня из Севастополя перебежал морской пехотинец, поляк по национальности. Он говорит, что если бы мы выступили 20-го, то могли бы сразу же занять форты, настолько деморализованы были отступавшие русские».

16

Автор книги «Картины Крыма» Джордж Макманн предполагает, что Тотлебен, высказывая такое мнение в своем изданном впоследствии труде, намеренно пытается выставить оборонительные укрепления Севастополя в начале кампании более слабыми, чем они были на самом деле. Это вызвано якобы желанием Тотлебена подчеркнуть собственные заслуги. Однако автору книги доводы Макманна представляются даже не спорными, а ложными.

17

Уважая принципы Раглана, английские штабные офицеры не любили прибегать к помощи шпионов. Русские, гораздо менее щепетильные и старомодные, не следовали этим принципам. Несколько раз русские офицеры, переодетые в английские мундиры, были разоблачены при ведении разведки позиций французов. Одетые во французскую форму, вражеские лазутчики действовали в лагере англичан, собирая сведения, которые затем доставляли в Севастополь. Однажды человек, одетый в гражданское платье, под видом врача проник в расположение английской батареи. Он задал несколько вопросов, а затем отправился в сторону переднего края. Позже видели, как он бежит в сторону города. Человек разговаривал с йоркширским акцентом. Британской разведке, в свою очередь, приходилось довольствоваться крайне путаными и противоречивыми показаниями перебежчиков из русской армии, в основном поляков, а также данными турецких шпионов, которые часто были ненадежными. По-видимому, как следует из воспоминаний Чарльза Кэттли, один из таких шпионов и принес донесение в штаб полковника Кемпбелла.

18

Англичане испытывали известные трудности в схватках с русскими кавалеристами. Их учили фехтовать по классической системе, по которой после каждого удара следовало сразу же применять защитный прием. Русские не придерживались такой ортодоксальной схемы.

19

Палатки были изготовлены для испанской кампании 1811 – 1812 гг. и, как жаловался капитан Росс-Левин из 30-го полка,

защищали от дождя не лучше, чем решето.

20

Согласно докладу генерала Симпсона лорду Панмору, газету «Таймс» в Севастополе получали раньше, чем в Балаклаве.

21

Майор Уокер-Хенедж писал, что дома многие упрекали лорда Пейджета за то, что он покинул свой полк. «Никто в Крыму не считает Джорджа виноватым за то, что, устав от войны, он оставил службу. Но англичане иногда ведут себя как глупцы».

22

Позже англичане последовали примеру французов и стали строить вокруг палаток снежные заграждения, чтобы ослабить силу ветра и предотвратить выдувание тепла. Другие по примеру турок (по меткому выражению Сомерсета Калторпа, это было единственное, что можно было позаимствовать у этих союзников) стали устраивать землянки прямо в траншеях.

23

Майор Фоли де Сент-Джордж, ироничный и уверенный в себе адъютант генерала Роуза, будучи состоятельным человеком, вовсе не был смущен, попав в аналогичную ситуацию. Когда он прибыл в Балаклаву за гвоздями и офицеры тыла заявили ему, что гвозди отпускаются в количестве не менее тонны, майор невозмутимо заметил, что готов тут же оплатить тонну гвоздей, если ему ее предоставят.

24

В британской армии в это время наблюдается нехватка офицерского состава. Офицеры заболевали и выходили из строя чаще, чем рядовые, необходимо было найти им замену. Четыре сержанта 55-го полка получили офицерские звания. Однако они лишились их по возвращении в Англию.

25

Как пишет Найджел Кингскот, лорд Раглан очень переживал, что ничем не может помочь своим солдатам у Инкермана. Он говорил, что «ничего не сделал для того, чтобы заслужить это повышение» и был скорее разочарован, когда получил его.

26

В армию поставлялись сырые кофейные зерна, так как в таком виде они были меньше подвержены порче, чем жареные.

27

Кинглейк приводит ужасающую картину, рассказывая о том, как по ночам французы выгружали из телег трупы раздетых солдат. Делалось все, чтобы скрыть факт массовых заболеваний и смертей в рядах французской армии. Однако в целом смертность у французов была такой же, как у англичан.

28

Французы, конечно, обслуживали англичан совсем не бескорыстно. Лейтенант Стакпул жаловался брату, что «бутылка самого плохого вина, за которую в Париже возьмут не больше 6 су, стоила здесь 5 франков. За небольшую буханку ежедневно выпекаемого во французском лагере черного хлеба приходилось платить 5 шиллингов».

29

Гладстон не согласился с составом комитета, созданного по предложению Робука, и с методами его работы. Он подал в отставку через две недели после того, как был утвержден состав нового правительства.

30

В то время одной из забот королевы было награждение медалями. Об этом свидетельствует ее переписка с лордом Панмором. С 28 февраля по 18 мая королева лично составляла списки награжденных. Она вспоминала о них, особенно о своих гвардейцах, почти в каждом письме: «Ее Величество заверила раненых гвардейцев в том, что все они вскоре получат свои награды» (28.02.1855). «Когда медали будут готовы?» – волновалась она 5 марта 1855 года. «Королева считает, что ценность награды значительно возрастет, если она будет вручена лично Ее Величеством» (22.03.1855). «Как обстоят дела с медалями?» (1.04.1855). «Королева интересуется, будет ли удобно, если она вручит награды в любой день на следующей неделе?» (14.05.1855). В самом Крыму к наградам относились с большим скептицизмом. «Полкроны да еще пенни за эту уродливую ленту», – комментировал это полковник Стерлинг. Предполагалось, что будет выпущено по одной медали за Альменское сражение, Балаклаву и Инкерман. «Что же мы получим за Севастополь?» – поинтересовался один из рядовых 7-го полка. «Звезду конечно же». – «Ха! Скорее это будет дырка во лбу».

31

Этот оригинальный совет получил через несколько недель и генерал Симпсон от лорда Дандоналда. Кроме того, Дандоналд рекомендовал выкурить русских из Севастополя с помощью дымов смол, серы и угля.

32

Игра слов от *англ.* Robert Can\'t.

33

Генерал Боске предвидел, что потери будут ужасными. Он со слезами на глазах говорил об этом миссис Даберли, когда они провожали в бой французскую пехотную бригаду.

34

Впоследствии фельдмаршал Уолсли вспоминал, что та ночь была одной из самых изматывающих за его долгую жизнь.

35

Руку Ивлину Буду все же удалось спасти. Несмотря на пережитое, он попросил перевода в армию. Позже был награжден крестом Виктории за участие в подавлении мятежа в Индии. После Англобурской войны произведен в фельдмаршалы.